

В. И. Воротников

*Кого хранит
память*

В. И. Воротников

Кого хранит память

ИТРК
Москва
2007

ББК 63.3(2)
В75

В75   Воротников В. И.
Кого хранит память
— М.: Издательство ИТРК, 2007 — 368 с.: ил.-32 с.

ISBN 5-88010-231-9

В настоящую книгу включены 18 очерков о политических лидерах, видных государственных деятелях страны, о выдающихся ученых и организаторах производства ряда отраслей промышленности Советского Союза в период 1960—1990-х годов.

Книга может быть полезна для изучающих историю, для тех кто интересуется общественно-политическими процессами и анализирует причины, приведшие Советскую страну к великим победам и достижениям на мировом уровне науки, техники, в сферах культуры, образования и здравоохранения.

ISBN 5-88010-231-9

ББК 63.3(2)

© Воротников В.И., 2007
© Издательство ИТРК, 2007

Воротников Виталий Иванович

Родился в семье рабочего 20 января 1926 г., в городе Воронеже, русский.

Трудовой путь начал в феврале 1942 г. учеником слесаря на Воронежском паровозоремонтном заводе им. Ф.Э.Дзержинского.

После эвакуации в Куйбышев, с октября 1942 г. по январь 1960 г., работал на авиационном заводе им. К.Е.Ворошилова в различных инженерно-технических должностях.

С сентября 1955 г. по январь 1960 г. — секретарь парткома завода.

В 1954 г. окончил Куйбышевский авиационный институт без отрыва от производства.

1960 — 1967 гг. — заведующий Отделом оборонной промышленности, секретарь, второй секретарь Куйбышевского обкома КПСС.

1967 — 1971 гг. — председатель Куйбышевского облисполкома.

1971 — 1975 гг. — первый секретарь Воронежского обкома КПСС.

1975 — 1979 гг. — первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР.

1979 — 1982 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Республике Куба.

1982 — 1983 гг. — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС.

1983 — 1988 гг. — председатель Совета Министров РСФСР. г. Москва.

1988 — 1990 гг. — председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

После ухода в отставку продолжал работу как член Верховного Совета СССР в комитете по международным делам до декабря 1992 г.

С 1992 г. — советник, член Президиума Совета Всероссийской организации ветеранов войны и труда.

Член КПСС с мая 1947 г. Член ЦК КПСС в 1971 — 1990 гг.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС с 15 июня 1983 г.

С 26 декабря 1983 г. — член Политбюро ЦК КПСС.

Депутат Верховного Совета СССР — 8,9,10,11 и 12 созывов.

Депутат Верховного Совета РСФСР — 6,7,10,11 и 12 созывов.

Государственные награды СССР: Герой Социалистического Труда (1986 г.), четыре ордена Ленина (1971, 1973, 1982, 1986 гг.), орден Октябрьской Революции (1976 г.), три ордена Трудового Красного Знамени (1957, 1966, 1981 гг.), орден Отечественной войны I степени (1985 г.), орден Знак Почета (1961 г.).

Государственные награды Российской Федерации: орден Почета (2001 г.).

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор назвал свою работу “Кого хранит память”. При издании этой книги, вчитываясь в содержание событий, деятельность лидеров страны, не покидает ощущение, что это серьезный материал об историческом этапе развития Советского союза, отраженный в делах и поступках лиц, от которых во многом зависела жизнь людей и оказывала огромное влияние на события в мире.

Особенностью и отличительной чертой изложенного авторского материала является то, что все факты, решения, действия приводятся с указанием точного времени и места и основаны не только на воспоминаниях, но и на записях автора, его дневниках, которые он, с присущей ему аккуратностью и пунктуальностью, вел в течение всей жизни, сохранил и использовал при создании этой книги.

Это уже четвертая книга В.И.Воротникова, в которой продолжен его стиль и метод обращения к читателю со своими выводами и оценками о значимых для страны разрабатываемых и принимаемых мерах, о людях их осуществляющих, и повлекших положительные, а иногда и отрицательные результаты. Его книга “А было это так...”, выпущенная уже вторым изданием, привлекла широкое внимание общественности и вызвала неподдельный интерес, где раскрывалась как бы изнутри деятельность Политбюро ЦК КПСС. Другие его книги “Такое вот поколение” и особенно “Гавана—Москва” подтверждают приверженность автора ответственности перед читателем за фактическое изложение материала, на основе опять-таки дневниковых записей в период его работы Чрезвычайным и Полномочным послом в Республике Куба.

Примечательно, что автор не редактировал и не изменял своих прошлых записей при издании и они как бы сохраняли ту атмосферу общественных отношений, те условия в которых они происходили и проблемы времени, требующие разрешения. В этом смысле они исторически ценны и правдивы.

В то же время В.И.Воротников, являясь одновременно и непосредственным участником многих событий и соратником по работе с героями его очерков в руководящих государственных и партийных органах, дает сегодняшнюю, объективную, свою оценку событиям и лицам.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

Никита Сергеевич Хрущев, как политический и общественный деятель по-разному оценивается людьми в наше время.

Мне, на основе фактов, событий, личных встреч и наблюдений представилась возможность составить своё видение этой личности.

После кончины И.В.Сталина 5 марта 1953 года обстановка в стране, настроения людей были сложными и противоречивыми. Общественное мнение будоражилось разными слухами, тревожными ожиданиями из-за неопределенности того как будут идти дела без Сталина. Хотя организационные вопросы высшего руководства партией и страной были решены, но эти решения оказались нестабильными. На следующий день после кончины И.В.Сталина, 6-го марта на совместном заседании ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР был избран новый, сокращенный до 10 человек, состав Президиума ЦК КПСС. Г.М.Маленков утвержден Председателем Совета Министров СССР и освобожден от обязанностей секретаря ЦК. Н.С.Хрущев освобождается с поста секретаря МГК КПСС и сосредотачивается на работе секретаря ЦК.

С этого периода он занимал всё большую роль в «коллективном» руководстве. На сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК его избрали 1-м секретарем ЦК КПСС. Он же выступал с докладом по основному вопросу — «О положении в сельском хозяйстве страны».

Выступления Н.С.Хрущева на этом и последующих Пленумах, принятые на них решения, частые поездки по стране, встречи и беседы на разные темы с народом, прямые, открытые высказывания, призывы к активной борьбе с бюрократизмом, волокитой, громкие заявления о неиспользуемых возможностях в промышленности и сельском хозяйстве, других сферах, и обещания принять действенные меры для улучшения жизни народа, конечно, производили положительное впечатление на людей. И на первых порах его слова, действия, манера поведения: простота, демократичность, открытость, грубоватая прямолинейность находили поддержку у народа.

Решения XX съезда партии, критика культа личности Сталина и его роли в руководстве страной обрушились на советских людей внезапно. Отношение народа к этой акции Хрущева было неодноз-

начно. Кто восхищался его смелостью, кто возмущался, зачем, мол, выносить сор из избы.

Нужно было время, чтобы осмыслить происшедшее, понять и объективно оценить и то хорошее, что было сделано в СССР И.В.Сталиным, и то противоправное, — всю тяжесть и трагизм содеянного им и его окружением.

Следует сказать, что период второй половины 50-х годов был характерен значительным повышением общественно-политической активности коммунистов и большинства народа. На партийных и рабочих собраниях, заседаниях парткома шли бурные дебаты по острым, наболевшим вопросам жизни в стране, нерешаемым проблемам конкретных городов. Выявились штатные “разоблачители” недостатков и просчетов в руководстве. Собрания иногда затягивались за полночь. Всё это было непривычно, честно скажу, и не всегда приятно, но захватывающе, возбуждало и приносило до поры определенное удовлетворение.

Одновременно, проводимые Хрущевым организационные перетряски в промышленности, в сельском хозяйстве, а затем в партийных и государственных структурах, бесцеремонные публичные разносы, широкие обещалки жесты и т.п., стали вызывать у людей настороженность, осуждение. Нельзя же, буквально сходу, резко ломать сложившуюся десятилетиями организационную структуру управления экономикой, перекраивать партию, да и вообще, негоже лидеру великой страны так упрощенно вести себя.

Непонятна была и причина разгона летом 1957 года “антипартийной группы” — Маленкова, Молотова, Кагановича и других известных деятелей из высшего руководства страны, уважаемых широкой массой народа. Верный своей манере «опоры на народ», Хрущев решил вынести обсуждение этой политической акции в массы трудящихся. Из ЦК были даны указания — обсудить итоги июньского Пленума на партсобраниях в первичных организациях, а также на общих собраниях или митингах в коллективах и принять решения в поддержку линии Хрущева.

Что из этого вышло на практике, как инициатива Хрущева повлияла на общее настроение в низовых партийных организациях, в трудовых коллективах можно проследить на примере авиационного завода и города Куйбышева.

В конце 1955 г. с поста начальника механосборочного цеха я был избран секретарем парткома Куйбышевского авиационного завода. Затем Секретариат ЦК утвердил меня партторгом ЦК на заводе. Тогда меня увлекала инженерная стезя. Предложение перейти на партийную работу было неожиданным, и, как мне каза-

лось, нелогичным. Я пытался объяснить причину отказа, но доводы мои не возымели успеха. Но, раз поручили, если взялся, значит надо работать. И я с интересом вникал в управленческую деятельность. Освоение новой работы проходило медленно и болезненно. Увереннее я чувствовал себя, когда на заседаниях обсуждались производственные проблемы. Кстати, именно они доминировали в деятельности парткома. Значительно сложнее осваивались методы организационно-партийной работы. Здесь уже годами сложились определенные стереотипы, писанные и неписанные правила. На первых порах меня многое ставило в тупик, удивляло и даже возмущало своим консерватизмом и начетничеством.

Надо сказать, что в обкоме партии с большим вниманием и уважением относились к парторгам ЦК, которые были лишь на крупных оборонных заводах. Например, в нашей области их насчитывалось восемь человек. Нас регулярно приглашали в отдел оборонной промышленности ЦК, в обком партии на различные совещания, целевые семинары, советовались по важным, принципиальным вопросам, снабжали доверительной информацией.

Период начала моей партийной работы был сложным, насыщенным крупными событиями. Решения, состоявшегося в феврале 1956 г. XX-го съезда КПСС, доклад на нем Н.С.Хрущева, материалы съезда полностью не публиковались. Все, что происходило на съезде, обрастало противоречивыми слухами. В заводской среде, наряду с возмущением противоправными действиями Сталина и его соратников, росло и недоверие к используемым методам борьбы с культом его личности. Говорили также: “А где же был сам Никита? Почему молчал, ничего не предпринимал? А вот сейчас вслед покойному поднял волну возмущения действиями Сталина”.

Серьезно беспокоило людей, начавшееся ухудшение наших отношений с Китаем, другими соцстранами. Высказывались сомнения в том, надо ли было так сразу вываливать на общество весь воз проблем, без должной подготовки, без необходимого фактического обоснования, в частности, выдвинутых в адрес Сталина обвинений.

В июне 1957 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором была разоблачена “антипартийная группа Маленкова, Молотова, Кагановича...” По возвращении из Москвы, после Пленума, 1-го или 2-го июля, первый секретарь Куйбышевского обкома партии М.Т.Ефремов собрал в обкоме совещание. На нем присутствовали члены бюро обкома, секретари горкомов партии, райкомов г.Куйбышева и секретари парткомов некоторых круп-

ных заводов города, всего человек сорок. М.Т.Ефремов проинформировал нас о том, что происходило в эти дни в Москве. Тогда еще никаких материалов Пленума на местах не было.

«Начиная с 18 июня, в Кремле непрерывно шло заседание Президиума ЦК КПСС. Просочились сведения о серьезных разногласиях в руководстве. Некоторых членов Президиума ЦК не было в Москве. Их срочно вызвали, и 19 июня собрались все.

В то время в Москве находилось несколько первых секретарей обкомов партии — членов ЦК. Им стало известно, что на Президиуме речь идет об организации блока против Н.С.Хрущева. Противостоящую группу возглавили Маленков, Молотов, Каганович. Эта группа обвиняла Хрущева в том, что он ведет себя неправильно, носится по стране, набивает себе цену. Приписали ему правоуклонистские действия. В ущерб промышленности де, направляет материальные и финансовые ресурсы в сельское хозяйство. Неправомерно поспешно взялся за освоение целинных земель. Затекает реорганизацию промышленности, разваливая отрасли. Панибратствует с некоторыми деятелями капиталистических стран.

Н.С.Хрущев защищался, стал обосновывать на Президиуме свои действия, опираясь на реальности жизни. К группе примкнули: Булганин, Шепилов, Сабуров, Первухин и, отчасти, Ворошилов. В поддержку Хрущева выступили: Микоян, Брежнев, Жуков, затем, прибывшие в Москву: Сулов, а также Кириленко, Аристов, Беляев. Заседание Президиума затягивалось. Тогда ряд находившихся в Москве членов ЦК обратился в Президиум с требованием о встрече. Их принял К.Е.Ворошилов. Данными им объяснениями товарищи не были удовлетворены. 20 июня, — сказал М.Т.Ефремов, — я получил сигнал немедленно выехать в Москву. 21-го в Москве собралась уже большая группа членов ЦК, намереваясь там обсудить все вопросы».

Так я записал тогда на совещании у М.Т. Ефремова его слова: «22-го июня начал работу внеочередной Пленум ЦК. Он продолжался до 29-го числа. Обсуждение ситуации было жаркое. Выступило более 60 человек. Решили: вывести из членов Президиума и из состава ЦК — Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова. Объявили строгий выговор Сабурову, члена ЦК Первухина перевели в кандидаты. Проведены изменения в составе Президиума ЦК. Итог был таков — антипартийная группа разгромлена. Попытки вернуть страну на “Сталинские рельсы” провалилась».

Нашу задачу М.Т.Ефремов определил так, что необходимо провести собрания в первичных парторганизациях, и широко развернуть разъяснительную работу среди населения, всемерно поддерживать решения июньского (1957 г.) Пленума ЦК.

Газеты дали материалы Пленума традиционно: общие громкие слова, пафос обличения антипартийной группы, почти без конкретных фактов, подтверждающих их вину. На предприятиях читали газеты, слушали агитаторов, спорили и, не понимая многого, воспринимали принятые решения, мягко говоря, неоднозначно, а то и просто негативно. Всех волновал вопрос, почему приняты такие суровые меры по отношению к видным, авторитетным в народе людям? Такая реакция была не только в Куйбышеве, но, как стало известно позже, и в других районах страны. Таким образом, постановление ЦК оценивалось критически. Тогда, видимо, и было принято решение организовать широкую, массовую поддержку народом линии Н.С.Хрущева, для чего повсеместно провести собрания в коллективах, митинги, и на них принять резолюции гласно одобряющие линию ЦК.

Нас опять вызвали в обком и поставили задачу — как можно скорее провести общезаводские митинги и на них одобрить материалы Пленума. Причем, говорил М.Т.Ефремов, надо начать с наиболее крупных, ведущих заводов города. Назывались и сроки: завтра, послезавтра. Что, мол, тянуть, и так все ясно. Мы, секретари парткомов, стали возражать — зачем такая гонка. Надо подготовиться. Настроение у людей сложное, доказательных материалов, подтверждающих вину членов антипартийной группы, в печати нет. Основываясь на такой скудной информации о Пленуме, проводить митинги непросто. В газетах много громких фраз, уничижительных обвинений, а фактов почти нет. В таком духе выступил и я. Мои сомнения раззадорили первого секретаря Куйбышевского горкома партии Н.В.Банникова. Человек крутой, эмоциональный, неплохой оратор, он выступил резко против моих опасений. Обвинив меня в перестраховке, сказал, что сам поедет на завод № 18 и поможет мне провести послезавтра митинг. Что мне оставалось? Так и решили, начать с завода № 18, а через день — на заводе № 24, потом на заводе № 1 и дальше. Это совещание состоялось в обкоме партии 8-го или 9-го июля.

Сделаю небольшое отступление, расскажу о предшествующих митингу событиях, имеющих к нему прямое отношение.

В середине июня 1955 года стало известно, что в Куйбышев должен приехать В.М.Молотов. Это было неожиданно. Раньше высшие руководители редко ездили по стране, тем более Молотов, который если и покидал Москву, то в связи с зарубежными поездками. Обком партии включил в объекты посещения высоким гостем и наш завод. А на заводе решили ему показать цех автоматов, цех окончательной сборки самолетов и наш, как изготавливающий

наиболее сложные и ответственные детали и узлы машины. Мне поручили разработать программу показа, маршрут осмотра, навести чистоту, порядок и т.д. Я старался во всю. Директор А.А.Белянский с парторгом и сопровождающими дотошно осмотрел цех, сделал небольшие уточнения и остался доволен. Сказал, что объяснения по ходу осмотра будет давать начальник цеха.

Встречали В.М.Молотова на заводе восторженно, люди смели все ограждения, шумно приветствовали его, как одного из соратников Ленина и Сталина. За ним по заводу двигалась толпа народа. Все были в восторге от его простоты, доступности — пожал испачканную машинным маслом руку работнице в автоматном цехе, с интересом слушал объяснения слесаря Володи Бермана в монтажной мастерской нашего цеха, интересовался жильем у мастера в сборочном цехе, спросил о зарработке, состоянии снабжения в городе... Все это было необычно и ново для нас. Молотову понравился наш цех, а также и весь завод, его люди, и продукция — первоклассные, нужные стране самолеты Ту-95. Вообще разговоров потом о деталях встречи В.М.Молотова на заводе хватило надолго. Я об этом пишу потому, что на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК Н.С.Хрущев, развенчивая деятельность “антипартийной группы”, обвинял их в том, что они сидят в Москве, не знают жизни народа и т.п. Так вот, когда этот тезис стал приводить у нас на общезаводском митинге, посвященном итогам Пленума, секретарь Куйбышевского горкома КПСС Н.В.Банников, то его слова вызвали ропот: “Это неправда! В позапрошлом году В.М.Молотов был на нашем заводе. Мы не верим Хрущеву!”

Теперь о заводском митинге. Он был назначен на 11-е число, подготовили порядок ведения, побеседовали с активом. С трудом набрал я фактов из печати для своего выступления. Проводили митинг на центральной заводской площади, в пересменок — в 17 часов. Народу собралось небывало много, тысяч десять — двенадцать.

Открыл митинг и.о. председателя завкома профсоюза Н.И.Дзюбан. И предоставил слово мне. Я рассказал о Пленуме ЦК, основываясь на газетных материалах, что антипартийная группа выступила фракционными методами, добивалась смены руководства, противодействовала новым мероприятиям в области внешней политики, сопротивлялась расширению прав союзных республик, пыталась сорвать реорганизацию управления промышленностью, мешала проведению мер в области сельского хозяйства, что члены этой группы оторвались от жизни, утратили связь с народом и т.п. Но в обоснование этих обвинений нужными фактами я не располагал, и привести их не мог. Далее информировал о принятых на

Пленуме решениях. Сказал, что прошедшие в цехах партийные собрания одобрили эти решения, и выразил надежду, что и наш митинг поддержит меры ЦК.

Затем выступили: Сухоруков — лудильщик; Рыков — летчик-испытатель, Герой Советского Союза; Свиридова — клепальщица; Ельшин — директор завода; Забродин — слесарь. Все выступления носили, я бы сказал, в меру рассудительный характер, оправдывающий действия ЦК. Что в стране развиваются новые веяния, а старые, безусловно заслуженные деятели в руководстве, к сожалению, не всегда воспринимают это новое. Вот их немного и подправили.

Взял слово Н.В.Банников (он, кстати, никакого участия в подготовке митинга не принимал, а приехал на завод за несколько минут до начала). Его речь была резкой, обличительной, безапелляционной. Изобиловала оскорбительными выпадами в адрес “фракционеров”. Она возбудила народ. Стали раздаваться реплики, неодобрительные возгласы. Уловив настроение, Дзюбан, подводя итог выступлениям, не реагируя на голоса, предложил принять резолюцию митинга и сам зачитал её. Спросил, какие будут предложения? Несколько человек из первых рядов подняли руки, направились к трибуне. Дзюбан повернулся ко мне с вопросом: “Что делать?” Я, конечно, ответил: “Что!? Давай слово.” И пошли выступления.

Говорили не по бумажке, экспромтом, взволнованно и остро. Соглашаясь, вроде бы, с недопустимостью фракционной борьбы в руководстве, с опасностью раскола в партии и т.п.; выступавшие спрашивали, где факты, подтверждающие вину членов “антипартийной группы”. Если даже они и повинны, то решения Пленума ЦК недопустимо суровы. Эти товарищи стояли у истоков революционной борьбы и много сделали для защиты завоеваний Октября. Нельзя так огульно и недоказательно обвинять их, надо разобраться, не пороть горячку. Спрашивали: “В чем выразалось их противодействие линии партии? Не ясно. Что значит “оторвались от народа?” В.М.Молотов, например, в позапрошлом году был в Куйбышеве, посетил ряд предприятий, в том числе и наш завод. Тепло беседовал с рабочими, интересовался их проблемами. А, вот директор завода работает уже два года, а в нашем цехе ещё не был”. И пошла критика заводских недостатков, проблем района и города. Кое-кто из ораторов пытался защитить позиции Н.С.Хрущева, но им не дали говорить, перебивали недоброжелательными выкриками.

Стали требовать объяснений от М.А.Ельшина и Н.В.Банникова. Они выступили. Ельшин — с миротворческих позиций, признавая

свои недоработки. Банников же стал “нажимать” на патриотические чувства, стыдить людей. Это ещё больше разожгло страсти. Попытки пожилых рабочих, ветеранов образумить разгоряченную молодежь натолкнулись на неприязнь. Возникли споры в рядах участников митинга, стали “качать права” друг перед другом. Шло время, а митинг затягивался. Часть рабочих второй смены начали покидать площадь. Надо было искать выход.

Я взял микрофон у очередного оратора и внес предложение, что раз возникло много вопросов, как по-сути, так и по заводским и городским проблемам, которые требуют обстоятельного разъяснения, чтобы не превращать митинг в базар, не тратить рабочее время есть смысл обсудить весь комплекс вопросов на цеховых собраниях, с участием руководства завода, района и города. А сейчас митинг прервать, никакого решения пока не принимать. Сделать вывод по итогам цеховых собраний. Народ загудел, кто за, кто против. Дзюбан в микрофон крикнул: “Согласны? Ну, договорились!” Кто-то ещё рвался к микрофону, но его отключили. Собственно, митинг был сорван.

Основная масса людей расходилась, но дискуссии у трибуны ещё долго продолжались. Мы объясняли, разубеждали, отвечали на вопросы, стараясь успокоить наиболее азартных спорщиков. Речь шла, в основном, не о решении ЦК об антипартийной группе, а о насущных житейских проблемах: о жилье, дороговизне, плохой работе транспорта, о жуликах в торговле, о неправильном отношении городских властей к проблемам Безымянки и т.п. Постепенно толпа у памятника М.Б.Шенкману таяла, люди расходились. Пошли в партерком и мы с М.А.Ельшиным и Н.В.Банниковым.

Зашли в мой кабинет. Настроение у всех скверное — митинг провалили. Н.В.Банников позвонил в обком партии М.Т.Ефремову, коротко информировал его о случившемся на заводе. Упрекнул нас: “Не ожидал, что на заводе столько демагогов. Надо было организовать выступления более активных коммунистов”, и уехал.

Я был в подавленном состоянии. Хотя и понимал, что оказался прав, отстаивая необходимость отложить митинг, не торопиться, лучше подготовиться. Однако, самокритично оценивая свои недостатки: отсутствие ораторского мастерства, определенную стеснительность в выступлении перед такой массой людей, малый опыт партийного организатора и т. д., я считал себя виновником провала. В то же время, меня не покидало сомнение в правильности, обоснованности принятого ЦК решения об антипартийной группе. Я, как и ряд товарищей, выступавших на митинге, считал слишком суровыми выводы, сделанные по отношению к Молотову и

Маленкову. Переживал случившееся и Ельшин: “Ну, завтра Ефремов воздаст нам, на всю катушку. Он использует это, как урок для остальных”. Я ответил: “Не знаю, как для остальных, а для меня действительно урок — не садись не в свои сани”. Вскоре он ушел, а я стал намечать план проведения цеховых собраний об итогах Пленума ЦК.

На другой день нас с М.А.Ельшиным вызвали на заседание бюро обкома партии. М.Т.Ефремов коротко доложил о митинге на заводе № 18. Затем с подробной информацией выступил Н.В.Банников, дали слово мне и директору завода. Мы не самобичевали, но и не сглаживали своей ответственности за срыв митинга. К великому нашему удивлению, не то что разноса, но и резкой критики не было. М.Т.Ефремов пожурил нас немного, а в большей мере посочувствовал, сказав: “Не переживайте, ничего страшного не произошло. Я доложил в ЦК, вы не единственные в стране. Такая реакция народа объяснима. Авторитет старых лидеров партии живет в сознании людей. Отказаться от этого нелегко. Надо спокойно и доказательно объяснить людям правильность линии нынешнего руководства партии. Да и о внутренних проблемах, которых у нас немало, поговорить следует. Видимо, бюро обкома переоценило ситуацию, пойдя скоропалительно на такие массовые акции”.

Затем речь пошла о подготовке и проведении цеховых собраний на нашем заводе и других предприятиях. От проведения митингов отказались. Решили, что у нас на собраниях примут участие секретари и члены бюро обкома и Куйбышевского горкома партии. Эти собрания надо провести не торопясь, примерно, за две недели. Так завершилось это заседание.

Хотя нас с директором принятые решения несколько успокоили, но происшедшее продолжало тревожить меня. Этот факт подтверждал сомнения: за свое ли дело я взялся, на партийной ли стезе следует мне трудиться? В дальнейшем сомнения нарастали, и в 1959 году я не без труда убедил руководство Куйбышевского обкома, и мне разрешили перевод с партийной на инженерную работу. В мае этого года приказом по Куйбышевскому Совнархозу я был назначен начальником Отдела технического контроля — Главным контролером качества продукции завода. И с интересом включился в работу. Но, моя деятельность на этом посту продолжалась недолго. Уже в начале 1960 года на областной партконференции меня утвердили, несмотря на мои возражения, заведующим промышленным Отделом обкома партии.

Этот 1957-й год был пиком активности Н.С.Хрущева, его орга-

низационные новации не знали границ. За год проведено пять Пленумов ЦК, принято ряд принципиальных решений ЦК КПСС.

Январь. Решение ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами».

Февраль. Пленум ЦК «О перестройке управления промышленностью и строительством. Созданы Совнархозы, ликвидирован ряд министерств.

Июнь. Пленум ЦК «Об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича и других».

Октябрь. Пленум ЦК «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». (Отставка Г.К.Жукова).

Декабрь. Пленум ЦК «О возрастании роли профсоюзов в коммунистическом строительстве». И некоторые другие решения.

Особого внимания заслуживает октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК, на котором был буквально разгромлен министр обороны, виднейший полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Кстати, поддержавший позицию Н.С.Хрущева на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК. А через четыре месяца, выждав время, Никита Сергеевич нашел форму, чтобы избавиться от Г.К.Жукова, — популярного в народе, строптивного, знавшего истинную цену Н.С.Хрущеву, — бывшему члену Военного Совета Юго-Западного фронта.

Пленум ЦК КПСС проходил 28, 29 октября 1957 г. На нем было определено, — немедленно довести решение до партийного актива и всех коммунистов. Явно, Н.С.Хрущев опасался непредсказуемой реакции на отставку народного любимца, — Г.К.Жукова.

Возвратившись 30-го октября из Москвы, первый секретарь обкома партии М.Т.Ефремов на заседании Бюро Куйбышевского обкома партии доложил кратко о Пленуме ЦК, и предложил уже 2-го ноября провести собрание областного партийного актива по итогам октябрьского Пленума ЦК КПСС.

Такое собрание было созвано.

С докладом выступил М.Т.Ефремов.

Вот несколько сокращенный конспект моей записи выступления М.Т.Ефремова, изложившего доклад М.А.Суслова на Пленуме. (Думаю, он будет интересен читателю).

М.Т.Ефремов: «Центральным Комитетом партии вскрыты серьезные недостатки и извращения, допущенные руководством Министерства обороны со стороны Г.К.Жукова. Нарушались Ленинские нормы, вел линию на отрыв армии от партии, уходя из-под контроля ЦК, ликвидация политических органов в армии. Дело не в ошибках, а в системе, в тенденции. Рассматривал Вооруженные силы как вотчину.

Примеры. Есть Совет обороны, в нем создан Военный Совет. Этот Совет ни разу не собирался. Жуков внес предложение ликвидировать Военный Совет. Президиум ЦК не принял его. Второе предложение — о пересмотре функций военных Советов по округам, превратив их в совещательные органы при командующих (секретари обкомов не имели бы тогда голоса). Хотя Совет не умаляет роли командующего, а наоборот — убеждает в правильности решений.

Жуков неправильно воспитывает кадры по отношению к ЦК и партии. В ГДР военные части не участвовали во встречах партийно-правительственных делегаций. Гречко он так и сказал: «Нечего вам там делать». Гречко и начальник политотдела получили разнос от Жукова за отчет по июньскому (1957 г.) Пленуму ЦК. Если офицер Советской Армии обращался в ЦК, то их притесняли и даже исключали из партии (приводились фамилии). Этим нарушался Устав КПСС.

Линия на отрыв армии от партии направлена на ослабление партийно-политической работы. В некоторых частях ликвидированы политорганы. Ущемлялось служебное, материальное и другие положения парторганов. В ряде инструкций, приказов отрицалась руководящая роль политорганов. Приказ 0090 — дает оценку работы коммунистов, тем самым присваивает себе функции ЦК, в нем на единоначальника возлагается руководство политорганами и парторганизацией. Критика командира на партсобрании пресекается, а виновных наказывать. Этот приказ был выпущен без ведома ЦК.

Отдельные военачальники стали подражать своему министру. Так, Лучинский — Туркестан — до возвращения из отпуска запретил проводить какие-либо собрания. Нарушалась связь с местными партийными органами.

В МО укоренилась практика огульного избиения кадров (без рассмотрения и т. д.). Снять, выгнать, содрать лампасы. По Д-В. округу за последний месяц наказано 123 офицера, кроме основных виновников. В приволжском округе офицеров: Кузнецова, Сорокина судили, снимали с постов. Такой пример: невеста солдата вышла замуж, и он покончил самоубийством. Командующему дали выговор, командира полка — снять, заместителя — выгнать из армии (он тоже застрелился). Ненужная жестокость. Таких примеров много. Вышестоящий может применить оружие. Один адмирал возмутился тем, что в соседней квартире появился матрос с девушкой. Он не удалился по его требованию, и тогда матроса стал травить собакой. Матрос ушел, но адмирал догнал его и убил. Жуков уволил его в запас и установил пенсию, и всё!?

Героизм наших войск держится не на палочной дисциплине, а благодаря своей сознательности, убежденности, воспитанной партией.

В армии стал насаждаться культ личности. Жукова стали превозносить и возвеличивать в печати, кино и т. д. Кинофильм «Сталинград — Великая битва» из культа Сталина сделали культ Жукова (дали эпизод фильма о событиях под Москвой и в Берлине!?).

Войну выиграли не 2-3 человека, а это Победа всего народа, победа нашего общественного строя, победа Вооруженных Сил, организатором которых явилась партия.

Редакция БСЭ поместила статью о Великой Отечественной войне, в которой идет речь о МО, роль Жукова возвеличена. Он поручил купить картину (10 x 6 м) для музея Советской Армии, где на фоне Берлина, — вздыбленный белый конь топчет фашистские знамена, а на коне Г.К.Жуков! Новый Георгий Победоносец!

Мы его глубоко ценим и знаем его заслуги, но эта картина обижает нас. Жуков явно утратил скромность. В его действиях тенденция к власти: предлагал заменить в КГБ и МВД ряд работников своими людьми, таким образом взять эти органы под контроль. В группе войск в Венгрии хотел заменить Казакова, — ЦК не согласилось. Жуков усмотрел здесь потерю престижа. Он стал претендовать на особую роль, утратил партийную скромность. В Белоруссии он заявил, что вместе с группой Кагановича, Маленкова он может обратиться к армии и народу, и его поддержат. (То есть обращение помимо партии и ЦК).

Всё это говорит о том, что Г.К.Жуков не оправдал доверия партии и ЦК. Пленум ЦК 17 октября с.г. решил: освободить Г.К.Жукова от работы, с поста министра обороны, поручил Секретариату ЦК предоставить ему другую работу, вывел Жукова из состава Президиума и ЦК. От имени Пленума решено обратиться с письмом к партийным организациям. Президиум ЦК 17 октября с.г. принял Постановление по усилению партийно-политической работы в армии. На активах в областях и краях Союза обсуждалось это постановление, — везде оно одобрено».

Затем М.Т.Ефремов рассказал о некоторых деталях.

С его слов, некоторые военальники, в частности С.С. Бирюзов, позволили себе грубые, оскорбительные выпады в адрес Г.К.Жукова.

Маршалы Советского Союза: В.Д.Соколовский, С.К.Тимошенко, И.С.Конев, А.И.Еременко, В.И.Чуйков, К.К.Рокоссовский, Адмирал Флота С.Г.Горшков говорили, что Жуков действовал ме-

тодом диктата, подмял КГБ и МВД. Влиял на работу МИДа. Критиковали за то, что до сего времени у Армии нет Устава, затянута выработка Постановления по современному бою.

М.Т.Ефремов подчеркнул, что никто из выступавших не защитил Жукова.

Выступил и Г.К.Жуков: «Пленум для меня большая школа. Я осознал всю глубину политических ошибок. Критика — товарищеская, это помощь мне. Даю слово исправиться».

Выступал ли, и что говорил Хрущев? У меня записи нет. Может, Ефремов не говорил об этом? Если б говорил, то я обязательно бы записал.

Общая реакция Пленума известна. Но у многих из нас, слушавших сообщение М.Т.Ефремова о Пленуме, существо и форма принятого Пленумом решения, вызывали недоумение. Складывалось впечатление, что атака на Г.К.Жукова была заранее тщательно подготовлена и разыграна Н.С.Хрущевым. Некоторые факты, обвинения в докладе М.А.Суслова были мелкими, недостаточно обоснованными, поданными нарочито критично. Не совсем оправданными были и огульные, грубые и оскорбительные выступления бывших боевых соратников Г.К.Жукова, а также реплики из зала, о чем также говорил нам М.Т.Ефремов. Удручало и принятое в скоропалительном порядке решение об отставке Г.К.Жукова. В кулуарных разговорах после заседания, мы выражали обеспокоенность возможной негативной реакцией на это решение в армейских частях. Что в дальнейшем и подтвердилось.

Продолжу рассказ о Н.С.Хрущеве.

О приезде Н.С.Хрущева в августе 1958 года в Куйбышев.

О том, что на официальное открытие, введенной в эксплуатацию первой в стране гидроэлектростанции Волжского каскада у Жигулевских гор, — Куйбышевской ГЭС прибудет высокая партийно-правительственная делегация во главе с Н.С.Хрущевым, нам стало известно заранее. М.Т.Ефремов провел в обкоме партии совещание с узким активом городов: Куйбышева, Ставрополя и Новокуйбышевска, предприятия которых были намечены для посещения высокими гостями. Тема обычная: программа и маршрут осмотра, кто и где встречает и сопровождает делегацию, что показывать, о сувенирах для гостей, уборке территории и обеспечении порядка на пути следования и т.д. В общем почти месяц мы “мыли шею”.

В середине августа визит состоялся. Вместе с Н.С.Хрущевым прибыли члены Президиума ЦК: М.А.Суслов, Л.И.Брежнев, А.Б.Аристов, Д.С.Полянский, главный редактор “Правды”

П.А.Сатюков, заместители председателя Совмина СССР А.Ф.Засядько и И.И.Кузьмин.

В первый же день они побывали на Куйбышевской ГЭС, там состоялся грандиозный митинг. На нем Н.С.Хрущев, поздравив гидростроителей с большим успехом, — завершением строительства и пуском на полную мощность крупнейшей в стране ГЭС, не преминул подбросить “ежа”, выразив сомнение в преимуществе гидроэлектростанций перед тепловыми (ТЭЦ), чем поверг слушателей в шок. Эта тема остро дискутировалась на состоявшемся там вечером банкете. Ученые-энергетики, говорят, устроили Н.С.Хрущеву обструкцию.

Но, это было лишь началом. На другой день гости посетили завод “Синтетического спирта” в Новокуйбышевске. Потом рассказывали, что Н.С.Хрущев усомнился в словах директора завода М.И.Федотовой, что одна из новых установок вырабатывает синтетический спирт по характеристикам на уровне пищевого. Разговор шел в комнате оператора, после осмотра установки. Указывая на стоявший на столе графин со спиртом, Н.С.Хрущев спросил: “Так, что его можно пить?” Федотова ответила: “Можно”. Н.С.Хрущев: “Давайте продегустируем”. Под рукой не оказалось стакана. Налили ему в крышку от графина. Он выпил и, чуть не задохнувшись, багрово покраснев, сказал: “Похоже, Вы правы”. Никто больше его примеру не последовал. Об этом факте неодобрительная молва разнеслась по городу.

Из Новокуйбышевска группа прибыла на наш завод. Мы с директором М.А.Ельшиным, по распоряжку, встречали машины с гостями у проходной. Однако машины, чуть притормозив, продолжали двигаться, и мы на ходу вскочили на подножки ЗИЛов, и так ехали по территории завода. Заводской народ высыпал на главную аллею, по которой двигались машины, криками и цветами приветствуя Никиту Сергеевича. У корпуса агрегатных цехов остановились. Н.С.Хрущев вышел из машины, толпу охрана умело оттеснила и мы пошли по цехам. (Сулова, Брежнева и Полянского с ним не было). Прошли два цеха, по ходу главный инженер завода Б.М.Данилов давал пояснения, что и как изготавливается. Гости особого интереса к делам завода не проявляли.

Вошли в сборочный цех, только отстроенный, нашу гордость, со 100-метровым пролетом, мощными кранами. Об этом директор стал рассказывать Хрущеву. Тому не понравилось увиденное, и он стал, показывая на металлические фермы корпуса, критиковать: “Почему фермы не железобетонные? Вы что, не знаете нашей политики в строительстве?” Этот окрик сбил Ельшина с толку. На помощь при-

шел А.Ф.Засядько, и в грубоватой форме заявил, что на 100 метров пролета железобетонных ферм ещё нет в практике. Что фермы не только держат перекрытие, но несут многотонную нагрузку подъемных кранов, и если даже фермы сделать железобетонными, то на арматуру уйдет вдвое больше металла. Но Хрущев не воспринял эти доводы, и продолжал что-то бурчать себе под нос.

Затем мы поднялись в салон первого широкофюзеляжного пассажирского самолета ТУ-114. Уселись в кресла, немного поговорили о делах завода, но, памятуя установку М.Т.Ефремова, никаких просьб не высказывали. Здесь Н.С.Хрущев немного отошел, машина ему понравилась. Выйдя из самолета он сказал окружившим его рабочим несколько общих фраз, с похвалой отозвался о выполняемой ими работе, отметил хорошую политическую обстановку в стране. Ему вручили модель самолета ТУ-114, он расписался в книге почетных гостей, помахал окружающим рукой, и вся группа направилась из цеха к воротам на ЛИС, где их уже ожидали машины. Мы попрощались, и вереница машин уехала.

Во второй половине дня на центральной городской площади им. Куйбышева собрался многотысячный митинг. Туда организованно прибыли представители предприятий и организаций города. В том числе и нашего завода, числом более тысячи человек. Разместились колоннами, в отведенных местах. Но пришла и масса, так сказать, неорганизованного народа — жителей города. Толпа росла и ширилась. Многие любопытные, пытаясь пройти ближе к трибуне, уплотняли и уплотняли людей. Митинг ещё не начался, а более чем 100-тысячная масса раскачивалась, гудела, слышались возмущенные возгласы, и требовательные крики. Кто-то лез вперед, а кто-то стремился вырваться из толпы. Навести порядок на площади не смогли ни организаторы митинга, ни милиция и привлеченные военные.

Гул и крики усилились, когда на трибуну у Дворца культуры поднялся Н.С.Хрущев и другие руководители. Постояв пару минут, и видя, что устроители не в состоянии навести порядок, Н.С.Хрущев сам подошел к микрофону. Стал увещевать, затем, возмущаясь, бросать в толпу резкие, грубые слова. Что ещё более накаляло обстановку. Посыпались оскорбительные выкрики в его адрес. Тогда Хрущев, используя мощь микрофона, начал выступление словами: “Дела у нас в стране идут хорошо!” В ответ шум возмущения, свист! Он вновь пытается повторить эту фразу — реакция аналогичная. Хрущев кричит: “Хулиганы! Вы кому затыкаете рот!? Где же милиция!?” Но справиться с возмущенной толпой уже невозможно. Напор людей нарастает, смяв милицейское ограждение, они устремляются к трибуне, обтекая

её с обеих сторон. Что уже опасно. Поняв это, гости и руководители области скорым шагом, почти бегом покидают трибуну, устремляясь к Дворцу культуры, через него к стоящим во дворе машинам и к причалам речного порта. Откуда на теплоход “Добрыня Никитич”, и отправились вверх по Волге к Жигулям. Митинг был сорван. Люди на площади возмущены и долго не расходились, обсуждая детали случившегося.

Позже секретарь обкома партии А.М.Токарев рассказывал, что происходило дальше. Как только поднялись на теплоход, Н.С.Хрущев и другие московские гости разошлись по каютам. М.Т.Ефремов и все члены бюро обкома остались на палубе. Настроение прескверное, ожидали от Хрущева разноса за случившееся. Минут через десять он вышел из каюты на палубу босиком (был очень жаркий день) и, как ни в чем не бывало, спросил: “А не пора ли перекусить? Отварной бы картошечки со сметанкой, а!?” Мы, — говорил Александр Максимович, — вздохнули с облегчением.

На следующий день вся группа с нашего заводского аэродрома улетала в Москву. С утра Н.С.Хрущев посетил с М.А.Сусловым и Д.С.Полянским строящийся металлургический завод Миनावиапрома. А побывавшие уже там Л.И.Брежнев, А.Б.Аристов и И.И.Кузьмин, приехали к нам, чтобы посмотреть самолет ТУ-114. Мы показали им самолет, находившийся на ЛИСе. Поднялись по трапу в салон, осмотрели кабину экипажа. Брежнев внимательно слушал объяснения, интересовался ходом испытаний. Мы говорили о трудностях в отработке бортовых систем. Он обронил, что если будут проблемы, то заходите в ЦК — поможем. (Кстати, в конце года мы использовали такую возможность, и не без успеха.)

Вскоре подъехал Н.С.Хрущев и остальные товарищи. Народу заводского набежало много, Хрущев не подошел к ним, попрощался с руководством области и вся группа улетела на спецсамолете в Москву. Так завершилась эта поездка.

Думаю, следует высказать мое тогдашнее видение ситуации в заводской среде, связанное не только с решением июньского (1957 года) Пленума ЦК, но и с самой личностью Н.С.Хрущева.

Скорые, не всегда понятные, да и не очень продуманные, как потом стало ясно, меры и новации Н.С.Хрущева воспринимались с сомнением, с настороженностью. Сказывался и определенный консерватизм, сложившийся годами стереотип мышления, но и не только это. Люди прислушивались и к голосу специалистов, возражавших против навала фронтальных преобразований Никиты Сергеевича. В итоге, в народе, наряду с сомнением в реальности “манны небесной”, столь легко обещанной лидером, формиро-

валась защитная реакция от ломки годами установленных традиций. Это, в частности, проявилось на митингах и собраниях посвященных итогам июньского (1957 г.) Пленума ЦК не только на нашем заводе, и не только в Куйбышеве. Н.С.Хрущев, видимо, поторопился, решив “одним махом” разделаться с “антипартийной группой” и получить открытую, всенародную поддержку этим своим действиям. Натолкнувшись на неприятие, он изменил тактику, повсеместно началось более спокойное и доказательное обсуждение итогов Пленума. Второе. Стало очевидно, что реализовать скоро щедрые обещания благодатной жизни не удалось. Недовлетворенность жизненными условиями, спустя уже 5 лет после смерти Сталина, выплеснулось на улицы, тому свидетельство митинг на центральной площади г. Куйбышева в августе 1958 года. Поэтому и его лозунг, — “Дела у нас идут хорошо!” — тонул в криках и свисте собравшихся на площади людей. Плюс ко всему, не добавил Н.С.Хрущеву авторитета и факт смещения с поста министра обороны страны Г.К.Жукова, истинно народного любимца, выдающегося полководца Великой Отечественной войны.

Взбаламутило людей и экономику страны, принятое по инициативе Н.С.Хрущева решение о радикальном изменении принципов управления промышленностью и строительством, — образование совнархозов. Неоправданные реорганизации и ломка структуры партийных и советских органов, грубые, непрофессиональные, волевые решения в области сельского хозяйства, когда напрочь отбрасывались мнения специалистов, ученых в растениеводстве и животноводстве. Силовое обобществление скота, линия на фактическую его ликвидацию в личном подворье населения и многие другие меры волюнтаристского характера не вызывали доверия народа к власти, а тем самым и к партии.

Справедливости ради, следует сказать, что в то же время, людям импонировали многие личные качества Н.С.Хрущева. Его неумная энергия, открытость и доступность, стремление самому побывать на предприятиях и в хозяйствах, поговорить запросто с людьми в разных уголках страны. Нравилась, на первых порах, простая, понятная, образная, с народным присловьем и поговорками, речь. Да и весь его облик человека из народа, этакого “украинского батки”. Так, что облик, слова и дела Н.С.Хрущева были контрастными и воспринимались массой людей по-разному.

Важными мерами по улучшению положения в сельском хозяйстве страны, предложенные Н.С.Хрущевым, и принятыми сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК были: повышение заготовительных и закупочных цен на важнейшие продукты сельского хозяйства и

снижение обязательных поставок хозяйствами и колхозниками зерна, мяса, молока и других сельхозпродуктов.

В первые годы на посту 1-го секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущев выдвинул идею освоения целинных земель и с большой настойчивостью смог реально направить партийные органы, привлечь молодежь к осуществлению этой идеи, и действительно получить положительные результаты.

Есть и еще одно крупное, значимое для населения страны дело, получившее в целом одобрение в обществе — массовое жилищное строительство квартир, названных в народе «Хрущевками».

Экономические меры по подъему сельского хозяйства, освоение целины и массовое жилищное строительство, осуществляемые по инициативе Н.С.Хрущева и под его руководством, способствовали росту его авторитета. Пожалуй, они, больше других его действий, сохранили о нем добрую память в народе.

Но часто его важнейшие планы и мысли начинали осуществляться не глубоко и всесторонне обоснованно, а проводились поспешно, не учитывая все возможности страны.

Вспоминается декабрь 1963-го года, Пленум ЦК КПСС. Он был посвящен развитию химической промышленности в СССР. Тогда в докладе Н.С.Хрущева прозвучал, обновленный им, известный лозунг: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства». Пленум проходил в Кремлевском Дворце съездов. Никита Сергеевич любил большие сборы. Голосовали за принимаемые решения все скопом, пять тысяч человек. Среди участников Пленума были и представители Куйбышева: Шмарев, Черныш, Островский, Семизоров, Ветлицкий и я, — впервые принимавший участие на таком всесоюзном партийном форуме.

Доклад был обстоятельный, с множеством цифр, примеров, подтверждавших правильность выдвинутой ЦК задачи. Начались выступления. Н.С.Хрущев вел себя раскованно, часто перебивал ораторов репликами, а то, увлекаясь, произносил целую речь. Это сбивало ораторов с толку. Мне запомнился такой эпизод. Когда он, таким же образом, перебил вопросом речь К.Т.Мазурова, то Кирилл Трофимович помолчал, потом, полуобернувшись к президиуму, произнес: «Дайте мне сказать, что я хочу. А на Ваш вопрос я отвечу». И в конце выступления ответил. Обличительную, рассчитанную на эффект речь произнес комсомольский лидер Сергей Павлов, чем очень потрафил Хрущеву, но вызвал возмущение зала бесцеремонными, грубыми передержками.

(В дополнение к повестке, обсуждался и внешнеполитический

вопрос, затронутый в докладе Н.С.Хрущева. Среди выступавших был и Ю.В.Андропов, — тогда секретарь ЦК по работе с партиями соцстран).

Решения Пленума ввергали страну в очередную гонку, на этот раз — химическую. Избрали нового секретаря ЦК, курирующего эту отрасль — П.Н.Демичева. Развитие химии было необходимо, но надо было и соизмерить возможности, дабы не нанести ущерба другим отраслям. Принято же было волевое решение, потому и воинственного запала хватило ненадолго.

Начался 1964 год. Засуха 1963-го года серьёзно сказалась на снабжении населения продовольствием. В целом по стране валовой сбор зерновых составил 107,6 млн тонн, в том числе в РСФСР, — 65,8 млн тонн. А средняя урожайность — 8,3 центнера с гектара. Это почти в полтора раза ниже достигнутого среднегодового уровня. Было принято решение, в целях экономии зерна выпекать хлеб с уменьшенным содержанием муки, заменив её частично горохом и картофелем. Так на прилавках появился единственный сорт хлеба — «Забайкальский». Что было воспринято населением негативно. В продаже исчезли печенье, пряники, другие кондитерские изделия. Но ещё сильнее неурожай сказался на обеспечении кормами скота и птицы. Во многих регионах страны сократилось их поголовье, снизилась базовая жирность молока, — с 3,2 до 2,5%. Выросшие закупки по импорту не могли компенсировать сокращение производства этой продукции.

Недовольство населения, естественно, было обращено не только в адрес местных руководителей, но и Центра, и особенно резко критиковали Н.С.Хрущева, вспомнили все его широкие обещания об улучшении жизни, волонтаристские новации в области сельского хозяйства, и реальные, плачевные результаты таких действий.

Подлил масла в огонь и, наскоро сбитый, пропагандистский фильм к семидесятилетию вождя — «Наш Никита Сергеевич», который вызвал возмущение большинства народа своей подхалимской сутью. Негативно встретили люди и шумное, помпезное празднество в Георгиевском зале Кремля в честь семидесятилетия Н.С.Хрущева, которое проходило в апреле 1964 года и было широко растиражировано СМИ.

Таким образом, обстановка вокруг личности Н.С.Хрущева осложнялась. В октябре 1964 г. состоялся Пленум ЦК КПСС — важный исторический рубеж в жизни партии и страны. Об этом Пленуме, и предшествующих ему заседаниях Президиума ЦК КПСС, следует рассказать подробнее. Именно тогда, в октябре 1964 г., Н.С.Хрущев был освобожден от всех занимаемых им постов и отправлен на пенсию.

Однако после кончины Н.С.Хрущева, у определенной части людей возникли сомнения и иные оценки.

Вокруг этих событий, особенно в последние годы, стали нарастать всякие домыслы, слухи и версии. В большей степени, в укор действиям сподвижников Никиты Сергеевича говорят о «заговоре», «дворцовом перевороте» и т. п. На эту тему снят типично детективный фильм «Серые волки», с примитивными «художественными» придумками и полупрадой.

Со своей стороны, считаю возможным высказаться по этому поводу.

Позволю себе воспользоваться и материалами книги «Дорогами борьбы и труда» Л.Н.Ефремова, моего земляка и хорошего товарища. Он был в то время кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, Первым заместителем Председателя Бюро ЦК по сельскому хозяйству РСФСР (иначе, Н.С.Хрущева). А также его рассказами о заседании Президиума ЦК, накануне Пленума.

Заседание Президиума ЦК КПСС, с участием приехавшего по вызову, отдохавшего в Пицунде Н.С.Хрущева, вместе с А.И.Микояном, началось во второй половине дня 13 октября 1964 г. Вопрос о Н.С.Хрущеве был поставлен на заседании Президиума накануне, 12 октября, при обсуждении других вопросов повестки дня.

Открыл заседание Президиума ЦК Н.С.Хрущев.

Первым взял слово Л.И.Брежнев. Обращаясь к Н.С.Хрущеву, он сказал, что вчера на Президиуме ЦК обсуждали программу встречи космонавтов, рассматривали и другие вопросы.

Помимо повестки, у членов Президиума возникли возражения, в частности, по поводу вашего предложения о пересмотре семилетнего плана и принятии десятилетки. Встал вопрос и о проведенном под Вашим нажимом разделении обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные, что противоречит ленинским указаниям о сохранении единства. Товарищи говорили и о том, что Вы проводите много неоправданных структурных изменений в сельском хозяйстве и в промышленности. Причем, подчеркивали, что при решении этих и других важных вопросов у нас в Президиуме нет коллективного, глубокого анализа.

В последнее время, в общении с членами Президиума и другими ответственными работниками, Вы допускаете грубость, приклеивание им ярлыков. Часто важнейшие вопросы Вы решаете за обедом, проявляете капризность, нежелание прислушаться к мнению товарищей из руководства. Замечено, что Вы нередко находитесь в состоянии депрессии. От всего этого остается угнетающее впечатление.

Члены Президиума посчитали необходимым, с Вашим участи-

ем, обсудить эти вопросы и положение, которое сложилось в Президиуме. Нам непонятны Ваши шаги, Ваше поведение. Готовится Пленум ЦК, Вы уехали с группой товарищей на юг, пишете доклад, готовите материалы и предложения к Пленуму. Но мы, члены Президиума, ничего не знаем об этих предложениях и документах. Вообще, ненормально, что Вы действуете в одиночку, и это уже не в первый раз. Вы игнорируете членов Президиума ЦК КПСС. Поэтому мы решили пригласить Вас и А.И.Микояна приехать с юга для обсуждения возникших вопросов.

После короткой речи Л.И.Брежнева, заговорил Н.С.Хрущев.

Он сказал, что был обеспокоен вызовом в Москву, но приехал, как человек дисциплинированный. Что услышал сейчас, к сожалению, я не знал и не ожидал. Никто не может упрекнуть меня в неискренности и нечестности. Когда мы боролись с антипартийной группой, тогда в ней я видел врагов, а теперь передо мной друзья. Не могу понять, для чего такая спешка? Чем это вызвано?

Работа у нас идет нормально. Я готовлюсь к Пленуму ЦК. У меня отпуск и я отдыхаю на юге. Зачем потребовались такие действия? Для чего!?! (Хрущев, верный своей тактике, пошел в наступление).

Но из-за стола Президиума последовали возгласы: «Вы не спешите со своей речью, подождите. Послушайте нас, что мы скажем». Хрущев согласился, — пожалуйста, говорите.

Члены Президиума стали высказываться.

Основные критические замечания сводились к следующему.

П.Е.Шелест — член Президиума, первый секретарь ЦК КП Украины.

«Мы Вас уважали, многому учились у Вас, но сейчас Вы стали другим, допускаете субъективизм и нарушение экономических законов развития хозяйства. Пленумы ЦК стали какими-то массовыми собраниями партийного и беспартийного актива. На таких Пленумах невозможно было ничего сказать прямо. В сельском хозяйстве проводится много реорганизаций. Народ говорит: это невозможно — за 10 лет все время идут реорганизации. Создается неуверенность в работе кадров. В нарушение Устава КПСС, Вы возложили ответственность за сельское хозяйство на первых секретарей обкомов, отодвинув от этого советские органы. В Ваших действиях много непоследовательности и непродуманности (это касается снижения налогов, обеспечения жильем за 5 лет, повышения зарплаты к декабрю 1965 г.). А наша экономика не может обеспечить этого, она, к сожалению, не блещет». П.Шелест отметил грубость, невыдержанность Хрущева, неуважение к мнению других членов

Президиума. Сказал, что действия Хрущева наносят вред партии в проведении внутренней и внешней политики.

Г.И.Воронов — член Президиума, председатель Совмина РСФСР.

“В Президиуме ЦК создалась ненормальная обстановка. Просто нельзя работать! Вместо культа личности Сталина вырастает культ Хрущева. Вы вносите много путаницы в сельское хозяйство. Даете примитивные рекомендации, которые каждый мужик знает. В своем невразумительном выступлении на совещании по промышленности Вы внесли неразбериху. Считаю, что надо отправить Н.С.Хрущева в отставку”.

А.Н.Шелепин — член Президиума, секретарь ЦК, зампред. СМ СССР, председатель комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и СМ СССР.

“Обстановка в Президиуме ЦК сложилась нетерпимая. Неотложная задача — восстановить ленинские принципы в руководстве. Вы заражены непомерным самомнением, проявляете торопливость, капризность, способность к интригам. Критиковали Сталина, а сами недостойно относитесь к людям. Вы окружили себя группой подхалимов. Ваш приближенный, секретарь ЦК Поляков, играет гнусную роль, проверяет действия членов Президиума ЦК. Считаю невозможным оставление товарища Хрущева на посту руководителя партии и правительства”.

А.П.Кириленко — член Президиума, секретарь ЦК.

“У Хрущева мы всегда учились, брали с него пример, а теперь он стал другим, к нему невозможно попасть на прием, посоветоваться о работе. Он допускает неправильное поведение в отношении кадров, позволяет себе грубые выражения”. И закончил словами: “Вы поймите, что мы честно работаем!”.

К.Т.Мазуров — кандидат в члены Президиума ЦК, первый секретарь ЦК КП Белоруссии.

“Не только в Президиуме, но и вообще в партии, в парторганизациях, наблюдаются явления, против которых мы боролись, а именно — вырастет новый культ личности. Хрущев проявляет «волюнтаризм» в ущерб экономическим законам развития. Это плодит очковтирательство. Товарищ Хрущев, проводя зональные совещания, противопоставляет руководителей народу. Боюсь, что Ваш культ дал повод для разлада в международном коммунистическом движении”. Мазуров поддержал предложения, что Н.С.Хрущева нельзя оставлять на посту первого секретаря ЦК КПСС и предсовмина СССР.

Л.Н.Ефремов — кандидат в члены Президиума ЦК, 1-й заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству РСФСР.

“Согласен с мнениями, высказанными товарищами относительно недостатков и ошибок Хрущева. Непрерывные реорганизации в сельском хозяйстве необоснованны. Здесь его подводят советники. Нельзя важные вопросы внешней политики обсуждать без должного плана, принимать решения по «шифровкам», за обедом, без обсуждения. Грубой ошибкой явился выпуск кинокартины «Наш Никита Сергеевич». Трудно объяснить людям, зачем потребовалась картина, возвеличивающая Хрущева. Нужно навести порядок в Президиуме ЦК, решить вопрос о смене руководства”.

В.П.Мжаванадзе — кандидат в члены Президиума ЦК, первый секретарь ЦК КП Грузии.

“Многих товарищей в Президиуме Н.С.Хрущев незаслуженно ошельмовал. Если не будет единства, партия не сможет успешно руководить страной”.

М.А.Суслов — член Президиума, секретарь ЦК КПСС.

“Хочу присоединиться к подавляющему большинству критических замечаний в адрес Н.С.Хрущева. Как видно, обстановка у нас очень ненормальная. Ведь Президиум ЦК — это штаб партии, государства и если внутри него что-то не срабатывает, то это отражается на общем положении. Многие предложения членов Президиума Вами отклоняются, причем необоснованно (Суслов приводит ряд фактов). Разве это допустимо, что к Первому секретарю ЦК невозможно придти с предложениями, чтобы он их выслушал. Приходилось все отстаивать через Ваш аппарат. Вы допустили грубую ошибку, выступив на июльском Пленуме ЦК с нападками на ученых, на Академию наук. Вы также ошельмовали сельские партийные комитеты, утверждая, что они якобы мешают развитию сельского хозяйства. Между тем в сельском хозяйстве Вы все запутали. Создается неуверенность в работе парторганизций. Вы — талантливый человек, но допускаете ошибки. Очень большое внимание уделяете сигналам своей семьи, в частности, А.Аджубея. Возите за границу многих членов семьи. Ваши поездки ссорят нас с зарубежными друзьями. В печати много публикаций о Хрущеве, много фото. Надо с этим покончить. Следует резко повысить роль Президиума ЦК, роль Пленума ЦК”.

В выступлениях кандидатов в члены Президиума: первого секретаря МК В.В.Гришина и первого секретаря КП Узбекистана Ш.Рашидова также говорилось о крупных недостатках и ошибках Хрущева, о его грубости, о развитии его культа личности, об отсутствии коллективности в работе. При этом отдавали должное его заслугам, как своему учителю и другу. Они предложили рассмотреть вопрос о разделении постов первого секретаря ЦК КПСС и председателя СМ СССР.

Поздно вечером объявили перерыв заседания до утра.

14 октября в 10 часов утра заседание Президиума ЦК продолжилось.

Первым резко и грубо выступил член Президиума ЦК, заместитель председателя СМ СССР Д.С.Полянский с обвинениями в адрес Хрущева по аналогичным вопросам, высказанным товарищами накануне.

А.И.Микоян — член Президиума ЦК, председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Он остановился кратко на некоторых вопросах международной политики, и на конкретных примерах подтвердил правильность действий и решений, принятых Хрущевым.

Нынешний Президиум ЦК способен управлять страной. В то же время Микоян согласен с товарищами, указавшими на недостатки и ошибки в личном поведении и в некоторых действиях Н.С.Хрущева. Много подхалимажа по отношению к Хрущеву, — этим занимается и пресса.

А.И.Микоян считает, что Н.С.Хрущев должен остаться в руководстве партией. То, что сделано и делается товарищем Хрущевым, — это наше богатство. И не надо им разбрасываться. Можно ограничиться серьёзным предупреждением о допущенных им ошибках и неправильных действиях.

А.Н.Косыгин — член Президиума, первый заместитель председателя Совета Министров СССР.

“Я не согласен с точкой зрения А.И.Микояна. Президиум ЦК, — характеризует единство и политическая зрелость. При решении вопроса о Н.С.Хрущеве полумерами ограничиться нельзя”.

Обращаясь к Хрущеву, он сказал: “Вы — честный человек. Вы не допустили репрессий, но Вы противопоставили себя Президиуму ЦК. У Вас неограниченная власть. Вы ни с кем не считаетесь, никого не выслушаете до конца, обрываете. Ваше предложение о ротации кадров непродуманное, создает неуверенность у людей. Ваш стиль работы не годится. Вы интриговали в Президиуме: одного решили «раздолбать», с другим — заигрывать. В подборе кадров Вы опираетесь на людей, которые Вас же подводят.

Вот мы построили прекрасную ГЭС в Куйбышевской области, на Волге. Вы поехали туда с Кузьминым и Засядько и начали на митинге критиковать ГЭС, обмазали грязью лучшую гидростанцию в мире. Потом, когда академики написали протест, пришлось Вам отступить от своих утверждений.

В последние годы Вы допустили крупные ошибки и в разделении партийных комитетов, и в проведении Пленумов ЦК. По су-

шеству Вы ликвидировали Пленум, как орган, который призван контролировать Президиум ЦК. Иногда наши Пленумы напоминают митинги.

Вы запутали огромной важности дело с народнохозяйственными планами, заявив, что нельзя выполнить семилетку, а надо разработать новый план на 10 лет. Это вызвало международный скандал, так как социалистические страны работают по согласованным с СССР планам.

Вы допускаете ошибку, что держите в своих руках все вопросы обороны. Члены Совета обороны к работе не привлекаются. Неправильно строите Вы взаимоотношения с друзьями из соцстран. Ваши крылатые фразы, — «Был бы хлеб, а мыши найдутся», — оскорбительно воспринимаются в социалистических странах».

Закончил А.Н.Косыгин словами: «Вы, видимо, с нашими разговорами не согласитесь. Вас нужно освободить со всех постов, иначе логика культа личности приведет к печальному концу». И предложил: «Доложить обо всем на Пленуме ЦК КПСС, отменить намеченный Пленум по сельскому хозяйству и отозвать записку Хрущева, как неправильную. Надо разделить посты Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР, ввести должность второго секретаря ЦК. Пленум надо провести сегодня. Поручить Л.И.Брежневу открыть Пленум. Просить М.А.Сулова сделать на Пленуме сообщение о настоящем заседании и решении Президиума ЦК КПСС».

Член Президиума, секретарь ЦК Н.В.Подгорный начал выступление с критики позиции А.И.Микояна. Однако, затем повел речь о заслугах Н.С.Хрущева, сказал: «Я знал Хрущева давно и не только восхищался, но и любил его, стремился подражать. Н.С.Хрущев многому всех нас научил, его уважали и выполняли все его указания, которые он давал. Но тогда Хрущев был другим человеком. Сейчас не то, он сильно изменился. Вырос его культ. Создалось тяжелое положение и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Непрерывно проводятся громоздкие реорганизации. Он постоянно критикует Сталина, а сам все делает не по Сталину, не по Ленину, а по-хрущевски, «раздувая штаны», расплодив безответственность. Не лучше ли упразднить совнархозы, а в сельском хозяйстве организационно восстановить все как было.

О разделении обкомов КПСС на две группы — все единодушны, что это ошибка и ее надо незамедлительно исправлять. Когда это намечалось, А.И.Микоян говорил, что это глупость. Но как можно было поправить!?

Во внешнеполитической деятельности первый секретарь ЦК не принимает мер к сплочению стран, СЭВ разваливается.

(Стоит сказать, что при Хрущеве произошел фактически разрыв с Китаем, испортились отношения с Албанией, стали напряженными связи с Румынией, Польшей, произошли известные события в Венгрии, осложнились контакты с Итальянской и Французской компартиями и т.п.).

Смена Н.С.Хрущева вызовет какие-то издержки и в международном, и во внутреннем плане. Надо, чтобы Н.С.Хрущев сам обратился с просьбой об освобождении от занимаемых постов по возрасту, или по состоянию здоровья. Это смягчило бы потерю его престижа в личном плане, и он бы вырос в глазах членов ЦК и коммунистов. В то же время это облегчило бы и положение руководства при решении столь сложного вопроса».

В заключение выступил Л.И.Брежнев. Он подвел итоги обсуждения, и, обращаясь к Н.С.Хрущеву, сказал: «Я — не случайный человек. С Вами прошел фронт, вместе работал, боролся за Вас с антипартийной группой. Но в сделку со своей совестью я вступать не могу. Я отмежевываюсь от либерального мнения А.И.Микояна. Товарищ Хрущев не может оставаться в руководстве. Предлагаю освободить Хрущева от работы первого секретаря ЦК КПСС и председателя СМ СССР. Эти посты надо разделить.

Учитывая все обстоятельства, я думаю, что в интересах дела Н.С.Хрущев, может быть, попросит лично Пленум ЦК освободить его. Важный шаг Вам предстоит, и Вы, товарищ Хрущев, должны его сделать».

Слово было предоставлено Н.С.Хрущеву. Основным смыслом его речи: «Выражаю благодарность за оценку моих положительных качеств. Вашу честность, Вашу прямоту очень ценю. Хочу извиниться за грубость в отношении Полянского, Воронова и других. О себе скажу, что мою роль преувеличили и в ЦК, и в партии. Сделали из меня в известной мере икону. Я не могу бороться с вами. Хочу укрепиться духом. Вы уже все решили. Я старался все делать так, чтобы было лучше партии, лучше народу. По многим принципиальным вопросам, о которых здесь шла речь, мы вместе принимали решения. Почему же сейчас вы всю ответственность перекладываете только на меня одного. Считаю это несправедливым. Но, если Вы считаете, что я должен уйти, пожалуйста, я подчиняюсь вашему требованию... Напишите, как вы считаете нужным решение. Я подпишусь под этим решением...»

Было принято решение, что на Пленуме ЦК от имени Президиума выступит М.А.Суслов.

Через 1,5-2 часа в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК.

М.А.Суслов не делал какого-либо доклада. Он сказал, что на заседании Президиума ЦК рассмотрен вопрос о работе Н.С.Хрущева и его ошибках. Выработано постановление, которое единогласно приняли все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК и секретари ЦК.

Суслов зачитал развернутое постановление, в котором излагались ошибки и неправильные действия Хрущева, давалась оценка стилю и методам его работы. Основной причиной отставки Хрущева было заявлено, — проявление субъективизма и волюнтаризма в его деятельности. Чем нанесен ущерб экономике и политическому престижу страны.

Во время сообщения Суслова в зале возникали выкрики, реплики с мест, гул неодобрения действиями Хрущева, о которых говорил Михаил Андреевич, что свидетельствовало об отрицательном отношении членов ЦК КПСС к Н.С.Хрущеву. Прения по выступлению М.А.Суслова на Пленуме не открывались. Ничего не сказал и Хрущев, который сидел за столом Президиума и выслушал все, что о нем говорилось в постановлении Президиума ЦК КПСС. Постановление единодушно одобрили.

Пленум освободил Н.С.Хрущева от обязанностей 1-го секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И.Брежнев.

Одновременно Президиум Верховного Совета СССР освободил Н.С.Хрущева от обязанностей председателя Совета Министров СССР, и назначил вместо него А.Н.Косыгина.

Так закончился период, который называли «славным десятилетием», когда партией и государством руководил Н.С.Хрущев.

В газетах было опубликовано короткое постановление Пленума ЦК КПСС, в котором отмечалось, что Н.С.Хрущев освобождается от занимаемых им постов в партии и правительстве в связи с преклонным возрастом и по состоянию здоровья. (В официальных материалах, впоследствии говорилось, что «Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу Н.С.Хрущева об освобождении его от обязанностей»).

Хочу повторить, что в народе известие об освобождении Н.С.Хрущева от занимаемых постов было воспринято спокойно. А среди партийного актива — с удовлетворением, очень уж досадили всем хрущевские «новации» и его беспардонное поведение, что не к лицу главе государства.

Н.С.Хрущев был отправлен на пенсию. В 1971 г. он умер, и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

ФРОЛ РОМАНОВИЧ КОЗЛОВ

В конце 50-х и начале 60-х годов видную роль в партии и стране играл Фрол Романович Козлов, фактически став вторым лицом в партии, ближайшим соратником Н.С.Хрущева.

Ф.Р.Козлов родился в деревне Лошилино, ныне Касимовского района Рязанской области. В 1936 г. окончил Ленинградский политехнический институт. В период с 1936 по 1944 гг. работал в Ижевске: начальником блюминга на металлургическом заводе, затем Парторгом ЦК КПСС этого завода; в 1940 г. — секретарь Ижевского ГК партии. 1944—1947 гг. — в аппарате ЦК ВКП (б), с 1947 по 1949 г. — второй секретарь Куйбышевского обкома партии.

После разгрома руководства Ленинградской партийной организации, ЦК принимает меры укрепления Ленинграда кадрами. Ф.Р.Козлова, как бывшего выпускника ленинградского Политеха, в 1949 г. направляют сначала парторгом ЦК на крупнейшее предприятие города, — Кировский завод. Но уже в этом году, по рекомендации ЦК, его избирают секретарем, а затем вторым секретарем Ленинградского ГК ВКП(б).

(В те годы в партии была такая практика: первый секретарь обкома одновременно являлся и первым секретарем ГК областного центра, а второй секретарь ГК, фактически руководивший городской организацией, являлся также вторым секретарем обкома партии).

В ноябре 1953 г. Ф.Р.Козлов избирается первым секретарем Ленинградского обкома и горкома КПСС.

В 1957 г. — Ф.Р.Козлов — председатель Совмина РСФСР, член Президиума ЦК КПСС.

С 1958 г. — первый заместитель председателя Совета Министров СССР (Н.С.Хрущева, который ВС СССР в марте этого года был назначен председателем Правительства Союза).

В 1960 — 64 гг. — Секретарь ЦК КПСС. Вторым человек в партии. Он ведет заседания Секретариата ЦК (Политбюро, — в отсутствие Хрущева).

Ф.Р.Козлов, поддерживаемый Н.С.Хрущевым, становится популярным деятелем в партии и стране, так как курирует в ЦК орготдел, и, следовательно, кадры, а также отделы строительства, промышленности, в том числе и оборонной.

В 1949 г., когда его перевели в Ленинград, первым секретарем

Куйбышевского обкома был А.М.Пузанов, в 1952 г. выдвинутый на пост председателя Совмина РСФСР.

Я впервые встретился с Ф.Р.Козловым в июле 1958 г. в санатории ЦК КПСС «Красное Знамя» в Крыму, в Мисхоре. Козлов с Кириченко, — секретарем ЦК, отдыхали по соседству на даче.

Как-то к вечеру они зашли на территорию санатория. Их сразу окружили несколько человек, находившихся в парковой зоне. Подошли и мы с товарищем по палате. Фрол Романович был в настроении, — улыбчив, разговорчив. Внешне импозантен: выше среднего роста, спортивного вида, правильные черты лица, серые глаза, волнистые с сединой волосы тщательно зачесаны. На нем украинская вышитая сорочка. В руках светлая шляпа из рисовой соломки. Рядом с ним молчаливый, грузноватый А.И.Кириченко явно проигрывал.

Прошлись по территории. В разговоре делились впечатлениями о санатории, погоде, о море и т. п. Среди наших отдыхающих нашлись те, с кем был знаком Фрол Романович. Зашли в беседку, — там сервированы фрукты, вода. Он стал галантно угощать присутствовавших двух женщин, умело очищая апельсины. Немного поговорили о делах в стране, видах на урожай. Ф.Р.Козлов увлеченно рассказывал о спутнике, летавшем тогда на орбите: «Это наша большая победа в соревновании с США!».

Побыв в санатории около часа, гости, сфотографировавшись с группой отдыхающих, отбыли из санатория. Фото сохранилось у меня до сего времени. Этот визит долго обсуждался среди нас. Такие неформальные встречи с руководством страны и партии были редкими.

Вторая встреча с Ф.Р.Козловым была в Ижевске весной 1962 г.

Это был период Совнархозов. Межотраслевые связи ослабли, да и отрасли промышленности оказались разобщенными. В ЦК КПСС и Правительстве нарастала неудовлетворенность работой совнархозов, иначе, территориальным принципом руководства народным хозяйством страны. Президиум ЦК пытался воздействовать на эти настроения, проведя серию совещаний с партийными руководителями республик, краев и областей по целевым проблемам.

Так, было созвано в знакомом Ф.Р.Козлову Ижевске, крупном центре оборонной промышленности, совещание руководителей СНХ, предприятий, секретарей обкомов партии, курирующих промышленность. Повестка — «О внедрении научных достижений в различные отрасли народного хозяйства». Тогда первым секретарем Удмуртского обкома был И.П.Скулков, человек не местный, и не промышленник. Поэтому все вопросы совещания курировал второй секретарь — В.К.Марисов, более двадцати лет работающий на производстве и партийной работе в Воткинске, а затем — Ижевске. В 1963 г. он заменит Скулкова.

Вел совещание Ф.Р.Козлов, а с докладом выступал К.Н.Руднев, бывший председатель Госкомитета СССР по оборонной технике, недавно назначенный заместителем председателя СМ СССР и Председателем Госкомитета по координации научно-исследовательских работ. (Ниже расскажу ещё об одном совещании, созванном в ЦК КПСС, в работе которого я также принимал участие).

К.Н.Руднев обстоятельно изложил в докладе об успехах, достигнутых учеными в различных сферах, и о том, что тормозит внедрение их разработок в производство. В частности, я записал некоторые тезисы.

«В физике. Это физика твердого тела, природа элементарных частиц, техника мощных ускорителей, удержание разогретого на 100000 градусов газа — плазмы в электростатическом поле. Машинная математика (ЭВМ) — до 1 млрд операций в секунду и др.

В химии. Создание химических катализаторов, замещающих естественные ферменты. Создание искусственных материалов с заданными свойствами. Замена металла синтетическими материалами. Переработка природных газов, угля и др. материалов.

В Биологии. Внедрение методов химических и физических исследований в биологию. Познание строения жизни белка. Биохимия способствует развитию медицины, как науки о сохранении здоровья, а не как науке о болезнях.

В области техники. Самонастраивающиеся системы автоматического управления. Внедрение пневматических систем в автоматику. Радиофизика и радиоэлектроника. Новые методы передачи информации и связи. Новые материалы. Новые принципы передачи энергии. Магнитогидродинамические устройства, значительно повышающие КПД электростанций. Другие виды энергий: энергия подземных, горячих вод, энергия приливов на побережье моря и др. Развитие электросварки и замена ею литья. Полная автоматизация переработки нефти».

К.Н.Руднев приводил ещё много примеров. Но особо отметил важность планирования научно-исследовательских работ в НИИ. Там многие темы носят случайный, не актуальный характер. Это недопустимо, — отвлекать научные силы на пустопорожнюю работу. И завершил доклад призывом к местным партийным органам вникать в работу НИИ, разбирать их проблемы на бюро обкомов, содействовать внедрению научных разработок в производство.

Участники совещания ознакомились с целевой выставкой, затем, разделившись на несколько групп, посетили три крупных оборонных завода, которые, прямо скажу, произвели на меня сильное впечатление. Не ожидал я такого высокого уровня организа-

ции производства и образцов продукции, выпускаемых этими заводами. На пленарных заседаниях выступило много товарищей, в основном с опытом работы в техническом прогрессе. Совещание проходило два дня.

В заключение выступил Ф.Р.Козлов. (Насколько я помню, он не был с нами на предприятиях, и появился только в конце совещания).

Говорил Ф.Р.Козлов умело, назидательным тоном, но почти не отрываясь от заготовленного заранее текста. Что я записал?

«В стране идет гигантская работа по претворению в жизнь новой Программы партии. Партия непрерывно совершенствует формы и методы своей деятельности.

За период работы СНХ выявилось преимущество новой формы руководства промышленностью и строительством. Недавно партия приняла решение о пересмотре руководства сельским хозяйством. (Ф.Р.Козлов кратко напомнил о принятых январским (1961 г.) Пленумом ЦК решениях о реорганизации МСХ, укрупнении сельских районов и образовании колхозно-совхозных производственных Управлений, создании при них парткомов, упразднении РК партии и т. д.).

Но, сосредоточивая максимальные усилия на руководстве сельским хозяйством, ЦК партии не ослабляет внимание к промышленности, которая является ведущей, решающей силой нашей экономики. Мы опередили многие капиталистические страны в развитии и состоянии промышленного производства. Мы опередили Америку в атомной промышленности, ракетной технике. В области науки наши успехи бесспорны. Но, нам нельзя зазнаваться. Наилучшие результаты достигаются там, где партийные органы конкретно руководят делом.

На чем надо сосредоточить главное внимание?

Повышение производительности труда, темпы роста которого ежегодно снижаются и отстают от роста зарплаты.

Велики неоправданные потери рабочего времени.

Высока текучесть рабочих кадров на многих предприятиях, так как не уделяется должного внимания строительству жилья, детских садов, а также потому, что рабочие не имеют возможности повысить свою квалификацию.

Безответственное отношение руководителей к проведению технической политики в отрасли. Ряд НИИ и проектных институтов занимают одними и теми же вопросами. Нужно централизовать техническую политику в отрасли через соответствующие Госкомитеты.

В капстроительстве. План ввода основных фондов выполняется на 80%. Тоже и по вводу жилья, что отрицательно сказывается на настроении и осложняет политическую обстановку.

Серьёзные недостатки есть и в агитационно-пропагандистской работе. В наше время нельзя руководить лишь методом окрика и приказа (приводит пример, — завод «Рубин» в Курске). Нужно покончить с хамским отношением к людям. Пример событий в Новочеркасске должен всех нас научить. Некоторые хозяйственные и партийные руководители оторвались от масс. Хамство и невоспитанность некоторые руководители прикрывают авторитетом советской власти. Идеологическая работа — дело всей партии. На это указывает ЦК в своем постановлении по Куйбышевскому и Минскому обкомам партии.

О внешней политике. В целом наше международное положение хорошее. Работа Комитета 18-ти в Женеве, в марте с.г., на котором мы внесли проект Договора о всеобщем и полном разоружении, говорит о том, что Западные державы не хотят разоружения.

Берлинский вопрос. Сохраняем спокойствие и заставляем Запад думать, и искать выход из этого положения, так как август 1961 г. (сооружение Берлинской стены) осложнил их позиции.

О Кубе. Это маяк свободы в Латинской Америке. Мы с честью выполняем свои обязательства по защите Кубы.

В Африке идет великая битва за народы. Свобода рождается в великих мучениях и борьбе».

Ф.Р.Козлов говорит об ухудшающихся отношениях с Китаем. «Несмотря на наши попытки идти навстречу, КПК стала на путь сокращения экономических и других связей с СССР и соцстранами. Есть проблемы с Албанией».

Далее он характеризует обстановку отношений с большинством стран социалистического лагеря как хорошую.

Заключая выступление, Ф.Р.Козлов делает вывод: «Вопросы работы промышленности должны занять больше места в деятельности партийных организаций всех уровней. Возрастание роли партии — это повышение требовательности к нам».

Впечатление от его выступления? Обычное. Всё вроде правильно, но не затронуло оно аудиторию, не «зажгло». Его речь была слабо увязана с конкретной обстановкой в промышленной сфере, которая беспокоила нас. Действия Президиума ЦК, и лично Н.С.Хрущева, заваливших страну, и в первую очередь партийный актив реформами не вызывали понимания и одобрения в народе. Причем, главная глупость, — разделение КПСС на две партии: промышленную и сельскую, была ещё впереди. Вообще же, повто-

рюсь, поездка в Ижевск, общение с коллегами из других регионов была для меня полезной. Мне импонировал К.Н.Руднев. Ниже я напишу о нем несколько слов.

Третья встреча с Ф.Р.Козловым была в Москве 28 августа 1962 г.

Президиум ЦК КПСС собрал в здании ЦК на Старой площади совещание секретарей ЦК компартий союзных республик и секретарей по промышленности ряда крупных обкомов и крайкомов партии (Горький, Новосибирск, Москва и область, Ленинград, Татария, Саратов, Куйбышев, Свердловск, Волгоград, Омск), председателей некоторых Совнархозов, руководителей Госплана, Госкомитетов СССР и ВСНХ.

В работе совещания принимали участие: Ф.Р.Козлов, А.Н.Косыгин, А.П.Кириленко, А.Н.Шелепин, Г.И.Воронов, Г.В.Романов, а также К.Н.Руднев, В.М.Рябиков, С.А.Афанасьев, В.С.Фролов и другие.

Говорили, что цель — исторический поворот в области промышленности.

Доклад Ф.Р.Козлова, по содержанию и схеме изложения, мало отличался от его выступления в Ижевске. Главное внимание было уделено разбору конкретной обстановки в республиках и регионах страны по тем или иным проблемам промышленности и строительства. Докладчик остро и обеспокоено говорил о продолжающейся тенденции снижения показателей работы и управления в этих важных отраслях народного хозяйства.

Парадоксально воспринимались положения доклада. Ф.Р.Козлов начал доклад с того, что дела у нас идут хорошо, — новая форма управления промышленностью и строительством (совнархозы) показали свою жизненность, и ЦК собрал совещание, чтобы обсудить вопросы дальнейшего улучшения работы. А речь же повел о серьёзных недостатках в работе промышленности и строительстве, в управлении ими со стороны СНХ и парткомов. На конкретных фактах показал состояние дел в республиках, краях и областях страны по выполнению основных показателей деятельности в промышленности и строительстве.

Темпы роста производительности труда ежегодно снижаются. Плановые показатели не выполнили десять союзных республик: Туркмения, Азербайджан, Молдавия, Киргизия, Грузия и другие. В результате не додано продукции на 4,5 млрд рублей. В целом по стране рост объемов производства достигнут за счет дополнительного привлечения рабочих. Темпы роста зарплаты превышают рост производительности труда во многих совнархозах Узбекистана, Грузии, Армении, Таджикистана и др.

Потери рабочего времени по причине прогулов и т.п. составили 62 млн человеко-дней. Текучесть кадров превышает все нормы. В 1961 г. в промышленности принято 4 млн человек, — это 30 %, а уволено также около 4-х млн. В строительстве, принято 3 млн, — это 64 %, а уволено 2,9 млн. В Грузии сменяемость кадров в промышленности 57 %, а на стройках, — 125 %!

В машиностроении оборудование используется плохо. 25 процентов парка работает в одну смену, свыше 11000 станков простаивает.

В металлургии новые доменные печи простаивают из-за отсутствия шихты. Недодано около 3-х млн тонн чугуна и перерасходовано 2 млн тонн кокса. Мощности в прокатном и трубном производстве на заводах Жданова, Череповца и др. используются плохо.

Тоже и при производстве минеральных удобрений. Из-за нехватки серной кислоты недополучено более 700 тыс. тонн суперфосфата. Сорван ввод мощностей в Оренбурге, Свердловске.

Многие предприятия не выполняют финансовые планы. В прошлом году план по прибыли не выполнили 15000 предприятий и недодали в бюджет десятки миллиардов рублей. Задача финансовых органов и банков предупреждать перерасход средств, расточительство, а не фиксировать происшедшее.

О техническом прогрессе. Отрасли не несут ответственности за техническую политику. Эту задачу надо возложить на отраслевые Госкомитеты. Они должны отвечать за техническую политику, за создание новых и реконструкцию действующих предприятий, за размещение новых производств и их специализацию. Изжить ненужный параллелизм в работе КБ и НИИ. Нам не грех присмотреться к деятельности иностранных фирм. Там нет такого дубляжа. Необходима концентрация и специализация научно-исследовательских и конструкторских сил в стране. Опыт есть — это оборонная промышленность, авиационная. Там Генеральные, головные КБ по основным видам продукции, и филиалы подчинены Госкомитету.

Есть смысл оставить на крупных заводах отдельные КБ, но четко определить направление их деятельности.

И ещё один вопрос, — снятие с производства устаревших машин, и освоение новых видов продукции и технологий.

Положение в химии. Нет шин, не хватает каучука. Машины стоят без резины. У нас нет дивинилового и изопренового каучука. Это вина совнархозов и Госкомитета.

Партийные организации не осуществляют контроль за внедрением новой техники. Много заседают, обсуждают, а дело не улучшается.

Повторюсь ещё раз, — о важности специализации и кооперирования.

Это одно из важнейших условий технического прогресса. В этом вопросе много местничества или ведомственности. Создание крупных предприятий межрайонного, союзного значения идет медленно. Грешен в этом и Госплан СССР.

О качестве продукции. Из-за расхлябанности, грубых нарушений технологии потери от брака превышают 400 млн рублей. Нет должного спроса за качество с рабочего, мастера, начальника цеха. (Ни слова о конкурентоспособности наших изделий).

Далее он подробно говорит о недостатках в строительстве: несбалансированности планов строительства с ресурсами, стремлении любыми способами включить ввод объектов в план, огромном росте числа строек и незавершенном строительстве, низком качестве, срыве планов ввода жилья, больниц, детских дошкольных учреждений, критикует Архангельск, Куйбышев, Новосибирск и ряд республик.

Докладчик ставит задачу создания подрядных строительных организаций в сельских районах, республиканских органов по колхозному строительству, говорит о недостатках системы материально-технического снабжения строек (планируют нереальные источники покрытия, искусственно занижают нормы расхода сырья).

Особо обращает внимание на решение социальных вопросов.

Говорит, что важнейшей задачей эффективной работы является создание нормальных условий работающим, и в первую очередь обеспечение жильем. На практике количество жилья, выделяемого рабочим, уменьшилось. Например, в Караганде более 30000 человек нуждающихся. Из них 11000 живут в землянках. В то же время, многие руководящие работники там часто меняют квартиры на новые, предоставляют жилье родственникам, сторонним организациям и т. д.

Всё это возмущает трудящихся города. Карагандинский обком не сделал должных политических выводов из Постановления ЦК от сентября 1959 г. Проявляется либерализм и попустительство в этом деле. Наша линия — давать в первую очередь жилье рабочим, прекратить практику перманентного улучшения квартир.

Не хватает мест в детских садах и яслях.

Много недостатков в воспитательной работе. Нужно добиться того, чтобы все хозяйственные работники отвечали за политико-моральное состояние коллектива, так же как и за производственный план. Есть у нас ещё бюрократическое отношение к рабочим, в Луганской шахте унижают и оскорбляют людей. Вы знаете, что

произошло в Новочеркасске. Нельзя допускать, чтобы нарушались контакты партии с народом. Главное — это человек с его запросами в области производства, семьи, быта...

Чтобы достичь успеха, недостаточно знать производство, нужно знать людей, их настроение и запросы. В наше время не окрик и не администрирование определяют уровень руководителя, а его теоретическая подготовка, овладение реалиями марксизма-ленинизма. Нужно овладеть навыками экономического хозяйствования, шире подключать к руководству общественные комиссии. Как могло произойти, что на одном из заводов в Сумгаите отстающему цеху присвоили звание «Коммунистического труда».

Нужно общаться с рабочими, бывать в общежитиях, столовых и т. д. Есть работники, поддерживающие нечистоплотных, провалившихся людей, тех, кто страдает высокомерием, зазнайством, самомнением. Надо «лечить» таких, а если не помогает, то нужно освобождать от работы. Во главу угла в работе с кадрами использовать Ленинские принципы обновления кадров.

Эта часть доклада Ф.Р.Козлова оставила у меня неоднозначное впечатление. С одной стороны эти тезисы заботы о людях, поведении руководителей, их воспитанности — прописные истины. С другой, есть немало фактов грубости, бестактности в отношении к людям, зазнайства, высокомерия, некомпетентности и т. п. Но, спрашивается, с кого берут пример такого поведения? С Н.С.Хрущева и некоторых деятелей в его окружении.

Неудивительно, что такую бестактную, оскорблявшую достоинство человека манеру общения перенимали и руководители иного ранга, в том числе и из его окружения. Тот же Ф. Р. Козлов вел себя заносчиво, а порой грубо. Например, в беседе с В.И.Смирновым при переводе его на работу из Куйбышева в Омск на ту же должность — председателя СНХ. Вот, собственно, какие ассоциации возникли у меня, слушая поучения Ф.Р.Козлова о воспитательной роли руководителя.

Завершил выступление Ф.Р.Козлов конкретными задачами на 1962 год. И закончил словами: «Конкретные рекомендации по совершенствованию форм и методов управления промышленностью и строительством нужно всем продумать, посоветоваться со специалистами, хозяйственными руководителями и к 1-5 октября представить свои предложения в ЦК. Чем их будет больше, тем лучше.

На совещании выступили: Жегалин — г. Москва-СНХ, Антонов — г. Ленинград-СНХ, Шелест — ЦК КП Украины, Ивонин — Львов-СНХ, Сухов — Горький-СНХ, Лейтус — ЦК КП Латвии,

Козлов — ЦК КП Казахстана, Шмарев — зам. пред. СНХ РСФСР и Шелепин — Секретарь ЦК, председатель Комитета партийно-государственного контроля. (Говорил он резко, угрожающим тоном).

Вскоре, на очередном Пленуме ЦК в ноябре 1962 года, было принято решение о разделении КПСС на промышленную и сельскую парторганизации. Видимо, Н.С.Хрущев и его соратники увидели в этой реорганизации путь к устранению недостатков в работе промышленности и сельского хозяйства. Как они ошиблись!

Ещё один факт. В начале августа 1962 г., по приглашению С.П.Королева, мы с Б.М.Даниловым и С.С.Курдюковым прибыли в Тюр-Атам (на Байконур), где готовился запуск в космос классического «дуплета», — космонавтов Андриана Николаева и Павла Поповича. Об этом узнал Л.В.Смирнов и сделал замечание С.П.Королеву, почему он не согласовал этот вопрос с ЦК. Сергей Павлович вспылил, позвонил в ЦК Ф.Р.Козлову, объяснил ситуацию, назвав наши фамилии и повод прилета на «точку», где работает большая группа специалистов с Куйбышевских заводов. И тот успокоил его, сказав, — пусть Смирнов позвонит мне. Тот переговорил с Козловым, и «проблема» была решена.

В середине 1964 г. Ф.Р.Козлов серьёзно заболел, был помещен в клинику. А вскоре было принято решение об его отставке по состоянию здоровья.

В 1965 г. Фрол Романович Козлов умер.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

В марте 1967 года, В.П.Орлова — председателя Куйбышевского облисполкома и меня — второго секретаря обкома партии, вызвали в Москву, в ЦК КПСС. Месяц назад первого секретаря обкома КПСС А.М.Токарева назначили министром промышленного строительства СССР, и в Куйбышевском обкоме образовалась вакансия. 15 марта мы с В.П.Орловым прибыли в ЦК. В короткой беседе в Отделе организационно-партийной работы секретарь ЦК И.В.Капитонов сказал, что пригласили нас в ЦК в связи с рекомендацией на посты первого секретаря обкома и председателя облисполкома. Затем он поинтересовался нашим мнением о В.Ф.Коннове, работавшем зав. сектором в этом отделе, которого ЦК намерено рекомендовать к нам вторым секретарем обкома. Мы были согласны с таким вариантом, так как хорошо знали Вениамина Федоровича, который в 1960 г. был направлен на работу в ЦК из Куйбышева. Часов в 11 мы с И.В.Капитоновым поднялись на 5-й этаж, и нас пригласили в кабинет Генерального секретря ЦК Л.И.Брежнева.

До этого, я встречался с Л.И.Брежневым. Зимой 1957—1958 года. Будучи в Куйбышеве на заводе «Прогресс», по делам производства ракеты «Р-7», он посетил и наш авиационный завод с группой товарищей из ЦК и ВПК. Мы с Б.М.Даниловым сопровождали его по заводу. В одном из агрегатных цехов и в цехе окончательной сборки были беседы с рабочими, специалистами и руководством цехов. Он произвел хорошее впечатление.

Статный, улыбчивый, общительный, с неизменной сигаретой в мундштуке Леонид Ильич легко входил в контакт, хотя несколько и позировал. На острые вопросы рабочих отвечал просто и терпеливо. Сам вопросы задавал по делу. Речь шла о возможности подключения нашего завода к изготовлению ракет. Но, посмотрев завод, его загрузку, на заключительной беседе решили, в основном, не трогать. Возможно, подключить в дальнейшем к изготовлению панелей на новую, более крупную ракету. Пробыл Л.И.Брежнев на заводе около 2-х часов, но в кабинеты не зашел, попрощался и уехал.

Вторая встреча состоялась в августе 1958 года, когда на открытие Волжской ГЭС в Куйбышев прибыл, чуть ли не весь состав Президиума ЦК во главе с Н.С.Хрущевым. Был и Л.И.Брежнев. Вся эта группа улетала в Москву с нашего заводского аэродрома. Накануне Н.С.Хрущев посетил завод. А Л.И.Брежнев с ним не был, поэтому

он с А.Б.Аристым и И.И.Кузьминым приехали в день отлета пораньше для того, чтобы посмотреть наш первый пассажирский самолет ТУ-114. Мы с М.А.Ельшиным встретили их, проехали на ЛИС, где стояла машина, поднялись в салон и минут 30 вели там разговор об особенностях этого самолета, проблемах и необходимой помощи заводу, в чем обещал поддержку и Леонид Ильич. Беседа была откровенной и, как показало дальнейшее, полезной. Выйдя из самолета, еще некоторое время продолжали разговор у машины. Потом подъехал Н.С.Хрущев и все гости улетели в Москву.

В октябре 1958 года мы с директором завода М.А.Ельшиным решили обратиться в ЦК. Тогда военпреды прекратили приемку самолетов ТУ-95, так как на машине не была установлена одна новая бортовая станция, а стояла штатная, потому что НИИ и завод-изготовитель Минрадиопрома не довели её до кондиции. У нас в сборочном цехе скопилось несколько самолетов, они были приняты по сборке, но в ЛИС их военные не допускали. Не сдав самолеты, завод не получал денег. Не имея оборотных средств, завод не мог оплачивать поставки материалов, нечем было платить зарплату. Попытались решить эту проблему через ВВС Минобороны. Предложили такой план: принятые по сборке самолеты оплатить авансом, а по мере поступления новых станций установить их на машинах, провести летные испытания и сдать самолеты заказчику. Военные уперлись — ни в какую. Близился к концу год, что ещё более обостряло ситуацию. И мы решили поехать в ЦК КПСС.

Вечером, в назначенное время, часов в 20.00, нас принял секретарь ЦК Л.И.Брежнев, который курировал тогда оборонные отрасли. Был он бодр, активен, непрерывно дымил сигаретой. Много говорил о делах по космосу, вспоминал свои поездки в Куйбышев. Несколько раз отвлекался, отвечая на телефонные звонки. В частности вел разговор с В.М.Рябиковым, председателем Всероссийского Совнархоза, тот возмущался, что Леонид Ильич, мол, зря принимает и слушает жалобы П.П.Мочалова, директора строящегося в Куйбышеве металлургического завода Миавиапрома; ему-де всё дано, а он ещё ходит по кабинетам и кланчит. (Действительно, когда мы пришли, то Мочалов сидел в приемной Брежнева). Но Л.И.Брежнев все-таки настоял, чтобы Рябиков принял Мочалова: “Он ведь за завод хлопчет, а не за себя”. Потом добавил: “Избавь меня от своих забот. Я и так завален делами, раньше девяти вечера не уйду из ЦК”. Тот согласился.

Этот открытый разговор, слышимый нами, Брежнев вел и на наш счет, стремясь показать, что, несмотря на колоссальную загрузку, занятость, он демократичен, поддерживает прямые кон-

такты с предприятиями и помогает им, преодолевая бюрократические препоны.

Такая рисовка была всегда свойственна Л.И.Брежневу. Но мы, обмениваясь потом впечатлениями, восприняли его “работу на износ” по-своему. Ну, и что? Уходит с работы в 9 вечера! А, если мы уходим в час ночи, а то и до утра ведем споры на ЛИСе с военными, оформляя самолеты?! И ничего, не жалуемся!

Ну, ладно. Выслушал Леонид Ильич нас внимательно. Здесь же позвонил Главкому ВВС маршалу К.А.Вершинину, который был в курсе наших дел, и попросил его пойти на предложенный заводом вариант. Ведь самолетный завод действительно ни при чем, если станция ещё не готова. Константин Андреевич, после короткого разговора, согласился. Мы с М.А.Ельшиным, удовлетворенные результатом, поблагодарили Л.И.Брежнева за помощь, откланялись и ушли.

Общее впечатление от встречи было, конечно, положительным. Импонировало нам и то, что секретарь ЦК КПСС держался просто, приветливо, не отложил вопрос на потом, а сразу связался с кем надо, и решил проблему. Окрыленные, мы вернулись на завод. Молва о том, что Брежнев помог заводу, сразу подняла его авторитет в нашем коллективе. Главком ВВС свое слово сдержал, самолеты были приняты, а на следующий год завод поставил на них новые радиостанции.

И вот теперь мы с В.П.Орловым заходим к нему в кабинет по другому поводу. Л.И.Брежнев сидел за столом для заседаний, с торца. Привстал и поздоровался. И.В.Капитонов представил нас. Вид у Брежнева был уже не тот, что в 1958 году. Погрузневший, озабоченный, говорит хрипло. Вертит в руках несколько янтарных мундштуков. Сигареты, по одной, по звонку, приносит прикрепленный: “Бросаю курить, врачи требуют”. Начинает рассказывать о трудностях в сельском хозяйстве страны. Походя спрашивает и об обстановке в области. Говорим, что год ожидается сложный, зимовка скота проходит трудно. Заводит речь о специализации в животноводстве, в стране начинает развиваться этот процесс. “Вот,— говорит,— Птицепром требует 300 грамм концкормов на десяток яиц. А, если б я мог дать крестьянской бабе 150 грамм, то она бы мне в ножки поклонилась. Сказала б, — вот это царь!” Меня эта фраза покорила. Что значит, царь!?! И почему надо 300 грамм? Сказали ему, что на Куйбышевских птицефабриках затраты кормов ниже. Не поверил, удивился.

Опять возвратился к делам в стране. Затем заговорил о своем посещении Куйбышевского завода “Прогресс” в 1957 г. Похвалил носитель ракеты “Р-7”. “До сего времени, это самый надежный носитель”. Вспомнил директоров — Литвинова, Мочалова, Чеченю.

Несколько расслабился, напомнил прежнего Леонида Ильича. Потом опять озабоченно заговорил о проблеме мелиорации земель, вновь о хлебе: “Не следует выгрести всё у мужика”.

И без перехода: “Ну, а теперь о кадрах. Токарева мы у вас взяли. Кого ставить в секретари?” Стал рассуждать вслух: “Бывает всякое. Или второго секретаря, или председателя облисполкома. Это, как правило.” Спросил о наших предложениях. Мы молчим. Я подумал, чего спрашивать, ведь всё уже предрешено. И назвал В.П. Орлова. Поддакнул И.В. Капитонов. “Ну, что ж,— говорит,— у нас тоже мнение такое. Оба кандидата стоящие. Есть опыт, знаем вас на практике. Значит — Орлов. Так и порешим. Ну, а на председателя — Воротников. Так? Так. Теперь о Коннове. Это ваш земляк, он в Москве временно. Вы согласны с его кандидатурой на второго секретаря обкома? Согласны. Хорошо. Тогда, всё. Теперь действуйте, как положено.”

Мы поблагодарили за доверие. Попрощались. Леонид Ильич встал, проводил до двери. Пожали руки, и мы вышли. Этим дело и кончилось. На Секретариат или Политбюро нас не приглашали. Утвердили заочно.

К этому времени, второй половине 60-х годов, авторитет Л.И. Брежнева среди партийного актива, да и в народе, был достаточно высоким. Он проявил себя как крупный государственный и политический деятель, достаточно эрудированный, с богатым жизненным опытом. Действительно, школу жизни он прошел солидную. В довоенные годы поработал по окончании техникума несколько лет в сельском хозяйстве Сибири. Получил инженерное образование, — на металлургическом заводе. Познал низовую советскую работу, будучи заместителем председателя Днепродзержинского горсовета. Затем, партийная деятельность — заведующий отделом, секретарь Днепропетровского обкома партии. Прошел дорогами Великой Отечественной войны, как говорится, от звонка до звонка. После войны Л.И. Брежнев — 1-й секретарь обкома партии Запорожской и Днепропетровской областей. Два года — 1-й секретарь ЦК КП Молдавии. А на XIX съезде партии в 1952 г. — избран секретарем ЦК КПСС. После смерти Сталина, в период кадровых перестановок, его назначают заместителем начальника ГлавПУРа Красной Армии и ВМФ. В 1954 году, в сложный период освоения целинных земель, Президиум ЦК направляет Л.И. Брежнева, 1-м секретарем ЦК КП Казахстана, где он проявляет себя с самой положительной стороны. И в 1956 г. — вновь секретарь ЦК КПСС, кандидат, а через год, — член Президиума ЦК. В 1960 г. «мудрый» Н.С. Хрущев «выдвигает» Л.И. Брежнева из ЦК на почет-

ный пост председателя Президиума ВС СССР, правда, в 1963—64 годах сохраняет за ним функции секретаря ЦК по ВПК. Ну, а после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК Леонид Ильич Брежнев во главе партии — Генеральный секретарь ЦК. Таковы вехи его трудовой судьбы.

В ноябре 1970 г. Куйбышевская область была награждена орденом Ленина, — за успехи в развитии народного хозяйства. Во Дворце спорта состоялся по этому поводу большой митинг. Мы отправили благодарственные письма в ЦК, Верховный Совет и Правительство СССР. И позвонили Л.И.Брежневу, А.Н.Косыгину. Разговор, конечно, был приятный.

Очередная встреча с Л.И.Брежневым была в феврале 1971 г. 2-го числа вечером я зашел к В.П.Орлову. Он говорит: «Только что звонил И.В.Капитонов. Тебе надо завтра быть в ЦК». Я спросил, по какому поводу? Владимир Павлович, помолчав, сказал: «Думаю, что речь идет о переводе в Воронеж. Меня, конечно, заинтриговал этот вызов».

3 февраля я был в Москве. Зашел в ЦК КПСС к И.В.Капитонову. Он спросил: «Не скучаете по родине?» Я улыбнулся, пожав плечами. Значит, Орлов был прав. Иван Васильевич рассказал о намерении ЦК освободить Н.М.Мирошниченко от обязанностей первого секретаря Воронежского обкома партии, и рекомендовать на этот пост меня. После короткой беседы И.В.Капитонов предупредил, чтоб к 16.00 я был на заседании Секретариата ЦК.

К этому времени я подошел к Залу заседаний. В коридоре 5-го этажа встретил Н.М.Мирошниченко. Поздоровались, обменялись общими репликами. По поводу приглашения на Секретариат ни он, ни я ничего не сказали. Здесь же был В.К.Месяц — заместитель министра МСХ РСФСР (как потом стало известно, его рекомендовали 2-м секретарем ЦК КП Казахстана).

Вел Секретариат М.А.Суслов. Сначала пригласили Н.М.Мирошниченко. Минут через 30 он вышел, вид угнетённый. Позвали меня. Я вошел, поздоровался. Обстановка доброжелательная. А.П.Кириленко, Д.Ф.Устинов, П.Н.Демичев подали одобряющие реплики. Настороженно смотрел Ф.Д.Кулаков, с ним я не был знаком. Вместо ожидаемого мною официального утверждения, пошла товарищеская беседа, обмен мнениями о делах в Воронежской области, в Куйбышеве, в Тольятти. О месте Самарских заводов в развитии авиации, освоении космоса. О моем участии в этой работе. Потом вновь о Воронежских проблемах, о том, что главное там, — укрепить руководящие кадры, мол, люди распустились...

М.А.Суслов молчал, потом заговорил: “Мирошниченко не оправдал доверие ЦК. Допустил много ошибок. Ему пытались помочь, но он не сделал выводов из критики. Воронежская область серьёзно отстала в развитии сельского хозяйства. Первый секретарь обкома неправильно повел себя в быту. ЦК освободил его от работы и рекомендует Вас, товарищ Воротников. Ваше слово?” Я не стал особенно распространяться. Поблагодарил за доверие и сказал, что постараюсь оправдать его. Но, просил учесть, что я — инженер, а не специалист сельского хозяйства. Репликами те же секретари ЦК поддержали рекомендацию: кругозор, заводской опыт, методы организации промышленного производства, внимание к людям, хорошие отзывы, как о председателе облисполкома и т.д. Короче — рекомендовать. М.А.Суслов спросил: “Мнение единое? Хорошо. Всё, успехов Вам”. И я ушел.

После заседания Секретариата, подождал И.В.Капитонова и с ним, примерно в 18.30 пошли к Л.И.Брежневу. Он постоянно работал тогда в здании ЦК КПСС, здесь же на 5-м этаже его кабинет. Лишь заседания Политбюро проходили в Кремле. В середине 70-х годов он практически переместился в кремлевский кабинет. Встретил меня Л.И.Брежнев приветливо. Сел за большой стол совещаний, с торца, мы с И.В.Капитоновым с обеих сторон стола. Спросил: “Ну, как настроение?” Я ответил: “Волнуюсь, задача стоит непростая. Хотя я и из Воронежа, но область знаю мало. Новые люди, сложная, как говорят товарищи, ситуация в кадрах. Согласие дал. Буду работать в полную силу”.

Затем пошел спокойный, доброжелательный разговор. Леонид Ильич стал расспрашивать об обстановке в Куйбышевской области. Как проходит зимовка скота? Хватит ли кормов? Каково состояние озимых? Я отвечал, что корма есть, привесы скота на откорме неплохие, повышается и продуктивность молочного стада. Озимые пока терпят (брали пробы и отращивали), но морозы крепнут, а снега в поле мало. Поэтому есть опасения за сохранность озимых. Он посетовал, что во многих районах страны такая же тревога. Спросил о снабжении населения продуктами. Я объяснил, что ресурсы есть, все основные продукты в достатке. Однако ассортимент мясной и молочной продукции ограничен. В Тольятти держим снабжение чуть лучше, чем даже в Куйбышеве.

Потом Л.И.Брежнев обратился к Тольяттинской теме. Как идет строительство автозавода? Какие цехи ещё не сданы? Какое отношение народа к машинам “Жигули”? Я объяснил, что строительство производственных цехов на завершающей стадии. Сейчас полным ходом ведутся благоустроительные работы, завод приобретает

отменный вид. Но здорово отстает строительство в автозаводском районе жилых домов, объектов торговли, быта, культуры. Особенно плохо идет сооружение предприятий в так называемой промышленно-коммунальной зоне. Вообще же можно только поражаться. Таких темпов строительства ещё не было. Что сделано за четыре с небольшим года! Ведь осваивали до одного млн. строительно-монтажных работ в сутки! Какой великолепный заводиче получила страна!

Сейчас завод вышел на выпуск 350 машин в смену, темпы наращиваются ежемесячно. Условия труда хорошие. На производстве все социальные и бытовые вопросы решены на высоком уровне. Леонид Ильич перебил меня: “Ну, а каковы машины, будут ли брать “Жигули” на экспорт?” Я ответил, что эксплуатационные показатели автомобиля высокие. Это поняли, берут Тольяттинские машины лучше “Москвича”, причем и на экспорт.

Перешли вновь к Куйбышеву. Он стал вспоминать о С.П.Королеве, своих впечатлениях о заводах, где делалась знаменитая “Семерка”. Сетовал, что Сергей Павлович так рано ушёл из жизни: “Он бы, обязательно довел ракету “Н-1” до ума!”

Затем повел речь о Воронеже: “Область эта видная, всегда о Воронежской области слышал лишь хорошие отзывы. Сейчас дело разладилось. Мирошниченко забражничал. Делом не занимается. Распустил дисциплину. Товарищи возились с ним, но... решили его освободить. Я Черноземье знаю. Был в Курске, в Орле, хорошо знаю Харьков, но в Воронеже не был. Не пришлось. Говорят, что и город хороший. Да, что я тебе рассказываю? Ведь это твоя родина. Кстати, — повторил он слова И.В.Капитонова, — это мы учли, направляя тебя в Воронеж”. Спросил: “Давно там не был? Остались ли в городе родственники?” Я ответил: “Давно, в 1963 году. Ну, а родственников, особенно дальних, более чем достаточно”. Он засмеялся: “Вот, смотри, не поддавайся, а то сядут на шею”. И также со смехом стал рассказывать, что после того, как его перевели на работу в ЦК, к нему пошли письма и ходоки “от родственников”. Одна, из наиболее настойчивых, пробилась на прием: “Вошла, и ко мне с объятьями, — “Дядя, Лёня!” А, я её первый раз вижу, эту племянницу. Вот так, как избрали секретарем ЦК, сразу нашлись родственники”. Отсмеявшись, Леонид Ильич закончил: “Вообщем, даем тебе добро. Приедешь, осмотришь, не торопись, разберись. Если надо поможем, — кивнул И.В.Капитонову. — Желаю успеха”. Я поблагодарил, он проводил до двери кабинета, попрощались, и я ушел.

Что следует сказать? В начале 1971 года Л.И.Брежнев мало от-

личался от того, у которого я был в 1967 году. Он свободно и заинтересованно вёл беседу по многим вопросам. Спрашивал, слушал, не терял нить разговора. Манерой поведения он, как и тогда, подчеркивал свою значимость, можно сказать, стремился “произвести впечатление” на собеседника. Внешне, мне показалось, немного похудел. Вид усталый, болезненный. Постоянно курил одну за одной сигареты. Пил кофе с молоком. Кашлял. Говорил хрипловатым голосом. Однако, был участлив, доброжелателен. Общее впечатление от встречи и беседы у меня осталось благоприятное.

В ноябре 1971 г. очередной Пленум ЦК. С большой речью на Пленуме выступил Л.И.Брежнев. Сначала он говорил по повестке, оценил проект плана, высказал замечания в адрес некоторых министерств, покритиковал работу партийных комитетов, но, в итоге, призвал одобрить представленный проект плана и бюджета на 1972 г. Затем, сославшись на мнение Политбюро, доложил о международной деятельности КПСС после XXIV съезда партии. Хочу отметить, что эта часть выступления носила аналитический характер. Выстраивалась принципиальная позиция, формы и методы действий КПСС на всех основных направлениях международной политики.

Рассказав о принятых мерах по развитию отношений со странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, он особое внимание уделил проблеме Европейской безопасности: “Это линия стратегическая, её цель закрепить выгодные для нас социально-экономические сдвиги, достигнутые после войны (границы, два германских государства, статус Западного Берлина)”. Подробно информировал о переговорах с канцлером ФРГ В.Брандтом, поддержке нами его “восточной политики”. С удовлетворением Леонид Ильич отметил договоренность с ним “тет-а-тет” о возможности созыва в 1972 г. Европейского совещания.

Затем Л.И.Брежнев коротко остановился на отношениях с США (в будущем году намечен визит Р.Никсона в СССР), с Францией, Канадой и другими странами. Отдельно — о Китае: “Что там происходит? Не ясно! Но, видимо, начинается процесс стабилизации после потрясений культурной революции”. Сослался на версии гибели Линь Бяо. И продолжал: “Однако, на официальном уровне их политика по отношению к СССР не меняется. Нам не следует торопиться с выводами, одновременно готовиться к установлению контактов с Китаем”.

Я рассказал об этом выступлении Л.И.Брежнева ещё и потому, что тогда, в конце 1971 года Генеральный секретарь ЦК был в неплохой форме, говорил логично, часто отвлекаясь от текста. Речь,

хотя и хрипловатая, но четкая, манера поведения активная. Нам его выступление понравилось. Хотя внешнеполитического вопроса не было в повестке Пленума, после этой речи развернулись прения. Пленум одобрил внешнюю политику КПСС.

В конце февраля 1972 г. в Москве, в ЦК КПСС прошло двухдневное совещание секретарей обкомов партии и председателей облисполкомов Российской Федерации. Оно было посвящено вопросам развития животноводства и увеличения производства сахарной свёклы. С докладом выступил Л.И.Брежнев. В работе совещания приняли участие некоторые члены Политбюро, секретари ЦК. Шел острый и предметный разговор. Леонид Ильич стал, не спрашивая желающих, приглашать на трибуну участников с отчетами по сути дела. Поднял Г.Золотухина (Краснодар), А.Георгиева (Алтай), Ф.Табеева (Татария), В.Конотопа (Московская обл.), А.Коваленко (Оренбург).

Потом назвал мою фамилию. (Правда, меня предупредили товарищи из аппарата ЦК, что я в числе тех, кого могут спросить о положении дел с сахарной свёклой. К выступлению готовился. Так оно и вышло.) Опираясь на оценки и выводы академика Мазлумова, повел речь о семеноводстве, подготовке почвы под посев, уходу за растениями и уборке корней и ботвы. Упирая на то, что на всех этих технологических операциях мы работаем как пятьдесят лет назад. Нет машин для сегментации многоростковых семян в одноростковые и шлифовки их, нет сеялок точного посева, уход за посевами ведется вручную, а нагрузка на свекловичницу выросла втрое, что просто физически им не под силу. Уборочные комбайны устарели, переработка свеклы на сахарных заводах должна идти максимум 100 дней, а она с сентября продолжается до апреля — в результате потери — выход сахара снижается с 15 до 3 процентов. Слушали меня внимательно.

«Специалист-сахарник» — Н.В.Подгорный пытался несколько раз вопросами сбить меня, но я отвечал четко (не зря слушал Мазлумова). Короче, это испытание выдержал. Потом мои коллеги удивлялись, когда это успел так поднатореть? Я отшучивался. После моего выступления продолжались. Л.И.Брежнев подвел итоги, поручил подготовить Постановление ЦК и Совмина ССР. Оно вскоре вышло. Реализация принятых решений позволила за 3-4 года резко поднять уровень механизации работ в свекловодстве.

Небывалая жара весной и летом 1972 года нанесла непоправимый урон сельскому хозяйству. 22-го августа утром в 7.30 мне позвонил Л.И.Брежнев. Обеспокоен. Спросил, что предпринимаем, чтобы не допустить спада в животноводстве? Я рассказал, что уборку

зерновых завершили. Хлебофуражный баланс в ЦК приняли. Урожайность зерновых небывало низкая — 12,8 ц/га, сдадим государству около 300 тыс. тн., вместо 930 по плану. Так условились в ЦК. Зимовка будет трудная. Зернофуражом скот и птица обеспечены на 75—80 процентов. Нехватку постараемся покрыть за счет других кормов и качества их приготовления. Он посетовал на такой неудачный год. Спросил о настроении в народе, ситуации со снабжением продуктами, как обеспечиваем закладку картофеля и овощей на зиму? Я сказал, что с продуктами животноводства проблем не будет, а вот картофелем надо помочь. Обещал, что выделят из Брянска и, возможно, немного картофеля закупят в Польше (так потом и было сделано). Еще раз повторил: “Трудности этого года не должны сбить страну с пути. Надо мобилизовать предприятия, помочь селу, не допустить сброса поголовья скота. Конечно, продуктивность снизится, но... надо выстоять”. Попрощался и пожелал успеха. Честно скажу, этот разговор как-то вдохновил меня. Вел беседу Леонид Ильич озабоченно, но спокойно и участливо.

26-го апреля 1973 г. в Москве, как обычно в Свердловском зале Кремля, начал работу очередная Пленум ЦК. Основной вопрос — “О международном положении и внешней политике КПСС” обсуждался два дня. С докладом выступил Л.И.Брежнев.

Это был третий Пленум, после XXIV съезда партии, посвященный международным вопросам. Реализация провозглашенной съездом Программы мира давала положительные результаты. Об этом говорилось в докладе. Завершилась многолетняя война во Вьетнаме, нормализовались отношения между ФРГ и ГДР, стала снижаться острота обстановки в Чехословакии, укрепились связи Кубы с соцстранами, наметились позитивные сдвиги во внутренней политике югославского руководства и в наших отношениях с этой страной. Во всех этих процессах существенную роль играл Советский Союз и КПСС. Однако в наших отношениях с Китаем нарастала напряженность.

“Курс Пекина носит явно враждебный характер, активизируется политическая и дипломатическая деятельность, направленная против нас. Мы, со своей стороны, вели и будем вести борьбу с “маоизмом”, в то же время продолжим линию на нормализацию отношений с КНР”, — заявил в докладе Л.И.Брежнев. И далее: “В Европе нам удалось прорвать фронт холодной войны и создать условия для сотрудничества”.

Особо важен был вопрос о США. “Состоявшийся в прошлом году визит Р.Никсона, — говорил Леонид Ильич, — был оправдан. Встреча с ним явилась переломным этапом в наших отноше-

ниях”. Предстояла ответная поездка Генерального секретаря ЦК в США. Она и состоялась в середине июня. По ходу Пленума стало очевидно, Л.И.Брежневу нужна полная и гласная поддержка партии, а затем и народа, чтобы предстать в Америке в качестве главы государства. Такой “карт-бланш” на Пленуме он и получил. Этот рефрен звучал почти во всех выступлениях на Пленуме. А с речами выступили многие члены Политбюро ЦК: Н.В.Подгорный, А.Н.Косыгин, М.А.Суслов, Д.А.Кунаев, В.В.Щербицкий, А.А.Громыко, А.А.Гречко, Ю.В.Андропов и другие. Обращаясь с трибуны к Л.И.Брежневу, маршал А.А.Гречко сказал: “Леонид Ильич, в своей трудной и ответственной работе помни, что мы с тобой, что ты опираешься на плечи народа, нашей партии и Советской Армии!” Эти слова Министра обороны СССР были, понятно, восприняты как предостережение всем внешним и внутренним критикам генсека.

И ещё один момент. В заключительной части доклада, где речь шла о внешнеэкономическом сотрудничестве, весьма недвусмысленно прозвучали претензии не только в адрес министерств и ведомств по поводу недостаточной активности в развитии экспорта и необходимости “учиться торговать”, но и в адрес Совета Министров (сиречь Косыгина) за «допущенные разброд и слабую скоординированность работы по расширению экономических связей с зарубежьем».

Я до этого Пленума не предполагал, что Л.И.Брежнев так ревниво и даже болезненно воспринимает высокий авторитет А.Н.Косыгина в стране. Мое недоумение “осведомленные” коллеги расценили как наивность. В дальнейшем стремление Генерального секретаря ограничить влияние Алексея Николаевича становилось всё более явным. Не только Политбюро, но и Секретариат ЦК, а иногда и аппарат ЦК брали на себя функции исполнительной власти. Позже мне стало виднее, как А.Н.Косыгин, со свойственной ему твердостью, логично и доказательно защищал позиции Правительства. Но противостоять напору Л.И.Брежнева, имевшего больше сторонников в Политбюро, было непросто. Ну, а после трагического случая на Москва-реке в августе 1976 г., когда у А.Н.Косыгина произошло кровоизлияние в мозг, он, выздоровев, стал спокойнее, сдержаннее относиться к попыткам нажима, но и активность Брежнева, «заторможенного» болезнью, снизилась.

На Пленуме был рассмотрен и организационный вопрос. По предложению Л.И.Брежнева из состава Политбюро были выведены П.Е.Шелест и Г.И.Воронов, в связи с уходом на пенсию. Членами Политбюро стали Ю.В.Андропов и А.А.Громыко.

Вечером 27-го апреля, после окончания работы Пленума, группа первых секретарей обкома, я в том числе, пришли в здание ЦК на Старой площади, чтобы договориться о приеме у Л.И.Брежнева. Ему доложили, и он решил принять всех сегодня же, но не по одному, а всю группу. Нас было человек 7-8.

Леонид Ильич пребывал в приподнятом настроении, ещё не остыв от эмоций, вызванных “единодушной поддержкой” Пленумом. Стал комментировать некоторые положения доклада: «Запад стремится к экономическому сотрудничеству с СССР, предлагают льготные кредиты, с расчетом продукцией, что позволит окупить затраты за 5-7 лет (?!). И нам надо активнее использовать это».

Перевел разговор о большой личной загрузке международными делами: “Только в мае предстоят встречи с Асадом, визит в Польшу и ГДР, а затем поездка в США”. Подчеркнул, что Пленум подтвердил главную роль ЦК в политической жизни страны: “Никому и никогда не отдавать ведущей роли партии! Хотя некоторые товарищи не выступили с самокритических позиций!” (Кого он имел в виду?) Тут же заявил, что отставка Г.И.Воронова и П.Е.Шелеста оправдана. “Мы не стали освобождать их на съезде, ради высоких принципов”.

Затем речь пошла о положении в сельском хозяйстве. Эту тему поддержали некоторые товарищи, сетуя на трудный прошлый год, выражая надежды на то, что сейчас обстановка будет лучше. Он задал 2-3 конкретных вопроса и, потом, заявив, что устал, стал прощаться. Пожелал успехов и, уже на пороге кабинета: “Вы — моя опора!” Вновь посетовал на ведомственную ограниченность и узость мышления министров. (Опять тема Правительства.) И мы ушли.

Я на встрече промолчал. Впечатление двойственное. Налицо явная активность лидера партии, но на что она направлена? Все ли шаги достаточно взвешены? В чем причина размолвок с А.Н.Косыгиным, человеком умным, опытным и авторитетным в партии и народе?

В середине июля 1973 г., прибыв в Москву на сессию Верховного Совета СССР, я зашел к секретарю ЦК Ф.Д.Кулакову, ведавшему вопросами сельского хозяйства, и высказал ему наши принципиальные соображения о необходимости совершенствования управления сельским хозяйством. Мы готовили их долго, неоднократно обсуждали с учеными и специалистами на разных уровнях. Вопрос действительно назрел. Сложный, малоподвижный механизм управления, чрезмерная централизация, многозвенная регламентация сковывали инициативу хозяйств. Он внимательно слу-

шал меня, задавал вопросы, с чем-то не соглашался. В итоге сказал: “Готовьте обстоятельную и доказательную записку в ЦК, тогда будем обсуждать Вашу идею”. Я попрощался и направился к двери, Федор Давыдович остановил меня вопросом: “К Леониду Ильичу не заходил?” Я ответил, что нет. Он с укоризной добавил: “Надо чаще навещать Генерального”.

В ходе сессии я позвонил в приемную к Л.И.Брежневу. Мне сказали, чтоб перезвонил 17-го, возможно он меня примет. Я не стал звонить, а в этот день 17 июля, вечером, будучи в ЦК КПСС, поднялся на 5-й этаж. В приемной меня попросили подождать, сказав, что я записан на прием, но у Леонида Ильича сейчас находятся зарубежные гости. В приемной уже было 6-7 моих коллег. Примерно в 19.00 Леонид Ильич, как и в прошлый раз, пригласил всех нас к себе.

Беседа продолжалась почти полтора часа. После своей поездки в США, Л.И.Брежнев был полон впечатлений и использовал эту встречу, чтобы высказаться. “Нам надо чаще общаться, — начал он, многие секретари редко звонят. Конечно, я неплохо информирован о политической обстановке и хозяйственных делах на местах, это так. Но, одно дело информация аппарата ЦК, помощников, другое — прямые контакты с вами. Не стесняйтесь “побеспокоить” лишний раз Генсека. Правда, нужно не размазывать беседу, доклады должны быть короткими, четкими и объективными”.

Затем он стал говорить об обстановке в стране: “Сейчас возьмусь за хлеб. Вот, проведу встречу в Крыму с руководителями братских партий, и вплотную займусь селом. Прошлый год был крайне трудным, не могу понять, как нам удалось выкрутиться, выдержать такую жестокую засуху. Благо помогла Сибирь. Сегодня прогнозы неплохие: Казахстан, Украина, Алтай, Поволжье, Молдавия и другие регионы ожидают хороший урожай. Хлеб надо добывать работой, потом, а не ныть, — не хватает-де машин, техники и так далее. Прошу особо не уповать на транспорт, мы привлекли из Минобороны 90000 машин, это максимум, больше нельзя. Главное, — убрать без потерь, сохранить зерно. Если будет хлеб в закромах государства, то всегда поможем.”

Подытоживая эту тему, Л.И.Брежнев как-то проникновенно и доверительно произнес: “Во всех делах надежда и опора на вас. Всегда рассчитывайте на мою поддержку. Не стесняйтесь, излагайте мне свои предложения. Нам нужны контакты, общение. Опора государства, это партия, её ЦК, а на местах — обкомы”. (Вновь, как и на встрече в апреле, он упирал на тезис: “Вы — моя опора”.)

Потом, ещё более оживившись, Леонид Ильич стал рассказы-

вать о поездке в Соединенные Штаты Америки. Он встал из-за стола, ходил по кабинету, жестами и мимикой дополняя рассказ. “Итоги моей поездки Политбюро обсуждало 6,5 часов. Хотели созвать Пленум ЦК. Но решили, — не стоит. Переговоры были джентльменскими по форме, а по существу весьма острыми и порою резкими. Но об этом вряд ли надо широко распространяться. Никсон был учтив, ухаживал, но свое протаскивал. Любит показуху, — внезапно появлялись корреспонденты. Демонстрировал “демократичность”, а вокруг мощные заборы, колючая проволока, морские пехотинцы в охране. Но я всё-таки не раз отрывался от Никсона, подходя к народу. Это было нарушением протокола, вызывало переполох хозяев. К переговорам мы готовились тщательно, обсуждали разные ситуации, возможные варианты. Было много напряженных выступлений, часто экспромтных. В общем, прямые контакты с Никсоном составили более 50 часов.

Провели день в его усадьбе Сан-Клементо. Там небольшой домик, приземистый и длинный, типа коровника. Вот, мол, как скромно. Обед был хороший, говядина отменная. Что важно? Договорились по Ближнему Востоку. Просил помочь завершить войну в Кампучии и Лаосе. Угнетало его Уолтергейское дело. Поминал недобрым словом сионизм, — в стране более 6 млн евреев, причем на ключевых ролях в политике и финансах. О режиме благоприятствования не договорились, но он обещал.

Встречался с сенаторами, выступал 2,5 часа. Памятными были две встречи с деловыми людьми. Говорил им о политике СССР, о необъективной информации, о том, что мы можем в экономике, как надо строить отношения. Убеждал, — люди вы деловые, но у вас нет масштаба, размаха. Упираетесь в детали, а перспективы не видите. Было время, с нами не считались, а сейчас “киты империализма” тянутся к Советскому Союзу. Но, не задали ни одного вопроса! Хотя пресса потом была благоприятная. Теперь надо работать над реализацией договоренностей”.

Встреча у Л.И.Брежнева продолжалась до 19.40. В основном это был монолог Генсека. Он хотел выговориться перед секретарями. Был активен, подвижен, даже импульсивен. Много курил. Ничто тогда не предвещало скорого нездоровья. Спрашивал и нас о делах в провинции. Кто-то пытался рассказывать. Он перебивал и вновь возвращался к американской теме. Неоднократно подчеркивал, что ему, ЦК нужна наша поддержка в реализации политических и экономических целей.

6 сентября 1973 года область выполнила план и обязательства по продаже зерна государству, поставив 1.820.000 тонн хлеба. На-

правив официальный доклад, я позвонил Л.И.Брежневу, сказал о такой победе. Он поздравил, говорит: «Я и не сомневался. А помнишь наш разговор в прошлом году, когда жестокая засуха уничтожила урожай? Как ты переживал! Но мы не стали брать у вас хлеб, понимали, — это подорвет животноводство. И вот успех. Теперь давайте компенсируйте», — со смехом закончил он беседу.

В день Победы 9-го мая 1974 года собрались семьей и двое моих давних товарищей, ещё по школе, с женами у нас на даче в дачном поселке Репное. Я приехал около 13.00, после всех ритуальных мероприятий, проводимых в Воронеже, как правило, очень широко. Меня с нетерпением ждали, — стол накрыт, аппетит хороший. Ну, как и полагается в такой день: тосты за Победу, за память погибших в войне, за здоровье ветеранов и так далее. Настроение растёт, за столом смех, шутки. Вдруг резкий протяжный звонок, — звонит аппарат ВЧ. Я беру трубку. В ответ: “Даю Москву”. И не как обычно — “С вами будет говорить Л.И.Брежнев”, сразу его голос: “Здравствуйте, Виталий Иванович! Сердечные поздравления по случаю дня Победы, наилучшие пожелания Вам и прошу передать также товарищам и семье!” Я, жестом утихомириваю застолье. И, конечно, благодарю. Высказываю какие-то пожелания и ему. Он говорит: “Наверное, оторвал Вас от праздничного стола?” Я подтверждаю. Смеётся: “Это правильно, такой день грех не отметить”. Голос хрипловатый, а интонации явно хмельные. Видно и сам уже отметил. “Радуюсь Вашим успехам. Прошлый год был знаменателен и для страны в целом. Надо закрепить успехи. Мне очень нужна ваша поддержка, поддержка ЦК, при необходимости! Дела у нас предстоят большие и важные”. Я не могу сразу собраться с мыслями. О какой поддержке речь? Но говорю что-то соответствующее.

Он переходит на более спокойный тон. Спрашивает, как складывается обстановка на селе? Прошли ли дожди, соединилась ли влага, каковы её запасы? Как с весенним севом? Сколько погибло озимых? Рекомендует не медлить с пересевом. Советует больше посеять ячменя, это даст лучшую отдачу. Я отвечаю, по-возможности, короче, чувствую, что он звонит не мне первому, будет говорить и с другими. Леонид Ильич поддакивает, гмыкает. Затем переходит к праздничной теме. Вспоминает военное прошлое: “Ныне день Победы, — это радость и слёзы. Что естественно и понятно! Ещё раз, Виталий Иванович, поздравляю. Наилучшие пожелания Вам и всем товарищам. До свиданья!”

Вот такой был разговор. Почему я привожу его? Дело в том, что 1974 год стал, как потом выяснилось, своего рода переломным в

деятельности Генерального секретаря ЦК. Именно в этом году ухудшилось его здоровье, что сказалось на делах в стране, породило разные слухи и домыслы. Поэтому я хочу сейчас, на опыте моих контактов с ним в этот и последующие годы, рассказать о своем, личном восприятии этой трансформации.

До того, я побывал у Л.И.Брежнева в начале марта. Он тогда постоянно работал в основном здании ЦК на Старой площади (в Кремле бывал лишь раз в неделю, по четвергам, когда там проходили заседания Политбюро ЦК). Дело было так.

Как я уже говорил, мы разработали предложения по совершенствованию структуры управления сельским хозяйством. Познакомившись с ними, Ф.Д.Кулаков посоветовал написать официальную записку в ЦК. Так и было сделано. Ещё раз обсудили эту проблему в обкоме и 4-го марта я приехал в Москву. Зашел к Федору Давыдовичу, тот прочитал все восемь страниц записки, просмотрел схемы специализации и управления применительно к области, району и позвонил К.У.Черненко. Попросил того организовать мне встречу с Л.И.Брежневым, объяснив причину. Я поднялся на 6-й этаж к Константину Устиновичу. Он не стал читать, говорит: “Оставь, а о приеме тебя известим”.

На другой же день мне передали, чтоб к 18.00 быть в ЦК КПСС. Л.И.Брежнев принял меня в 18.50. Встретил приветливо, у двери. Проводил до большого стола, сам сел в торце. Вид немного усталый и какой-то заторможенный. Начал разговор с итогов прошлого года, поздравил с успехами. Спросил, как дела в этом году. Я коротко ответил. Он повел разговор о самочувствии: “Что-то не по себе. Вроде грипп, но без температуры. Слабость. С утра ничего, а потом... — нет сил. Врачи обследовали, сделали рентген, — снизу и сверху. Зубы беспокоят. Вовремя не следил, всё некогда, а теперь... Но итоги обследования успокаивают, — слава Богу. Понятно, ведь нагрузки огромные. Я вчера приехал домой уже после полуночи. И держу себя в форме”.

Перешел затем к основной теме. Напомнил о том, что в декабре 1973 г. была разослана членам ЦК его записка о необходимости развития на селе межхозяйственной специализации и совершенствования управления сельским хозяйством. Сказал, что получил дельные предложения на этот счет от нескольких первых секретарей: “Верю им. Мы попали в кон по межхозяйственным животноводческим комплексам. Это подтверждают неплохие цифры показателей их работы. Важно не торопиться с организационными перестройками, учитывать специфику конкретного района. В записках из Алтая, Кубани, Марийской республики ставят вопрос о необ-

ходимости иметь в крае, области единый сельскохозяйственный орган. Недопустимо работать с 13-14 организациями. Но нужно идти по этапам. Теперь, о мелиорации, — важное дело, это — линия. Об удобрениях. Будет около 900 млн тонн и более высокого качества: сложные по составу, гранулированные. В записках подняты важные вопросы. Кто их пишет? Обкомы партии”.

Начал читать мою записку. Медленно, вдумчиво. Комментирует: “Хорошо, что растут у вас комплексы. Сейчас 39 тыс. скотомест, плюс 16 тыс. в системе “Скотопрома”, это всего 55 тысяч голов единовременной постановки по откорму КРС. Неплохо. Они дали почти половину говядины в 1973 году. Так, среднесуточные привесы на откорме 950 грамм, себестоимость центнера привеса 78 рублей! Вот бы такие показатели иметь по стране, а? Теперь свинокомплексы. Их всего 76. Они дали государству 63 тыс. тонн свинины, или 65 процентов. Затраты низкие, себестоимость центнера привеса 68 рублей. Совсем хорошо. Так, так. Ну, в птицеводстве у нас везде показатели хорошие”.

Стал рассуждать: “Первым взялся за спецхозы Н.Ф.Васильев. Некоторые его стали шельмовать (явно, стрела в А.Н.Косыгина), что дорого, а сами не разбираются в сельских проблемах. У нас дельный секретарь ЦК Ф.Д.Кулаков. Контактный, его уважают на местах. Хороший мне помощник”.

Опять стал читать записку. “Значит, специализация будет у вас продолжена за счет средств самих хозяйств? Это важно. А, то некоторые Ваши коллеги всё ходят с протянутой рукой к государству. Но надо строить качественнее. Думаю Минживмаш будет давать более современное оборудование”.

Долго читал следующий раздел. “Структура управления интересная. Значит, замкнуть все рычаги на уровне области и района?! Но здесь не надо торопиться. Сельхозтехнику предлагаете разделить? Вернее функции снабжения выделить. А, что? Помню, ведь был у нас..., как это называлось? (Я подсказал — ГУТАП.) Вот, вот. Они неплохо справлялись с обеспечением запчастями. Хотя, Александр Александрович (Ежевский) инициативный министр, но ведь и хозяйство огромное”.

В итоге сказал, что разошлет мою записку по Политбюро и обсудят предложения на заседании. Здесь же написал резолюцию на Записке. Ещё поговорил о письмах, идущих с мест: “Весьма чувствительные”. О декабрьском Пленуме ЦК: “Хорошо прошел. Важно закрепить успехи 1973 года и по-доброму завершить пятилетку”.

Попрощался. Встал, проводил до двери. Вновь пожал руку и пожелал успехов. Встреча заняла 55 минут.

Во время нашей беседы звонил Ю.В.Андропов. Леонид Ильич слушал его, не перебивая. Сказал только: “Смотри сам. Это полезно, будешь в курсе”. Потом с К.У.Черненко: “Передай Андрею Андреевичу о сроках, в 15.00 (что-то о заседании Секретариата). Тот, видимо, напомнил о каких-то обещаниях Шеварднадзе, потому что Леонид Ильич упомянул эту фамилию, но отмахнулся, не стал далее слушать и положил трубку.

Я, конечно, остался доволен разговором. Хотя Политбюро и не приняло по моей Записке специального решения, но затронутые в ней вопросы несколько раз обсуждались в ЦК и правительстве, наряду с аналогичными предложениями по проблемам села, поступавшими из других регионов страны. Были приняты и решения, способствовавшие углублению специализации сельского хозяйства и совершенствованию управления им.

Несколько иной была встреча с ним в июле 1974 г.

Предстояли Пленум ЦК и первая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва. Я приехал в Москву 23-го июля. На следующий день в 10 часов в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК. Вел заседание Л.И.Брежнев. Рассмотрели вопросы первой сессии ВС. Определили кого рекомендовать Председателем Президиума ВС СССР, заместителями. Состав Президиума ВС из 37 человек, председатели Палат ВС СССР, а также Комитетов и Комиссий ВС.

Следующий вопрос — о составе Правительства СССР.

Начал Леонид Ильич с “шутки”: “Товарищ Косыгин отказался. Не совсем, а временно...” (улыбнулся, смех, реплики). А.Н.Косыгин словно и не слышал, сидел с обычным непроницаемым видом. (Это была явно бестактная шутка, она не понравилась многим, но говорили мы об этом в кулуарах, после Пленума).

Затем Л.И.Брежнев стал читать по тексту, что Политбюро рекомендует Председателем Совета Министров А.Н.Косыгина. Заместители Косыгина: Мазуров, Архипов, Байбаков, Дымшиц, Кириллин, Лесечко, В.Новиков, Т.Новиков, Нуриев, Смирнов, Тихонов. Потом перечислил фамилии министров, председателей Госкомитетов. Генеральным прокурором — Руденко.

Вопросов, обсуждения не было. Никаких серьезных изменений состав Правительства не претерпел. Проголосовали единогласно.

Весь Пленум прошел за 40 минут.

Как всегда, будучи в ЦК КПСС, мы заходили к секретарям ЦК, в отделы по своим вопросам. Я был у Ф.Д.Кулакова. В конце беседы он невзначай, как и в прошлый раз, заметил: “Вам следовало бы информировать о делах и Генсека”. Естественно, я понял намек.

Вечером, после заседания старейшин в Кремле, я пошел на Старую площадь и поднялся на 5-й этаж. Там, перед приемной Л.И.Брежнева уже полно моих коллег, человек 30. Ясно, что и они получили рекомендации. В 19.00 нас пригласили в кабинет Л.И.Брежнева.

Поздоровались, расселись. Он сразу взял сельскую тему.

“О хлебе. Уборка идет. Где складывается хорошо? У Табеева, Шакирова. Готовят сюрприз — хотят дать 1 млрд пудов “заговорщики”: Оренбург, Волгоград и Саратов. Хорошо у Воротникова и Орлова. Правда, в ЦЧО кое-кто поглядывает сбоку, — а что скажет ЦК. Не называют цифры. Сложно в Казахстане. У Горбачева прихватило зерно на наливе. Трудно в Сибири. Там засуха. Украина борется за 1 млрд. Почему сразу о хлебе? Это не сезонный вопрос, не потому, что идет уборка. Это государственный вопрос. Винить секретарей обкомов, что не было дождя, нельзя. Но много можно сделать и в этих условиях. Сейчас стало модно идти в отпуск до уборки. Раньше мы об этом и думать не могли. Убрал урожай, отчитался, — тогда иди со спокойной душой отдыхать. Беспокоит Средняя Азия по хлопку. Колоссальный недобор воды. Не было таяния снега в горах и в долинах засуха. О кормах. Очень важно взять всё, что есть и заготовить впрок. О транспорте. В минобороны мы взяли 80 тысяч машин. Всё. Больше не просите. Особо о свёкле. Сахар купить негде. Поэтому не упустите свёклу. Машины на уборку свёклы дадим.

О мелиорации. Остановить этот процесс никто не смеет! Вложения на мелиорацию будем увеличивать. Вообще, обеспечение водой приобретает колоссальное значение на будущее. Голландия возит воду танкерами. Видимо, придется ускорить рассмотрение вопроса об использовании северных рек. (Именно тогда возникла эта спорная идея?!) Уходит Каспий и другие крупные водоемы. Надо думать, и решать своевременно.

О руководстве уборкой, да и другими делами. Главное, это предвидеть, а не констатировать. Иногда звонят, пишут записки о том, что мы и сами знаем. Надо видеть перспективу, вносить предложения, чтобы не допустить срыв. Мы всегда внимательны к таким запискам. Я говорю вам о проблемах, — вы руководящее ядро партии. Вы должны знать обстановку в стране, позицию Политбюро”.

Потом Л.И.Брежнев обстоятельно разобрал положение в животноводстве. Отметил положительные подвижки в производстве мяса, молока, яиц. Посетовал, что мало говядины и баранины. Подчеркнул важность зерновой проблемы. “Будет зерно, — будет и мясо. О

комплексах. Мы за этот курс, но ребята не наломайте дров. Гонка не нужна. Надо разумно тратить капиталовложения”.

Затем изменил тему: “На высоком уровне прошли выборы в Верховный Совет. Кое-где набросали против (посмотрел в сторону Куличенко, Волгоградского секретаря, получившего немало голосов против). Не надо это драматизировать. Нужно смотреть и не допускать провалов, влияющих на настроение людей. Дело ведь не только в мясе и молоке. Нельзя упускать вопросы воспитания, нужно знать обстановку, иметь постоянные контакты с народом, его разными социальными слоями”.

Заговорил о международных делах: “Они, прямо скажу, забивают. Нет времени. Наши успехи в этом налицо. Все стремятся приехать к нам, попасть на прием к руководству страны. Просят: Шмидт, Вильсон. Политбюро ИКП приглашает меня приехать в Италию. Это хорошо. Наш принцип, — хочешь мира, борись за него. А не болтай попусту. Сейчас воздержимся от визитов, сделаем перерыв. Но международные вопросы очень важны. При В.И.Ленине Политбюро ЦК заседало до 15.00. Он считал, что дальше непроизводительное время. Но и тогда сначала рассматривали международные вопросы. Хотя в стране была тяжелейшая обстановка: интервенция, разруха, саботаж и т.д.

Вот, сколько наговорил я вам. Давайте, расплачивайтесь хлебом! (Смех, шутки). Понимаю, — пока рано говорить о караваях. И хотя у меня свой счёт, я верю вам”.

Собственно, на этом встреча закончилась. Кое-кто из товарищей пытался подкрепить и развить темы, затронутые Брежневым, но было ясно, что ему нужно было высказаться перед группой руководителей наиболее крупных областей, краев и республик. А они разнесут содержание беседы по стране. Видно было, что Генсек устал, как-то сразу сник. От начального активно-напористого поведения не осталось и следа. Я тогда объяснил такое состояние чрезмерной перегрузкой в работе. Он и сам подчеркивал это. Однако, последующие встречи с Леонидом Ильичем, его внешний облик, поведение, разговор явно говорили о нарастании болезненного состояния. Мы ещё не знали тогда о серьёзном срыве, происшедшем с ним во время недавнего визита в Польшу. Но, именно с этого момента перед нами стал представляться другой Брежнев. Все более снижались его энергия, активный напор, коммуникабельность, внешнее обаяние. Особенно заметно трансформация личности проявилась на последующих встречах в декабре этого же года.

Очередной Пленум ЦК КПСС состоялся 16 декабря 1974 г. Открыл его, как всегда Л.И.Брежнев. Посвящен он был проекту пла-

на и бюджета на 1975 год. Начались прения. Леонид Ильич был невнимателен, скорее безразличен к происходящему. Перебрасывался словами с коллегами в президиуме, запаздывая предоставить слово очередному оратору. Выступило всего 13 человек. В заключение взял слово Л.И.Брежнев. Говорил он, в отличие от своих речей на предыдущих Пленумах, коротко, без задора, монотонно по довольно стандартной схеме. Примерно к полудню мы завершили работу.

Сессия Верховного Совета открывалась 18-го числа, поэтому 17-е было свободным (возможно, его резервировали для продолжения Пленума, но такая надобность отпала). Я побывал в этот день у Мазурова, Нуриева, Соломенцева, Кулакова. Из бесед с ними я понял, что наши предложения о совершенствовании управления сельским хозяйством завязли в аппаратах Совминов и ЦК. И я решился обратиться к Брежневу, ведь он дал добро этой инициативе. От Кулакова поднялся на 5-й этаж. Зашел в приёмную Л.И.Брежнева. Там тихо, сидит одна Э.С.Насриддинова, которую освободили на прошлой сессии от работы председателя Совета Национальностей ВС. Секретарь сказал: “Леонид Ильич не планировал сегодня кого-либо принимать, но сейчас у него А.Ф.Добрынин, наш Посол в США. Подождите, я спрошу примет ли он Вас. Вскоре Анатолий Федорович вышел. Секретарь доложил и, выйдя пригласил Ядгар Садыковну, сказав что Брежнев примет и меня. Она пробыла у Леонида Ильича минут 40. Было уже около восьми часов вечера.

Л.И.Брежнев встретил меня ворчливо: “Заходи, Воротников. Все говорите надо беречь Брежнева, а сами нагружаете. Вот Насреддинова вымотала мне душу”. Ну, подумал я, на кой чёрт пришел не вовремя?! И решил, не говорить о деле. Генсек был расстроен и заторможен. Говорил медленно, ещё более было похоже, мешал ему прикус зубов. Не спрашивая меня о цели прихода, он сам стал рассуждать: “Мы всё о делах и делах. Вот и на Пленуме: снабжение, мясо, деньги, лимиты. Конечно, нельзя не учитывать проблем, что ставит жизнь. Надо видеть и анализировать их”. Потом, без логического перехода: “Вот какие срывы. Строим одновременно 300—350 заводов. Ни одного не ввели. Почему? Кто за этим смотрит? Лучше начать 50 и через два года ввести в строй. Строим, — бросаем, строим, — бросаем. Аппарат, — 1500 человек, отделы, сектора. Кто же смотрит? Я специально на Пленуме привел пример о компенсационных сделках. Кому за этим смотреть? “И выше...”, — многозначительно произнес он, и после паузы, — “Вы заметили, что этого не было в тексте? (Опять самые прозрач-

ные намеки в адрес Совмина и А.Н.Косыгина). Капиталисты заставят нас платить штрафы. Во Владивостоке я хорошо поговорил с Фордом во время прогулки. Совещание по безопасности в Европе будет. Нам нужно ещё 30 лет прожить без войны”. Доволен, что получил поддержку на Пленуме: “Это приятно”. О роли парторганизаций: “Этому в Вузе не учат”. Ну и, конечно, несколько фраз о делах в сельском хозяйстве. Перешел вновь к своим встречам. О Жискар де-Эстене: “Французская барышня, она имеет большой вес. За ней надо ухаживать”. И завершил 20-минутный разговор: “На Пленуме я был нездоров, вы наверное заметили”. Я понял, что встреча окончена. Сказал два слова, что дела идут в области неплохо. Проблемы решаем. Поблагодарил за беседу, извинился, что задержал его. Он положил руку мне на плечо, проводил до двери и попрощался.

Вот такой была, по сути, предпоследняя моя личная встреча с Л.И.Брежневым. Впечатление не радостное. Какая-то неадекватность поведения, перескакивает с темы на тему, теряет нить разговора. То оживится, то потухнет, замолчит. Лишь много позднее нам стало известно, что именно во время Владивостокской, очень важной и напряженной встречи с Фордом, его состояние было на грани срыва, который и произошел во время поездки в Монголию в ноябре 1974 года. Он впал в “невменяемое астеническое состояние” — так считает Е.И.Чазов, — “по причине чрезмерного приема сильнодействующих успокаивающих средств, к чему он все более и более пристрастился”. Другие говорят, — был приступ нарушения мозгового кровоснабжения. Так или иначе, состояние здоровья Л.И.Брежнева с этого времени стало ухудшаться.

Как пишет в своей книге Е.И.Чазов: “Брежнев все более и более терял способность к критическому анализу, снижалась его работоспособность и активность, срывы были более продолжительными и глубокими”. Но, Генсек продолжал исполнять должность.

После 1974 г. я видел Л.И.Брежнева лишь на партийных форумах и праздниках. При переводе меня из Воронежа на работу в Совмин РСФСР, в июле 1975 г., со мной беседовал А.П.Кириленко. Утверждали на заседании Секретариата ЦК, который вел М.А.Суслов. Но с Л.И.Брежневым беседы не было.

19 декабря 1976 года. 70-летие Л.И.Брежнева.

В Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был прием в честь юбилея Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева.

За главным гостевым столом, вместе с членами Политбюро ЦК: Э.Герек, Э.Хонеккер, Я.Кадар, Т.Живков, Н.Чаушеску, Г.Гусак,

Ю.Цеденбал, Рауль Кастро. Остальные гости разместились за отдельными столами по 8—12 человек. Столы располагались в зале рядами вдоль основного прохода, а также в углублениях (пилонках) между колоннами. Мне было предоставлено место именно за одним из таких столов с правой стороны, недалеко от «президиума». Соседство приятное, одни оборонщики: П.В.Дементьев, С.А.Зверев, В.В.Бахирев, С.А.Афанасьев, несколько военных, предсовмина БССР Т.Я.Киселев. Так что, компания дружная, и тем для разговоров много. Вечер прошел оживленно, на подъеме.

В 1975—79 гг., — в период работы 1-м заместителем председателя Совмина РСФСР, во время отсутствия М.С.Соломенцева, — в отпуске, командировке, или по болезни, меня приглашали на заседание Политбюро ЦК. Как правило, заседания Политбюро вел Л.И.Брежнев, а также М.А.Сулов или А.П.Кириленко.

Запомнились некоторые из них, которые вел Л.И.Брежнев.

Заседание Политбюро 22 июля 1976 г.

Обсуждали Записку Совмина РСФСР, МИДа и КГБ о некоторых пограничных вопросах с КНР. Речь шла о заселении приграничной зоны, откуда ранее были переселены жители. Практика показала, что эта мера осложнила охрану границы. Когда в приграничной зоне находилось население, они помогали быстрее обнаружить «чужака» и уведомить об этом погранзаставу. Докладывал Ю.В.Андропов. Выступили: А.Н.Косыгин, Ф.Д.Кулаков, обосновал позицию Совмина и я. Записку одобрили, определили меры материальной помощи переселенцам, строительство жилья, обустройство и льготы.

Леонид Ильич сказал три слова: «Ну, одобрить? Хорошо».

На заседании Политбюро 24 июня 1977 г. обсуждались вопросы: «О развитии черной металлургии», «О мерах развития торговли» и «О повышении эффективности использования трудовых ресурсов в легкой промышленности» — речь шла о внедрении нового оборудования и облегчения труда, так как отрасль испытывала недостаток в людях рабочих профессий. Решения по первым двум вопросам были приняты практически без обсуждения. А по третьему разгорелся спор. Особенно горячо и резко выступал А.П.Кириленко, и А.Н.Косыгину, знатоку легкой промышленности, пришлось репликами «осаживать» оппонента. Тогда Л.И.Брежнев предложил: поручить им и Комиссии ЦК уточнить проект постановления с учетом обсуждения. (28 июня, с моим участием, такое обсуждение состоялось, и нашли приемлемое решение).

7 июля 1977 г. на заседании Политбюро ЦК рассматривали воп-

рос «О завершении строительства 2-й очереди завода «Атоммаш» в Волгодонске». Докладывал И.Т.Новиков.

Он говорил, что в стране определена широкая программа сооружения АЭС. За 1981—86 гг. намечено ввести мощности на 28 млн квт, плюс за рубежом — 11 млн. квт. А поставки оборудования для атомных электростанций отстают. Большие надежды на Атоммаш, но там строительство идет медленно».

Обсуждение было активным. От Совмина выступал К.Т.Мазуров. Я высказал замечание по проекту, что следует особо обратить внимание на ускорение сооружения жилья и объектов социальной сферы, сооружение которых отстает от производственного строительства. Все поддержали проект постановления, но также внесли ряд предложений.

Л.И.Брежнев, заглядывая в бумажку, сказал: «Мы набрали на себя большие обязательства. Дай бог справиться. Задача сложная, так как мы решили строить Атоммаш комплексно. Параллельно с возведением производственных корпусов вводить жилье, больницы, школы, объекты коммунального хозяйства. Это всем ясно. Нужны дополнительные КВ и добавить строителей. Поручить Мазурову, Кириленко, Новикову В. и Госплану — Лебедеву, с учетом обсуждения отработать проект постановления ЦК и СМ».

28 мая 1978 г. На заседании Политбюро рассматривали предложения среднеазиатских республик, поддержанные Минводхозом СССР, о переброске части стока северных и сибирских рек на юг, с целью улучшения водоснабжения этих регионов и мелиорации рисовых плантаций. Несмотря на обоснованные протесты, что проект сырой, не проработан экологически, не обоснован в финансовом отношении, — принципиальное решение было принято. (Вновь возвратились к этому вопросу в декабре).

21 декабря 1978 г. Заседание Политбюро.

Мне запомнилось это заседание потому, что перед рассмотрением повестки дня Леонид Ильич повел речь о регламенте работы ПБ. Видимо ему было трудно вести заседание даже в течение 1,5—2-х часов, и он привел пример из опыта работы Политбюро во времена В.И.Ленина. Вот что зачитал Л.И.Брежнев:

«По докладу В.И.Ленина был определен регламент работы Политбюро: 1. Докладчику — 10 мин.

2. Ораторам: 1-й раз — 5 мин., 2-й раз — 3 мин. Причем, выступать не более 2-х раз.

3. По порядку ведения — 1 мин.

Было принято: изъятие из этих правил — по особому разрешению Политбюро. Владимир Ильич строго следил, и без церемоний

останавливал ораторов. Пресекал попытки переговоров во время заседания. Дежурному секретарю вменялось в обязанность останавливать разговаривающих. Вот, так бы и нам», — закончил читать Л.И.Брежнев. Но эти слова остались добрым пожеланием.

Затем пошли по повестке.

Утверждение кадров.

О новогоднем поздравлении. Читать Левитану.

О переброске части стока сибирских рек. Решили: пока вести научно-исследовательские, проектные проработки. Конкретно рассмотреть по мере готовности проекта. «Но надо подходить к этой проблеме», — подчеркнул Л.И.Брежнев.

4 января 1979 . Заседание Политбюро.

За повесткой. Заслушали мою информацию о последствиях сильных морозов, накрывших европейскую часть РСФСР, и принятых мерах. Наши мероприятия одобрили, и поручили Совмину Союза и РСФСР, также и местным органам незамедлительно оказать необходимую помощь предприятиям и людям, пострадавшим от морозов.

По повестке.

О строительстве автомобильного завода в Красноярске.

Об образовании союзного министерства речного флота.

Предложение внес Отдел транспорта ЦК. Возник спор. В.И.Долгих и А.П.Кириленко — за. Андропов — «надо поручить этот вопрос Совмину, пусть он внесет предложения». Я выступил категорически против, и обосновал, так как 93 % речного судоходства ведется на территории РСФСР. Сказал, что нужно немного помочь капвложениями, а все проблемы речников мы решим сами. Молчавший до этого А.Н.Косыгин поддержал меня: «Незачем плодить союзные министерства. Просьбы России мы рассмотрим». Однако Л.И.Брежнев, в пику Косыгину, все-таки заявил, что пусть Комиссия ещё раз изучит этот вопрос. (Позже авторы отказались от этой идеи).

Было ещё несколько заседаний Политбюро, в которых я принимал участие. Что можно сказать в обобщение? Леонид Ильич Брежнев был уже тогда болен, порой, можно было наблюдать такую картину: идет горячая дискуссия, а он подремывает на председательском кресле. Вел заседания по шпаргалке, сбиваясь, путая вопросы. Картина была грустная.

В середине января 1979 г. было принято решение Политбюро ЦК направить меня в Республику Куба Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР. Вскоре был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о моем назначении. Два месяца я готовился к поездке. Имел встречи и беседы со всеми товарищами

из руководства страны и партии. Но беседы с Л.И.Брежневым не было. Он редко появлялся в ЦК, основное время проводил в Кремле. А. А. Громыко и К.В.Русаков обещали, что встреча обязательно будет. Дата моего отъезда была определена — 18 апреля.

17-го апреля 1979 г. начал работу Пленум ЦК КПСС. На нем рассматривались организационные вопросы первой Сессии Верховного Совета СССР 10-го созыва.

В перерыве К.В.Русаков подозвал меня и сказал, что сейчас пройдем к Л.И.Брежневу. Мы вошли в примыкавшую к Свердловскому залу небольшую комнату, где собирались обычно перед заседанием и в перерывах члены Политбюро. Там накрыт большой стол для чая, но за столом сидели лишь несколько человек, остальные стояли группами у стен и двух окон.

Мы подошли к Л.И.Брежневу. Он встретил приветливо, поздоровался и громко воскликнул, обращаясь ко всем: «Вот, товарищи, наш новый посол на Кубе — Воротников. Вы все его знаете». Послышались одобрителльные, поддерживающие реплики Д.Ф. Устинова, Г.В.Романова, П.Н.Демичева. Пробасил что-то одобрителльное А.А.Громыко. Л.И.Брежнев продолжал: «Я прекрасно знаю Воротникова, сам вытащил его из Воронежа в Москву. И здесь он быстро вошел в работу. А сейчас даем ответственное поручение. Дело важное. Для нас Куба особая страна. Что здесь распространяться. Все знают». И, обращаясь ко мне: «Хочу поздравить тебя с назначением и пожелать успехов. Уважение к тебе было здесь и, уверен, будет там. Большой привет Фиделю, Раулю, всем товарищам. Передашь Фиделю мое личное послание. В нем есть хорошие слова и о новом после».

Вновь подал реплику Д.Ф.Устинов: «Сейчас между Кубой и Советским Союзом установились как никогда хорошие связи и особенно личные отношения между Леонидом Ильичем и Фиделем». Л.И.Брежнев поддержал: «Знаю и верю Фиделю. Надеюсь, что у тебя там наладятся товарищеские контакты с руководителями Кубы. Всё будет хорошо. Не переживай, видимо, ему было известно о моем настроении, мы тебя надолго не отпустим. Ещё раз желаю здоровья и успехов». Я поблагодарил за доверие и сказал, что буду работать с полной отдачей.

Такое вот было короткое напутствие, буквально в течение 7—8 минут.

И последняя встреча с ним состоялась 17 декабря 1979 года. О ней стоит рассказать.

Мы прилетели в Союз в отпуск. Обычно в это время я по делам бывал в МИДе, Совмине Союза, Минобороны, Госплане, в дру-

гих министерствах и ведомствах. Обязательно заходил в отделы ЦК, заходил и к секретарям ЦК. Проблемы Кубы требовали информации, совета и помощи. Решил я доложить и Л.И.Брежневу.

Мне назначили встречу на 17-е декабря, в 18.00. Вот уже ряд лет, как Леонид Ильич обосновался для работы только в Кремле, на Старой площади не бывал. Я пришел в Кремль заранее. Сел в приемной, других посетителей не было. В течение минут 30 к нему в кабинет входили и выходили ребята из охраны, врач с чемоданом, парикмахер, ещё кто-то. Позже я понял, что после дневного сна его приводили в порядок. Дежурный секретарь в приемной попросил меня говорить громче и предупредил, что через 10—15 минут Леонид Ильич должен уехать.

В 18.15 я зашел в кабинет. Л.И.Брежнев сидел за столом. Без регалий. Его болезненный, старческий вид поразил меня. Немного привстав, пожал мне руку: “Садись. Здравствуй. Я просил, чтоб ты зашел на минуту. Я должен уехать. Может, завтра встретимся?” Я подумал, что откладывать разговор не стоит. Поблагодарил его за возможность встречи. Сказал, что больших вопросов у меня нет, так как имел обстоятельные беседы с Громыко, Устиновым и другими товарищами. А завтра, при Вашей занятости, может и не удастся встретиться. Он подтвердил: “Да, дел много. Сегодня больше двух часов принимал делегацию компартии Японии. Непростая была беседа. Ведь 14 лет разрыва. Завтра встречаю Ангольскую делегацию и переговоры с ними. Ну, рассказывай”.

Я вкратце рассказал о первых шагах работы. Что установились нормальные отношения с Фиделем и Раулем. Он перебил: “Это хорошо, начал ты неплохо. Отзывы хорошие”. Проинформировал о политической обстановке в стране, об экономике. О положительной реакции Фиделя на его письма и доверительную информацию. Фидель всегда подчеркивает это в моих беседах с ним. Сказал, что желательно бы пригласить Фиделя на Олимпийские игры в Москву. Он прервал: “Это можно. Давай, передай Фиделю мое личное приглашение. Мы организуем ему поездки в Киев, Ленинград, Ригу, Минск. Куда захочет. Мы не можем пригласить всех руководителей соцстран. Но Фиделя Кастро! Давай, это мысль. Пусть приедет. Большой ему привет, также Раулю и Мильме (видимо, Вильме)”.

Вошел секретарь, сказал, что звонит Д.Ф.Устинов. Брежнев взял трубку: “Слушаю тебя”. Тот начал: “Дорогой Леонид Ильич...”, Брежнев перебил его: “Дорогой, а ехать на матч не хочешь”. Слышно, как Дмитрий Федорович отвечает: “Не могу. Я принимаю министра обороны Австрии”. Брежнев: “Пошли его... Вот Костя (Чер-

ненко) едет, а ты... Ну, ладно, в другой раз”. Положил трубку и, обращаясь ко мне: “Замечательный человек Дмитрий Федорович. Классный специалист промышленности и министр. Но, прежде всего, человек, друг замечательный”. Я сказал, что был у него на приеме. Обговорили проблемы Анголы, там была кубинская делегация. Леонид Ильич все время отхлебывал кофе с молоком, увлажняя рот. Говорил замедленно, как с кашей во рту.

Встал: “Ну, что ж. Ещё раз желаю успеха. Так держать. Привет и пожелания Фиделю”. Я поблагодарил. Леонид Ильич полуобнял и повел меня до двери. Вышел в приемную. Спросил, что у него на завтра. Я попрощался и вышел.

Позже, в 1982 году, при переводе меня из Кубы в Краснодар, он не встречался со мной. Из Краснодара я имел с ним телефонные разговоры. Звонил в Крым, приглашая на юбилейные торжества в Новороссийск. Он сначала пообещал, а спустя несколько дней позвонил, что не сможет, но направит свое приветствие. В начале сентября он сам позвонил из Москвы. Интересовался: «Будет ли выполнен план продажи зерна государству?» Я заверил, судя по намолотам, — есть уверенность, что выполним. Хорошо? «А как с рисом?» Ответил, что валовой сбор риса по прогнозам будет недостаточен, поэтому до плана не дотянем. Спросил о настроении в народе. Я кратко объяснил.

Последний раз я говорил с Л.И.Брежневым 1-го ноября 1982 г. Получилось так. Завершив уборку риса, край выполнил план продажи государству зерна, сдав более 4,2 млн тонн. Как было принято, я доложил об этом секретарям ЦК Ю.В.Андропову и К.У.Черненко. Юрий Владимирович поблагодарил за информацию, спросил, как обстоит дело с кукурузой, поинтересовался общей обстановкой на Кубани. Я кратко рассказал. Константин Устинович поздравил меня с этим успехом и спросил: “Доложил ли о хлебе Леониду Ильичу?” Нет, не доложил. “Ну, тогда он сам тебе позвонит. Жди”. Действительно, вскоре звонок телефона ВЧ “по молнии”, таков был вызов, когда звонил Генеральный секретарь. Я взял трубку. Дежурный секретарь сказал, что сейчас будет говорить Леонид Ильич. Попросили информировать сжато, говорить громче и не более 3-х минут. После общих приветствий, Л.И.Брежнев спросил: “Как идут дела?” Я доложил о хлебе, сказал, что год завершаем вообще хорошо, обстановка на Кубани нормальная. Он поблагодарил, спросил об урожае риса, о погоде и всё. Речь смазанная, неразборчивая. Это было за девять дней до кончины Л.И.Брежнева.

10 ноября в 21.20 мне на квартиру позвонил начальник краевого управления КГБ Г.И.Василенко: “Срочное сообщение, прошу

принять на квартире”. Приехал. Сказал, что получил телеграмму — скончался Л.И.Брежнев. Мы сразу — в крайком. Пытаюсь связаться с ЦК по ВЧ — никого нет. Или не соединяют. Дозвонился до М.В.Соколовой (сотрудница общего отдела). Она говорит: ждите. И только в 22.30 мы получили официальную телеграмму в крайкоме: сообщение Политбюро о том, что 10 ноября рано утром скоропостижно скончался Л.И.Брежнев. Обращение — принять на местах меры по активизации трудовой деятельности предприятий и хозяйств. Разъяснить, что ЦК будет и впредь проводить внутреннюю и внешнюю политику на основе решений XXVI съезда и т.д. Членов ЦК вызвали в Москву.

12 ноября 1982 г. Пленум ЦК КПСС в Свердловском зале Кремля.

Ю.В.Андропов открыл Пленум коротким (15 минут) вступлением.

Затем по поручению Политбюро выступает К.У.Черненко. Говорит о тяжелой утрате для партии и народа, — кончине Л.И.Брежнева. Этот урон трудно восполнить. Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно. И от имени Политбюро предлагает избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС Ю.В.Андропова. Спрашивает, есть ли вопросы? Нет. Другие предложения? Нет. Голосует — единогласно.

Участники Пленума встают и аплодисментами приветствуют нового Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова.

Юрий Владимирович произносит ответную речь. (В ней он тонко уходит от тезиса К.У.Черненко относительно коллегиальности в работе). В 12.30 весь состав ЦК приходит в Колонный зал Дома Союзов. Там установлен гроб с телом Л.И.Брежнева. Церемония прощания. Все проходят у гроба и выходят из зала.

В 12.30 все члены ЦК пришли в Колонный зал Дома Союзов, прибыли и члены политбюро. В скорбном молчании постояли вокруг постамента, на котором установлен гроб с телом Л.И.Брежнева. Члены Политбюро подходят к членам семьи, выражают соболезнование жене, дочери, сыну и близким Леонида Ильича. Потом мы все проходим вокруг гроба, и выходим из зала. Вся церемония заняла минут 15—20.

Похороны назначены на 15 ноября. По рекомендации руководства ЦК, все секретари обкомов, крайкомов партии сразу разъехались на места. Так что на похоронах Л.И.Брежнева я не был.

Траурные мероприятия в Краснодаре проходили 13, 14 и 15 ноября. Ритуал похорон смотрели по телевидению. В Москву прибыли все главы стран соцсодружества. Приехал Ф.Кастро, И.Стамболич — СФРЮ, С.Машел — Мозамбик, Х.Менгисту — Эфиопия. Лидеры

компартий: Ж.Марше, Г.Хилл, С.Арисмеди, У.Каштан, Э.Берлингуэр и другие.

А также лидеры стран: П.Трюдо — Канада, П.Моруа — Франция, Д.Судзуки — Япония, У.Пальме — Швеция, И.Ганди — Индия. Президенты: Австрии — Р.Кирхшлегер, ФРГ — К.Карстенс. Вице-президент США — Д.Буш, Генсек ООН — Х.Перес де Куэльяр и другие.

15 ноября, в 11.30 вынос гроба из Дома Союзов (Гришин, Горбачев, Щербицкий, Романов, Пономарев, Соломенцев, Долгих, Капитонов, Зимянин). Устанавливают гроб на орудийный лафет. Шествие на красную Площадь к мавзолею В.И.Ленина.

12.00. Траурный митинг открывает Ю.В.Андропов. Выступили: Д.Ф.Устинов, А.П.Александров, секретарь Днепропетровского ГК КПСС, рабочий одного из московских заводов.

Захоронение у Кремлевской стены. Орудийные залпы, гудки в течение 3-х минут. Все предприятия страны остановили работу на 5 минут.

Затем руководители партии вновь поднялись на трибуну мавзолея, и торжественный проход нескольких рот войск Московского гарнизона.

Уход из жизни Л.И.Брежнева не был неожиданным. Состояние его здоровья в последнее время было таково, что трагический исход мог наступить в любое время. И все же кончина Л.И.Брежнева отозвалась шемящей грустью в сознании многих, в том числе и у меня. В памяти всплывали встречи с ним в 1950-е годы, — молодым, активным, напористым и авторитетным руководителем. Он лично внес большой вклад в ракетостроение и укрепление безопасности СССР. Восьмая, послехрущевская, пятилетка (1966—1970 гг.) была самой эффективной в развитии всех отраслей народного хозяйства страны. Нельзя сбросить со счетов и постоянное его внимание сельскому хозяйству, где также были, хотя и небольшие, но успехи в начале 70-х годов. Вспомнилась его настойчивость во внешнеполитической деятельности: заключение в 1972 г. Договора ОСВ-2, урегулирование послевоенных границ в Европе и отношений между ФРГ и ГДР, наконец, Хельсинское соглашение 1975 г.

Все это так. Но, с середины 1975 г., последние семь лет жизни Л.И.Брежнева воспринимаются по-иному. Болезненный недуг представил стране и миру совсем другого Брежнева, — равнодушного, безвольного, падкого на лесть и поток наград. Позже, Е.И.Чазов напишет в своей книге: «С времени, после XXV съезда я веду отчет недееспособности Брежнева, как руководителя и политического лидера страны, и в связи с этим — нарождающегося кризиса партии и страны».

Информированные члены ЦК доверительно говорили, что Леонид Ильич сам обращался к коллегам в Политбюро, хотя и не настойчиво, о том, — не пора ли ему, в связи с состоянием здоровья, уйти в отставку. Но его ближайшее окружение воспротивилось этому, убедив, что надо лишь подлечиться и продолжать работу. Таким образом, видя немощь Генсека, они не набрались воли и мужества, чтобы своевременно пойти на кадровые перестановки.

Эти обстоятельства негативно отражались на положении дел в государстве. Страна затормозилась в своем развитии. Ситуация в экономике, особенно в 1979—1982 годах, стала ухудшаться. Намечился определенный спад в темпах развития производства в ряде отраслей промышленности. Отсутствие стимулов научно-технического прогресса сдерживало рост производительности труда. Отставание уровня технологий, особенно на предприятиях выпускающих товары для населения, отрицательно сказывалось на качестве продукции. Не способствовала повышению производительности труда и качества продукции застойность кредитно-финансовой системы, и консерватизм ценовой политики.

Ухудшилась в эти годы обстановка и в сельском хозяйстве. В ряде областей были вынуждены ввести талоны, своего рода систему нормированного распределения некоторых видов животноводческой продукции — мяса и животного масла. (Хотя в 1982 г. душевое потребление мяса и молока, в среднем по РСФСР, составляло соответственно: 61 и 321 кг. А в 1999 г., при кажущемся изобилии, 45 и 290 кг.). Однако введение норм снабжения вызывало недовольство населения. Сузился ассортимент промышленных товаров, меньше стало импортной продукции. Причин тому немало и субъективных, и объективных.

При этом многих, в том числе и нас, членов ЦК, руководителей ряда областей и министерств поражало равнодушие и бездействие высших партийных и государственных структур, молчаливо взиравших, как страна теряет темпы. Хотя чему было удивляться? Л.И.Брежнев был неработоспособен уже много лет. Долго и самоотверженно тащивший экономический воз А.Н.Косыгин надорвался, тяжело заболел, в 1980 году ушел в отставку, и вскоре, в декабре того же года, его не стало. Почти полностью отошел от дел фактически неадекватный А.П.Кириленко. Не работал, а лишь несколько часов присутствовал в ЦК М.А.Сулов. А в январе 1982 г. не стало и Сулова. И этот перечень болезней, старости и пассивности среди руководства страны можно продолжить.

Различные обращения и письма ЦК к партии и народу о повы-

шении активности в работе, борьбе с бюрократизмом уже не срабатывали. В партийном и хозяйственном активе, в народе зрело недовольство, протест, а с телеэкранов звучали бодрые голоса, звенели награды.

Были и объективные причины. Стало все труднее и труднее вести такое огромное народное хозяйство страны старыми методами. Централизация все более давила и сдерживала инициативу мест. Ни Госплан, ни Госснаб, ни Минфин, ни другие экономические ведомства уже не были в состоянии «проворачивать» этот огромный маховик механизма экономики страны. Настоятельно требовались реформы. Надо было разгружать от забот верхние эшелоны власти, передавать права и ответственность вниз.

К тому же все более расклеивались экономические отношения с зарубежными странами. Контакты нашего руководства с лидерами братских соцстран носили формальный характер. Традиционные крымские встречи Л.И.Брежнева — это была профанация. Буксовал СЭВ.

Было очевидно — нужна ротация, смена руководства, обновление кадров. На высоких государственных и партийных постах некоторые товарищи пребывали по 15—20 лет. Такова была политика брежневской «стабильности кадров». Необходим был поиск и решение экономических и социальных проблем в условиях совершенствования механизма управления, раскрытия потенциала социализма, повышения инициативы и заинтересованности людей в результатах труда. Об этом говорили мы между собой, это понимал и Ю.В.Андропов, и стал буквально с ходу обсуждать эти проблемы, готовить и реализовывать некоторые свои задумки.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОСЫГИН

Алексей Николаевич Косыгин, личность выдающаяся. Думаю, что в послесталинский период, с середины 50-х и до кончины в 1980 г., он был наиболее авторитетным и популярным в народе государственным и политическим деятелем. Великолепный управленец, эрудированный экономист-финансист, разносторонне образованный и воспитанный, с богатым жизненным опытом, А.Н.Косыгин являлся примером истинно русского интеллигента.

Его недюжинные качества особенно сильно проявились, когда он был назначен в октябре 1964 г., — после отставки Н.С.Хрущева, — на пост председателя Совета Министров СССР.

На октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК наряду с другими, выступил и А.Н.Косыгин, тогда член Президиума, первый заместитель председателя Совета Министров СССР. Эта его речь представляет интерес, так как характеризует А.Н.Косыгина, как высоко ответственного и принципиального человека.

Его речь отличалась объективностью, четкой обоснованной аргументацией, лаконична и не унижающая человека.

Ещё работая на авиационном заводе, а затем в Куйбышевском обкоме партии, я, конечно, слышал от многих, в той или иной степени имевших контакты с Алексеем Николаевичем Косыгиным, самые лестные, восторженные отзывы о нем. Всех поражала его эрудиция, феноменальная память, умение найти решение трудных народно-хозяйственных задач. Подчеркивали его строгость, даже суровость, никакого «руководящего чванства», принципиальность, жесткая требовательность, в то же время, — умение выслушать, оказать поддержку в решении насущных проблем, внимательное и заботливое отношение к людям. Во всем этом я мог убедиться, когда судьба подарила мне возможность частых встреч и бесед с ним в 70-е годы, как в Воронеже, так и в Москве.

Но первое знакомство с А.Н.Косыгиным состоялось в 1968 г. на заседании Президиума Совмина СССР, которое он вел. Обсуждался очередной проект Постановления ЦК и СМ СССР о ходе строительства Волжского автозавода в Тольятти.

Именно А.Н.Косыгин смог доказать необходимость в приоритетном порядке начать сооружение этого автомобильного гиганта в содружестве с итальянской фирмой «Фиат». Ведь ещё в 1962 г. руководство «Фиата» обращалось к Н.С. Хрущеву с таким предло-

жением, но он отверг его. Алексей Николаевич побывал в Италии, познакомился с рядом современных предприятий, и убедился в необходимости и полезности для СССР сотрудничества с теми из них, которых отличал высокий организационно-технический уровень. Конкретно, с фирмой «Фиат» по строительству в Советском Союзе комплекса заводов по производству легковых автомобилей, примерно 600.000 в год.

В 1965 г. в Москве подписано соглашение о сотрудничестве, а в начале 1966г., — Протокол о строительстве завода легковых автомобилей.

Не без участия Куйбышевского руководства, было принято решение о сооружении завода на площадке близ г. Тольятти, в комплексе с новым городом и промышленно-коммунальной зоной.

Я был приглашен на это заседание, как председатель облисполкома. У нас были серьезные замечания по проекту Постановления, где, на наш взгляд, недостаточно четко были определены меры по комплексному строительству завода вместе с городом и объектами промкомзоны.

Рассматривая поступившие замечания, А.Н.Косыгин сказал, что есть вопросы у Куйбышевского облисполкома, и предоставил мне слово. Я отметил в выступлении, что допущено значительное отставание в строительстве социальной инфраструктуры города от темпов возведения производственных объектов. И предложил записать поручения дирекции завода и строительным организациям предусмотреть конкретные, увеличенные объемы работ и сроки сдачи в эксплуатацию жилых домов, школ и детских садов, объектов культуры, спорта, предприятий коммунально-промышленной зоны.

С моими замечаниями в основном согласились. Я с интересом наблюдал, как строго и умело вел заседание Президиума А.Н.Косыгин.

Здесь следует несколько возвратиться по времени и рассказать о новаторском почине А.Н.Косыгина выработать программу серьёзного совершенствования управления экономикой и развития народного хозяйства страны. Основы этой программы, получившей в дальнейшем название «Экономическая реформа А.Н.Косыгина», были заложены в его докладе на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК.

В Постановлении Пленума ЦК эта программа была сформулирована так: «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства».

Скороспелые организационно-экономические новации Н.С.Хрущева привели к тому, что ситуация в экономике СССР в начале

60-х годов стала ухудшаться. Наметился спад в темпах развития производства, затормозился научно-технический прогресс, внедрение новых технологий. Снизились темпы роста производительности труда, ухудшалось качество выпускаемой промышленной продукции. Чрезмерная централизация управления народным хозяйством страны сковывала инициативу на местах. Не срабатывала, застыла по своей сути, система материальных стимулов.

Все эти и другие негативные тенденции, более чем кто бы ни был, ощущал А.Н.Косыгин. Он и выступил с инициативой проведения широкой экономической реформы.

С привлечением ученых-экономистов, производственников и управленцев была разработана система, суть которой определена в её названии. Эти предложения были доложены, рассмотрены и одобрены Политбюро ЦК. Они и вошли составной частью в доклад А.Н.Косыгина на Пленуме ЦК в сентябре 1965 г.

Каковы принципы «Экономической реформы А.Н.Косыгина»?

Определено, что руководство промышленностью в современных условиях должно строиться «на сочетании централизованного руководства с расширением хозяйственной инициативы предприятий, с усилением экономических рычагов и материальных стимулов в развитии производства, с хозяйственным расчетом». Реформа указывает на три главных направления совершенствования форм планового руководства экономикой и методов хозяйствования на предприятиях:

- повышение научного уровня государственного планирования экономики;

- расширение хозяйственной самостоятельности и инициативы предприятий, укрепление хозрасчета;

- усиление экономического стимулирования производства с помощью цены, прибыли, премий, кредитов.

Основные меры по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий:

- сокращено число показателей, утверждаемых сверху. Главным показателем работы предприятия, как и всех отраслей промышленности, становится не общий объем продукции (валовая продукция), а объем реализованной продукции. Предусматривалось упорядочение системы ценообразования, внедрение экономически обоснованных цен на продукты промышленности и получение предприятиями прибыли;

- по-новому поставлен хозрасчет, экономическое стимулирование предприятий. На каждом предприятии предусматривалось создать поощрительные фонды: для развития производства и совершенство-

вания техники, материального поощрения рабочих и служащих, улучшения условий их труда и быта. Эти фонды образуются из отчислений от прибыли. Размер средств, оставляемых предприятиям, ставится в зависимость от использования производственных фондов. Вводится хозрасчетный принцип в отношениях между предприятиями-смежниками, одновременно и их материальная ответственность за выполнение договорных обязательств по поставкам продукции;

- повышалась заинтересованность в результатах работы коллективов предприятий в целом и каждого его работника. Из фонда материального поощрения рабочим и служащим кроме основного оклада зарплаты выплачиваются не только премии за высокие показатели работы, но и выдаются единовременные вознаграждения в конце года (так называемая тринадцатая зарплата). На предприятиях образуется кроме того, фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства;

- были разработаны в 1966—1967 годах оптовые цены на продукцию легкой, пищевой и тяжелой промышленности, новые тарифы на электрическую и тепловую энергию, а также на грузовые перевозки.

Уже в 1965 г. принятые сентябрьским (1965 г.) Пленумом ЦК меры стали претворяться в жизнь.

Однако перевод промышленности на новую систему хозяйствования проходил постепенно. В январе 1966 г. она была переведена лишь на 10—12 предприятиях в разных регионах страны, работавших многие годы рентабельно. К концу года экономическая реформа охватила 704 предприятия с числом работающих свыше 2-х миллионов.

В 1967 г. на новую систему переводились отдельные отрасли промышленности. Первым перешло к работе по-новому Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления (министр К.Н.Руднев). Увеличилось число таких предприятий во всех отраслях промышленности. На их долю приходилось около 40 процентов всей промышленной продукции.

К концу 1968 г. на новую систему хозяйствования были переведены предприятия всех министерств машиностроения, а также автомобильной, лесной и деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности и некоторых других министерств. В 1970 г. перевод промышленных предприятий на новую систему был в основном завершен, они дали 93 процента всей промышленной продукции.

Результаты осуществления экономической реформы положительно сказались на итогах развития народного хозяйства в восьмой пятилетке (1966—1970 гг.), которая по большинству показателей

работы стала лучшей, самой эффективной по сравнению с предыдущими и, тем более, с последующими пятилетиями. Так среднегодовые темпы прироста национального дохода за этот период составили: 7,2 %; объема реализованной промышленной продукции — 9,4 %; производительности труда — 6,4 %; фонда оплаты труда — 9,4 %. Прибыль по народному хозяйству (в сопоставимых ценах) выросла за пятилетие более чем в два раза.

Однако следует признать, что в последние два года 8-й пятилетки реформа стала пробуксовывать, а в 9-й пятилетке фактически сведена к минимуму. В чем причина такого положения?

Ряд авторов, анализировавших ход реформ, называют ряд причин: объективные и субъективные, экономического и политического характера.

По их мнению, основная причина в том, что А.Н.Косыгину не удалось ослабить массивованное давление Центра, продолжавшего держать в своих руках основные нити управления. Это относится к Госплану, Госснабу, Минфину и некоторым другим министерствам и ведомствам СССР, при попустительстве со стороны аппарата и руководства ЦК КПСС.

Во-вторых, многие предприятия и местные органы власти усмотрели в реформе возможности в первую очередь получить определенную выгоду для коллектива, отрасли, территории. Что получило свое выражение в стремлении любыми путями добиться для себя заниженного, легко выполнимого плана, а, следовательно, получить прибыль и полагающиеся за это материальные фонды.

В Центре выявили такие тенденции и, с ведома ЦК, ужесточили требования к качеству планирования. Были восстановлены ряд ограничений, введена практика дополнительных заданий предприятиям. Выполнить такие задания становилось все труднее, в основном потому, что министерства не полностью обсчитывали эти дополнительные задания материально-техническими ресурсами, делая упор на так называемые «внутренние резервы».

Таким образом, вновь возникли имевшие место и ранее противоречия между Центром и местами.

Часто трудности с выполнением плана возникали вследствие срыва предприятиями-смежниками поставок оборудования, материалов и комплектующих изделий. Хоздоговора на практике оказались нежизненными. Вновь пришлось вмешаться в эти отношения Госплану.

Можно сказать, что из всех предусмотренных реформой поощрительных фондов, реально использовались лишь фонды материального поощрения, тринадцатая зарплата. В меньшей степени уда-

валось реализовать фонды развития производства, совершенствования техники и, даже, социально-бытового характера.

И, чтоб деньги «не пропадали», — нашли выход. На местах стали добровольно, а чаще под нажимом, объединять средства предприятий и направлять их на решение местных проблем: сооружение теплоцентралей, водопроводных и тепловых сетей, электрических и тяговых подстанций, дорог, на строительство жилья, культурных и спортивных объектов. По сути, это все было необходимо для создания условий жизни заводского поселка, района, города. Но такие действия, — отвлечение государственных средств на внеплановые объекты, были противозаконны.

Причем, нередко местные власти, образно говоря, увлекались.

28 ноября 1969 г. Политбюро ЦК провело в Кремле большое совещание первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, краевых, областных комитетов партии, председателей Советов Министров республик и облисполкомов. (Мы с В.П.Орловым принимали участие в этом совещании).

В докладе Л.И.Брежнева были вскрыты серьёзные нарушения в расходовании государственных средств не по назначению.

Он говорил: «Речь идет о потере ответственности и недопустимой вольности, нарушениях государственной дисциплины, когда ведут стройки не предусмотренные нархозпланом. Это не киоски, а крупные вещи, — бассейны, дворцы, рестораны, бытовые комплексы, административные здания. Идет неправомерный снос жилья для застройки «проспекта от вокзала до горного института». И стал приводить цифры: «В этом году строится 1800 административных зданий, 834 дворца культуры, 380 стадионов, 29 цирков. Где? В Запорожье, Днепропетровске, Донецке. В Алма-Ате соорудили огромный комплекс восточных бань, саун и т. п. В Баку возвели в море, на расстоянии 500 метров от берега, шикарный ресторан. Далее он привел примеры отвлечения средств предприятий на городские нужды в Свердловске, Томске, Красноярске, Куйбышеве, Саратове, Пензе, Ростове. И закончил: «Такие действия, когда таскают деньги с предприятий и организаций, носят опасный характер. ЦК будет со всей строгостью пресекать подобные факты».

Хотя Л.И.Брежнев напрямую не высказал претензий к Совету Министров СССР и другим органам исполнительной власти, а обрушился на партийные комитеты, всем было понятно, что фактически все эти нарушения проходят по документам, принятым Совминами республик и облкрайисполкомами, а Совет Министров СССР, союзные министерства и ведомства попустительствуют таким нарушениям закона. В докладе явно просматривалась неудов-

летворенность деятельностью Правительства и его председателя А.Н.Косыгина, подвергалась критике «Косыгинская реформа».

Возраставший последние годы авторитет А.Н.Косыгина внутри страны, его активная деятельность во внешней политике болезненно воспринималась Л.И.Брежневым. Сложившиеся после отставки Н.С.Хрущева деловые, товарищеские отношения между ними, стали прохладнее. К тому же, не всё в «косыгинской экономической реформе» Брежнев, находившийся под влиянием своих помощников, воспринимал правильно.

Здесь следует подчеркнуть именно этот фактор, который сыграл большую роль в дискредитации экономической реформы. Л.И.Брежнев изменил отношение ЦК к новаторству А.Н.Косыгина. По существу «косыгинская реформа» была свернута. Можно с определенной долей погрешности сказать, что она оказалась заложницей политики.

Однако в 1977 г. А.Н.Косыгин попытался реанимировать свое детище — экономическую реформу. Тому я свидетель.

Уже в начале года он вносит этот вопрос на Президиум СМ. После обстоятельного обсуждения основных принципов, подхода к этой идее, он поручает Госплану и Академии наук подготовить и внести в Правительство проект постановления: «О мерах по дальнейшему улучшению планирования народного хозяйства и экономическому стимулированию производства».

1-го июля такой проект был рассмотрен. А.Н.Косыгин критически оценил этот документ. Он заявил: «Прошрое решение было принято в 1965 г. Надо признать, что постепенно позиции Центра усиливались, а местные — ослабли. То есть медленно, но верно возвратились к исходному положению. Проект мало чего меняет в этом отношении. Главные, основные вопросы пропорций и сбалансированности народного хозяйства не нашли должного отражения в проекте». Далее он говорил, что в проекте слабо раскрыты экономические критерии, не выделена приоритетная роль науки и техники.

В результате более чем трехчасового обсуждения, А.Н.Косыгин принял решение образовать комиссию под председательством В.Н.Новикова. Включить в её состав: Дымшица, Абалкина, Бачурина, Ситаряна, Кириллина, Володарского, Костандова. Иметь при комиссии рабочую группу и в течение 3-х месяцев, с учетом сегодняшнего обсуждения, подготовить новый вариант постановления.

14 октября 1977 г. этот вопрос повторно был рассмотрен на заседании Президиума Совета Министров СССР.

Вновь возникли замечания, поправки, новые предложения. Алек-

сей Николаевич решил направить проект документа для оценки в ряд крупных научных и производственных объединений. «Надо уйти от ведомственности. Дело не в том, что, кому и сколько дать, повысить, усилить и т. п. Надо найти способы и средства, чтобы люди на предприятиях сами искали напряженный план, стремились сделать больше, лучше. Заинтересовать их понятной системой материального и морального поощрения. Комиссии В.Н.Новикова поручено доработать проект постановления, рассмотреть его в Правительстве и не позднее 1-го декабря внести в ЦК КПСС».

2 января 1978 г. на совещании у А.Н.Косыгина окончательный вариант был в основном одобрен, он имел несколько измененное название: «Об улучшении планирования и усиления воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». С учетом замечаний и редакционной правки, его решили через неделю внести в Политбюро ЦК КПСС. (Я присутствовал на всех этих совещаниях, но нет в моих записях, и не сохранилось в памяти, — какова оказалась судьба этого проекта. Был ли он внесен в ЦК, принято ли затем Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР?! Возможно). А 11 января 1979 г. Политбюро ЦК приняло решение о назначении меня Послом СССР в Республику Куба, и я отошел от совминовских дел.

Что же касается строительства Волжского автомобильного завода, то следует сказать, что эта идея А.Н.Косыгина получила реальное воплощение, и дала огромный экономический и социальный эффект.

Начатый строительством осенью 1966 г., завод (его первая очередь по выпуску 200.000 машин в год) был введен в эксплуатацию в марте 1971 г. В декабре 1971 года — вторая очередь, в декабре 1972 г. — третья. И весь завод комплексно был принят в эксплуатацию в декабре 1973 г. Это небывало короткие сроки строительства и освоения производства такого автомобильного гиганта, как ВАЗ.

Затраты на строительство завода и нового города окупились к концу 1973 г. Кстати, А.Н.Косыгин не только из Москвы шефствовал над этой стройкой, он бывал и на площадке строительства.

Более продолжительной и полезной была встреча с А.Н.Косыгиным в Воронеже в 1972 г. Дело было так.

Летом 1972 года в СССР с официальным визитом находился Фидель Кастро. В программе было предусмотрено посещение Воронежа. 1 июля делегация Кубы вылетела в Воронеж. Фиделя Кастро сопровождал А.Н.Косыгин и К.Ф.Катушев. И те два дня, которые мы провели рядом с ними, оставили незабываемое впечатление об одном и другом лидере.

Уже в аэропорту, ожидая прилет делегации, мы получили сообщение, что А.Н.Косыгин убедил Ф.Кастро изменить программу сегодняшнего дня: из аэропорта сразу ехать на заводы. Беседу в обкоме перенести на вторую половину дня. Быстро направляем на авиационный завод и в объединение “Электроника” гонцов. Уточняем детали. Самолет приземлился. Народу в аэропорту масса — все хотят увидеть легендарного лидера Кубы и главу Правительства СССР.

Встреча теплая, дружеская. Ф.Кастро и А.Н.Косыгин идут вдоль приветствующих их людей. Оба улыбаются, принимают цветы,жимают руки, но ведут себя сдержанно, не «работают» на публику. Такая манера. Садимся в открытую машину и, — к городу.

Улицы Воронежа запружены встречающими, люди не только заполнили тротуары, они в окнах домов, на балконах, мальчишки взобрались на деревья, телеграфные столбы. Приезжаем на авиационный завод.

Сопровождаемые приветливой толпой, проходим по цехам главного корпуса. Директор завода Б.М.Данилов дает объяснения. Сборочный цех поразил Фиделя, вместе с Алексеем Николаевичем они восхищенно смотрят на самолеты. Поднялись в салон сверхзвукового самолета ТУ-144, несколько необычного вида. Там нас встретили: министр авиационной промышленности П.В.Дементьев и Главный конструктор А.А.Туполев. Разместились в креслах, передохнули и Ф.Кастро забросал Алексея Андреевича вопросами. О конструктивных особенностях машины, применяемых материалах, летных параметрах (скорости и дальности полета, грузоподъемности), мощности двигателя, расходе горючего и т.п. Туполев обстоятельно отвечал. Особенно напирал Фидель на экономические характеристики. Ф. Кастро и А.Н.Косыгин выразили свое восхищение заводом, тепло говорили с заводчанами, и охотно согласились сфотографироваться у ворот сборочного корпуса.

Затем переехали в объединение “Электроника”. Уровень технологии, требования к качеству полупроводниковых приборов произвели сильное впечатление не только на Ф.Кастро, но и на А.Н.Косыгина. Объяснял специфику производства В.Г.Колесников, бывший Генеральный директор объединения, а сейчас уже первый заместитель министра электронной промышленности.

Алексей Николаевич дотошно вникал во все тонкости технологии, интересовался работой в “чистой комнате”, бригадной организацией инженерного труда, оплатой, условиями жизни в Воронеже. На выходе из корпуса состоялась теплая, откровенная беседа

с женщинами-работницами. Из объединения мы проводили Ф.Кастро до резиденции, а сами уехали в дачный поселок облисполкома — Репное.

После обеда, в 18.00 началась беседа с делегацией в обкоме КПСС. Разговор был обстоятельный, откровенный и заинтересованный. Ф.Кастро сразу поломал заготовленный порядок встречи, прервав мою вступительную речь, стал задавать совершенно неожиданные вопросы. Часто резко менял тему. Иногда не дослушав ответа, задавал новые вопросы. Вступал в спор, в полемику. Это подзадорило и меня, но не сбilo с толку, я даже почувствовал себя раскованнее, увереннее.

О чем говорили? Об организационной структуре партийных комитетов, составе и принципах работы с кадрами, методах влияния обкома партии на экономику области, связи обкома с низовыми структурами партии, с советскими органами, с Совмином СССР и РСФСР, министерствами и ведомствами, с ЦК КПСС. Подробно допрашивал меня об экономическом состоянии области и города, социальном положении населения. Особенно он упирал на вопросы сельского хозяйства. Принципы работы колхозов, совхозов. В чем их отличие. Много времени ушло на объяснение технологии возделывания сахарной свёклы и производства сахара. Эта тема ему была близка и интересна. Возникали и спорные ситуации. Настороженно прислушивался к моим доводам Алексей Николаевич. К общему удовлетворению, спор разрешился. Под одобрительные реплики и шутки, что я выдержал “артобстрел” Ф.Кастро, завершили встречу.

Прием в ресторане “Славянский” прошел хорошо. Я коротко приветствовал гостей, затем выступил с дружеской, образной речью Ф.Кастро. Фидель высоко отозвался о техническом уровне авиационного завода и заводе полупроводниковых приборов. Его особенно тронула теплая искренняя встреча делегации воронежцами, беседы с работниками заводов. Отметил роль Воронежа в социалистическом строительстве, в защите завоеваний социализма во время Великой Отечественной войны, в восстановлении разрушенного войной. Говорил о том, как отрадно видеть сегодняшние успехи горожан. Выказал слова благодарности руководству области и города за организацию встречи. Подчеркнул “высокий авторитет и компетентность первого секретаря обкома”. Провозгласил тост за горожан и присутствующих высоких представителей советского руководства.

Неожиданно взял слово А.Н.Косыгин. Всегда очень сдержанный, не улыбочивый, даже суровый, он вел себя в Воронеже при-

ветливо, заинтересованно. Заявив, что “как вы понимаете, я человек бывалый. Много где побывал и видел всего немало. Но и на меня произвело глубокое впечатление то, что я увидел на авиационном заводе и в объединении “Электроника”. И организация производства, и технология, и конечная продукция, и люди”. Тепло говорил о Кубе, о Фиделе, о нашем сотрудничестве. Предложил тост за Ф.Кастро и кубинскую делегацию.

На другой день утром отправились на машинах в Нововоронеж. Дорога шла по лесопосадкам, полями ряда хозяйств. Указывая на всходы, я объяснял где, что посеяно. Стали проезжать плантации сахарной свёклы. Это заинтересовало Фиделя. Он никогда не видел эту культуру и усомнился, что корнеплоды сладки на вкус. Остановились. Пошли по рядкам, выдернули несколько корней. Они были ещё маленькими. Очистили, отрезали кусочки. Ф.Кастро, А.Н.Косыгин и другие стали пробовать на вкус. Пожевав, закивали головами — да, сладкая. И весь оставшийся путь мы говорили только о свёкле и тростнике. Фидель отметил, насколько сложнее и дороже выращивать свёклу, нежели тростник, — растение многолетнее, посадки которого обновляются через 5-6 лет.

Въехали в Нововоронеж, поселок АЭС. Все улицы и площадь перед Дворцом культуры запружены народом. Беседу организовали во Дворце, где наглядно на схеме и макетах ознакомили Фиделя с принципами и тонкостями работы атомной электростанции. Объяснял директор АЭС Ф.Овчинников. Потом поехали на станцию. Прошли все четыре блока. Особенно долго находились на 4-м блоке ВВР-440, который готовился к пуску в эксплуатацию. Обошли все помещения. Интерес к этому блоку особый, так как именно такой тип реактора предполагалось построить с нашим участием на Кубе. Фидель замучил Ф.Овчинникова и министра энергетики СССР П.С.Непорожнего вопросами. Долгий разговор был на стройплощадке нового 5-го блока, мощностью 1000 квт, более сложной и безопасной конструкции, — его реактор укрыт мощным бетонным колпаком. После осмотра вышли на площадь. Фидель сказал несколько теплых, благодарных слов приветствовавшим его людям. Попрощались и уехали.

Было уже за полдень. По программе должны разъехаться в резиденции на обед, затем заключительная беседа в обкоме и отлет в Москву. Но и тут А.Н.Косыгин перепутал нам все карты. Выехали из Нововоронежа, солнце печет невыносимо. Он и говорит Фиделю: “Что ты поедешь в свою берлогу? Поехали к нам. Там такая красота. Типичная русская глубинка: речка, ветлы, камыш. Может, нет такого комфорта, все попроще, но мне там нравится.

Вместе пообедаем. Поговорим. И оттуда в аэропорт”. Остановились, Ф.Кастро посоветовался с сопровождающими и говорит: “Хорошо”. (Как показало дальнейшее, это решение Алексея Николаевича было исключительно верным).

В Репном поднялась суматоха. Надо было срочно привезти продукты, сервировку, повара, официантов... Я волновался здорово. Но, оказалось, что все можно уладить. Приехали в Репное, осмотрели окрестности. Учитывая жару, решили опробовать реку. Алексей Николаевич в 68 лет находился в хорошей физической форме. Он первым прыгнул с мостков в реку и размашисто поплыл. Фидель спросил о температуре воды в р. Усманке. Я ответил, что +20—21 градус, в реке много родников, поэтому вода всегда прохладная. Кубинцы, обращаясь к Фиделю, хором запротестовали, — купаться нельзя. Тот, уже раздевшись, заколебался. Алексей Николаевич, стал подзадоривать Фиделя: “Какой же ты премьер, если боишься воды?!” Тот поддался на розыгрыш, прыгнул в реку, и как ошпаренный, с криком выскочил из воды и на сходни, повторяя: “Фрио, мучо фрио”. Понятно, ведь на Кубе уже при + 25, как правило, не купаются в море. Фидель сразу попросил “сугреву”. Ну, тут проблем не было. Прошли в домик, обсушились. Согрелись кто чем хотел. Я попросил у Ф.Кастро автограф на только что вышедшей его книге: “Сила революции — в единстве”. Мне он написал: “Нашему дорогому товарищу, первому секретарю Воронежского областного комитета КПСС, авторитетному руководителю, с сокровенным чувством благодарности за радушное гостеприимство и любовь Вашего народа к нашей делегации. Ф.Кастро, июль 2. 1972 г.”

К этому времени подоспел и обед. Разместили столы на полянке перед домом у реки. Собственно обеденного ритуала не было. А был большой, долгий, откровенный разговор под выпивку и закуску. Каждый брал себе со стола что хотел, никакого протокола. Постоянно сидел за столом вместе с А.Н.Косыгиным и Ф.Кастро только Карлос Р. Родригес. Время от времени к ним присаживались, слушали, иногда вступая в беседу, Османи Сьенфуэгос, Хорхе Рискет, а также К.Ф.Катушев и мы с Н.А.Евсигнеевым. Говорил больше Алексей Николаевич. Коснулись многих проблем. И внешних, и внутренних. И наших, и кубинских. Темы самые разные. Много времени ушло на анализ Карибского кризиса и его последствий. Шла речь об обстановке в странах соцсодружества, в Китае. О состоянии советско-кубинского сотрудничества, наших и их промахах, ошибках, неиспользованных возможностях и перспективах. Ф.Кастро внимательно слушал А.Н.Косыгина, перебивал, уточнял оценки, задавал вопросы. Возникало несогласие. Потом

умиротворение. Чувствовалось уважительное отношение Фиделя к Косыгину. Разговор все более и более приобретал дружеский характер. Фидель оттаивал буквально на глазах. Потихоньку пустели и бутылки на столе. Я никогда больше не видел А.Н.Косыгина в таком приподнятом настроении. Он был раскрепощен, говорил образно, горячо, доказательно. Был явно доволен разговором и Ф.Кастро.

За беседой провели они более трех часов. Наступило время отъезда. Было около 19 часов. Оба говорили, что не хочется уезжать, — вокруг тишь и летняя благодать. Но, собрались и отправились в аэропорт. Прощаясь у самолета, Косыгин и Катушев благодарили меня за созданную возможность так искренне и дельно провести эти дни с Фиделем. Высказал признательность и Ф.Кастро. Переводивший беседу Олег Дарусенков говорил потом, что Косыгин очаровал Фиделя. Все улетели. Вздохнули облегченно и мы. Я подумал, насколько был прав А.Н.Косыгин, поломав нашу, согласованную с чиновниками ЦК и МИДа, программу. Как умно, непринужденно и полезно смог он провести эти два дня с Ф.Кастро.

Наш прием, беседы и т.п. обсуждались в Москве. Как информировал меня К.Ф.Катушев: “Политбюро высоко оценило итоги визита Ф.Кастро в Советский Союз; Фидель существенно углубил свое понимание позиции КПСС во внутренней и внешней политике, практику социалистического строительства”. “Правильно сделали, что повезли его в Воронеж, что с ним были Косыгин, Катушев, Воротников”. Позже, при направлении меня Послом на Кубу, некоторые товарищи в ЦК говорили, что при подборе кандидатуры на эту работу учитывалось, наряду с другими факторами, и то, что я был знаком с Ф.Кастро.

После этого визита контакты с А.Н.Косыгиным стали укрепляться. Он неоднократно звонил мне в Воронеж по телефону. Бывая в Москве, я несколько раз был у него в Кремле по проблемам области.

16 ноября 1972 г. Воронеж. Беседа по телефону с А.Н.Косыгиным о сохранении поголовья скота, в связи с недостатком кормов, из-за жестокой засухи 1972 года. Он выделил концентрированные корма из резерва Совмина.

После посещения Воронежа, он неоднократно интересовался нашими делами. Так в 1973 г. в области сложились благоприятные условия для получения высоких урожаев зерна и других культур.

А.Н.Косыгин позвонил мне в конце июля. Спросил, — как дела на селе? Я рассказал, что обстановка хорошая, начали уборку. Первые намолоты радуют. Он, — это хорошо. Но советую, — не забы-

вайте о кормах, зернофураж не транжирьте. А какие прогнозы по свёкле? Ответил, что ожидаем около 4-х млн тонн. Товарищи, побывавшие в Воронеже, — заметил Алексей Николаевич, — говорят хорошо о торговле и снабжении населения продуктами. Это приятно. Желаю вам успехов. До свиданья.

Повесив трубку, я подумал, — разговор вышел добрый, но в отличие от других, он не выразил большого восхищения, говорил ровно, спокойно, без эмоций.

Запомнился разговор в марте 1974 г. Поздоровавшись, он спросил, — что там за «волынка» среди рабочих шинного завода? Я объяснил, что в цехе подготовки сажи плохие условия труда. Цех старый, большая запыленность. Рабочие требуют реконструкции цеха, но не волынят, работать продолжают. Требования их справедливые. Я говорил с В.С.Федоровым, направил ему загодя наши предложения. Он согласился с ними, и на днях обещал приехать на завод. Алексей Николаевич молча выслушал, не задал ни одного вопроса. Сказал: немедленно пришлю Федорова. (Тот приехал через день). Мы провели на шинном заводе подробный разбор обстановки, выработали программу ремонта. Он поручил институту разработку проекта нового, более современного цеха, имея в виду начать строительство в 1975 г.

Ещё один разговор в декабре 1974 г. Позвонил А.Н.Косыгин. «В стране трудно с сахаром. Какие возможности на сахзаводах Воронежской области?» Я разочаровал его: «Переработка свёклы идет, но выход сахара низкий. Большие потери при хранении в бунтах, с трудом наберем план». Он перебил меня: «Всё же прошу ещё раз поработать над этим вопросом. До свиданья».

Помимо разговоров с А.Н.Косыгиным по телефону, я несколько раз был у него на приеме в Москве. Вот некоторые.

24 июля 1974 г. О приеме договорился, позвонив из Воронежа.

У А.Н.Косыгина. Сначала рассказал ему о делах сельских: сахар, зерно, строительство жилья. Потом о переносе базы МО из центра города Воронежа, которая перекрывает основные транспортные потоки. Он позвонил в Госплан В.Я.Исаеву и поручил выделить МО целевые средства на строительство новой базы, а старую снести. Спросил, — решена ли проблема на шинном заводе? Я подтвердил, — да.

22 мая 1975 г. На приеме у А.Н.Косыгина. Обстоятельный разговор о совершенствовании управления в сельхозпроизводстве и повышении урожайности. Нужна мелиорация, минеральные удобрения и ядохимикаты для борьбы с вредителями растений. В НИИ им. Докучаева есть точный счет потребности, но, как всегда, тех-

нологические нормы не выдерживаются. Прощаясь, он, слегка улыбаясь, сказал: «Ждем вас в Москве». Конечно, знал о моем переводе в СМ РСФСР.

Наиболее часто, вернее регулярно, я стал общаться с Алексеем Николаевичем, работая с июля 1975 года в Москве, когда был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР.

В Москве был определен и, как правило, соблюдался, такой режим недели: понедельник — Президиум СМ РСФСР, вторник — Секретариат ЦК, среда — Президиум СМ СССР, четверг — заседание Политбюро ЦК. Остальные союзные и республиканские органы управления строили свою работу с учетом этого. Для меня обязательным было присутствие в понедельник и среду на заседаниях президиумов Совминов РСФСР и СССР, а в отсутствие М.С.Соломенцева и на заседаниях Политбюро ЦК.

Мне очень импонировали методы работы Председателя Совета Министров СССР. Это была наглядная школа управления. А.Н.Косыгин не терпел словопрений, на заседаниях Президиума сразу пресекал говоруна, а тем более некомпетентного или недостаточно осведомленного в сути вопроса руководителя. Делал это строго, даже жестко, не считаясь с «авторитетом и заслугами». Важно было не только то, что он берег время свое и других. А, в ещё большей степени, то, что он точно формулировал ответ на заданный вопрос, предлагал и четкую запись в проект решения. Нередко, если внесенный в повестку вопрос был недостаточно проработан, он не искал экспромтом ответа на него, а снимал с обсуждения, устанавливая срок повторного рассмотрения.

Заседания Президиума проходили по традиции на втором этаже здания Правительства СССР в Кремле (бывшем московском Сенате), в овальном зале великолепной архитектуры, к которому примыкал кабинет председателя Правительства (тоже постоянный, со времен И.В.Сталина).

Следует несколько слов сказать об этом уникальном здании, в котором работало Правительство СССР, а также и Политбюро ЦК

Екатерина II в 1763 г. разделила единый Сенат в Петербурге на департаменты, и два департамента — ведающий правами дворян и судебный — были переведены в Москву. Для них по проекту М.Ф.Казакова в Кремле, в 1790 г. было окончено строительство и оборудовано здание Сената, или ещё его называли — здание Судебных Установлений.

Это большое 3-х этажное здание, архитектурно было выполнено в классической манере, в форме замкнутого треугольника, при-

мыкая одной из сорон к Кремлевской стене, другой — обращенной в сторону Арсенала.

Внутри дворик разделен двумя перемычками. По всему периметру сквозные широкие, светлые коридоры, обращенные окнами внутрь двора. Помещения для чиновников департамента были свободными, удобными для работы. В одном из углов треугольника, ближе к Кремлевской стене, находился огромный зал с высоким сводчатым куполом, высота которого 27 метров. Имелся ещё Овальный зал, меньшего размера, также с высоким сводчатым куполом. Оба этих зала использовались для заседаний Сената и иных, светских собраний.

В 1918 г. Советское Правительство переехало в Москву. В здании Сената разместился Совет Народных Комиссаров РСФСР, а затем Совет Министров СССР. В Большом зале, который именовался Свердловским залом, проходили заседания Пленумов ЦК, вручение международных премий и некоторые другие политические мероприятия. В Овальном зале заседал Совет Министров СССР и его Президиум. К этому залу примыкал кабинет председателя Правительства. В свое время в нем работал И.В.Сталин, а сейчас — А.Н.Косыгин. Заседания Политбюро ЦК проходили на третьем этаже этой же стороны здания, обращенной к Арсеналу. Вход в центре, через «Крылечко». В аппараты Правительства, — на второй этаж, и налево. Зона Политбюро ЦК, — на третий этаж, и направо.

Продолжу прерванный рассказ.

14 июля 1975 г. первое мое участие в заседании Президиума СМ СССР, которое вел А.Н.Косыгин. Повестка: обсуждение проекта плана и бюджета СССР на 1976—80 гг.

Заседания Президиума, как сказано выше, проходили еженедельно по средам, в 15.00. К 14.50 в Овальный зал собирались члены Президиума — заместители председателя Совмина СССР, министр финансов и председатель КНК СССР. По сложившейся традиции, вместо председателя Совмина РСФСР, в этих заседаниях принимал участие его первый заместитель. До меня это были М.А.Яснов, затем А.М.Школьников. Все рассаживались на постоянные места за длинным, покрытым зеленым сукном, столом. Сбоку, слева от председателя, столик управляющего делами М.С.Смиртюкова. Справа от стола трибуна для выступлений. Минут через пять через боковую дверь справа, из своего кабинета, через комнату отдыха, в зал входил А.Н.Косыгин. Здоровался общим поклоном, и садился за председательский стол, установленный в торце большого стола, в такое же как у всех кресло.

Никто при его появлении не вскакивал, не вставал. Короткий обмен мнениями по повестке дня, и начиналась работа. В зал входили и рассаживались по рядам кресел министры, работники аппарата и приглашались те, кого вызвали на первый вопрос. Когда обсуждение этого вопроса подходило к концу, из приемной входили приглашенные на 2-й вопрос и т.д.

Обычно за два-три часа рассматривалось полтора-два десятка вопросов. Это объяснялось тем, что в большинстве своем они были хорошо подготовлены. А если плохо, то снимались с рассмотрения. В Овальном зале при А.Н.Косыгине всегда соблюдался строгий порядок и дисциплина. Должен сказать, что для меня это была серьезная школа государственного руководства. Уроки умного, опытного, высокоорганизованного профессионала запомнились на всю жизнь.

Постоянное мое участие в заседаниях Президиума Совмина СССР было вызвано тем, что почти всегда там затрагивались интересы России, была необходимость знать и учитывать позицию и мнение Правительства РСФСР. Касались ли это размещения производительных сил и трудовых ресурсов, использования земли, нового строительства крупных объектов, деятельности научных центров Урала, Сибири и Дальнего Востока. Не менее важны были вопросы образования и здравоохранения, производства товаров народного потребления, организации торговли, распределения хлебных ресурсов или основных продуктов питания, так как Россия была поставщиком их в общесоюзный фонд. Не говоря уж о проблемах сельского хозяйства, работе речного и автомобильного транспорта и т.д.

Иногда А.Н.Косыгин проводил, так называемые «совещания заместителей», когда была необходимость в более узком кругу обсудить те, или иные вопросы. Эти совещания он обычно собирал в зале № 5, расположенном здесь же, недалеко от кабинета председателя.

Я заранее получал повестку дня и документы: проекты постановлений, справки и замечания к ним. И выступал на заседаниях Президиума с мнением Российского Правительства.

Бывало всякое. Часто со мной соглашались, а иногда и нет. Не скажу, что я избежал критики А.Н.Косыгина. Нет, попадало и мне. Так было, например, когда я, памятуя советы, стал «бороться» за интересы России при определении размещения на территории республики некоторых крупных предприятий. Мне было указано, что доводы Совмина, на которые я ссылался, не учитывают общесоюзных интересов. И приведены обоснования Госплана СССР. Был

момент, когда я заупрямился на совещании у А.Н.Косыгина в марте 1976 г., посвященном выделению дополнительных ресурсов мяса городу Москве, сказав, что имеющихся запасов в торговле и на базах достаточно, в то время как в других регионах республики обстановка со снабжением более сложная. Допустил такое выражение: «Нельзя потакать неоправданным требованиям». Алексей Николаевич резко оборвал меня, заявив: «Выполняйте, не шутите с Москвой».

После совещания я зашел к М.С.Смиртюкову, с которым давно поддерживал товарищеские отношения, и всегда прислушивался к его мудрым советам. Михаил Сергеевич был неотделим от А.Н.Косыгина. Оно и понятно, ведь почти двадцать лет он работал с ним, понимая Алексея Николаевича с полуслова. И А.Н.Косыгин относился к нему с большим уважением. Вот и сейчас обратился за советом, спросил, как мне поступить, ведь я прав.

Он ответил: «Ты, конечно, прав по форме. Но ещё не разобрался с ролью и местом Москвы. И если не хочешь иметь неприятности, то напиши объяснительную записку А.Н.Косыгину». Я написал, изложил действительную обстановку и доложил, что указание о поставках в Москву мясопродуктов выполнено.

М.С.Смиртюков после рассказывал, что Алексей Николаевич остался доволен. Похвалил за настырность и за то, что не стал на совещании вступать в спор, чем дал бы дополнительный повод Секретарю МГК В.В.Гришину для жалоб на А.Н.Косыгина в ЦК КПСС. (Мне тогда ещё не были достаточно хорошо известны истинные отношения Генсека к Председателю Правительства).

Со временем я набирался опыта, и отношение ко мне А.Н.Косыгина было более чем нормальное. Не раз он напрямую звонил мне и просил вмешаться в решение конкретных задач. Несколько примеров.

27 ноября 1975 г. Мне позвонил А.Н.Косыгин: «По вашей просьбе СМ выделил из резерва 10 тыс. тонн животного масла до конца года». Спасибо.

17 марта 1976 г. У А.Н.Косыгина. Информировал его, что его замечание, высказанное в мой адрес на совещании у него 15 марта, по поводу приоритетного снабжения Москвы выполнены. Он сказал: «Смиртюков доложил о Вашей записке. Надо учитывать особый статус Москвы. Хорошо, что правильно среагировали на критику».

По его просьбе, я рассказал о перспективе торговли сахаром, крупой и мукой. Заинтересовался он и тем, как растет производство продукции на крупных, специализированных животновод-

ческих комплексах, затем застройкой сел в Нечерноземье. Завершая беседу, подчеркнул, что с уважением относится к моим методам работы и ко мне лично.

21 апреля 1976 г. Позвонил А.Н.Косыгин. Передал просьбу металлургов Магнитогорска — выделить дополнительно фонды на мясопродукты (речь шла о 15 тыс. тонн), а Минторг Союза компенсирует вам это до конца года. Я ответил, — решим. Спросил о делах, итогах I квартала.

Бывали с ним и приватные разговоры. Как-то я был у него на приеме после В.К.Месяца — второго секретаря ЦК КП Казахстана, которого рекомендовали на пост министра сельского хозяйства СССР. Алексей Николаевич спросил, знаю ли я Месяца. Ответил, что знаю очень хорошо, он был министром в России. Опытный, инициативный, знающий село человек. А.Н.Косыгин заметил, что и на него В.К.Месяц произвел хорошее впечатление. И повел речь о тогдашнем министре Д.С.Полянском: «Странный человек, какой-то верткий. Не пойму я, как он, 23-летний молодой человек, по окончании института, будучи в Крыму в начале войны, не попал в армию, а оказался в Сибири? Никто не знает! А потом, при Н.С.Хрущеве, вел себя вызывающе. Грешил интригами. А сейчас скис. Не нравится мне Полянский. В.К.Месяц, по-моему, подходит». Я поддержал его мнение о Валентине Карповиче.

По его указанию я вылетал на Дальний Восток, когда появились проблемы с водообеспечением населения в Приморье или когда возникла угроза складам боеприпасов Минобороны из-за пожаров в Хабаровском крае.

Так, 19 октября 1976 г. вечером меня пригласил Соломенцев. Сказал, что обстановка с пожарами лесов в Хабаровском крае ухудшается, есть опасность для городов Ванино и Советская Гавань. По этому вопросу только что звонил А.Н.Косыгин и поручил направить туда вас, для принятия на месте необходимых мер.

На следующий день я с группой товарищей из Госплана, Минжилкомхоза и Минторга вылетели в Хабаровск. Четыре дня я провел в этом крае. Вместе с А.К.Черным и К.Е.Подгаевым проехали в леспромхозы, где пожар нанес особо сильный урон, захватив и поселки. Затем вылетели в Комсомольск. Осмотр пожарищ с воздуха. В Горкоме партии обсудили обстановку и противопожарные меры по защите города. А также меры помощи пострадавшим от пожаров поселкам. Уже поздно ночью, но я все-таки посетил авиационный завод. Впечатление хорошее.

Переночевали в Комсомольске, и на следующий день, — в Советскую Гавань. В аэропорту рассмотрели с местным руковод-

ством и моряками ситуацию. Пока принятыми мерами безопасность флотских складов и сооружений обеспечена. Сам город произвел гнетущее впечатление, — бараки, ветхие дома, плохие дороги и т. п.

Перелетели с большим трудом (сильный порывистый ветер) на вертолете в Ванино. С воздуха картина пожаров удручающая. Выжженные участки даже на окраине Ванино. Захватило армейские склады. Там взрывы, разброс боеприпасов по городу. Кое-как приземлились. Проехали к складам, — там никакого порядка, охраны должной нет. Разбор в горкоме, совместно с военными. Определили срочные меры помощи, используя средства и технику из мобрезерва.

К вечеру с трудом взлетели, и возвратились в Советскую Гавань, а оттуда самолетом в Хабаровск. Было уже около 23.00. Пригласили в крайком командующего ДВО генерал-полковника И.М.Третьяка. Состоялся очень резкий, возмущенный разговор. Командование округа не только не помогает местным властям бороться с пожарами, а даже не обеспечивает безопасности собственных баз и складов. Третьяк встретил мой напор реактивно, мол, разберемся без подсказа, что и как надо делать. Возникла перепалка. Тогда я заявил, что вынужден буду доложить министру обороны Д.Ф.Устинову о ситуации, и вашем отношении. Вмешался А.К.Черный. Мы холодно расстались с Третьяком. Потом стало известно, что им были приняты исчерпывающие меры помощи.

23 октября, утром провели заседание Чрезвычайной Комиссии края. Участвовали представители Госплана, Минторга и Минжилкомхоза РСФСР, а также Минлеспрома, Минэнерго, Минтяжстроя, Минлесхоза СССР и командования ДВО. Заслушали доклад председателя крайисполкома Подгаева. Рассмотрели подготовленные документы о мерах материальной, технической, финансовой помощи. О привлечении дополнительно противопожарных отрядов из предприятий края и от военных. Я подписал нужные бумаги.

Днем в крайкоме итоговое совещание. Обстановка, по информации с мест, улучшается. Многие очаги пожаров ликвидированы. Есть уверенность, что принятые дополнительно меры дадут результат.

24-го октября, воскресенье, побывал на двух ведущих предприятиях, ознакомился с Хабаровском, районами новой застройки, и в 14.00 вылетели в Москву на рейсовом самолете.

25-го утром доложил М.С.Соломенцеву о результатах поездки. Он выслушал, и говорит: «А.Н.Косыгина я проинформирую сам, так как надо ехать в Кремль, через 30 минут начинает работу Пле-

нум ЦК. Там я ему и расскажу о вашей информации». И мы вместе, на одной машине отправились в Кремль.

Ещё один памятный факт. 5 октября 1977 г. Шло заседание, сессия Верховного Совета СССР. Ко мне подходит сотрудник ВС и говорит, что в 13.00 я должен быть у А.Н.Косыгина. Вопрос ему неизвестен. Выхожу из зала, и сразу в Дом Правительства. У А.Н.Косыгина находились: Л.В.Смирнов, Н.В.Мартынов, зам. МО генерал Алтунин, Г. И. Воробьев. Обсуждают необходимые меры по ликвидации пожара в Хабаровском крае и острый дефицит воды для снабжения города Владивостока. Алексей Николаевич через 15 минут обсуждения ситуации поручает Л.В.Смирнову подготовить распоряжение Правительства по обоим вопросам.

Отправляемся к Л.В.Смирнову, пишем проект распоряжения с поручениями соответствующим союзным министерствам, ведомствам и Совмину РСФСР о принятии необходимых мер, выделении материально-технических ресурсов и т. п.

Возвращаемся к А.Н.Косыгину. Он прочел документ, внес некоторые поправки и подписал. М.С.Смиртюков взял его для выпуска. Потом, обращаясь ко мне, говорит: «Вам нужно связаться с Ломакиным, он в Москве, и срочно вылететь во Владивосток с бригадой специалистов. Решить на месте оперативные вопросы водоснабжения Приморья, и обсудить предложения на перспективу. Такая ситуация там не впервые».

Было уже 19.30 вечера. Приехал к себе и зашел к М.С.Соломенцеву.

Рассказал ему о поручении А.Н.Косыгина. Соломенцев позвонил Косыгину и предложил послать Калашникова, мол, это его дело. Но Косыгин отверг: «Пусть летит Воротников, будет больше толку».

На следующий день, 6 октября, вместе с В.П.Ломакиным и группой министров (Ровнин, Бутусов, Корнев, Машьянов и др.) вылетели во Владивосток.

Пробыл в Приморье до 12 октября.

В первый же день, 8-го побывали в окрестностях Владивостока и в Уссурийске, а 9-го — в Артеме. Осмотрели водозаборы и основные водохранилища, снабжающие Владивосток и эти города водой. А также водные депрессии (скважины). Ознакомились с рядом документов подготовленных ранее Мингеологии и Минводхозом РСФСР. Обсудили перечень первоочередных мер: бурение дополнительных скважин и подпитка ближайших рек и водохранилищ, с прокладкой водоводов,

установку насосных станций, и расширение очистных сооружений, с целью увеличения подачи воды в водохранилища, сооружение новых водозаборов из малых рек. Проработаны варианты улучшения водоснабжения городов Приморья на перспективу.

Образовали две рабочих группы для подготовки проектов документов для практического решения согласованных мер: записку о состоянии водоснабжения, проекты постановлений Совмина СССР и РСФСР с конкретными поручениями местным органам, союзным и республиканским министерствам и ведомствам.

10-го октября провел совещание, на котором рассмотрели и, после жарких дебатов, одобрили представленные документы. Я подписал те из них, которые были в компетенции Правительства РСФСР. По ВЧ-связи доложил о проделанной работе А.Н.Косыгину и М.С.Соломенцеву, сказал, что в течение трех дней удалось уже выполнить ряд мероприятий, и водоснабжение Владивостока медленно, но улучшается. Изложил примерный план работ на перспективу. В.П.Ломакин также, со своей стороны, высказал удовлетворение проделанной совместной работой.

Используя пребывание в Приморье, я посетил Находку, — Восточный порт, рыбозавод «Пролив Лаперуза». Побывал на Русском острове. 11-го октября вылетел в Хабаровск, провел совещание в крайисполкоме по местным проблемам, а оттуда, — в Биробиджан, где посетил завод «Дальсельмаш» и трикотажную фабрику. Состоялся хороший разговор в обкоме партии. Поздно ночью возвратился в Хабаровск.

12-го состоялась беседа в крайкоме партии с А.К.Черным. Он информировал о принятых мерах борьбы с пожарами, которые стали стихать. Вместе посетили судостроительный завод, — великолепное предприятие, оттуда в аэропорт и в 15.00 вылетели в Москву.

2 января 1979 г. Был у А.Н.Косыгина в СМ. Информировал о принятых мерах борьбы с последствиями сильных морозов, поразивших европейскую часть РСФСР. Особенно тяжелая ситуация была 30 и 31 декабря. Сейчас, принятыми мерами теплоснабжение городов улучшилось, но ещё предстоит большая работа. Вручил записку с просьбой о дополнительном выделении мазута, зимнего дизтоплива, строительных материалов, котельного оборудования. Объяснил, что пока вынуждены брать из резерва и у военных. Надо возвращать. Алексей Николаевич уточнил некоторые детали об-

становки в регионах. Сказал, что поручит сегодня же рассмотреть записку, и помочь.

Пятница 13-го апреля 1979 года — памятный для меня день.

Принял меня Алексей Николаевич в своем кремлевском кабинете.

Разговор начал с вопроса о моем настроении. Понимающе наклонил голову, когда я сказал: «Уже настроился на новую работу и с нетерпением жду отъезда». Попросил его высказать пожелания в связи с предстоящей мне, совершенно незнакомой, миссией. Алексей Николаевич не стал говорить об экономических проблемах, хотя, бесспорно, знал их намного лучше М.А.Суслова, а повел разговор о Фиделе Кастро. Сказал, что для советского посла за рубежом очень важно учитывать политический вес, эрудицию и человеческий, нравственный облик лидера страны пребывания. «Вам чрезвычайно повезло, отметил А.Н.Косыгин, что вы будете иметь возможность ближе познакомиться с Фиделем, человеком поистине уникальным, сможете многое понять и обогатить свои знания. Я на днях встречался с премьер-министром Ямайки М.Мэнли, который хорошо знает и высоко оценивает Ф.Кастро, считает его одним из самых выдающихся государственных деятелей нынешнего столетия. И это действительно так».

А.Н.Косыгин стал рассуждать, анализируя этапы Кубинской революции, о роли Ф.Кастро в её подготовке, в организации борьбы кубинского народа за независимость. Особо подчеркивал незаурядный тактический талант Фиделя, удивившего мир своими новациями по преобразованию этой полукрестьянской, малограмотной страны. Отмечая большую помощь, которую Советский Союз оказал и оказывает Кубе, он откровенно говорил и о наших политических ошибках в оценке ситуации в этой стране. Вспоминал свою встречу и долгие разговоры с Фиделем летом 1972 года в Воронеже и Москве. Выразил удовлетворение тем, что сейчас взаимопонимание с Кубой во всех вопросах значительно улучшилось.

«Ваша задача укреплять и развивать сотрудничество. К сожалению, некоторые наши товарищи дают кубинцам не всегда продуманные советы, ориентируясь только на свой опыт. Это неприемлемо. Там свои специфические условия, свои традиции, свой менталитет. Наши горе-советники не изучают эти особенности и действуют с кондачка. Да и настала пора посмотреть, нужны ли теперь советские специалисты в некоторых сферах, где кубинцы сами добились хороших результатов. Послу надо разобраться с этим. Некоторые наши соглашения устарели, экономически неэффективны, может, следует их пересмотреть взаимно».

Вернулся вновь к личности Фиделя, вспомнил отзывы о нем некоторых видных лидеров стран Латинской Америки и Запада. Тепло отзывался о Рауле. О настоящей дружбе обоих братьев, их преданности народу Кубы. «Вам следует установить хорошие, доверительные, товарищеские отношения с Фиделем и Раулем. Быть предельно объективным и искренним, кубинцы не выносят недомолвок и полуправды. Это не в их характере. Потеряете доверие, значит делать на Кубе нечего». Алексей Николаевич подчеркнул, что между Фиделем и Леонидом Ильичем установились хорошие, даже дружеские отношения. Это очень важно для наших стран и облегчает послу выполнение его задач.

Потом Алексей Николаевич повел разговор о наших внутренних делах, об обстановке в РСФСР. Сославшись на недавний разговор с М.С.Соломенцевым, скептически отозвался о его методах работы, об отсутствии у него деловых контактов с местными партийными органами и добавил: «Хороший металлург, но неисправимый нытик, человек мнительный и озабоченный своим престижем. В определенной мере мы в правительстве Союза сожалеем о вашем уходе. Хотя я и допускал резкость в оценке дел в России, но к вам всегда относился и отношусь с уважением. Вы это знаете».

Меня очень тронули эти слова. Потом Алексей Николаевич вновь вспомнил подробности посещения воронежских заводов, атомной станции и «прекрасный обед на зеленой поляне у тихой речки». В заключение пожелал мне успеха в работе, просил передать приветы Фиделю и Раулю. «Когда будет нужда, звоните, связь с Гаваной у нас хорошая. До свидания».

Я ушел, не подозревая, что это была моя последняя встреча с Алексеем Николаевичем Косыгиным.

В начале декабря 1979 г. я находился в Москве, куда приехал из Кубы на кратковременный отпуск. Побывал в ЦК у Л.Н.Брежнев, в МИДе у А.А.Громыко и 17-го числа зашел в Госплан к Н.К.Байбакову. Прежде чем начать разговор о предстоящей его поездке на Кубу, спросил Николая Константиновича о А.Н.Косыгине: «На Кубе ходят разные домыслы о его здоровье». Байбаков сказал: «Ты же знаешь, у Алексея Николаевича в октябре был обширный инфаркт, сейчас уже ходит, но состояние неважное. Нужно время, чтобы выйти из болезни. А сколько? Кто знает». Посетовал, как сейчас не хватает его в правительстве: «Ясно, что теперь не удастся провести в жизнь задумку Алексея Николаевича реанимировать, хотя бы частично, экономическую реформу. Прошел год, как комиссия В.Н.Новикова доложила предложения на

Президиуме. Мы работали вместе над проектом. Доработали по замечаниям и разослали на согласование. Материал застрял, до сих пор волынится в кабинетах.

Знаешь, Госплан сейчас чрезвычайно перегружен работой, стал центрпробкой, собственно экономика отодвигается на второй план, идут бесконечные частные поручения, заедают текущие оперативные дела. Дальше невозможно держать и сохранять такую сверхцентрализованную систему управления. Надо разгрузить Центр, передать ряд функций в отрасли, в союзные республики, в области и на предприятия. Тем самым расширить их права и поднять ответственность».

Немного о хронике событий, связанных с А.Н.Косыгиным.

Прилетев в Москву на Пленум ЦК в конце ноября 1979 года, я зашел к М.С.Смиртюкову, и узнал от него, что еще в октябре у Алексея Николаевича случился тяжелый, глубокий инфаркт, и он находится в больнице. Смиртюков говорит: «Рвется на работу. А какая работа? Ему придется еще немало времени пробыть в больнице, а потом, наверное, в санатории — в «Барвихе». На первом же Пленуме ЦК, состоявшемся 27-го ноября 1979 года, во время болезни А.Н.Косыгина, было принято решение об избрании первого заместителя председателя Совмина СССР Н.А.Тихонова членом Политбюро ЦК, что определяло и его будущее положение. Конечно, это морально повлияло на А.Н.Косыгина.

В больнице на проспекте Мичурина он пробыл около двух месяцев. Очень переживал свой вынужденный отход от дел. Почувствовав себя немного лучше, упросил врачей перевести его в «Барвиху». 17-го декабря 1979 г., будучи у Н.А.Байбакова, я спросил его о состоянии здоровья Алексея Николаевича. Он ответил: «Был обширный инфаркт. Сейчас уже ходит, но состояние...». В «Барвихе», со слов тогдашнего его врача, А.Н.Косыгин стал больше гулять, несколько окреп. В январе 1980 г. даже провел большое деловое совещание с министрами. Выезжал ли в Кремль? Неизвестно. Но приблизительно через неделю состояние здоровья ухудшилось и его вновь перевезли в эту больницу. Там он и провел остаток своих дней. Частые обострения ишемической болезни, на фоне обширного инфаркта миокарда, все более ослабляли здоровье. Шел месяц за месяцем, но положение не только не улучшалось, а становилось хуже. Говорили, что были предложения сделать операцию на сердце, считая, однако, это делом рискованным. А.Н.Косыгин категорически отверг оперативное вмешательство, рассчитывая на свой могучий с молодости организм. Увы, болезнь прогрессировала.

В августе 1980 г. ему позвонил в больницу К.У.Черненко и, поинтересовавшись как здоровье, повел разговор об отставке, по сути предложил подать заявление. Алексей Николаевич спросил о мнении Л.И.Брежнева на этот счет. К.У.Черненко ответил, что вопрос с ним согласован. В августе же, 12-го числа, находясь в Москве в отпуске, я был у М.С.Горбачева. Ему при мне позвонил по АТС-1 Н.А.Тихонов. Шел какой-то доверительный разговор. М.С.Горбачев слушал участливо, подавал одобрительные реплики. В заключение сказал: «Николай Александрович, мы с вами. Да, с вами. Всего доброго». Позже, сопоставляя эти факты, пришел к выводу, что речь шла о преемнике А.Н.Косыгина. Конечно, разговор с К.У.Черненко оборвал все надежды Алексея Николаевича. И тогда он написал заявление об отставке.

Л.И.Брежнев так и не позвонил ему. Пережитый моральный стресс, бесспорно, сказался и на течении болезни.

21 октября 1980 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. А.Н.Косыгина освободили от работы на основании поданного заявления, в связи с ухудшением состояния здоровья. Председателем Совета Министров СССР был назначен 75-летний Н.А.Тихонов, известный своей близостью к генсеку. А 18 декабря 1980 года А.Н.Косыгина не стало.

В декабре 1980 г. в Гаване проходил 2-й съезд КП Кубы. В его работе принимала участие делегация КПСС во главе с К.У.Черненко.

17 декабря, утром, перед началом заседания ко мне подошел посол ГДР Г. Шпиндлер и сказал, что радио «Голос Америки» сообщило о кончине 18-го декабря А.Н.Косыгина. Меня потрясла эта весть. Спросил у В.И.Долгих. Он ответил, что Алексей Николаевич действительно тяжело болен, находится уже несколько месяцев в больнице, но о факте смерти ничего не знает. Я вышел из зала заседаний, позвонил в посольство В.М.Гончаренко. Тот говорит, что не располагает пока информацией из Москвы, но наши товарищи тоже слышали это сообщение по радио «Голос Америки». Поручил ему связаться по ВЧ с Москвой. (В перерыв я вновь позвонил Гончаренко, он ответил, что в Москве уже завершился рабочий день, никого из руководства МИДа нет. Никаких официальных сообщений об А.Н.Косыгине не было. Подумал, — значит, это, пока слухи).

21 декабря. Воскресенье. В Москве официально объявлено о том, что 18-го декабря скончался А.Н.Косыгин. Похороны — 22 декабря, у Кремлевской стены. Я поручил подготовить в посольстве комнату для приема соболезнований и книгу записи.

В 10 часов приехал в резиденцию делегации. Там наслаждаются отдыхом. День этот предполагалось провести в Варадеро на пляже. Я передал К.У.Черненко известие о кончине А.Н.Косыгина. В ответ: «Да, я знаю, — он долго болел. Что поделаешь». От поездки в Варадеро все отказались. Чем заняться? Предложил побывать в «Аквариуме» — музее моря. Некоторые поехали туда, другие на прогулку по городу. Я — в посольство. В.М.Гончаренко встречает меня известием, что МИД официально уведомил — книгу соболезнований в связи с кончиной А.Н.Косыгина не открывать, так как умер не государственный деятель, а пенсионер. Такое указание поступило во все советские представительства за рубежом?! Не оставили в покое А.Н.Косыгина и после смерти! В воскресенье ни в МИДе, ни на Старой площади говорить было не с кем.

Такое возмутительно-равнодушное отношение к памяти выдающегося деятеля государства, известного и уважаемого человека в мире — задержка сообщения о кончине, «рекомендация» не открывать в иностранных представительствах траурную книгу соболезнований (умер, ведь, простой пенсионер) — все это вызвало протест, возмущение. Не только у большинства советских людей, но и с недоумением было воспринято мировой общественностью и отрицательно сказалось на авторитете руководителей Советского Союза.

На Кубе. Вечером прием в «Ранчито». По традиции: осмотр территории и креольский ужин. Были весь состав Политбюро и Секретариата ЦК, а также и наши товарищи. Встреча прошла тепло, гостеприимно, но без той раскованности, которой, например, характеризовался прием Н.К.Байбакова. Фидель и Константин Устинович обменялись речами. В 22.30 стали прощаться. Ф.Кастро еще раз поблагодарил К.У.Черненко, всю делегацию, товарищей из ЦК КПСС за большую помощь в подготовке съезда и активное участие в его работе.

Потом, перед расставанием, сказал, что ему стало известно о кончине А.Н.Косыгина: «Вы и мы потеряли выдающегося государственного деятеля, большого друга Кубы. Я очень высокого мнения о нем, всегда гордился нашими хорошими личными отношениями. Прошу принять мои соболезнования, передать их Л.И.Брежневу, партии и народу Советского Союза».

К.У.Черненко поблагодарил, сказал, что передаст эти слова Леониду Ильичу. И мы уехали.

На следующий день Ф.Кастро направил в Москву телеграмму: «Дорогой Леонид Ильич, с глубокой скорбью мы узнали о кончине А.Н.Косыгина, члена ПБ, выдающегося государственного де-

ятеля, отдавшего свою жизнь делу строительства социализма и коммунизма в Советском Союзе. Находясь на высоком посту, А.Н.Косыгин внес свой вклад в развитие братских отношений между Кубой и СССР и неуклонное расширение нашего сотрудничества во всех сферах. От имени ЦК КП Кубы, Правительства и всего кубинского народа выражаем ЦК КПСС, Правительству и советскому народу, членам семьи и близким товарища Косыгина наше глубокое соболезнование. Фидель Кастро Рус».

22 декабря в особняк делегации приехал Р.Кастро. Вместе отправились в аэропорт. А в 18.00 делегация вылетела в Москву. Я, наконец, вздохнул свободно.

Рауль, по традиции, предложил поехать попить чайку к советскому послу. Приехали в резиденцию. И мы отметили завершение съезда, проводы делегации. Р.Кастро вспомнил о А.Н.Косыгине. Говорил, как Фидель высоко ценил Алексея Николаевича. Направлял ему в период болезни одобряющие письма. И мы по русскому обычаю помянули этого выдающегося государственного деятеля и светлого человека. (Вопреки указаниям центра мы все-таки принимали соболезнования. В адрес посольства поступило немало телеграмм, телефонных звонков с выражением сочувствия).

Каким я видел, как представлял себе Алексея Николаевича Косыгина?

А.Н.Косыгин был энциклопедически образованным человеком, обладавшим феноменальной памятью. Опытный управленец-хозяйственник, экономист и финансист, прошедший большую практическую школу, будучи министром легкой промышленности, министром финансов, председателем Госплана СССР. Его организаторский талант в полной мере проявился в период Великой Отечественной войны, когда он возглавил титаническую работу по перебазированию на Восток, в кратчайшие сроки, сотни крупных заводов из Европейской части страны. А.Н.Косыгин поэтому отлично знал все транспортные, речные, автодорожные пути и развязки в самых отдаленных районах страны, чем иногда ставил в тупик опытных путейцев. Он хорошо разбирался в городском хозяйстве, был сведущ в деятельности базовых отраслей промышленности.

В то же время А.Н.Косыгин был тонким и мудрым политиком международного уровня. Ему приходилось возглавлять делегации или участвовать в сложных переговорах по вопросам внешней политики государства, и всегда он умело отстаивал интересы Советского Союза и наших друзей. Не только официальные переговоры, но и его приватные беседы с лидерами ряда стран, в том числе и

с Ф.Кастро, во многом содействовали укреплению межгосударственных отношений.

В работе А.Н.Косыгин был деловит, немногословен, ценил свое и чужое время, в решениях — четок и однозначен. Умел до конца выслушать деловой совет, но сходу отметал болтовню и дилетантство. Мог по делу резко отчитать нерадивого или поддержать, похвалить того, кто проявлял инициативу, высказывал дельное мнение.

Я тяжело переживал эту утрату. Ушел из жизни человек, которому я лично обязан многим. Общение с А.Н.Косыгиным было для меня хорошей школой. Своим примером в работе, поведении, высокой организованностью, дисциплиной, объективностью и беспристрастностью он воспитывал окружающих. Уже в начале книги я рассказывал о том, что, еженедельно участвуя в заседаниях Президиума Совета Министров СССР, которые вел А.Н.Косыгин, во время личных встреч с ним, разговоров по разным вопросам приобретал опыт управления на высоком уровне. Это, несомненно, пригодилось мне в дальнейшей работе.

По моему убеждению, в СССР тогда не было руководителя, которого можно было бы поставить рядом с А.Н.Косыгиным. Именно поэтому потеря оказалась невосполнимой для партии и страны.

20 февраля 2004 г. Колонный зал Дома Советов. Торжественное собрание, посвященное 100-летию А.Н.Косыгина. В Президиуме: Н.И.Рыжков, В.П.Шанцев, С.П.Миронов, Е.М.Примаков, В.С.Черномырдин, В.И.Долгих, В.И.Воротников, А.И.Вольский, Н.Н.Тарасов, С.И.Колпаков, М.И.Щадов, Н.К.Байбаков, С.И.Степашин. Внук Алексея Николаевича — Алексей Гвишиани и правнучка Татьяна. Вышла книга о А.Н.Косыгине.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АНДРОПОВ

Впервые я увидел Ю.В.Андропова на расширенном Пленуме ЦК КПСС в декабре 1963 г. Он был посвящен задаче ускоренного развития химической промышленности. Кроме состава Пленума, в его работе приняли участие более 2000 человек приглашенных: руководителей Совнархозов, предприятий и строительных организаций, секретарей обкомов партии, ученых, специалистов и рабочих разных отраслей промышленности. Кроме меня в составе Куйбышевской группы были: Шмарев, Островский, Черныш, Семизоров, Ветлицкий. С докладом выступил Н.С.Хрущев.

Пленум проходил в новом здании КДС в течение двух дней. На нем выступило 47 ораторов. Кроме основного доклада, на заседании (не помню как было принято решение) обсуждался и китайский вопрос. Отношения с КНР к тому времени окончательно испортились.

По этой теме выступили секретари ЦК: Б.Н.Пономарев, Л.Ф.Ильичев и Ю.В.Андропов. Юрий Владимирович только в прошлом году был избран секретарем ЦК, и это было первым его публичным выступлением на таком большом форуме.

Он говорил, что у коммунистов мира есть серьезные основания для озабоченности, в связи с антимарксистской политикой руководства КПК. Что помимо внешнеполитических и теоретических вопросов, нападками с их стороны подвергается вся внутренняя политика КПСС. Что Мао Дзедун давно, ещё с 1930-х годов позволял себе ряд недружественных, националистических высказываний. А сейчас открыто атакует СССР, договорившись до такого абсурда, как прямых обвинений в реставрации капитализма в нашей стране. Со стороны Китая идет нажим, а то и прямой шантаж по отношению ряда соцстран. Далее Ю.В.Андропов раскрывает более подробно антисоветскую политику Китая и его лидера Мао Дзе-дуна. Цитирует высказывания Дэн Сяо Пина.

Тогда молодой, импозантный секретарь ЦК, курировавший отношения с соцстранами, своим внешним видом, яркой, образной речью овладел вниманием уставшего зала. Хотя выступал он 37-м, уставший зал слушал Ю.В.Андропова внимательно. Мне запомнился и облик его, и манера держаться на трибуне, и сама речь, произнесенная неторопливо, грамотным русским языком.

Следующая, уже очная встреча с Ю.В.Андроповым была в 1969 г. в Куйбышеве. В июне в Москве состоялось совещание руководителей

компартий соцстран. Ему придавалось большое значение. Итоги этого совещания обсуждались на собраниях актива в областях и краях страны. К нам в Куйбышев (Самару) на такое собрание в начале июля приехал Юрий Владимирович Андропов. Он выступил на собрании актива с интересным и содержательным докладом. Побывали с ним на нескольких предприятиях Куйбышева, съездили в Тольятти на автозавод. Были продолжительные беседы в гостевом доме на берегу Волги, где он остановился. Говорили о делах в стране, в партии. Он обращал внимание на возрастающую потребность в развитии инициативы на местах, подчеркивая, что надо больше доверять людям, но и спрашивать за упущения. Очень напирал на нравственные проблемы, воспитание верности слову, порядочности, общую образованность. Много говорил о литературе, искусстве. Было видно, что Ю.В.Андропов хорошо разбирается в этих сферах. Возмущался чванством, хамством, равнодушием, проявлявшимся у некоторых работников высокого ранга. Держался Ю.В.Андропов просто, но с достоинством, без панибратства, в то же время создавая свободную обстановку для доверительной беседы. Он произвел впечатление эрудированного, интеллигентного человека, хорошо владеющего словом, легко и свободно ведущего беседу. Три дня его пребывания запали мне в память.

В середине января 1979 г. я был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Куба. После необходимой подготовки, 19 апреля я прибыл в Гавану. Новая для меня дипломатическая деятельность оказалась очень интересной и полезной. У меня сложились деловые, даже товарищеские отношения с руководством страны. Положительно оценивал мою работу и Центр. Однако тропический климат отрицательно сказался на здоровье, и я обратился в ЦК с просьбой о возвращении в Союз. В начале мая я отбыл из Гаваны в Москву, в отпуск. Зашел к К.У.Черненко (тогда второму лицу в ЦК) и напомнил о своей просьбе. Он обещал переговорить с Л.И.Брежневым. И 13 мая сообщил мне: «На состоявшемся сегодня заседании Политбюро, по предложению Л.И.Брежнева было принято принципиальное решение о переводе тебя в Союз. О работе будем думать». Я поблагодарил, и попросил определить место работы до моего отъезда в Гавану.

24 мая в Свердловском зале Кремля открылся очередной Пленум ЦК. Я принимал участие в его работе как член ЦК.

1. Организационные вопросы.

Л.И.Брежнев предложил избрать секретарем ЦК, члена Политбюро Ю.В.Андропова (вместо умершего в январе этого года

М.А.Суслова). А секретаря ЦК В.И.Долгих — кандидатом в члены Политбюро. Приняли.

2. «О продовольственной программе СССР и мерах по её реализации». Доклад Л.И.Брежнева.

Вопрос очень важный. Доклад хотя и короткий, но конкретный, проработанный в организационном плане, материальном и финансовом отношениях. Обсуждение было активным, заинтересованным.

В перерыве, в кулуарах, идею доклада поддерживали, но выражали сомнение в реальности этой программы (что потом и подтвердилось). Выражали также недоумение, почему так долго, четыре с лишним месяца, была вакантной должность секретаря ЦК. Кто считал, что Генсек подбирает подходящего человека, кто говорил, что Ю.В.Андропов не давал согласия на свой уход из КГБ.

Пленум принял развернутое постановление по второму вопросу.

По окончании отпуска, я 4-го июля отбыл в Гавану. Вопрос о моей новой работе так и не был решен.

17 июля 1982 г. утром, в Гавану позвонил Г.М.Корниенко, затем через 30 минут К.В.Русаков. Оба сказали — в понедельник 19-го быть в Москве. Прибыв в Москву утром 19-го, зашел сначала к Г.М. Корниенко (А.А.Громыко не было в Москве). Он сообщил, что вызвали по поручению Ю.В.Андропова (тогда, в сущности, второго секретаря ЦК). Надо быть у него в ЦК КПСС в 15. 00.

Приехав в ЦК, направился к И.В.Капитонову. Спросил его — о чем пойдет речь? Говорит, — не знаю. И вместе пошли к Ю.В.Андропову.

У Андропова находился и Горбачев. Беседа была без предисловий, сразу о деле. «Речь идет о рекомендации вас первым секретарем Краснодарского крайкома партии. Медунова мы отзывает в Москву, — 17 июля был с ним разговор. В крае сложилась пренеприятная ситуация. (Андропов кратко обрисовал обстановку). Медунов, наконец, понял, что дальше там оставаться ему нельзя. Взятничество, коррупция среди ряда работников различных сфер, в том числе среди партийного актива. Арестовано и находятся под следствием более 200 человек. Понятно, вина и ответственность за такую обстановку в крае ложится и на первого секретаря крайкома. Об этом и шла речь на Секретариате ЦК, где решался вопрос об освобождении С.Ф.Медунова от работы.

Вашу кандидатуру поддержали Л.И.Брежнев и К.У.Черненко. Отзывы о прежней вашей работе в Куйбышеве и Воронеже положительные. Был обмен мнениями и на Секретариате ЦК. Вот и все».

Я ответил, что поручение неожиданное, очень ответственное.

Откровенно говоря, рассчитывал по возвращении в Союз немного подлечиться. Но я понимаю обстановку. Если требуется, то готов работать и буду делать все, чтобы оправдать доверие.

Андропов: «Хорошо. Практически не надо тянуть. Буквально на этой неделе, можно в четверг или в пятницу, провести в Краснодаре пленум. Так что готовьтесь. До свиданья».

На другой день меня опять пригласил Ю.В.Андропов. Говорит: «Рассказал о нашей беседе Леониду Ильичу. Сказал ему, что Воротников воспринял предложение без энтузиазма». Я, конечно, выразил удивление. «Не переживай, это я так. А серьезно, пришлось объяснить Л.И.Брежневу ситуацию. Надо сейчас в Краснодаре активно поработать. У тебя еще все впереди». Моя реакция: «Что впереди, Юрий Владимирович? Ведь мне уже 57 лет». Он засмеялся. И стал расспрашивать об обстановке на Кубе, о Фиделе Кастро. Я рассказывал.

В 16.00 — Секретариат ЦК. Вел Ю.В.Андропов.

Сказал: «Как решили, — Медунова отзываем в распоряжение ЦК. В крае выявлены многочисленные факты нарушения законности. Взятничество среди руководящих работников, даже среди партийного актива. В Сочи, Геленджике, Краснодаре арестовано 152, под следствием 99 человек. Медунову неоднократно указывали на эти факты, однако он не реагировал, не воспринимал советов и критики, сам создавал трудности для следствия.

Предложение: рекомендовать первым секретарем Краснодарского крайкома В.И.Воротникова. Вы его знаете — имеет большой опыт партийной, производственной, государственной работы: Куйбышев, Воронеж, Москва, Куба. Это то, что нам нужно. Секретариат, по сути, ранее согласовал этот вопрос». Дали мне слово. Я поблагодарил за доверие. Юрий Владимирович пожелал мне успехов.

Через пару дней вылетели с И.В.Капитоновым и Е.З.Разумовым в Краснодар. Состоялся Пленум крайкома партии. По поручению ПБ ЦК КПСС Капитонов изложил причины перевода в Москву С.Ф.Медунова, и предложил мою кандидатуру на пост первого секретаря крайкома. Попросили рассказать о себе, я выступил. Избрали единогласно.

После Пленума, из кабинета первого секретаря крайкома партии, И.В.Капитонов кратко доложил по ВЧ Ю.В.Андропову о результатах. Я не стал вмешиваться в их разговор, добавить что-то к словам Ивана Васильевича не было смысла, а высказывать благодарность за доверие — было бы назойливо. Хотя, оставался нерешенным вопрос о необходимости моей краткой поездки в Гава-

ну, дабы завершить положенные по протоколу дипломатические акции. Ведь уехал в Москву я внезапно, не простившись даже с Ф.Кастро. Но говорить на эту тему сейчас также счел неуместным. Немного освоюсь в Краснодаре, потом договорюсь слетать на неделю в Гавану, чтобы завершить по-хорошему все дела на Кубе.

Работы сразу навалилось много. Надо было познакомиться с ближайшим окружением, аппаратом крайкома. Встретиться хотя бы с некоторыми секретарями райкомов, руководителями предприятий и хозяйств. Тем более, шла горячая уборочная пора на селе. Много времени уходило на разборы с прокурором и начальником УМВД края, информировавших о ходе расследования наиболее «громких» фактов нарушения законности в Краснодаре, Сочи, Геленджике и других городах.

26 июля позвонил в ЦК Ю.В.Андропову. Сказал, что начал осваивать новую работу. Информировал о ходе уборки: завершается уборка ячменя, гороха, идет уборка озимой пшеницы. Урожайность на круг 33,2 ц/га. Знакомлюсь с кадрами, веду беседы с прокурором, руководителями УМВД и УКГБ. Пока присматриваюсь. Юрий Владимирович задал несколько уточняющих вопросов. Потом я спросил согласия отбыть в Гавану, надо завершить там дела. Он ответил, что это вопрос Генсека, звоните ему.

Решил, сначала позвонить К.У.Черненко. Не ссылаясь на Ю.В.Андропова, задал тот же вопрос Константину Устиновичу. Он пообещал сам переговорить с Л.И.Брежневым. И на другой день сказал мне, что согласие на мою поездку дано. Время — неделя. Я поблагодарил.

И 28 июля я вылетел из Москвы в Гавану. Завершил там, в темпе, все положенные отбывающему из страны послу мероприятия, и 6 августа отбыл в Союз. Информировал товарищей из ЦК о поездке, и 10 августа был в Краснодаре.

Краснодарский край — огромный, благодатный, один из наиболее важных и престижных регионов РСФСР. На Кубани производят и поставляют стране наибольшее количество продукции сельского хозяйства: мяса, молока, зерна, риса, сахарной свёклы, подсолнечника, овощей, фруктов, семян, трав и многих других культур. Во-вторых, все черноморское побережье — от Сочи до Анапы — самая популярная зона для отдыха в СССР. В-третьих, в Краснодарском крае довольно развитая, многоотраслевая промышленность. Да и население многочисленное — свыше пяти миллионов человек. Понятно, что Краснодар пользовался особым вниманием в ЦК КПСС.

Поэтому, почетна и ответственна работа на Кубани, старом, исконном казачьем крае, со своей спецификой и традициями. Так

я и воспринял свое назначение, с интересом и определенной настороженностью приступая к работе. По опыту работы в Куйбышеве и Воронеже начал со знакомства с делами и людьми не только в Краснодаре, но и на периферии, в городах и районах края, на предприятиях и в хозяйствах. Наладил контакты с ведущими НИИ, встретился с представителями средств массовой информации.

Имел беседы с руководителями правоохранительных органов и условился, что они должны работать самостоятельно, без ненужных докладов и согласований, строго в соответствии с законом, и нести полную ответственность за свои действия.

На селе работы невпроворот. Завершалась уборочная страда зерновых, шла подготовка к уборке сахарной свёклы, риса, готовилась почва под будущий урожай. Я с интересом и удовольствием езжу по районам, по полям и фермам. Кубанские поля радуют традиционным для казачества любовным отношением к земле.

О первых своих шагах на Кубани старался информировать Москву, вел разговоры с Л.И.Брежневым, Ю.В.Андроповым, М.С.Горбачевым, К.У.Черненко, И.В.Капитоновым. Часто беседую с Н.К.Байбаковым, он во многом помогает мне, как старый кубанец.

19 августа говорил с Ю.В.Андроповым. Как всегда было принято в то время, первые слова о делах на селе. Доложил, что обстановка неплохая, план по хлебу рассчитываем выполнить, будет рис и свекла. Поставки в другие регионы мяса и молока не срываем, хотя в животноводстве есть трудности. Рассказал, что завершаем сооружение мемориала «Малой земле» в Новороссийске. В сентябре намечаем торжества по этому поводу. Хотелось участия в этом мероприятии руководства страны. Он говорит: «Напиши записку в ЦК, пригласи Л.И.Брежнева. Он сам вряд ли сможет, но пришлет приветствие». Потом коротко изложил ситуацию с ходом следствия по преступным проявлениям в крае. Андропов выслушал: «Мой тебе совет. Не оставляй без ответа факты нарушения закона, относись к ним принципиальнее».

25 августа вновь позвонил Ю.В.Андропову. Рассказал о беседе, по его совету, с Леонидом Ильичем. Он поблагодарил за приглашение, но приехать, говорит, не смогу. Поинтересовался делами на селе, и пожелал успехов. «Вот и хорошо, — сказал Юрий Владимирович, — что касается представителя Политбюро на ваш праздник, то это вряд ли нужно. А приветствие от ЦК и СМ будет».

Скажу откровенно, работа на Кубани все больше увлекала меня.

Главный вывод, к которому я пришел после пары месяцев своего пребывания в крае: здесь на селе работают трудолюбивые и

умелые люди, начиная от простого хлебороба, бригадира и до председателя колхоза, секретаря сельского райкома партии. Кадры среднего звена в большинстве своем крепкие. Надо только не мешать им, не понукать, походя. Хвалить по делу, и критиковать за конкретные, подчеркиваю, — конкретные недостатки. Казаки не любят общего разноса и, тем более, облыжной критики. Так что работать на Кубани можно.

Следственные действия по всем фактам нарушения законности шли своим чередом. Какие-то обвинения отметались, что-то выявлялось дополнительно. Я ни в коей мере не вмешивался в эти процессы. Требовал лишь соблюдения закона. Хотя были попытки из Москвы, да и у наших «законников» заручиться моей поддержкой и «обличить» других работников. Я отметал такие советы, говорил, если располагаете достаточными основаниями, то зачем «информируете» меня? Действуйте. То есть, следовал советам Ю.В.Андропова.

1 ноября, во второй половине дня говорил по ВЧ с Ю.В.Андроповым (он недавно вернулся из отпуска). Рассказал о впечатлении от утреннего разговора с Л.И.Брежневым. Затем также информировал его, что край выполнил план — государству продано 4203 тыс. тонн зерна. Активно идет уборка кукурузы на зерно, риса, сахарной свёклы. Общая обстановка в крае улучшается, более подробно доложу Вам в Москве, где намереваюсь быть в середине ноября. Он поблагодарил за хлеб, и пожелал успехов.

10 ноября 1982 года мы получили известие о кончине Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева. Членов ЦК вызвали в Москву.

12 ноября 1982 г. Кремль. Пленум ЦК в Свердловском зале.

10.00. Тихо. Все сидят. Вошли члены Политбюро, в таком порядке: Ю.В.Андропов, Н.А.Тихонов, К.У.Черненко, В.В.Гришин, А.А.Громыко, Д.Ф.Устинов, Г.В.Романов, Д.А.Кунаев, В.В.Щербицкий, М.С.Горбачев.

Открыл Пленум Ю.В.Андропов.

«Все товарищи из состава ЦК прибыли. Отсутствуют по уважительным причинам члены ЦК — 18, кандидатов — 2, членов Ревкомиссии — 7.

Какие соображения? Начать работу?» Возгласы — да, начать.

Ю.В.Андропов. Короткое, на 15 минут, вступление: «Партия и страна понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни крупнейший политический деятель, наш товарищ и друг, человек большой души, преданный делу... Прошу почтить память Л.И.Брежнева минутой молчания». Далее говорит о роли Л.И.Брежнева, значении его для

партии. О необходимости сейчас крепить единство. И переходит к основному вопросу. «Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу товарищей высказываться».

Слово берет К.У.Черненко. «Политбюро поручило мне выступить на Пленуме» — начал он. Затем говорит о Л.И.Брежнев, его наследии, о том, что трудно восполнить урон, который причинила кончина Леонида Ильича. «Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно». От имени Политбюро вносит предложение избрать Генсеком Ю.В.Андропова. Говорит о том, что Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране. О его личных качествах. О том, что его высоко ценил Л.И.Брежнев. «Все члены Политбюро считают, что Ю.В.Андропов хорошо воспринял брежневский стиль руководства... Ему присущи: партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе». (Тезис: коллективная, коллегиальная работа — явно подчеркивался в речи Черненко. В ответном слове Андропов дал свое толкование этому принципу).

Прений не открывали. Голосование. Единогласно Генеральным секретарем ЦК КПСС избран Ю.В.Андропов.

Выступление Ю.В.Андропова. «Я глубоко тронут и взволнован вашим доверием, избранием меня на такой высокий пост. Особенно сейчас, после Л.И.Брежнева. Мы здесь свои. Я не хочу кривить душой. У меня нет такого авторитета во внешнем мире и в партии, такого опыта. Но я обещаю вам приложить все силы и знания, чтобы оправдать это доверие. Мы будем вместе бороться за все то, что принято XXVI съездом КПСС... Я обещаю, что коллективное руководство будет крепко, согласованно решать все вопросы. По возможности коллегиально. Но не всегда к всеобщему удовлетворению... (Тут я не расслышал конец фразы). Спасибо». Пленум завершил работу.

22 ноября 1982 г. Пленум ЦК КПСС.

1. По предложению Ю.В.Андропова рассмотрели организационные вопросы: Г.А.Алиев был переведен в члены Политбюро ЦК.

Затем Юрий Владимирович сообщил, что 8 сентября А.П.Кириленко обратился в Политбюро ЦК с заявлением освободить его от обязанностей секретаря ЦК и члена Политбюро по состоянию здоровья. Сказал несколько добрых слов об Андрее Павловиче. Пленум проголосовал за отставку А.П.Кириленко.

По предложению Генсека был организован Экономический отдел ЦК. Заведующим этим Отделом и секретарем ЦК избран Н.И.Рыжков.

2. Ю.В.Андропов внес от имени Политбюро предложение об увековечении памяти Л.И.Брежнева. Проект постановления ЦК и СМ по этому вопросу зачитал К.У.Черненко. Одобрили.

3. Обсудили доклады Н.К.Байбакова и В.Ф.Гарбузова, — о проектах Государственного плана развития народного хозяйства и Госбюджета СССР на 1983 г. В заключение выступил Ю.В.Андропов. На этом Пленум завершил работу.

На следующий день состоялась моя беседа с Ю.В.Андроповым в его кабинете в здании ЦК на Старой площади. (В отличие от Л.И.Брежнева, который больше времени проводил в Кремле).

Юрий Владимирович повел речь о Пленуме. Об ответственности членов ЦК за положение дел в стране. Особенно упирал на то, что надо оценивать кадры по делам, а не по словам. «Все ждут указаний, поручений, рекомендаций. Но и мы не семи пядей во лбу. Нужна принципиальность, самостоятельность действий и решений, ответственность. Много обещали, хотим быть хорошими. Часто все берем на себя, потому и все стрелы в Центр. Надо быть откровеннее, правдивее. Объяснять людям, что может, а что не в силах дать страна».

Я обрисовал ситуацию в крае. Итоги года ожидаются неплохие. Сказал, что надо наводить порядок в рисоводстве. Чрезмерно расширили посевы риса, залезли в плавни, нарушили севооборот. Это приводит к ухудшению плодородия земель, снижает урожайность риса. Зерновые комбайны мало пригодны для риса, дробят его при обмолоте. Рассказал о работе нескольких японских комбайнов, которые не молотят, а очесывают рис. Результаты значительно лучше. Он сказал: «Напиши об этом записку». Ответил, что уже написал и отдал Горбачеву. «Хорошо, рассмотрим». После этого я стал говорить об АЭС, о том, что нельзя допустить, чтобы Минэнерго, как оно того хочет, строило АЭС в Мостовском районе края, в предгорьях Кавказа. Это безумие! Андропов согласился: «В предгорье! Кто мог это придумать?»

Далее информировал его о морально-политической обстановке в крае. Усиливаем борьбу с преступностью, подтягиваем дисциплину. Кадры на Кубани в целом неплохие. Но привыкли работать по команде. Андропов особо обратил внимание на Чайсовхоз. «Там неприятное дело. Возят туда гостей, как в передовое хозяйство, а там такие безобразия. Рассказывал мне Кириленко. Оттуда шли письма, проверяли сами, но Медунов покрыл и ничего не нашли». Затем Юрий Владимирович поинтересовался работой краевых управлений КГБ и МВД.

В заключение беседы сказал: «Поправляй скорее дела, еще мно-

го надо чистить. Имей в виду, долго тебя там не задержим». Так доброжелательно, заинтересованно, закончилась беседа. Сидел Андропов за основным столом в рубашке без пиджака. Внешний вид усталый, болезненный. Но беседу вел четко, конкретно, без размазывания тем и без лишних слов. Разговор продолжался около 30 минут.

В Краснодаре я всё больше и больше вникал в дела кубанского края, его специфику, ездил по городам и станицам, знакомился с хозяйствами, предприятиями, беседовал с людьми. Складывались нормальные, деловые отношения с партийным активом, руководителями колхозов, предприятий, деятелями науки, культуры, с прессой. В Сочи и другие приморские города выезжал редко, только по необходимости. Остался доволен поездкой по Адыгее. Короче, работа увлекала меня.

Несколько раз вылетал в Москву, заходил к Юрию Владимировичу, информировал его об обстановке в крае. Принимал он меня без волокиты, по первой просьбе. Дотошно расспрашивал о деталях в настроении народа, советовал отметить попытки ретивых служаков из МВД и Прокуратуры втянуть меня в следственные действия. Вообще о работе органов КГБ и МВД в крае вы даете мало информации, надо серьёзно посмотреть там кадры. Давал нелестные оценки некоторым людям, работавшим в окружении С.Ф.Медунова и московским деятелям, «проявляющим интерес» к Краснодару. Беседы с Ю.В.Андроповым были интересны, полезны, проходили в деловой обстановке, четко и конкретно.

Так, например, будучи в Москве 25 марта 1983 г. побывал у Н.К.Байбакова, К.В.Русакова, М.С.Горбачева, К.У.Черненко.

Обстоятельная беседа состоялась с Ю.В.Андроповым.

Встретил он меня приветливо. Спросил, как продвигается проект постановления о мерах совершенствования рисоводства. Ответил, что это и есть цель моего приезда в Москву. Работаем с Отделами ЦК, в Правительстве Союза и России. Главные вопросы? Во-первых, рациональное использование земли. Надо уйти из плавней, иначе губим рыбные запасы в Азовском море. При этом не сокращать, а увеличить производство риса и повысить качество. Во-вторых, улучшить семеноводство, внедрить более продуктивные сорта риса, и перейти с уборки зерновыми комбайнами на японский метод очесывания метелки. Для чего требуется закупка по импорту японской техники. Пока наши предложения в стадии проработки, но принципиальное согласие есть. Юрий Владимирович: «Это хорошо, надо договариваться. Кстати, чем вызвана большая гибель озимых посевов зерновых?»

Рассказал, что погода неблагоприятная. Сначала было тепло, заливали дожди, а потом резкое похолодание. В результате — разрыв корневой системы растений на большой площади. Сейчас ведем пересев или подсев яровыми, в том числе кукурузой на зерно.

Спросил, как с кормами и снабжением населения продуктами. Ответил, что с кормами лучше, спасибо за помощь концентрированными кормами. Снабжение удовлетворительное, мясо-молочные продукты есть в достатке, правда ассортимент небогатый.

Заговорил о борьбе с негативными проявлениями в крае: «Как глубоко проникла эта пакость! Даже секретарь обкома, члены парткомиссии и другие ответственные работники замешаны!» Я рассказал о проводимой работе — встречах с разными категориями работников, совещаниях в правоохранительных органах. Ведь они работали вразброд, подсиживали друг друга. Подробно рассказал о замене и укреплении кадрами. По большинству дел следствия завершены, по многим приняты решения суда. Сейчас обстановка меняется, морально-психологический климат улучшается. Но нужно время. Я веду еженедельный прием граждан, хожу пешком по городу, чего ранее не было. На первых порах меня завалили жалобами, вплоть до того, что «ловили» на дороге, встречали у дома и т.п. Брал у людей письма, выслушивал на приемах. Кому помогал, кому отказывал, если требования были неправомерными. Этот навал сейчас схлынул. Люди поверили нам.

Беда, что центральная пресса и телевидение продолжают по инерции охаивать край, где надо и не надо. Это нервирует кадры, и не на пользу делу. Андропов позвонил М.В.Зимянину: «Михаил Васильевич, надо прекратить поток негатива в прессе на Краснодар. Хватит о прошлом. Там меняется политический климат, решаются важные хозяйственные задачи. Нужно и об этом говорить».

Затронул внешнеполитические проблемы: «Приходиться считаться с соседями, учитывать их интересы». Потом о трудовой дисциплине: «Надо бороться с разболтанностью, безответственностью. И ещё, смотрите внимательно за ближними кадрами, своим окружением — держите на расстоянии. Желающие попасть в друзья всегда найдутся». Вспомнил со смехом о рассказе А.П.Кириленко по чайсовхозу. Завершилась беседа тепло, дружески. Встал, проводил до двери. Напомнил о запланированном на 18 апреля совещании первых секретарей. Попрощались.

Одно тревожило, вид Ю.В.Андропова болезненный. Явно нездоров.

18 апреля. В Свердловском зале Кремля состоялось совещание первых секретарей КП союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС.

«Некоторые практические вопросы развития сельского хозяйства и реализации продовольственной Программы, принятой на майском (1982 г.) Пленуме ЦК». Доклад секретаря ЦК М.С.Горбачева.

В работе совещания участвовал Ю.В.Андропов и весь состав Политбюро ЦК.

Доклад М.С.Горбачева был основан на выдвинутых Л.И.Брежневым положениях продовольственной Программы, — до 1985 и 1990 гг., которая предусматривала ряд крупных мер, в частности:

- стабильное развитие агропромышленного комплекса страны;
- совершенствование организационных форм управления АПК;
- интенсификацию производства, и эффективное использование земли;

- внедрение высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур и средств их защиты, новых технологий и мелиорации земель;

- оснащение производства и переработки сельхозпродукции современной техникой и оборудованием;

- улучшение социально-бытовых условий жизни на селе.

На эти цели намечалось направить значительные материальные ресурсы и финансовые средства, в том числе и для закупок по импорту.

Обстоятельства в стране складывались так, что многие положения продовольственной Программы, подготовленной под руководством М.С.Горбачева уже тогда казались волевыми, нереальными. Так и произошло.

И вот на совещании, в докладе была высказана критика в адрес местных партийных комитетов, предъявлены претензии плановым, финансовым и сельскохозяйственным органам страны за допущенный срыв. Внесены предложения о некоторой корректировке цифр, предусмотренных Программой, а также по демократизации управления колхозами, активизации работы республиканских, областных и районных органов АПК. Горбачев говорил азартно, пытаясь убедить аудиторию, что он знает, как поднять сельскохозяйственное производство, но рутинное мышление некоторых специалистов и местных органов тормозит дело.

Обсуждение было активным. Выступило 15 человек. Выступил и я. Не буду излагать содержание прений, скажу только одно. Критики и возмущения по поводу недостатков в руководстве сельскохозяйствен-

ным производством со стороны Центра было предостаточно. Говорили о нереальности планов, плохом обеспечении техникой, горючим, недостатке капиталовложений в социальную сферу на селе и т. д.

В заключение с большой, острой и принципиальной речью выступил Ю.В.Андропов. В принятом решении были даны соответствующие рекомендации.

2 июня 1983 г. мне в Краснодар позвонил И.В.Капитонов. Я находился в одном из районов края. Сказал, что завтра надо быть в ЦК.

На следующий день утром приехал в ЦК КПСС к И.В.Капитонову. Он встретил меня словами: «Сейчас пойдём к Ю.В.Андропову. Речь идет о переводе вас из Краснодара. Давайте подумаем о кандидатуре на замену». Я спрашиваю — «сначала уточните, что за перевод, куда?» «Узнаешь на пятом этаже», и протянул мне список фамилий: Разумовский, Кручина, Месяц, Сизенко. Я не стал обсуждать эту тему: «Давайте поговорим после встречи с Генсеком».

Пришли к Андропову. Он поинтересовался видами на урожай, ситуацией в животноводстве и другими делами в крае. Потом говорит: «Теперь о главном. Вы знаете, что на днях скончался А.Я.Пельше. Политбюро решило рекомендовать председателем КПК КПСС М.С.Соломенцева, а Председателем Совета Министров РСФСР — вас. Все объективные данные за это. Работали в Совмине России, в ряде областей, на Кубе. Везде зарекомендовали себя положительно. Как вы относитесь к этому?» Смотрит на меня в упор. Я немного помолчал и, стараясь не волноваться, говорю: «Дело большое и необычайно ответственное. Надо сказать честно, уже привык к Краснодару. Интересная работа. Встретил там немало хороших, деловых людей. Вроде бы нашел понимание и поддержку в народе».

Андропов: «А ведь сначала не очень хотел? Отзывы хорошие. Ценим, что всегда ведешь себя достойно и выполняешь ответственные поручения ЦК. (Он часто сбивался в разговоре с «вы» на «ты»). Что же теперь раздумывать?» Отвечаю: «Если мне доверят такое большое дело, то буду работать активно. Российские проблемы мне близки».

После этого начали говорить о возможной кандидатуре на место первого секретаря крайкома.

9 июня вызвали в Москву. Вылетел первым утренним рейсом, и приехал в Кремль. 11.00. Заседание Политбюро ЦК вел Ю.В.Андропов.

Ю.В.Андропов. «Политбюро рекомендует Воротникова Виталия Ивановича Председателем Совета Министров РСФСР». Коротко охарактеризовал мой трудовой путь. «Как видите, — опыт хоро-

ший. Работал на различных постах. Везде достойно выполнял поручения ЦК, — и, обращаясь ко мне, — ваше решение?» Ответил, что понимаю ответственность. Если считаете нужным, буду работать. Поддерживающие реплики членов Политбюро: Громыко, Устинов, Тихонов. Решили: рекомендовать, внести предложение в Верховный Совет РСФСР. Всё. Я вышел и в этот же день возвратился в Краснодар.

14 июня вновь в Москве. Пленум ЦК КПСС.

Открыл его Ю.В.Андропов и предоставил слово К.У.Черненко.

Черненко от имени Политбюро предложил рекомендовать Верховному Совету СССР избрать Ю.В.Андропова Председателем Президиума Верховного Совета. Пленум решил — рекомендовать.

Затем Ю.В.Андропов выступил по организационным вопросам.

Избрать члена Политбюро Г.В.Романова секретарем ЦК, утвердить кандидата в члены Политбюро М.С.Соломенцева Председателем КПК. В связи с этим освободить его от обязанностей Председателя Совета Министров РСФСР. Председателем Совета Министров РСФСР рекомендовать В.И.Воротникова и избрать его кандидатом в члены Политбюро. Все проголосовали — «За».

Вновь слово берет К.У.Черненко. «Политбюро решило предложить Пленуму вывести из состава ЦК КПСС Н.А.Щелокова и С.Ф.Медунова за допущенные ошибки в работе. Политбюро исходит из того, что каждый член ЦК должен делом оправдывать оказанное ему высокое доверие. Тот, кто порочит честь и достоинство коммуниста, не должен быть в составе высшего органа партии. Щелоков в последние годы ослабил руководство МВД, встал на путь злоупотреблений в личном плане. Построил дачи для себя и своих родственников. Взял в личное пользование три легковых автомобиля, подаренных министерству иностранными фирмами. Вел себя неискренне, несамокритично. По случаю 70-летия поручил снять о себе фильм, на который затрачено более 50 тысяч рублей. Его поведение отрицательно влияло на кадры МВД. Медунов грубо нарушал партийную дисциплину. В крае получило распространение взяточничество среди руководящих работников. Располагая неопровержимыми фактами, он не принимал необходимых мер для пресечения этих явлений. Более того, с его ведома, со ссылкой на депутатский статус, не возбуждались дела о привлечении виновных к ответственности. Этим он скомпрометировал себя как руководитель и член ЦК КПСС».

Тайным голосованием решение принято. Медунов покинул заседание, Щелокова на пленуме не было.

Затем с докладом «Актуальные вопросы идеологической и мас-

сово-политической работы» выступил К.У.Черненко. Обсуждение доклада было активным. Прения завершили лишь на следующий день. В заключение с большой речью выступил Ю.В.Андропов.

24 июня. Сессия Верховного Совета РСФСР рассмотрела вопрос о председателе Правительства РСФСР.

По Поручению Политбюро ЦК М.С.Горбачев внес предложение назначить председателем Совмина РСФСР В.И.Воротникова.

Верховный Совет РСФСР единогласно назначил В.И.Воротникова председателем Совета Министров РСФСР.

Я поблагодарил депутатов Верховного Совета РСФСР и ЦК КПСС за оказанное доверие.

Вечером, после сессии ВС, я приехал в Совмин РСФСР. (Никакой встречи с М.С.Соломенцевым, передачи дел не было). Беседовал с членами Президиума Совета Министров. В сущности, всех их я знал, со многими работал в бытность первым заместителем Председателя. Так началась моя новая работа в Правительстве Российской Федерации.

С Ю.В.Андроповым мы накануне условились, что через 3—4 недели, как только я немного освоюсь, обстоятельно побеседовать.

В Краснодаре 27 июня на Пленуме первым секретарем крайкома КПСС был избран Г.П.Разумовский. Представлял его Пленуму Е.К.Лигачев, недавно утвержденный заведующим Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС. Я был на Пленуме, выступил там. Расстались мы с кубанцами тепло.

30 июня. Первое заседание Политбюро ЦК, в котором я участвовал в новой роли — председателя Правительства РСФСР.

Вел его Ю.В.Андропов. Строго, напористо.

Первый вопрос — об экономической политике ряда западных стран по отношению к Союзу: «Складывается невыгодная, неэффективная для нас структура внешней торговли, экономических связей в целом. Импорт растет, причем много берем «барахла», а не технологию. Западные страны стремятся взять и берут у нас сырье. Остальная продукция не конкурентоспособна. Госплану, министерствам следует подумать, как расширить экспорт машин, конечных продуктов переработки нефти, что для этого нужно сделать. Одновременно надо корректировать структуру импорта. С умом тратить деньги. К этой работе подключить обкомы партии. И учесть подходы, разработанные при формировании новой пятилетки».

Затем были определены объемы финансовой помощи союзным республикам из бюджета страны. Андропов обратил внимание на иждивенческие настроения руководителей республик: «Не считают деньги, не изыскивают дополнительные финансовые ресурсы.

Привыкли «протягивать руку». После обсуждения решили все-таки оказать некоторую финансовую помощь.

7 июля на Политбюро Н.А.Тихонов изложил ход переговоров с Г.Колем и Х.Д.Геншером по подготовке экономического соглашения с ФРГ. Подчеркнул, что «Вообще наш удельный вес в торговом балансе ФРГ низкий — около 2%, да и их в нашем — около 5%. Но для немцев важен не экономический, а политический интерес».

Ю.В.Андропов отметил принципиальность и твердость нашей позиции — «Поблажек от нас ждать нечего. В поведении Г.Коля заметна определенная поза, самолюбование. Считает себя уже крупным политиком. Х.Д.Геншер, на мой взгляд, компетентнее, хитрее, опытнее. Больше и острее полемизирует. Поднимался вопрос о замораживании соглашений, связанных с Западным Берлином — нашей вины в этом нет. Считаю, что встречи были полезными». Политбюро одобрило итоги переговоров.

При обсуждении вопроса о подготовке плана сотрудничества со странами-членами СЭВ, Андропов подчеркнул необходимость выработки четкой концепции сотрудничества. «Надо ясно определить, что нам нужно, а не только отбиваться от заявок партнеров на топливо. Сотрудничать на основе всемерного развития кооперации и специализации. Вообще, работа СЭВ требует глубокого анализа. Эффективность этого органа низкая».

Особое внимание на ПБ было уделено проблемам коммунистического и рабочего движения. Ю.В.Андропов сказал, что «в ряде западных стран коммунистические и рабочие партии пытаются приспособиться к ситуации, отходят от острых форм борьбы, не дают отпора реакционным силам. Наблюдается рост национальных, вернее, националистических мотивов. Буржуазия смогла национальные задачи поставить во главу угла, а компартии не ведут необходимой разъяснительной работы. Нам нужно иметь это в виду. Успех будет зависеть от того, насколько удачно мы свяжем интернациональные и национальные задачи. Это относится и к внешней и к внутренней политике. Налицо явная недооценка и наукой, и практикой международного рабочего движения. Следует изучать его специально, партия должна знать, что происходит в рабочем движении, какие там развиваются процессы. Почему, например, в ряде компартий сокращается рабочая прослойка».

Ю.В.Андропов был явно не удовлетворен работой Международного отдела ЦК и его куратора — секретаря ЦК КПСС Б.Н.Пономарева.

14 июля. Заседание Политбюро вел Ю.В.Андропов.

Остро, требовательно, с пристрастием обсуждали ситуацию в городе Волгодонске, где были грубо нарушены правила проектирования и строительства завода «Атоммаш» и его жилого поселка. Ряд строений стали оседать и разрушились, повреждены как производственные, так и жилые постройки. Причина — пльвуны грунта, просчеты проектировщиков, а также нарушения при производстве строительных работ.

Ю.В.Андропов: «Это результат не только халатного, безответственного отношения к делу со стороны руководства министерства и строителей, но и бюрократических пороков в работе аппарата и руководителей самого большого ранга. Совмин СССР и Секретариат ЦК должны быть принципиальнее. Долгих и Дымшицу необходимо незамедлительно выехать на место и рассказать активу, трудящимся о причинах случившегося и о том, что делается для исправления положения. Поведение некоторых товарищей на Политбюро жалобно и нагло. (Имелись в виду, выступившие с оправданием министры: Кротов, Непорожний и другие). Они плохо понимают свою роль и ответственность. О заместителе председателя Совмина И.Т.Новикове. Он курирует строительство. Н.А.Тихонов говорит, что Новиков подал заявление об уходе на пенсию, надо удовлетворить его просьбу. Важно скорее осуществить первые неотложные меры. Четко, по этапам реализовать технические и организационные решения. Вносят предложение об образовании комитета по безопасности АЭС. Согласен, надо решить этот вопрос».

Так завершилось обсуждение. Заседание Политбюро проходило требовательно, однако никого на нем не исключали из партии, тем более не отбирали партбилета, о чем говорил спустя почти десять лет на телевидении Л.М.Замятин, и что, якобы, так поразило его. Этого не было.

22 июля. В ЦК КПСС у Ю.В.Андропова.

Он обычно работал в здании ЦК на Старой площади (в Кремль ездил только на заседания Политбюро). Встретил приветливо. Сидел за рабочим столом, без пиджака. Вид усталый. В ходе беседы оживился, говорил увлеченно, эмоционально.

Я кратко рассказал, чем занимался это время. Как складываются отношения с Совмином Союза, Госпланом, министерствами. О контактах с отделами ЦК. О ситуации с уборкой урожая, проблемах местного хозяйства. О настроении на местах, положении с кадрами в республиканских органах.

Затем в основном говорил он. Во-первых, высказал ряд претензий к бывшему руководству Совмина РСФСР. «Михаил Сергеевич

Соломенцев вел себя инертно, сложные вопросы старался переадресовать другим. Нередко находился в хвосте событий. Такая позиция принижала роль Совмина. Много нелестных отзывов было от секретарей обкомов. С чем, говорили, ни обратись — не решишь, одни нотации, нудные разговоры, что-де сами во всем виноваты. То есть контакта должного с областями не было. Создавалось впечатление, — продолжал Андропов, — что Соломенцев работал по принципу: Россия велика, все равно не поднимешь.

Что хотелось посоветовать? Не пытаться объять необъятное. Не хвататься за все. Нужно больше времени уделять делам, которые непосредственно связаны с жизнью людей. Работа агропромышленного комплекса (сельское хозяйство, переработка, сохранность продукции). Легкая, пищевая отрасли промышленности. Социальные вопросы: жилье, коммунальное хозяйство, охрана здоровья, забота о детях, стариках. Особо — о дорожном строительстве, это же истинная беда России.

Конечно — товары. Добиваться расширения ассортимента и повышения качества. Сейчас рынок начинает насыщаться товарами, но много «барахла». Думаю, что следует специально принять ряд программ развития Сибири и Дальнего Востока. Давайте, вносите предложения на следующую пятилетку: по размещению производительных сил, использованию природных ресурсов, защите окружающей среды.

Теперь еще раз о связях с местными советскими и партийными органами. От них много нареканий. И справедливых. Есть и такие, кто не считается с Совмином. Потому, что не видят в этом толка. Все норовят решать через ЦК. Совмин недооценивает роль и возможности областей. Они могут и должны делать больше. Есть, правда, и иждивенцы. Все просят, ноют, уповают на центр. Так ведь легче. Дико, но в ЦК идут и простейшие просьбы — до гуталина и зубных щеток. Причем чаще те, кто просит, крупные промышленные области, проявляют и сепаратистские настроения. Требуют особых условий снабжения для себя — за счет других. Я не называю фамилий секретарей — сам знаешь. Надо найти ключ к контактам с местными органами. Как? Делами. Только делами можно завоевать авторитет, а не ложной заботой о престиже.

Вы говорили о необходимости контактов с отделами ЦК. Здесь есть вопрос — российские структуры в ЦК отсутствуют. Мы готовы рассмотреть предложения — подумайте. Может быть, поддерживать ваши крупные решения постановлениями ЦК или еще как-нибудь.

Теперь о кадрах. Разберитесь с заместителями, с аппаратом. Есть

хорошие работники, но немало и инертных. Советую не брать людей, которых вам спихивают. Такая практика в ЦК есть, я знаю.

О стиле работы. Надо меньше парадности, показухи. Всяких «дней», приемов, поездок делегаций и т.п. Ведь дел в РСФСР невпроворот.

И последнее. Не замыкайтесь в своем Доме. Надо работать в контакте и по горизонтали, и по вертикали. Чаще бывать на местах. Меньше бумаг. Больше конкретного дела. Надо повышать авторитет решений Совмина. Тщательнее их готовить и обязательно выполнять.

Ну вот, пока достаточно. Буду помогать. Верю вам, и надеюсь!»

На этом мы и завершили полуторачасовой разговор.

28 июля. Заседание Политбюро. Вел Ю.В.Андропов.

Об итогах работы в первом полугодии 1983 года. Прогноз на второе полугодие. Информации Н.К.Байбакова и В.Ф.Гарбузова.

Они изложили общую картину. Некоторые министерства в июле стали работать хуже: химическое машиностроение, угольная, легкая и другие отрасли промышленности. Идут разговоры о нереальности плана второго полугодия. Выискивают всякие объективные причины.

Начались выступления. Сетования — надо разобраться, так нельзя перегружать отрасли, много трудностей, нужны дополнительные ресурсы, капвложения и т. д.

Я слушал. Общие рассуждения, перечисление «объективных» причин, а конкретных предложений нет. Только одно — надо, надо! А как, где?

Андропов молчал, подавал отдельные реплики. Когда выслушал речи — стал чеканить фразы в притихшем зале.

«Экономика на перевале XI пятилетки. Отвечает ли складывающаяся обстановка требованиям экономической политики, решениям ноябрьского Пленума? Нет, не отвечает. Нужно видеть тенденцию. Что же случилось? В стране улучшилась морально-политическая обстановка, что способствует подъему трудовой инициативы. Об этом свидетельствуют итоги первого полугодия. Почему же сейчас сбои? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и 83 года. Более того — можно частично компенсировать задолженность 81 и 82 годов. Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госснаба, министров.

Сегодня мы ничего конкретного не услышали. Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку. Будем говорить не только о проблемах, а о людях, которые стоят за ними. Об их

ответственности. Мне представляется, что у товарищей появилась какая-то усталость от требовательности и ответственности. Как это понимать? Дела идут неважно, а руководители министерств, областей — в отпусках, лето — самая лучшая пора! Отозвать немедленно тех, где плохо обстоят дела.

Повышение дисциплины, ответственности, это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупреждаю всех! Кто сорвет планы — будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра. Особое внимание обратить на повышение эффективности работы. На каждом предприятии должны быть разработаны меры, направленные на рост производительности труда, экономию, повышение качества продукции.

1 сентября. Политбюро ЦК.

Ю.В.Андропов вел, как потом оказалось, последнее для себя заседание Политбюро спокойно, без эмоций. Выглядел очень усталым, малоподвижным. В тот же день улетел в отпуск, в Крым. Больше он на работе не появился.

17 ноября. Заседание Политбюро. Вел К.У.Черненко.

До заседания информировал нас, что здоровье Ю.В.Андропова, который был из Крыма госпитализирован в ЦКБ, пока без изменений к лучшему. Вспоминаю, что эта информация коллегами была воспринята достаточно спокойно. Ну, заболел человек, с кем не бывает. Не чувствовалось тревоги. Хотя многие знали, каково его здоровье, чем и сколько времени он уже страдает. Мне же все это было неизвестно. Поэтому восприятие общее — поболит и выздоровеет... Непонятно, чем была вызвана такая уверенность. О том, что Ю.В.Андропов госпитализирован в ЦКБ я узнал лишь в середине ноября. Чазов же в своей книге пишет, что еще в конце сентября его вызвали в Крым, где отдыхал Ю.В.Андропов, в связи с резким ухудшением здоровья Генсека. Его срочно эвакуировали в Москву в ЦКБ.

4 декабря. Беседовал с М.С.Горбачевым. Он был у Ю.В.Андропова в ЦКБ: «Состояние его здоровья плохое. Его посещают помощники. Иногда Черненко. Юрий Владимирович недостаточно точно информирован, переживает за дела. Ты бы позвонил ему». Я говорю, что «хотел не раз, но раздумывал, зачем беспокоить больного человека».

В тот же день позвонил в ЦКБ. Рассказал Ю.В.Андропову, как идут дела в республике, какие ожидаем итоги года. Как прошло согласование плана на 1984 год по России в Совмине Союза. О работе по его записке в Политбюро. Поинтересовался его здоровьем. Он: «Хорошо, что позвонил. Спасибо. Я залежался здесь, не-

вольно оторван от дел. Это сейчас недопустимо. Но, что поделаешь. Удовлетворен твоей информацией. Желаю, дорогой Виталий Иванович, успехов. Спасибо тебе сердечное. Привет товарищам».

6 декабря. Горбачев рассказал, что «имел еще одну беседу с Ю.В.Андроповым в ЦКБ. Состояние его не улучшается. Выглядит очень плохо. Исхудал. Ослаб. Юрий Владимирович предложил провести изменения в составе Политбюро, в том числе перевести тебя в члены Политбюро. Я поддержал это предложение. Но некоторые считают, — доверительно сообщил Горбачев, — зачем торопиться».

26 декабря. Пленум ЦК КПСС. Открыл К.У.Черненко.

Начал с того, что встречался с Ю.В.Андроповым. Он не может участвовать в работе Пленума. Передал просьбу Андропова рассмотреть на Пленуме оргвопрос.

Вносит предложение. «Избрать членами Политбюро М.С.Соломенцева и В.И.Воротникова, кандидатом в члены Политбюро — В.М.Чебрикова, секретарем ЦК — Е.К.Лигачева. И.В.Капитонову — сосредоточиться на вопросах, связанных с развитием производства товаров народного потребления, бытовых и других социальных проблемах». Голосует. Предложения приняты.

На Пленуме был роздан текст выступления Ю.В.Андропова.

В этом материале Ю.В.Андропов вновь, как и в своих выступлениях в июле, главное внимание уделил экономическим проблемам и повышению уровня организаторской работы.

Он писал: «Необходимо определить наиболее эффективные направления в развитии народного хозяйства, которые двигали бы экономику по интенсивному пути. Собственно, речь идет о научно-техническом прогрессе и разработке механизма управления экономикой на всех уровнях. Причем мероприятия по совершенствованию системы управления должны проводиться комплексно, только в этом случае можно наиболее полно использовать преимущества социализма. Должны быть определены четко функции, права и ответственность органов управления и предприятий. Повышена действенность экономических рычагов и стимулов хозяйственного механизма, включая ценообразование, кредитно-финансовую систему, методы оценки результатов хозяйственной деятельности».

Андропов вновь подчеркнул роль министерств, партийных комитетов в наведении порядка, дисциплины, личной ответственности каждого за конкретно порученное дело. Призвал, рассматривая и решая текущие задачи, серьезно заняться перспективными вопросами развития экономики, улучшения внутренних и внешних позиций нашего государства.

Думаю, что эти короткие тезисы Ю.В.Андропова на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК дают ответ на вопрос о том, когда зарождались и начинали осуществляться в Союзе задачи ускорения экономических и социальных преобразований, получившие затем имя — «перестройка». Именно в том понимании, в котором она осуществлялась в 1985—1987 годах.

27 декабря позвонил Ю.В.Андропову в ЦКБ. Поблагодарил за высокое доверие, избрание членом Политбюро. «Ну, что ж, поздравляю. Я на тебя рассчитываю». Рассказал Юрию Владимировичу о Пленуме, о положительной реакции участников Пленума на его выступление, пожелал скорейшего выздоровления. «Спасибо, что позвонил, еще раз поздравляю тебя, всего доброго». Голос уставший, глухой, говорит трудно.

20 января 1984 г. По телефону и лично пошли поздравления с днем рождения. Звонил М.С.Горбачев из Пицунды. Позвонил и Ю.В.Андропов — из ЦКБ. Пожелал успехов, плодотворной работы. Удивительно бодрый голос. Я спросил, как он себя чувствует. Ответил: «Настроение хорошее, но пока в больнице. Надеюсь на благополучный исход».

Прошло менее трех недель. 9 февраля, в четверг, как обычно в 11.00 было заседание Политбюро. Перед началом в «Ореховой» К.У.Черненко информировал членов Политбюро о резком ухудшении состояния здоровья Ю.В.Андропова. «Врачи делают все возможное. Но положение критическое». Что скажешь? Посидели. Помолчали. Прошли в зал. Начали рассматривать вопросы, включенные в повестку дня. Примерно к 14.00 заседание закончили.

В 18.00 снова вызвали в Кремль. Срочное заседание Политбюро. Черненко сообщил, что в 16.50 скончался Ю.В.Андропов. Образовали комиссию. Похороны — 14 февраля. Условились, кому подготовить некролог, сообщения для печати. Согласовали текст телеграммы в ЦК КП союзных республик, обкомы и крайкомы, совпослам.

Умер Юрий Владимирович Андропов. Мучительными были последние месяцы и дни его жизни. Лишь необыкновенно мужественный, волевой человек мог не только переносить эту нарастающую атаку болезни, но и трудиться. Он работал напряженно, ответственно и плодотворно. Решал текущие вопросы партийной и государственной жизни, заглядывал в дальнюю перспективу.

Я не претендую на то, что давно и хорошо знал Ю.В.Андропова. Первая наша встреча состоялась в 1969 г., когда Юрий Владимирович в течение нескольких дней находился в Куйбышевской области. Побывал на предприятиях, выступил на собрании актива.

Однажды мы долго засиделись за ужином, небольшой группой 5-6 человек, о многом беседовали. Он оказался интересным рассказчиком и произвел на нас хорошее впечатление. Простой в обращении, без присущего некоторым его коллегам менторского тона, эрудированный, сдержанный, но в то же время и остроумный собеседник. Затем я наблюдал и имел деловые контакты с ним на заседаниях Политбюро в конце 70-х годов. Читал его статьи, слушал выступления. С 1982 года установились деловые, и довольно уважительные отношения, которые все более укреплялись... И вот такой трагический исход.

Безусловно, Ю.В.Андропов был незаурядной личностью. Крупный, умный политик широкого диапазона, неординарный организатор. Человек образованный, с разнообразным кругом интересов: экономика, политика, международное право, литература, искусство. Убежденный в правоте идеи социалистического переустройства общества, человек высокой порядочности и ответственности, не скрывавший своих симпатий и антипатий. Он обладал, по моему восприятию, каким-то магнетическим влиянием. Внешне неторопливый, всегда собранный, заряженный на дело, он при беседе по-своему, по-андроповски внимательно, изучающе всматривался через толстые стекла очков в глаза собеседника. Взгляд у него особый, проникающий внутрь. Впечатление такое, что он знает о тебе все.

Можно по-разному относиться к его убеждениям, к его позиции по тому или иному вопросу. Но бесспорно мнение большинства тех, кто знал Юрия Владимировича: это человек, не словами, а делами подтверждающий свою приверженность идее, преданность народу. Такие вот воспоминания будит во мне образ Ю.В.Андропова. Может быть я субъективен и мои оценки — результат его доброго отношения ко мне. Но бесспорно одно: страна, партия потеряли выдающегося лидера. Причем лишились его на очень важном и сложном этапе.

КОНСТАНТИН УСТИНОВИЧ ЧЕРНЕНКО

К.У.Черненко был утвержден заведующим Общим отделом ЦК в 1965 году. В первые же годы его работы, действовавшие тогда в обкомах партии так называемые особые сектора, которые вели делопроизводство, были переименованы в Общие отделы. Финансово-хозяйственные сектора — в финансово-хозяйственные Отделы. Это подняло их престиж, хотя функции не изменились. До 1971 г. я с К.У.Черненко не встречался. В аппарате ЦК и среди партийных работников о нем шла молва, как об исключительно обязательном, трудолюбивом, дотошном человеке.

Родом из Красноярского края, он некоторое время работал в аппарате крайкома партии, затем секретарем Пензенского обкома, заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии. Тогда первым секретарем ЦК КП Молдавии был Л.И.Брежнев. С той поры Леонид Ильич не расставался с Константином Устиновичем. Перейдя на работу секретарем ЦК КПСС, он пригласил в аппарат ЦК и К.У.Черненко. Когда Л.И.Брежнев был перемещен Н.С.Хрущевым в Верховный Совет СССР, он взял с собой и К.У.Черненко — начальником Секретариата Президиума ВС. Став в 1965 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС, Л.И.Брежнев выдвигает К.У.Черненко заведующим Общим отделом ЦК. Следует сказать, что, имея богатый опыт аппаратной работы, Константин Устинович проявил себя хорошо. То есть был исключительно дельным, полезным работником. Бесспорно, он пользовался доверием, поддержкой Генсека.

С годами К.У.Черненко приобретал все большее влияние в «коридорах власти». Где-то с 1972 года в ЦК все больше складывалось мнение: если хочешь решить какую-либо серьезную проблему, надо заручиться поддержкой К.У.Черненко.

Он настойчиво повышал роль общих отделов в обкомах. В 1973 г. в ЦК прошло большое трехдневное совещание заведующих общими отделами ЦК компартий союзных республик, обкомов и крайкомов КПСС. На совещании выступил Л.И.Брежнев. Говорилось о большой роли общих отделов, о том, что от них зависит четкость работы партаппарата, качество подготовки вопросов на бюро и секретариат. Контроль за делопроизводством, — это не только форма, но необходимая мера, обеспечивающая своевременное исполнение партийных решений.

Я работал в это время в Воронеже. Раза два-три, бывая в ЦК, заходил по каким-то вопросам к К.У.Черненко. Принимал он вежливо, но сдержанно, как-то даже безразлично. Правда, все вопросы решал. Столы в его кабинете всегда были завалены бумагами. Столбом стоял сигаретный дым, он курил беспрерывно, а на столе — неизменный стакан крепкого чаю.

В 1974 г. я лишний раз убедился в том, каково место К.У.Черненко в аппарате ЦК. Тогда активно обсуждались проблемы совершенствования структуры управления в сельхозорганах. Было много претензий к Сельхозтехнике. У нас в Воронеже возникла идея передачи снабженческих функций из Сельхозтехники в Госснаб, организации там Сельхозснаба. Кроме того, были разработаны предложения об углубленной производственной специализации и реорганизации сельхозорганов в Центре и на местах. Упор делался на повышение самостоятельности районного и областного звена, передаче им ряда функций Центра.

Я подготовил соответствующую записку, расчеты, схемы и привез эти материалы к Ф.Д.Кулакову. Он внимательно все прочел, задал много вопросов. Предложения ему понравились. Я говорю: «Хорошо, Федор Давыдович, тогда доложите об этом Л.И.Брежневу». Он задумался. «Нет, так не выйдет». Снял телефонную трубку, позвонил К.У.Черненко и стал объяснять ему, что-де в Воронеже подготовили интересные предложения, разработали схему управления сельскохозяйственным комплексом. «Надо бы с ними познакомить Л.И.Брежнева. А лучше, если б Леонид Ильич принял Воротникова». Что ответил К.У.Черненко, я не знаю. «Давай, — говорит Кулаков, — иди к Черненко, он все устроит». Я удивился. Секретарь ЦК, член Политбюро звонит заведующему отделом и просит! Почему бы ему самому не позвонить, не зайти к Л.И.Брежневу и все объяснить?

Поднялся на 6-й этаж к К.У.Черненко, передал материал. Тот не стал ничего смотреть. «Оставь, я все сделаю». Действительно, прошло несколько дней, и меня вызвали к Л.И.Брежневу. Материалы у него. Я рассказал о наших предложениях. Брежнев начал читать документы, но вскоре отвлекся от текста, заговорил о текущих делах. Вспомнил, что раньше был так называемый ГУТАП, который занимался снабжением сельского хозяйства техникой. И дела тогда шли хорошо.

Мои материалы были разосланы по Политбюро с положительной резолюцией Л.И.Брежнева. Но идея эта, по ряду причин, так и не была реализована.

Правда, вскоре в Воронеж приехал А.А.Ежевский — председатель Союзсельхозтехники. Очень сговорчиво и заинтересованно отнесся к

нашим просьбам. Им был решен ряд поставленных нами вопросов пополнения области техникой, строительства станций техобслуживания в животноводческой сфере и другие. То есть польза все-таки была.

Ещё один пример.

Когда в начале 1979 года, готовясь к отъезду на Кубу, я беседовал с К.В.Русаковым, тот сказал: «Неплохо было бы новому послу вручить Ф.Кастро при первой встрече личное послание Л.И.Брежневца». И обещал посоветоваться на этот счет с Громыко. Мне эта идея понравилась. При следующей встрече К.В.Русаков сказал, что А.А.Громыко согласен и сам переговорит с Л.И.Брежневым. Однако прошла неделя, другая, а никаких действий на этот счет не последовало. Дело затруднялось тем, что Леонид Ильич тогда был болен и редко появлялся в Кремле. Да и вообще все контакты с ним последнее время шли через К.У.Черненко. Тогда я решил сам обратиться к Константину Устиновичу, тем более, что мне предстояло нанести ему визит перед отъездом, как и всем товарищам из руководства страны.

Позвонил ему утром 4-го апреля, и в тот же день он меня принял. Был короткий разговор о предстоящей работе. Он посетовал, что сейчас занят подготовкой к Пленуму ЦК, намеченному на 17-е апреля, и не может более обстоятельно поговорить со мной. Спросил, когда я отправляюсь в Гавану. Ответил, — 18-го апреля, так что ещё успею принять участие в работе пленума ЦК. Он пожелал успехов. И тогда я спросил о послании Фиделю Кастро. Он удивился: «Никто не обращался к Леониду Ильичу по этому вопросу». Позвонил в МИД В.Ф.Мальцеву. Поручил ему подготовить проект личного письма Л.И.Брежневца для Ф.Кастро. Несколькими фразами определил суть послания и установил срок — через два дня передать проект письма в ЦК. И 11-го апреля я получил у К.М.Богомолова подписанное Л.И.Брежневым личное письмо Фиделю Кастро.

Уже работая в Гаване, я в ноябре 1979 г. прибыл в Москву, в отпуск. Будучи в ЦК, зашел к К.У.Черненко, рассказал о ситуации на Кубе и спросил о возможности приема Л.И.Брежневым. Константин Устинович сказал, что только после Пленума, который назначен на 27-е число.

Прошел Пленум. А 28-го открывалась сессия Верховного Совета СССР. Во второй половине дня 29-го, по окончании сессии, заехал в поликлинику на проспекте Мичурина. Лечащий врач настоятельно предложила лечь на три-четыре дня в больницу — на диспансеризацию. Я позвонил домой Нине, рассказал и сразу же решил остаться. Только разместился в палате, как звонок из дома. Нина говорит: звонили из приемной К.В.Русакова, тебя разыски-

вают от Л.И.Брежнева. Было 18.30 вечера. Звоню в приемную Генсека. Секретарь Г.Д.Бровин: «С вами хотел переговорить Леонид Ильич, но он уже уехал, так как я сказал, что вы в больнице». (Именно так ответили мои домашние на вопрос из приемной К.В.Русакова). Это был четверг. Бровин сказал, что Л.И.Брежнева не будет до вторника. Как я ругал себя, отмечая пунктуальность К.У.Черненко. Он и дальше сдержал слово. Встреча с Л.И.Брежневым состоялась 17-го декабря, после того, как я выписался из больницы, побывал в Воронеже и провел неделю отпуска в «Барвихе». А 18-го вместе с Н.К.Байбаковым мы вылетели в Гавану.

Рассказывая об этих фактах, я хочу подчеркнуть обязательность К.У.Черненко, который всегда выполнял свои обещания, в чем я убедился, работая в Воронеже, в Москве и потом на Кубе. Он помог, в частности, решить сложную задачу выплаты сотрудникам посольства части оклада в инвалюте. И, затем, сыграл положительную роль в решении вопроса о моем возвращении в Москву.

Мои отношения с К.У.Черненко, в определенной мере, укрепились во время пребывания его в декабре 1980 г. на съезде Компартии Кубы в Гаване во главе делегации КПСС. Следует подчеркнуть, что и там К.У.Черненко в беседах с руководителями Кубы, делегациями других стран не скрывал свои особые отношения с Л.И.Брежневым, то, что у него есть свои каналы связи с Генсеком. Заявлял по тому или иному поводу: «Нет вопросов. Как приедете — позвоните мне. Я все устрою».

В Гаване шла большая работа по подготовке II съезда компартии Кубы, намеченного на декабрь 1980 г. 28 ноября я посетил Ф.Кастро во Дворце Революции и передал письмо Л.И.Брежнева. В нем, помимо прочего, сообщалось, что ЦК КПСС принимает приглашение на съезд КП Кубы и направляет делегацию в составе: К.У.Черненко, В.И.Долгих, Н.К.Кириченко и В.И.Воротников. Фидель выразил удовлетворение письмом и стал говорить о ходе подготовки съезда. Потом попросил рассказать о К.У.Черненко, других товарищах из делегации, — кто есть кто? Я объяснил, что Константин Устинович около тридцати лет работает рядом с Л.И.Брежневым, еще со времени пребывания того на посту первого секретаря ЦК КП Молдавии. С 1965 г. К.У.Черненко в Москве. Был заведующим Общим отделом ЦК, а с 1975 г. — секретарь ЦК КПСС, в 1978 г. избран членом Политбюро ЦК. Сейчас он наиболее близок к генсеку, по сути, является вторым человеком в партии, так как М.А.Суслов болен и работает мало.

Положительно охарактеризовал В.И.Долгих, как видного хозяйственного и партийного деятеля, работавшего директором круп-

нейшего в стране Норильского металлургического комбината, а затем первым секретарем Красноярского крайкома КПСС в Сибири. В течение семи лет он является секретарем ЦК, курирует базовые отрасли промышленности. О Н.К.Кириченко могу сказать только, что он первый секретарь Одесского обкома КП Украины, но лично его не знаю. Ф.Кастро поблагодарил, и мы попрощались.

15 декабря 1980 г. в Гавану прибыла делегацию КПСС на съезд компартии Кубы. Встречали ее Р.Кастро, Х.Р.Мачадо, Х.Камачо и другие товарищи.

Как и всегда несуетливый, сдержанный Константин Устинович, хотя и пытался держаться бодро, выглядел болезненным, уставшим. В аэропорту лишь пригубил «дайкири», не стал пить кофе, односложно реагировал на приветственные слова Рауля. Я объяснил это усталостью после длительного перелета.

Разместили делегацию в престижном районе «Логито» в двух особняках. С делегацией прибыли: В.В.Прибытков, помощник Черненко, О.Т.Дарусенков, из МИДа — заведующий отделом Павлов, врач, несколько человек охраны. После обычной суеты с багажом и распределением по комнатам, сели ужинать. Поговорили о порядке работы съезда, программе пребывания и сначала К.У.Черненко, а затем и другие товарищи разошлись на отдых.

Следующий день — знакомство с Гаваной. Многие впервые на Кубе.

После завтрака поехали в парк им. Ленина, огромная территория которого обустроена для отдыха и развлечений: библиотеки, картинные галереи, музеи, игровые аттракционы, спортивные площадки, кафе и рестораны. Необычная для нас яркая тропическая растительность. Более часа мы на машине и пешком с интересом знакомимся с парком. Потом расположились в креслах в тени под пальмами и, отхлебывая сок или пиво, слушали оживленный рассказ директора парка, миловидной Люсии, об активной и полезной работе коллектива парка с посетителями. К.У.Черненко в парке понравилось, он сделал благодарственную запись в гостевой книге.

Потом посетили большую, образцовую школу им. Ленина. Прошли по территории, осмотрели учебные классы, кабинеты. Побеседовали в актовом зале со школьным активом. Пионеры приветствовали нас, повязали красные галстуки. К.У.Черненко выступил со словами благодарности за прием, коротко сказал о работе, которую ведет партия по образованию и воспитанию молодежи в СССР, пожелал успехов в учебе.

После обеда в 15.00 прогулка по Гаване. Проехали по Маликону

(набережной океана) в старую, припортовую часть города. Прошли по средневековым улочкам к Кафедральной площади, зашли во дворик величественного особняка генерал-губернатора, а ныне музея г. Гаваны. Затем пешком к бывшему президентскому дворцу, где сейчас расположен музей Революции. Вижу, что Константин Устинович устал, идет медленно, не очень вслушивается в объяснения Х.Камачо, сопровождавшего нас весь этот день. Во дворце для осмотра надо подняться на второй этаж. Помощники К.У.Черненко сомневаются, стоит ли туда идти? Он сначала колеблется, а потом говорит: «Нет, надо обязательно посмотреть». Поднялись. И здесь стало ясно, что этот путь дорого ему стоил. Выйдя на балкон, Черненко долго стоял у перил, отдыхая. Тяжело с хрипом дышал, врач дала ему какие-то таблетки. Я подсказал кубинским товарищам, что надо заканчивать экскурсию. Не стали смотреть экспонаты музея, стоявшую неподалеку яхту «Гранму», сели в машину и возвратились в резиденцию.

Должен сказать, что с последней нашей встречи в Москве год назад К.У.Черненко серьёзно изменился. Во время его пребывания на Кубе явно ощущалась болезненность: одышка, слабость, быстрая утомляемость. Он был ещё более сдержан и немногословен.

Константин Устинович сразу ушел к себе. Не вышел к ужину. Ему в номер отнесли йогурт и чай. Врач говорит, что он и дома плотно не ужинает. К 21.00 по программе нужно было ехать в Национальный театр, где для делегатов и гостей съезда давали большой концерт. Перед отъездом К.У.Черненко вышел в холл и сказал, что хочет ещё раз с В.В.Прибытковым посмотреть текст выступления на съезде, а потому на концерт не поедет. А вы езжайте. Мы с В.И.Долгих, Н.К.Кириченко и другими товарищами с интересом посмотрели концертную программу.

17-го декабря начал работу 2-й съезд компартии Кубы.

Наша делегация разместилась в зале Дворца Конгрессов, а К.У.Черненко в президиуме съезда.

Открыл съезд коротким вступительным словом Рауль Кастро.

Избрали руководящие органы съезда, утвердили повестку дня, регламент, комиссии съезда и т.п.

В 10.00 начал доклад Фидель Кастро. С тремя перерывами он читал доклад более восьми часов. Заседание закончилось в 22.30. А на 23.00 было назначено заседание комиссий съезда. Так работали кубинцы!

Мы приехали в резиденцию около 11 вечера. Впечатления от доклада у нас блестящее, но и усталость от первого дня чувствовалась. Особенно у К.У.Черненко. Он не стал ужинать и вскоре ушел

к себе. Вновь прибегнул к услугам доктора, кстати, очень заботливого и опытного врача. Я знал ее по работе в поликлинике на проспекте Мичурина.

18 декабря — продолжение работы съезда. Начались выступления.

Первым предоставили слово К.У.Черненко. Речь по содержанию была неплохая, несколько приподнятая, соответствующая форуму. Но читал её Константин Устинович без пафоса, глухим и хрипловатым голосом. Реакция зала, конечно, была благожелательная.

В обеденный перерыв уехали к себе, в резиденцию делегации. Поздравили К.У.Черненко с выступлением, пообедали. Помощники подготовили поздравительную телеграмму Л.И.Брежневу, — ему завтра исполнялось 74 года. Посмотрел её В.И.Долгих, что-то исправил. Дали почитать мне и Н.К.Кириченко. Слог был выпененный. Но я не стал делать никаких замечаний. Позвали Константина Устиновича. Он попросил прочесть вслух, говорит, так воспринимает текст лучше. Зачитали. Внес одно уточнение, и передали её для отправки в Москву. Там уже было около полуночи.

Во второй половине дня, во время работы съезда состоялась встреча с делегацией СК Югославии, которую возглавлял Г.Минич. Беседа носила протокольный характер, проходила формально с обеих сторон.

А поздно вечером в резиденцию приехал член Политбюро Конголезской партии труда Бокамба Йангоума. Он рассказал К.У.Черненко о положении в Конго, после чего обратился с просьбой не переносить визит в СССР президента страны Сассу-Нгессо. (Об этом мы знали, причина отсрочки носила тактический характер). К.У.Черненко, как мог, успокоил конголезца сказал, что Л.И.Брежнев очень перегружен уже запланированными мероприятиями.

На следующий день съезд продолжил работу.

Во время перерыва К.У.Черненко из президиума съезда уехал в резиденцию. В.В.Прибытков передал, что чувствует себя Константин Устинович неважно, и решил отдохнуть. Мы и сами видели, что жаркий и влажный тропический климат усугубляет его легочное заболевание. Кондиционер же не включали, опасаясь простуды. Тем более, что на 15.00 намечено посещение металлургического завода им. Хосе Марти в Гаване и выступление там К.У.Черненко. Что касается встречи с делегацией прогрессивных сил Сальвадора, то он просил провести ее В.И.Долгих и мне. Что мы и сделали.

В 15.00 мы приехали на завод. Короткая беседа в парткоме. По цехам не пошли, а сразу на митинг. К.У.Черненко выступил с речью. Говорил трудно, кашлял, повторял слова. Ясно, что нездоров.

Однако, возвратившись в резиденцию и немного отдохнув, мы вдвоем провели хорошую беседу с У.Ортегой. (В.И.Долгих и Н.К.Кириченко в это время посетили ассоциацию кубинско-советской дружбы). Я был достаточно знаком с министром обороны Никарагуа. Умберто Ортега, — молодой еще человек, активный участник революции, несколько раз ранен. На наших частых встречах держался свободно, с латиноамериканской непосредственностью. Также и сейчас он не чувствовал себя стесненным, несколько оживился и К.У.Черненко. У.Ортега рассказывал об успехах революционных преобразований в Никарагуа, о проблемах в экономике, строительстве вооруженных сил, подчеркнул, что страна пользуется большим вниманием и поддержкой со стороны Кубы. Сказал, что дважды был в СССР, поездки были успешными, встречался с Д.Ф.Устиновым, другими советскими руководителями. «Но, к сожалению, — заметил У.Ортега, — мне не удалось попасть на прием к Леониду Брежневу, а очень хотелось. Говорили, что он очень занят». К.У.Черненко поблагодарил его за информацию, сказал, что в СССР с большим вниманием относятся к положительным переменам, происходящим в Никарагуа. «Что касается встречи с Л.И.Брежневым, — заключил он, — то, когда приедете в очередной раз, позвоните мне и я всё устрою».

У.Ортега простился, поблагодарив за беседу. К.У.Черненко, как всегда, сдержал слово и, действительно, в 1981 г. организовал встречу лидеров Никарагуа с Л.И.Брежневым.

И уже поздно вечером приняли премьер-министра Гренады Мориса Бишопа. Это был видный политический деятель, настоящий патриот своей небольшой страны. Человек высокообразованный, отличный оратор, с весьма привлекательной внешностью, он производил очень хорошее впечатление. Я несколько раз встречался с ним, слышал его выступления. Ф.Кастро неоднократно весьма высоко отзывался о Морисе Бишопе.

И на этот раз М.Бишоп оставил впечатление умелого, деликатного собеседника. Коротко рассказал о делах в Гренаде, похвалил выступление К.У.Черненко на съезде. Отметил большую роль СССР в поддержке национально-освободительных движений в Африке и Латинской Америке. В то же время сказал: «Мы, конечно, должны рассчитывать на свои силы. И даже небольшая помощь, например, Кубы и СССР для нас, в большей мере, важна как моральная поддержка. Это помогает воспитанию нашего народа». К.У.Черненко слушал вяло, иногда поддакивал словам М.Бишопа. Чувствуя, что надо помогать беседе, я высказал наши оценки обстановки в Гренаде. Заявил, что подписанные недавно здесь, в Гаване, докумен-

ты об установлении дипотношений между нашими странами открывают новые возможности сотрудничества.

М.Бишоп поблагодарил за беседу и откланялся. Константин Устинович, проводив гостя, говорит: «Устал я от этих церемоний. Ведь уже около 12-ти ночи. Спасибо тебе, ты выручил меня с Бишопом. Откуда я знаю про эту Гренаду!» Впоследствии, когда в Гренаде произошел военный переворот и Морис Бишоп был убит, о нем скорбели во всех странах континента. Особенно переживали эту утрату на Кубе.

20 декабря. Второй съезд Компартии Кубы завершил работу.

В 16.00 — грандиозный митинг на площади Революции. Выступление Фиделя Кастро.

Вечером прием, организованный ЦК КП Кубы для делегатов съезда.

В Доме приемов и в саду, вокруг озера — масса народа, музыка, восторженные встречи, радостные реплики, смех, шутки. Короче, атмосфера веселого возбуждения после выполненного большого дела. К.У.Черненко, побыв немного рядом с Ф.Кастро и другими кубинскими деятелями, устав от шума и вечерней, не уходящей жары, уехал к себе. В.И.Долгих, Н.К.Кириленко и другие советские товарищи, для которых вся эта атмосфера была непривычной, интересной, еще долго оставались там.

21 декабря. Воскресенье. В Москве официально объявлено о том, что 18-го декабря скончался А.Н.Косыгин. Похороны — 22 декабря, у Кремлевской стены. В 10 часов утра я приехал в резиденцию делегации.

День этот предполагалось провести в Варадеро на пляже. Я передал К.У.Черненко известие о кончине А.Н.Косыгина. В ответ: «Да, я знаю, — он долго болел. Что поделаешь». От поездки в Варадеро все отказались.

В середине дня в особняк делегации приехал Рауль, а попозже — Фидель Кастро. Вместе с Раулем он беседовал с делегацией. Разговор был теплым, дружеским. Правда, больше говорили хозяева. О ходе съезда, контактах с политическими лидерами других стран и партий. Оценивали отдельные выступления делегатов, приветствия гостей. К.У.Черненко больше помалкивал, ограничивался отдельными репликами. К концу дня Фидель и Рауль уехали, сказав, что скоро встретимся.

Вечером прием в «Ранчито». По традиции: осмотр территории и креольский ужин. Были весь состав Политбюро и Секретариата ЦК, а также и наши товарищи. Встреча прошла тепло, гостеприимно, но без той раскованности, которой, например, характеризовался

прием Н.К.Байбакова. Фидель и Константин Устинович обменялись речами. В 22.30 стали прощаться. Ф.Кастро еще раз поблагодарил К.У.Черненко, всю делегацию, товарищей из ЦК КПСС за большую помощь в подготовке съезда и активное участие в его работе.

Потом, перед расставанием, сказал, что ему стало известно о кончине А.Н.Косыгина: «Вы и мы потеряли выдающегося государственного деятеля, большого друга Кубы. Я очень высокого мнения о нем, всегда гордился нашими хорошими личными отношениями. Прошу принять мои соболезнования, передать их Л.И.Брежневу, партии и народу Советского Союза».

К.У.Черненко поблагодарил, сказал, что передаст эти слова Леониду Ильичу. И мы уехали.

13 февраля 1981 г., в пятницу, на самолете маршала Н.В.Огаркова, находившегося на Кубе с визитом, прилетели из Гаваны в Москву.

С понедельника 16-го и дальше на неделе обычные посещения МИДа, ЦК КПСС. Все руководство занято подготовкой к XXVI съезду.

У К.В.Русакова рассмотрели подготовленные для Л.И.Брежнева материалы к беседе с Ф.Кастро. Сделали небольшие уточнения текста. Обсудили намечаемую программу работы с кубинской делегацией.

Короткая беседа у К.У.Черненко об итогах визита Н.В.Огаркова на Кубу. Затем о составе делегации КП Кубы. Константин Устинович подчеркнул, что ему, как и мне, предстоит работать с кубинцами на съезде.

Кубинская делегация прибыла вечером 22 февраля. В ее составе Ф.Кастро, К.Р.Родригес, О.Сьенфуэгос, Х.Монтане, А.Нуньес-Хименес, С.Агирре, плюс Р.Вейга, Ж.Доменеч, Х.Мияр и другие сопровождающие делегацию лица.

Встречали кубинцев: К.У.Черненко, В.И.Долгих, В.И.Воротников, И.И.Бодюл, К.С.Симонов, О.Б.Рахманин и Г.Х.Шахназаров.

Поздоровались у трапа самолета. Прошли в здание аэропорта. Короткая беседа, и выехали на Ленинские горы, где в одном из правительственных особняков разместилась делегация.

В 18.30 ужин в особняке. Участвовали все встречающие. Общий разговор о перелете, о съезде, начинающем завтра свою работу, его организационной программе, регламенте. Воспоминания о прошедшем в декабре прошлого года съезде КП Кубы. Чувствуется усталость делегации, разговор идет вяло. Мы вскоре уехали.

Не знаю, были ли встречи К.У.Черненко с Ф.Кастро в период

работы съезда, скорее всего, — нет. Мы с В.И. Конотопом — первым секретарем Московского обкома партии — сопровождали делегацию КП Кубы во главе с Ф.Кастро в поездке в совхоз им. 50-летия СССР в Наро-Фоминском районе, где мы пробыли вторую половину дня 27 февраля, вплоть до позднего вечера. А 1 марта, с первым секретарем Одесского обкома КПСС Н.К.Кириченко, слетали с ними в Одессу. Обе поездки были высоко оценены Фиделем Кастро.

2 марта состоялось заключительное заседание съезда. Л.И.Брежнев объявил об итогах Пленума. Выступил с 20-минутной речью, и съезд на этом завершил свою работу. В БКД состоялся большой прием для иностранных делегаций.

В тот же день вечером, примерно в 21.30, в особняке делегации был организован дружеский ужин. С нашей стороны в нем участвовали: К.У.Черненко, В.И.Долгих, В.И.Воротников и К.С.Симонов.

В беседе Ф.Кастро высоко отозвался о прошедшем съезде. Поблагодарил за возможность побывать в Подмосковье и Одессе. Наибольшее впечатление на него произвели встречи с работниками совхоза и докерами Ильичевского порта. Он не мог скрыть волнения, когда говорил о подвиге одесситов в прошедшей войне. Рассказал и о посещении мастерской скульптора Л.Кербеля, делающего памятник В.И.Ленину в Гаване. Вообще, шел хороший товарищеский разговор. Правда, К.У.Черненко больше молчал. Ужин был дружеский, но без подъема, присущего такому важному поводу — завершению съезда.

Уже к ночи выехали в аэропорт Внуково-2. Проводили делегацию до трапа. Ф.Кастро попрощался с К.У.Черненко, поблагодарил за оказанное ему внимание, пожал руки нам, и в 23.30 делегация КП Кубы вылетела в Гавану.

В июле 1982 г. я был отозван из Кубы в Союз. Послом СССР назначен К.Ф.Катушев. А меня избрали первым секретарем Краснодарского крайкома партии. Поработав на Кубани менее года, возвратился в Москву, — на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК меня избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК и рекомендовали Верховному Совету РСФСР назначить председателем Совета Министров РСФСР. Сессия ВС РСФСР 24 июня проголосовала за это назначение. М.С.Соломенцев был переведен на работу председателем КНК ЦК КПСС.

Отношения К.У.Черненко ко мне после возвращения в Союз, во время работы в Краснодарском крае были нормальными, и не более. Я при необходимости говорил с ним по телефону, он всегда

по первой просьбе принимал меня для беседы. Выслушивал информацию, просьбы или предложения. Относился к моим соображениям с доверием, в чем-то помогал, что-то откладывал. Однако, по собственной инициативе, особого внимания к делам края не проявлял.

В период второй половины 1983 и начала 1984 гг. мои контакты с К.У.Черненко стали более регулярными. Это еженедельные встречи на заседаниях Политбюро, а также Секретариате ЦК. Разговоры по телефону и беседы в ЦК, в его кабинете, касались, как правило, конкретных вопросов РСФСР, а также разных ситуаций и проблем, возникавших в стране.

29 августа 1983 г. Зашел к К.У.Черненко, который возвратился из отпуска. Несмотря на полуторамесячный отдых в Крыму, он выглядел неважно. В своей книге «Здоровье и власть» Е.И.Чазов напишет, что уже в то время состояние здоровья К.У.Черненко было плохим, и что он направлял в этот период (осенью 1983 г.) записку в Политбюро о самочувствии Константина Устиновича. (Я такую записку не видел, не читал. Возможно, с нею ознакомили только членов Политбюро). Однако никакой реакции на эту записку не было. Вспомнил об этом факте лишь потому, что действительно в тот день К.У.Черненко выглядел далеко не лучшим образом.

Рассказал ему о работе Совмина, аппарата. О ходе уборочных работ на селе. О проработке плана на 1984 год, наших замечаниях к проекту, представленному Госпланом СССР. Высказал предложения о необходимости совершенствования управления хозяйством в РСФСР. «В республике нет своих общестроительных министерств, МВД. Надо подумать о республиканской науке, которая организационно разобщена. Мало собственных средств массовой информации (газет, журналов), нет республиканского телевидения». Он слушал со вниманием, но как-то безучастно. Задал один-два уточняющих вопроса, и всё. Беседа, скорее, информация завершилась тем, что он поблагодарил меня, попросил и впредь держать в курсе российских дел.

2 сентября 1983 г., на следующий день после отъезда Ю.В.Андропова в отпуск, в 11.00 часов срочно вызвали в Кремль на заседание Политбюро.

К.У.Черненко сообщил, что на Дальнем Востоке иностранный самолет нарушил воздушное пространство СССР, и средствами ПВО сбит. Попросил А.А.Громыко и Д.Ф.Устинова информировать подробнее об этом факте.

Сначала Громыко, а затем Устинов доложили, что южно-корей-

ский самолет «Боинг-747», в нормальных погодных условиях, при хорошей видимости, пролетая над морем вдоль границ СССР, резко изменил курс, и глубоко вторгся в пределы нашей страны. На сигналы с земли не реагировал, продолжая полет. Тогда были подняты в воздух два самолета-перехватчика ПВО. Они потребовали изменить курс и уйти из зоны СССР, сделали предупредительные выстрелы. Иностраный самолет продолжал полет. Тогда по команде с земли, самолет выпустил ракеты на поражение, и «Боинг-747» был сбит над морем. Они оценили поведение экипажа иностранного самолета как преднамеренную, спровоцированную провокацию, а действия наших военных, — правильными.

Информацию министров дополнили деталями, присутствовавшие на ПБ, начальник Генштаба МО маршал Н.В.Огарков и первый зам. министра иностранных дел Г.М.Корниенко. По внешнему виду «Боинг-747» был пассажирским самолетом, являлся ли он таковым на самом деле? Были ли на самолете пассажиры? Неизвестно. Сейчас создана комиссия и ведется расследование.

Черненко молча выслушал. По существу, мы были поставлены перед фактом. Было не ясно: знал ли об этом Генсек? Кто принимал решение? Есть ли первые результаты поиска сбитого самолета?

Черненко предложил принять информацию к сведению, образовать группу по анализу всех аспектов этого инцидента. Поручили дать сообщение в СМИ, запрос руководству Южной Кореи, подготовить и провести пресс-конференцию для иностранной прессы.

Позже было опубликовано наше Заявление о причастности американской администрации к инциденту с гибелью «Боинга-747» для накала обстановки вокруг СССР, а также как повод для продолжения гонки вооружения.

15 сентября. Заседание Политбюро. Вел К.У.Черненко.

Рассмотрели записку Ю.В.Андропова и группы министров СССР «О развитии мелиорации и использованию мелиорированных земель».

Главный вопрос, — недостаток водных ресурсов для Среднеазиатских республик и, в этой связи, — переброска воды из сибирских рек на Юг.

Мнения по проекту Минводхоза СССР разделились. Госплан, на который активно воздействуют руководители среднеазиатских республик, поддержал позицию Минводхоза. В то же время, были выявлены отрицательные тенденции — бросовое отношение к использованию воды на цели мелиорации в этих республиках. Я высказал позицию Совмина РСФСР: «Мы — против переброски стока северных рек, — в этом нет необходимости. Воды в Каспии

достаточно, чтобы вести мелиорацию степных районов Ставрополья, Ростовской и Волгоградской областей. Что касается Сибирских рек, то этот проект вообще недостаточно проработан».

Черненко завершил обсуждение: «Дело нужное, но надо еще поработать с учетом обмена мнениями». То есть решение вопроса было отложено.

После заседания я позвонил Константину Устиновичу. Сказал, что среди творческой интеллигенции растет негативное отношение к идее переброски рек, основной довод — ущерб экологии Сибири. Хотя никто толком не знает, что собой представляет проект. Пугает слово «переброска рек». Думаю, что нам следует изменить в этом отношении и название этого проекта в повестке ПБ. Говорить не о «переброске», а об «использовании части стока» некоторых рек Сибири. Черненко согласился: «Действительно, к чему пугать общественность, пока это лишь предпосылки. Спасибо».

26 сентября. По телефону с К.У.Черненко.

Информировал его о своей поездке в Новосибирскую область, где находился с 22 по 25 число. Основное поручение — вручить городу Новосибирску орден Ленина за успехи в выполнении планов экономического развития и решение социальных задач, — выполнил на общегородском собрании в театре «Красный Факел».

Один день провел в Сибирском отделении АН СССР. Имел продолжительную беседу с руководством СО, академиками: Коптюгом, Соболевым, Трофимуком, Скринским и другими. Посетил несколько лабораторий, в том числе института ядерной физики с академиком Скринским, музей геологии с академиком Трофимуком. Остался весьма доволен беседами и посещением.

Побывал на авиационном заводе и в новом районе массового строительства жилья в городе. Один день уделил сельским районам. Обстановка на полях сложная. Прошедшие дожди затрудняют уборку зерновых. Механизаторы трудятся упорно, борются за выполнение плана.

Константин Устинович выслушал, затем спросил: «Были ли какие просьбы со стороны руководства области?» Ответил: «Говорят, что мало автотранспорта, тракторов и другой сельхозтехники. Просят дополнительно минеральные удобрения. Поручил рассмотреть эти и другие вопросы, возникшие при посещении хозяйств, и поможем из резерва». Черненко: «Это хорошо. Область крупная, одна из ведущих в стране, ей надо помочь. Спасибо за информацию, до свиданья».

14 ноября 1983 г. Посетил К.У.Черненко в ЦК.

Рассказал, что сегодня состоялось расширенное заседание Совета

Министров РСФСР: «О ходе выполнения Постановления ЦК и СМ СССР по развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Доклад и обсуждение были острые, критические. Определили конкретные меры, уточнили выходные цифры роста производства продукции, приняли решения о социальных проблемах на селе.

В ответ на его вопрос — доложил об ожидаемом выполнении плана по заготовкам зерновых культур, сахарной свеклы, подсолнечника и продуктов животноводства. Константин Устинович внимательно выслушал, поблагодарил за информацию. Сказал: «Спасибо. Хорошо, что ты регулярно рассказываешь о делах в РСФСР. Мне это важно знать из первых уст».

22 ноября. Беседа у К.У.Черненко в ЦК.

Речь о предстоящем Пленуме ЦК, срок проведения которого ещё не установлен. «Нам надо хорошо подготовить этот Пленум, Ю.В.Андропов намерен поставить на нем ряд принципиальных вопросов. Очень хочет быть, и выступить на Пленуме. Вот мы и не определили пока дату созыва Пленума. Может и тебе следует подготовиться к выступлению?» Я ответил: «Считаю, мне пока рано выходить на такую трибуну. Ведь работаю, в сущности, всего четыре месяца. Давать оценки, делать заявления мне преждевременно». Константин Устинович согласился со мной. Потом, без перехода: «Послушай, есть ли у тебя вакансии заместителя председателя?» Ответил, что всё заполнено. Он не сказал, кого имеет в виду и переменял тему, заговорив о намечаемой школьной реформе.

24 ноября. Заседание Политбюро ЦК. Вел К.У.Черненко.

Начал с того, что Ю.В.Андропов, хотя и болен, но активно готовится к Пленуму ЦК. Он просил обсудить на Политбюро такое предложение:

«Так как утверждение плана и бюджета на 1984 г. задерживается, то Политбюро вправе считать проекты, представленные Госпланом и Минфином СССР действующими. Их разослать в республики, области, в министерства и ведомства, и начинать работу. Ориентировать на это наши кадры». Короче, как он выразился, — «закрутить».

Это предложение на ПБ было поддержано, и аппарат ЦК начал действовать.

1 декабря. Заседание Политбюро.

К.У.Черненко доложил о разговоре с Ю.В.Андроповым. Он дал согласие на созыв Пленума 26 декабря. Дальше тянуть нельзя. Может быть, Юрий Владимирович сможет в нем участвовать. Согласились.

26 декабря. Пленум ЦК КПСС. Открыл К.У.Черненко.

Начал с того, что встречался в ЦКБ с Ю.В.Андроповым. Он не может участвовать в работе Пленума. Передал просьбу Андропова рассмотреть на Пленуме оргвопрос. (М.С.Горбачев говорил мне, что Черненко и другие «старики» не хотели вносить кадровый вопрос на Пленум. Но Юрий Владимирович настоял. «Вот так, Виталий, не хотят двигать молодых». Так ли это было, или очередной трёп Горбачева? Не знаю.)

К.У.Черненко: «По поручению Ю.В.Андропова вносится предложение избрать членами Политбюро М.С.Соломенцева и В.И.Воротникова, кандидатом в члены Политбюро — В.М.Чебрикова, секретарем ЦК — Е.К.Лигачева. И.В.Капитонову — сосредоточиться на вопросах, связанных с развитием производства товаров народного потребления, бытовых и других социальных проблемах». Голосует. Предложения приняты.

Затем по повестке дня, рассмотрели вопрос «О плане экономического и социального развития и государственном бюджете СССР на 1984 год». Докладчики Н.К.Байбаков, В.Ф.Гарбузов.

На Пленуме был роздан текст выступления Ю.В.Андропова.

В этом материале Ю.В.Андропов вновь, как и в своих выступлениях в июле, главное внимание уделил экономическим проблемам и повышению уровня организаторской работы.

2 февраля 1984 г. Политбюро ЦК.

К.У.Черненко в «Ореховой» комнате, перед заседанием Политбюро, информировал членов ПБ об ухудшении состояния здоровья Ю.В.Андропова. «Врачи обеспокоены, — удастся ли вывести его из этого тяжелого состояния».

9 февраля, в четверг, как обычно в 11.00 было заседание Политбюро. Перед началом в «Ореховой» К.У.Черненко информировал членов Политбюро о резком ухудшении состояния здоровья Ю.В.Андропова. «Врачи делают все возможное. Но положение критическое». Что скажешь? Посидели. Помолчали. Прошли в зал. Начали рассматривать вопросы, включенные в повестку дня. Примерно к 14.00 заседание закончили.

В 18.00 снова вызвали в Кремль. Срочное заседание Политбюро. Черненко сообщил, что в 16.50 скончался Ю.В.Андропов. Образовали комиссию. Похороны — 14 февраля. Условились, кому подготовить некролог, сообщения для печати. Согласовали текст телеграммы в ЦК КП союзных республик, обкомы и крайкомы, совпослам.

На следующий день, 10 февраля 1984. 12.00. Вызвали в Кремль. Заседание Политбюро. Информация К.У.Черненко. «Нам надо ре-

шить два вопроса: о Генеральном секретаре ЦК и о дате созыва Пленума ЦК».

Какие и с кем были беседы по кандидатуре Генсека, я не знаю. Но то, что были — бесспорно. Никаких контактов с другими членами Политбюро или секретарями ЦК у меня по этому поводу не было. Конечно, и я, и другие товарищи понимали, что по традиции или, вернее, по фактическому положению вторым лицом в партии реально был К.У.Черненко. В то же время сознавали, что его возраст, состояние здоровья затрудняют, если не сказать больше, активную работу на высоком посту Генерального секретаря. Собственно, эти опасения потом и подтвердились. Политбюро при К.У.Черненко сбавило темпы.

Однако и альтернативы ему тогда, по сути, не было (Гришин, Кунаев, Устинов, Громыко, Тихонов, Соломенцев — всем было за 70). Моложе — Горбачев, Романов. Надо честно признать, что в то время не было уверенности, что названные выше товарищи поддержат «молодых». Да и на Пленуме вряд ли они прошли бы. Хотя уже и тогда Горбачев своей активностью, напором, умением налаживать контакты с людьми выделялся из всех. Нередко он вел заседания Секретариата, особенно в период болезни Ю.В.Андропова.

После К.У.Черненко сразу слово взял Н.А.Тихонов. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК К.У.Черненко. Обосновал свое мнение известными фактами о роли и месте К.У.Черненко в партии, и в стране. Затем выступили: А.А.Громыко, Д.Ф.Устинов, В.В.Гришин и другие (длинно или коротко, речью или одной фразой), но все до одного члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК поддержали кандидатуру К.У.Черненко на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Константин Устинович поблагодарил «за единодушную поддержку». Сказал полагающиеся в подобных случаях слова. Таким образом, вопрос был предрешен. Теперь слово за Пленумом, который решили провести 14 февраля в Свердловском зале Кремля. Обсудили порядок организации похорон Ю.В.Андропова, траурного митинга. Место захоронения — у Кремля.

14 февраля. 10.00. Колонный зал Дома Союзов. Ритуал прощания, в 11.00 вынос тела Ю.В.Андропова и шествие на Красную Площадь.

12.00. Траурный митинг открыл К.У.Черненко. Выступили: А.А.Громыко, Д.Ф.Устинов, Г.М.Марков. Захоронение у Кремлевской стены.

16 февраля. Позвонил К.У.Черненко. Информировал его о моём

разговоре с Фиделем Кастро за ужином в его резиденции. «Фидель очень доволен встречей и беседой с Вами. Просил передать благодарность за прием. Ещё он передал Вам просьбу, — принять в Москве Президента Мадагаскара Д.Рацираку. Это важно с политических позиций, подчеркнул Ф.Кастро». Константин Устинович, помолчав, говорит: «Я согласен, но март будет перегружен. Давай, переговори с Громыко о приемлемом времени».

23 февраля. Заседание Политбюро ЦК ведет К.У.Черненко в должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Тезисы его выступления:

«Первое заседание Политбюро ЦК после кончины Ю.В.Андропова. Информация с мест свидетельствует, что в стране и за рубежом по достоинству оценили деятельность Политбюро в эти дни. Наш святой долг крепить единство. Успех зависит от дальнейшего укрепления руководящей роли партии. Вопросы партийного строительства, совершенствования стиля и методов руководства должны быть в центре внимания Политбюро.

Последнее время я стремился к тому, чтобы в поле зрения Политбюро находились наиболее важные и крупные вопросы. Уходить от мелочной опеки. Нужно разгрузить и Секретариат, передавать больше вопросов на решение секретарей и отделов ЦК. Повышать ответственность хозяйственных органов. Министерства нередко тащат на Политбюро вопросы, минуя Совмин. Часто судим о качестве работы по проценту выполнения плана, но не менее важно, какой ценой достигнут этот процент. Надо строже оценивать экономические итоги.

Решая текущие вопросы, нельзя упускать инициативу. Мы по существу вступили в период подготовки к XXVII съезду. Что необходимо?

1. Значительно активизировать работу по разработке основных направлений на XII пятилетку и до 2000 года.

2. Подготовить предложения на перспективу. Этим должна заняться рабочая комиссия Политбюро под руководством Н.А.Тихонова. И в ближайшее время вынести на Политбюро вопрос об основных концепциях. Это связано и с разработкой Программы партии. Она в общих чертах готова.

3. Управление народным хозяйством. Есть соответствующие поручения. Идет поиск, эксперимент, организуются объединения и т.п. Всю эту работу надо завершить к 1985 году. Надо определить принципиальные пути комплексного управления народным хозяйством, и на их основе внести предложения. Это дело Тихонова, Горбачева, Алиева, Рыжкова.

В целом жизнь будет вносить определенные поправки в деятельность Политбюро. Необходимо повышать уровень работы Верховного Совета СССР и местных Советов. Расширить практику отчетов на сессии подотчетных органов и т.д.

Больше уделять внимания контролю исполнения. Контроль должен быть взыскательным, глубоким. Подбор и воспитание кадров — центральное звено партийного руководства. Кадры обеспечивают проведение линии партии. Может, нужно специально рассмотреть вопрос о подготовке и воспитании кадров в целом. Следует заслушать на Политбюро вопрос об укреплении трудовой и производственной дисциплины.

Июньский Пленум определил основные направления идеологической работы. Нужен дополнительный импульс. Разъяснить политику партии. Главное — привести в движение все творческие силы, инициативу масс.

Надо продолжать поиск путей повышения активности внешней политики. Отделам ЦК, МИД, Минобороны, КГБ, МВТ, ГКЭС разрабатывать и вносить предложения».

Так, новый Генсек КПСС К.У.Черненко, опираясь на своих помощников, изложил принципы «Программы». Что здесь нового? По сути, ничего. В общих чертах идет перечисление всех основных направлений в работе. Сказано вроде бы все правильно, сделан определенный упор на повышение роли Совмина, совершенствовании партийной работы и т.д. Обо всем этом говорено не раз. Речь Генсека не произвела на меня должного впечатления.

Затем он заговорил о распределении участков работы за секретарями ЦК. «Под свою опеку, — сказал Черненко, — я беру принципиальные вопросы внутренней и внешней политики, партийно-организационную работу, общий отдел и Управление делами, оборонные вопросы. За Горбачевым — сельскохозяйственное производство, отдел сельхозмашиностроения, ведение Секретариата ЦК, а в отсутствие Генсека — заседания Политбюро».

Последнее предложение вызвало «движение» среди некоторых членов Политбюро. Подал реплику Н.А.Тихонов: «А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, продолжал он, обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК, вот ведь В.И.Ленин вел заседания Политбюро, не будучи секретарем». Это был явный демарш против Горбачева. Определенные «междометия» в поддержку (вроде бы да, стоит подумать и т.п.) слышались у его соседей. Однако многие, в том

числе Д.Ф.Устинов, более громко высказались вслух. «А почему сомнения? Какие основания? Практика прошлых составов, когда в отсутствие Генсека Политбюро вели Кириленко, Суслов и т.п.? Зачем вспоминать времена Ленина. Тогда была иная структура, да и в ЦК-то было всего два десятка человек». Тихонов больше ничего не сказал. Горбачев промолчал. Никак не прореагировал и сам Константин Устинович. На этом обмен мнениями завершился. Позиция К.У.Черненко осталась неясной, или, так сказать, открытой. Формального решения не принималось. Но потом, когда возникла потребность, заседания Политбюро стал вести именно М.С.Горбачев. Хотя ему и пришлось побороться за это право.

Какова была истинная позиция К.У.Черненко, знал ли он о намерении Н.А.Тихонова высказаться или, скорее всего, у последнего это был экспромт?

Через несколько дней у меня был разговор с М.С.Горбачевым. Он взволнованно ходил по кабинету и рассказывал о встрече с Черненко, обсуждении итогов Политбюро. «Я убеждал Константина Устиновича, что позиция Тихонова внесет разлад в Политбюро. Этого нельзя допустить. Что дело не в Горбачеве, а в принципе. Можно ли представить такое, что к председательству на Политбюро придет сегодня один, завтра другой и... Это же хаос. Разговор повлиял на Черненко, и он успокоил меня: позиция-де ясная, не переживай». Вот такой был курьез.

В своей практической деятельности К.У.Черненко, особенно на первых порах, стремился демонстрировать активность.

3 марта. К.У.Черненко выступил в БКД на предвыборном собрании избирателей г. Москвы, как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР от Куйбышевского городского избирательного округа.

10 апреля. Пленум ЦК. На нем было принято решение рекомендовать на предстоящей сессии Верховного Совета СССР Генсека К.У.Черненко на пост Председателя Президиума ВС СССР. Приняли. Он выступил со словами благодарности за оказанное доверие.

Председателем Совета Министров СССР рекомендовали сессии ВС назначить Н.А.Тихонова.

Обсудили доклад М.В.Зимянина «Об основных направлениях реформы школы».

25 апреля. Под председательством К.У.Черненко проведено заседание Комиссии по подготовке новой редакции Программы КПСС.

3 мая. В Большом Кремлевском Дворце по инициативе Д.Ф.Усти-

нова было собрано Всеармейское совещание секретарей комсомольских организаций.

На нем выступил с речью К.У.Черненко, и вручил орден Красного Знамени комсомолу Министерства обороны. Затем доклад Д.Ф.Устинова.

12—14 июня. В Георгиевском зале Кремля состоялось Экономическое совещание стран СЭВ на высшем уровне. В работе которого приняли участие руководители стран СЭВ. Председательствовал на нем, и выступил с заключительной речью К.У.Черненко.

Было принято Заявление об основных направлениях дальнейшего развития и углубления экономического и научно-технического сотрудничества стран-членов СЭВ.

25 сентября. В БКД юбилейный Пленум Союза писателей СССР.

Вначале выступил с речью К.У.Черненко, вручил Союзу орден «Дружбы народов». Затем доклад Г.М.Маркова.

5 октября. В БКД. Всесоюзное совещание народных контролеров. Выступление К.У.Черненко. Доклад А.М.Школьников.

23 октября. Пленум ЦК.

«О долговременной программе мелиорации, повышению эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны».

Речь К.У.Черненко. Доклад Н.А.Тихонова.

Однако, участие в перечисленных мероприятиях партийного, государственного характера, собраниях общественности и совещаниях давалось К.У.Черненко нелегко, проблемы со здоровьем явно чувствовались не только в его речах, но и самом присутствии на них.

Кроме того, К.У.Черненко должен был принимать с официальными и рабочими визитами лидеров других стран и партий.

Так в мае—октябре 1984 г. в Москве побывали:

Президент ПНР В.Ярузельский. Король Испании Карлос Хуан I, и королева София. Партийно-государственная делегация КНДР во главе с Ким Ир Сенем. Президент НРБ Т.Живков. Президент СРР Н.Чаушеску. Президент ЧССР Г.Гусак. Президент Франции Ф.Миттеран. Президент ЙАР Али Абдулла Салех.

Эти встречи остались в памяти.

Вечером 10 мая в Грановитой Палате БКД обед в честь короля Испании Хуана Карлоса I и королевы Софии. Приветливая и симпатичная монаршая пара. Гости ожидали нас во Владимирском зале. Мы шли к ним медленно, с остановкой. После взаимных приветствий, вместе прошли в Грановитую Палату. Беседа за обедом шла вяло. Потом обмен речами. К.У.Черненко говорит с натугой, неразборчиво.

23 мая в Кремле состоялось подписание документов о сотрудничестве СССР с КНДР. Подписали К.У.Черненко и Ким Ир Сен. Затем обед в Грановитой Палате в честь Ким Ир Сена. Состояние К.У.Черненко неважное. Видимо, нагрузка оказывается непосильной. Опять из комнаты Политбюро в БКД до Владимирского зала шли с перерывом (он сел и отдохнул). Беседу ведет трудно. Быстро устает. Выручал Горбачев, по-моему, с удовольствием встречаая в беседу. В основном разговор поддерживал А.А.Громыко. Несколько реплик подал Н.А.Тихонов.

Когда окончился обед, возвратились в комнату Политбюро. К.У.Черненко говорит: «Вот, устал. Втягиваете вы меня во всякие мероприятия. Надо как-то сокращать их». После ухода К.У.Черненко, Н.А. Тихонов и А.А.Громыко, проявляя заботу, стали убеждать членов Политбюро, что, действительно, надо беречь Константина Устиновича, ему нельзя давать такую нагрузку и т.п. Что можно было сказать в ответ? Такая ведь работа у Генерального секретаря. И так встречи и беседы сокращены до минимума. Он никуда не ездит, даже по стране, по Москве, не говоря уж о зарубежных поездках.

Через несколько дней в «Ореховой» К.У.Черненко поднял вопрос о том, как упростить протокол встреч и проводов иностранных делегаций. Предложил ритуал встречи гостей в дворике Кремля или на Ивановской площади. Поручили подумать, как сочетать торжественность встреч и простоту. В то время К.У.Черненко встречал гостей внутри ограды БКД, а затем гости шли налево в резиденцию, а он — направо в боковую дверь и лифтом на 2-й этаж. На Западе появились фото со спины: Черненко, поддерживаемый под руки двумя охранниками, направляется к двери.

Позже Горбачев придумал ритуал встречи в Георгиевском зале БКД.

21 июня. В БКД был обед в честь президента Франции Ф.Миттерана. Он находился с официальным визитом в СССР. Опять К.У.Черненко был в заторможенном состоянии. Явно нездоров. Почти не участвовал в беседе, только «да, да». Всю нагрузку взял на себя Горбачев. Был активным, успешно «занимал» Миттерана. Вел себя непринужденно, проявляя эрудицию, улыбка не сходила с его лица. Иногда в разговор вступали Громыко и Тихонов. Я сидел рядом с Эдгаром Фором — лидером оппозиции, бывшим премьер-министром. Изредка перебрасывался с ним фразами с помощью переводчика.

Прибывшего в феврале 1985 г. с официальным визитом в Москву Премьер-министра Греции А.Папандреу он принять не смог, поручив провести встречу Н.А.Тихонову.

С марта 1984 г. К.У.Черненко раз в неделю проводил заседания Политбюро ЦК, но с января 1985 г. его стал часто заменять Горбачев.

О некоторых заседаниях Политбюро ЦК того периода следует рассказать.

31 мая. Политбюро ЦК. Перед началом заседания, в «Ореховой комнате», К.У.Черненко информировал: «Уже который раз В.М.Молотов обращается с письмом, просит восстановить его в партии. Раньше ему отказывали. Как будем сейчас? Может...» и замолчал, вопросительно обводя нас взглядом. Заговорил первым А.А.Громыко. Как всегда спокойно, раздумчиво, как бы рассуждая вслух. «Надо обдумать. Надо решать. Или — или». Вспомнил вклад В.М.Молотова в послевоенные мирные усилия. Рассказал о впечатлении от встреч с ним. «Он умел увидеть корень проблем. Был тверд и принципиален. Последнее время Сталина возмущало упрямство Вячеслава Михайловича, но это было необъективно». Затем несколько положительных слов сказал Д.Ф.Устинов, его поддержал Г.А.Алиев. Основной тезис в его пользу — после известных событий 1957 г. Молотов вел себя правильно. Ничем, ни словом, ни действием не опорочил страну и партию. В личном плане ведет себя более чем скромно. Остальные: кто молчит, кто-то что-то хмыкнул. Черненко: «Ну, что? Договорились? Вроде — договорились. Хорошо». Затем на Политбюро подтвердили — восстановить В.М.Молотова в КПСС.

30 августа. Политбюро. Вел заседание М.С.Горбачев.

Перед началом, в «Ореховой» Горбачев повел разговор о приближающемся 73-летию К.У.Черненко и награждении его. Накануне, рассуждая, что дата не круглая решили ограничиться орденом Ленина. Но встал вопрос, как отнесется к этому сам Константин Устинович? Поручили Горбачеву переговорить с именинником. И вот сейчас он говорит: «Подходил к этому вопросу издалека, прямо не назвал, что имеется в виду, попытался сделать так, чтобы Черненко сам понял. Но собеседник говорит: «Как вы решите — восприму с удовлетворением». Горбачев сделал вывод, что тот имеет в виду третью золотую звезду Героя Социалистического Труда. Во всяком случае, Горбачев склонился к тому, чтобы «не обижать Генсека». Как шел у них разговор на самом деле — неизвестно. Но согласились с мнением Горбачева.

И 27 сентября, после заседания Политбюро, Д.Ф.Устинов от имени Президиума ВС СССР вручил К.У.Черненко орден Ленина и золотую медаль Серп и Молот. К.У.Черненко поблагодарил за высокую оценку его деятельности. Так он стал трижды Героем Социалистического труда.

После вручения награды К.У.Черненко пригласил членов Политбюро и секретарей ЦК на обед, здесь же на 3-м этаже, в комнате недалеко от зала заседания. Это был первый и последний обед в Кремле с тостами за награду.

13 сентября. Заседание Политбюро ЦК.

В «Ореховой» перед заседанием К.У.Черненко информировал о просьбе С.И.Алилуевой помочь ей возвратиться с дочерьми в Союз. Зачитал ее письмо. В нем — тоска по родным местам. Сказывается и возраст. Пишет, что надо определить, наконец, пристанище, сколько можно менять материки и страны. Взрослеет дочь, она не знает своего народа. Попробую прижиться в Москве. Тянет и в Грузию, на землю отца. Пишет из Англии. (Договорились отнестись к просьбе положительно. Назначить пенсию, дать квартиру, если пожелает, и работу. Поручить Шеварднадзе взять под опеку).

Мои отношения с К.У.Черненко в этот период не изменились, и носили прежний характер: встречи на заседаниях Политбюро, общих мероприятиях союзного значения, краткие встречи в ЦК и разговоры по телефону, которые носили характер информации по тем или другим вопросам работы и делах в РСФСР.

Первые месяцы нового 1985 года сложились драматически. Состояние здоровья К.У.Черненко осложняется. Болезнь лёгких. Чтобы облегчить затрудненное дыхание, по совету врачей сосет какие-то таблетки. Ходит с трудом. Заседания Политбюро непродолжительны, дабы не утомлять Генсека. Намеченные визиты за рубеж каждый раз откладываются. Константин Устинович не может себе позволить выехать в области или республики Союза. Встречи и приемы высоких гостей для него все более обременительны. И ему и нам тяжело.

3 января. Политбюро. Перед заседанием ждем его, как всегда, в «Ореховой» комнате, примыкающей к приемной Генерального секретаря и залу заседаний Политбюро. Входит К.У.Черненко, его поддерживает прикрепленный. Не стал, как обычно, садиться за круглый стол в этой комнате, а сразу прошел в зал заседаний. И не здороваясь, как принято, с секретарями ЦК и кандидатами в члены Политбюро, сел в кресло. Устал, сделав всего 20 шагов. Ведет заседание.

Об очередной сессии Верховного Совета СССР. Согласились с повесткой и порядком проведения. О предстоящей встрече А.А.Громыко с Дж.Шульцем. Андрей Андреевич очень кратко информирует о нашей позиции. Ряд вопросов экономического характера, в том числе о снижении цен на автомобили «Москвич» и «Нива». О государственной программе создания и развития вычислительной техники. Все очень коротко. Управились за час.

После Политбюро разговаривали с Горбачевым. Настроение неважное. Говорит: «Видно, и Пленум по техническому прогрессу придется отложить. Как быть с предстоящим заседанием ПКК в Софии? К.У.Черненко ехать туда не сможет. Но продолжает готовиться?!»

9 января. Неожиданное сообщение о внеочередном заседании Политбюро. Приехал в Кремль. Собрались в кабинете К.У.Черненко, а не в зале заседаний. Были члены Политбюро и еще несколько человек, по-моему, В.И.Долгих, Б.Н.Пономарев и еще кто-то, то есть не в полном составе.

К.У.Черненко сидел за длинным столом, в торце. Поздоровался не вставая. Затем сказал примерно следующее. «Есть необходимость обсудить положение. В последнее время я много передумал, пережил, вспомнил всю свою жизнь. Многие годы она шла рядом с вами. Но возникают вопросы, решение которых нельзя отложить. Вы прочитали записку Е.И.Чазова? (Ее нам предварительно дали прочесть. Это была короткая, примерно на две трети страницы записка о состоянии здоровья К.У.Черненко). Я не могу сам единолично принимать решение. Думал, может, уйти?» Н.А.Тихонов, затем В.В.Гришин, А.А.Громыко подали протестующие реплики: «Зачем торопиться? Надо подлечиться и все».

Константин Устинович продолжал: «До слез обидно. Так хочется работать. Но пусть скажет Евгений Иванович».

Е.И.Чазов кратко подтвердил, что К.У.Черненко нуждается в отпуске и серьезном лечении. Нужна госпитализация, обследование. О поездке на ПКК в Софию не может быть и речи.

Естественно, что все члены Политбюро высказались за это. Решили, что руководству соцстран надо сообщить все как есть, не вуалировать причину. Объяснить, что в настоящее время К.У.Черненко приехать не может по состоянию здоровья, ему требуется лечение. Что касается Пленума по техническому прогрессу — снять.

4 марта я с делегацией РСФСР вылетел в СФРЮ.

Цель — рассмотреть планы сотрудничества с Сербией и Черногорией, и подписать соответствующие документы.

В Белграде состоялись встречи с Брониславом Иконичем, Душаном Чкребичем, Иваном Стамболичем. Затем делегацию принял Али Шукрия — председатель Президиума ПК СКЮ.

С 8 марта — в Титограде, столице Черногории. Там — посещение предприятий, переговоры с Радиваном Брайовичем. Беседа с Марко Орландичем.

10 марта. Вечером, на заключительной стадии переговоров, примерно в 19.40 по местному времени, мне передали, что позво-

нили из посольства — необходимо немедленно возвращаться в Москву, там чрезвычайные обстоятельства, и я должен прервать визит. Прямой закрытой связи из Титограда ни с Москвой, ни с посольством в Белграде не было. Причину вызова в Москву мне не сообщили. Но догадка меня посетила. Видимо, произошло непоправимое с К.У.Черненко.

Мы быстро завершили переговоры, подписали договор о сотрудничестве, и в аэропорт. Погода была очень плохая, снегопад, видимости нет. С трудом вылетели. Дозаправка в Белграде. Но Белград по метеоусловиям не принял. Самолет сел в Киеве. Было около 3 часов ночи, через руководство аэропорта Борисполь мне передали от предсовмина УССР А.П.Ляшко, что скончался К.У.Черненко.

11 марта, в 5.30 наш самолет приземлился в Москве.

В 8.00 я связался с ЦК, никого из руководства там еще не было. Переговорил с заведующим общим отделом ЦК К.М.Боголюбовым. Он сказал, что К.У.Черненко скончался вчера, в 19.40. Вечером состоялось заседание Политбюро, образована комиссия по организации похорон, председатель комиссии — М.С.Горбачев.

Примерно в 9.40 мне позвонил М.С.Горбачев. Спросил, как долетел. Потом более подробно рассказал, что произошло вчера. «На Политбюро собрались в 20.30, в основном обсуждались вопросы организации похорон. Даны необходимые поручения. Просидели, говорит, за полночь, готовили документы для публикации и т.п. Сегодня предстоит основная работа». Я спросил, был ли разговор о преемнике К.У.Черненко? М.С.Горбачев: «Официального обсуждения не было, но некоторые члены Политбюро (кто — не сказал) звонили и говорили о намерении возложить этот груз на меня. Как ты?» Я ответил: «Конечно, в нынешнем составе это Горбачев». Он: «Ну, ладно. Будем из этого исходить. Через час встретимся».

Я поверил ему, что было именно так, — сами члены ПБ звонили и высказывали свое мнение о Генсеке — Горбачеве. Но, скорее прав Н.К.Байбаков, который в книге «От Сталина до Ельцина» пишет: «Сам приход Горбачева к власти не отражал волю ни партии, ни Политбюро. Он превосходно освоил методы закулисной, аппаратной борьбы. Так, Политбюро созвали в полном составе, когда Горбачевым были «обработаны» по отдельности все, кто колебался, и выборы его были предрешены». И этот разговор наш не был «обработкой», так я воспринял его, ведь мы считались товарищами.

В 11.00 в ЦК под председательством М.С.Горбачева состоялось заседание комиссии по организации похорон К.У.Черненко. Одоб-

рили текст публикации сообщения от ЦК, Верховного Совета и Совета Министров, некролог. Обсудили обращение к народу. Был подробно расписан весь порядок организации похорон.

В 15.00 — Политбюро. До заседания у меня ни с кем из товарищей никаких обсуждений, обмена мнениями о кандидатуре на пост Генсека не было. Заседание проходило спокойно. За торцевым столом сидел М.С.Горбачев, но не по центру стола, а как-то сбоку, вроде готов, если надо, уступить место.

Собственно, никакой дискуссии не было. Первым встал А.А.Громыко и внес предложение о рекомендации Пленуму на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева. Коротко, четко дал характеристику Горбачеву. Один за другим все члены Политбюро поддержали эту кандидатуру. Какого-то обсуждения, альтернативных кандидатур, тем более борьбы, столкновений взглядов на Политбюро не было. Я не знаю, может быть, какие-то закулисные процессы и шли, во всяком случае, мне это не было известно. (Отсутствовал на Политбюро В.В.Щербицкий — он еще не возвратился из США). М.С.Горбачев поблагодарил за доверие, сказал, что окончательное решение за Пленумом ЦК. Заседание продолжалось минут тридцать.

В 17.00 состоялся Пленум ЦК. Открыл его М.С.Горбачев.

А.А.Громыко от имени Политбюро предложил избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачева. Обосновал это предложение. Никаких вопросов, ни других предложений не было. Пленум единодушно поддержал эту кандидатуру. М.С.Горбачев выступил с короткой речью по самым принципиальным вопросам, в которой уже просвечивались оттенки политики, развернутые позже на апрельском Пленуме. Было ли избрание Горбачева неожиданным? Нет. Участники Пленума были готовы к возможной смене политического руководства, знали о тяжелой болезни К.У.Черненко. Первая же кандидатура, которая естественно встает в такой ситуации, — второй секретарь ЦК, а им и был Горбачев.

13 марта 1985 г. состоялись похороны К.У.Черненко у Кремлевской стены. Будущее показало, что смена партийного лидера в КПСС, на этот раз, привела к непредсказуемым последствиям для партии и страны.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ СУСЛОВ

Шла подготовка к выборам в Верховный Совет РСФСР. В Куйбышев прибыл М.А.Суслов, он вновь был выдвинут кандидатом в депутаты от Тольяттинского избирательного округа. Вместе с ним два дня находились в Тольятти и мы с В.П.Орловым. Пребывание обычное: посещение предприятий и хозяйств, пустопорожние “беседы” с рабочими, собрание избирателей в Политехническом институте. Мне казалось, что М.А.Суслов — невозмутимый, уверенный в себе человек. Но, побыв с ним рядом, особенно, перед его выступлением на собрании, когда он нервно перебирал листки, уточнял с помощником некоторые факты, оценки, выводы по тексту, я увидел, что это не совсем так. Первые сбивчивые фразы выступления, неуверенный фальцет речи, — я понял: волнуется и этот, представлявшийся мне железным, человек.

Все “мероприятия” с Суловым прошли нормально, без сбоев. Уезжал Михаил Андреевич в Москву поездом. Из Тольятти мы машинами переехали в Сызрань. Там его ожидал спецвагон. Чувствовали себя в его присутствии скованно. Он обрел привычный вид. Сухой, сдержанный, малоконтактный человек. Бесстрастно расспрашивал нас о делах, на наши вопросы отвечал односложно. В Сызрани подъехали к вокзалу и вышли на перрон. Тут М.А.Суслов попросил показать вокзал, это был экспромт, в программе не предусмотренный. Переглянулись с охранником и прошли в здание вокзала. Затем он направился к ресторану, зашли туда. Ну, что это за зрелище, — вокзальный ресторан в вечернее время, — известно. Хотя, на наше счастье, народу там было не очень много. Михаил Андреевич постоял, сощурившись, посмотрел в зал, улыбнулся и, не проходя далеко, вышел. По его просьбе, немного прошли от вокзала по Советской улице (бывшей Большой дворянской). Вернувшись к вагону, он объяснил нам причину своего интереса. В 1920 году юный Миша Сулов пришел пешком в Сызрань из Хвалынского уезда Саратовской губернии, где работал в комитете бедноты. Протолкался здесь на вокзале и в городе несколько дней и уехал в Москву учиться. С тех пор в Сызрани не был. Сейчас, вспоминая об этом, он оживился, говорил быстро, с радостными интонациями. Ему импонировало, что сохранилось здание вокзала, на том же месте ресторан, да и главная улица города мало

изменилась. Мы ожидали разноса за вокзальное бескультурье, а ему, наоборот, все понравилось, напомнило юные годы.

В ноябре 1970 г., по моему, 24-го числа в Москве открылось Всероссийское совещание председателей сельских и поселковых Советов. Это было впервые за многие годы. Из Куйбышева на него прибыла большая делегация. Открыл совещание председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М.А.Яснов. Докладчик — председатель Совета Министров РСФСР Г.И.Воронов. Проходило совещание в течение трех дней, в торжественно-формальной обстановке и не дало ожидаемого результата. В заключение на нем выступил М.А.Суслов, в своей обычной монотонно-тягучей манере, не поднял ни одного проблемного вопроса, как повысить роль местных Советов, ограничившись общими стандартными призывами. В этот же день мы уехали.

Запомнилось мне и заседание Секретариата ЦК КПСС 3 февраля 1971 г., когда решался вопрос о моем переводе в Воронеж. Вел заседание М.А.Суслов.

Предложение о работе в Воронеже я воспринял с удовлетворением, так как воспоминания о городе детства и юности все эти годы не покидали меня. Хотя и расставание с Куйбышевом (Самарой), которому было отдано почти 30 лет, где я прошел большую школу жизни на заводе, стал специалистом, затем в обкоме партии, облисполкоме было также непросто. Волновал, по житейски, переезд семьи на новое место, — работа жены, учеба детей. Да и с товарищами по работе, с друзьями было тяжело расставаться.

Но Воронеж манил не только прошлыми воспоминаниями, но и, что греха таить, самостоятельной, ответственной работой на высоком уровне. Правда, тревожила мысль, — справлюсь ли с проблемами, которые вышли в Воронеже на первый план. Это серьезные упущения в сельском хозяйстве и кадровой политике.

Беседа на Секретариате ЦК, как я уже отмечал была доброжелательной, товарищеской, что успокаивало. Когда М.А.Суслов сказал: «Мирошниченко не оправдал доверие ЦК. Допустил много ошибок. Ему пытались помочь, но он не сделал должных выводов из критики. Воронежская область серьезно отстала в развитии сельского хозяйства. Первый секретарь неправильно повел себя в быту. ЦК освободил его от работы и рекомендует Вас, товарищ Воронников. Ваше слово?» Я поблагодарил за доверие, сказал, что буду работать с желанием, но не удержался и высказался в том плане, что, мол, я инженер, сельское хозяйство знаю слабо, справлюсь ли. М.А.Суслов без обиняков заявил: «Не справитесь, то снимем и

Вас с работы». Я и умолк. Потом Михаил Андреевич с улыбкой продолжил. «Ну, что. Рекомендуем? Хорошо. Все. До свиданья». И я ушел.

Встречался потом я с М.А.Сусловым редко. Как-то выходило, не знаю, что тому причина, но он не располагал к контактам, мало интересовался обстановкой в области, хотя известно, что информирован о делах был весьма обстоятельно.

Помню, 24 ноября 1972 г. я заходил к М.А.Суслову в памятный день — ему исполнилось 70 лет. Вошел. Он сидел за столом, низко склонив голову над бумагами. Я подошел, поздравил его с юбилеем, вручил какой-то сувенир. Он жестом предложил кресло у стола. Я сел, сказал несколько слов о том, как область завершает год. Он выслушал, задал пару вопросов, затем встал, поблагодарил за поздравление, пожелал успехов. Я тоже поднялся, пожали друг другу руки, и, не ожидая моего движения до двери на выход, опять уткнулся в бумаги.

Заходил к М.А.Суслову в июне 1973 г. Это был удачный по всем показателям год, особенно в сельском хозяйстве. Михаил Андреевич встретил с улыбкой: «Наслышан, что после прошлогодней засухи, в этом году в Воронеже неплохие перспективы?» Я ответил, что прогноз хороший. Виды на урожай зерновых, сахарной свеклы хорошие. Днями начнем уборку. Добавил, что и настроение в народе соответствующее. Он мне: «А помните на Секретариате, когда вас рекомендовали в Воронеж. Вы опасались села? А оказалось, что активная работа дает результаты и в сфере не всегда знакомой». И засмеялся. Я поблагодарил за прием и откланялся.

12 апреля 1979 г. ЦК КПСС, беседа с М.А.Сусловым.

Михаила Андреевича Суслова я знал с 1967 года, встречался с ним в Куйбышевской области. Бывал у него в ЦК КПСС и позже, когда работал в Воронеже. Посещения эти носили характер визита вежливости к секретарю ЦК.

В московский период не имел с М.А.Сусловым контактов по делам РСФСР, бывал лишь, в отсутствие М.С.Соломенцева, на заседаниях Секретариата ЦК, которые вел Михаил Андреевич. Ни разу, ни по одному вопросу он не звонил мне по телефону.

Но сейчас надо было, по протоколу, перед отъездом на Кубу посетить его — второго человека в партии, тем более, я знал, что он только что принимал делегацию из Гаваны.

Когда я вошел в кабинет, поздоровался, Михаил Андреевич поднял голову от стола, за которым он, низко склонясь, читал через сильную лупу какую-то бумагу. Обычно мало контактный, скупой на слова Михаил Андреевич встретил улыбчиво: «Здрав-

ствуйте! Значит, настала пора ехать на Кубу?» Я поздоровался и развел руками: «Куда денешься, пора, 18-го вылетаю в Гавану».

Не успел я спросить Михаила Андреевича, что бы он мог пожелать мне в канун отъезда, как он оживленно заговорил сам. Сказал, что недавно принимал кубинскую делегацию во главе с К.-Р.Родригесом: «Разговор шел об экономической поддержке Кубы. И.В.Архипов изложил им наше решение».

Они восприняли его хорошо. Дополнительно просили нас рассмотреть вопрос о кредитах на следующую пятилетку, но не после согласования плана и итогов исполнения текущего пятилетия, а заранее. Вели речь о фрахте наших судов для перевозок в капстраны по клирингу. Мы поручили Минморфлоту рассмотреть этот вопрос и решить конкретно, если суда идут действительно пустыми. Также обсудили их просьбу о возможности дополнительной поставки некоторых товаров в 1980 году».

«Карлос-Рафаель вручил мне письмо от Фиделя Кастро, — продолжал М.А.Суслов. Что там, не знаю, надо его перевести. Но новых вопросов в разговоре Родригес не ставил. Рассказал о готовящейся конференции неприсоединившихся стран, которая пройдет в Гаване в сентябре этого года. У нас есть решение Политбюро, там всё сказано о нашей позиции по отношению к ДН. Разослали его нашим послам, а также руководителям соцстран. Вам следует руководствоваться этим документом».

Мы рассказали кубинцам о помощи, которую оказывает СССР Вьетнаму, о том, что это потребовало дополнительных ресурсов. Они понимают ситуацию. Родригес жаловался на Корею, видимо, знал, что мы на днях будем принимать делегацию КНДР. Вот такая была встреча», — заключил Суслов. «Главное для вас, — сказал он, — найти хорошие контакты с Фиделем и Раулем. Это важно со всех точек зрения. Ну, а конкретные проблемы, как к ним подходить подскажет сама обстановка. Передайте от меня привет им, а также и товарищу Бласу Рока».

Я поблагодарил Суслова за прием, отметив, что мне было весьма полезно узнать о содержании беседы с делегацией Кубы. Собственно, на этом наша встреча и завершилась. Поднявшись из-за стола, М.А.Суслов сказал, что сейчас занят подготовкой предстоящего Пленума ЦК, там будут решаться организационные вопросы. Попрощались, и уже у двери он, улыбаясь, подал реплику: «Вашего коллегу, товарища Васильева, мы тоже берем у Соломенцева. Он будет назначен министром мелиорации и водного хозяйства СССР». Не знаю, какой реакции ожидал от меня Суслов на эту новость. Я лишь вымолвил: «Да? Хорошо», и вышел из кабинета.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ГРОМЫКО

15 января 1979 г. в Совмин РСФСР пришло официальное решение Политбюро ЦК КПСС: о назначении меня Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Куба.

А 14 февраля позвонил секретарю ЦК К.В.Русакову, курирующему отношения с соцстранами, и спросил, что делать, с чего начинать? Он ответил, надо побывать у А.А.Громыко в МИДе и договориться о порядке подготовки к поездке на Кубу. Андрей Андреевич готов встретиться хоть завтра.

До этого я не был с ним знаком. Принял А.А.Громыко меня участливо, сказал, что в МИДе с удовлетворением воспринято мое назначение, что он наслышан обо мне и уверен в успехе. Беседа в его скромном, оборудованном мебелью сталинских времен, довольно уютном кабинете была неспешной и продолжительной.

Андрей Андреевич сидел за большим столом, заваленном бумагами, в шерстяном верблюжьем пуловере. Он не стал перегружать разговор деталями наших межгосударственных отношений, сказав, что я смогу подробно познакомиться с экономической обстановкой на Кубе во время встреч и бесед со специалистами в МИДе и в других министерствах и ведомствах СССР. Главное, что наши и кубинские позиции по всем вопросам внешней деятельности полностью совпадают. В работе посла, отметил он, важно, — это умение и необходимость установить хорошие, доверительные отношения с руководством страны и, прежде всего, с Фиделем и Раулем. Не сужать темы бесед. Надо точно вести политическую линию, а не протокольные формы. Если чего не знаешь, — не отвечай, отложи.

Рассказал об одном из наших послов на Кубе, не называя его фамилии, человеку высокообразованном, карьерном дипломате, работавшем в Великобритании и других капиталистических странах, но малоконтактном, «застегнутом на все пуговицы». Не сложились у него отношения с лидерами страны. Андрей Андреевич рассказывал: «Они говорили мне: «Ведешь с вашим послом беседу, как с мраморным изваянием, ни один мускул не дрогнет на его лице. И думаешь, а что у него на уме? Надо ли раскрывать перед ним душу? В конце встречи скажет, что проинформирует свое руководство, откланяется и уйдет. Месяцами сидит в резиденции, никуда по стране не ездит». Мы были вынуждены отозвать этого посла. Надо непременно учитывать особенности, характер

людей в руководстве, специфику и традиции страны, конкретную ситуацию и т.п. Что приемлемо для англичан, то не подходит для эмоциональных кубинцев».

А.А.Громыко рассказал еще много интересного и поучительного для меня. Просил с первых же дней уделить внимание готовящейся в Гаване конференции глав государств Движения неприсоединения. Это очень важный форум. Затем изложил практические вопросы подготовки: изучить материалы, беседы в отделах МИДа, утрясти семейные дела. О порядке и продолжительности подготовки к отъезду надо условиться с первым заместителем — Г.М.Корниенко и Отделом латиноамериканских стран (ОЛАС). Закончил так: «Опыт у Вас есть. Отзывы положительные. Так что, в путь. А то, что нет особого желания, — оно появится, поверьте».

14 апреля, вечером, я побывал у А.А.Громыко. Рассказал ему о завершении всех мероприятий, связанных с отъездом. Информировал о беседах с М.А.Суловым и А.Н.Косыгиным, о короткой встрече с К.У.Черненко, который поручил В.Ф.Мальцеву подготовить проект личного письма Л.И.Брежнева Фиделю Кастро. Андрей Андреевич сказал, что знает об этом и сам просмотрит это письмо, а в понедельник вместе с верительными грамотами я получу его для передачи Фиделю. Что касается встречи с Леонидом Ильичем, то она состоится 17-го числа на Пленуме ЦК, в перерыве между заседаниями.

Должен сказать, что у меня, задолго до работы в МИДе, сложилось почтительное отношение к А.А.Громыко, легендарному дипломату, бывшему на протяжении десятилетий символом твердой, последовательной внешней политики, стоявшему на защите чести и достоинства нашего государства. Человеку, близко знавшему многих выдающихся зарубежных политических деятелей, от Ф.Рузвельта до Мао Дзэдуна. Высок был авторитет А.А.Громыко в нашей стране. Это мое мнение не только не поколебалось, а ещё более укрепилось в дальнейшем, когда я узнал Андрея Андреевича ближе, почувствовал и с его стороны уважительное отношение ко мне. Это был истинно мудрый, высокообразованный, чрезвычайно ответственный, глубоко порядочный, требовательный к себе и людям человек. Да, он был излишне серьезен, даже строг, мало улыбчив (смею сказать я его и не видел). Но это была не маска, а суть его характера. В то же время он был внимательным и заботливым наставником.

На следующий день мы с Ниной вылетели из Москвы в Гавану.

Уже в начале своей работы на Кубе я почувствовал со стороны Фиделя какое-то сдержанное отношение к А.А.Громыко. Например, это проявилось в сентябре 1979 г., когда в США подняли

шумиху по поводу советского военного присутствия на Кубе, а у нас было подготовлено решение о переименовании военной бригады в «учебный центр». Информировав его и Рауля об этом, я выслушал неодобрительную реакцию со стороны Фиделя и прямое возмущение Рауля «неоправданной сдачей позиций», «ненужным компромиссом». Мне задали вопрос — «Кто автор такого варианта? Не Громыко?» Отвечал, — не знаю. Я действительно не знал этого точно, но сведения о том, что здесь проявил инициативу Громыко, доходили. Передав в Москву мнение кубинского руководства, высказал поддержку их позиции, однако, пожелание друзей не учли — решение было принято. Кубинцы, по-моему, считали А.А.Громыко чрезмерно осторожным политиком и дипломатом, в некоторой степени связанным своими многолетними контактами с США.

В октябре 1979 г. во время разговора с А.А.Громыко по ВЧ, я напомнил ему, что друзья ожидают ответ из Москвы на их просьбу о координации действий наших стран в отношении обстановки на Юге Африки, в частности речь шла и о Р.Мугабе — лидере ЗАНУ. Андрей Андреевич ответил довольно резко, что «в Москве занимаются этим», дескать, не надо нас подталкивать. Меня же кубинское руководство торопило с ответом. Кто проявлял медлительность, МИД или ЦК, Б.Н.Пономарев, который был весьма щепетилен в части приоритета в международных делах, касающихся национально-патриотических движений в развивающихся странах, — я не мог знать. Но предполагал, — документ находится на согласовании в ЦК, а кубинцы связывают и этот факт с «пассивностью» А.А.Громыко.

И вот 13-го ноября 1979 г. Фидель, вручая свое послание Л.И.Брежневу, в ответ на письмо к нему Леонида Ильича от 30 октября по ряду вопросов международной обстановки, попросил отправить его в ЦК нарочным. И спросил: «Что, ответы из ЦК тоже идут через МИД?» Я ответил утвердительно. Фидель продолжал: «Какова же роль Громыко? Он что, посредник и между генсеком?» Что ответить? Вновь, который раз, стал объяснять ему наш порядок. Фидель, не дослушав, перешел к другой теме. Мне стало понятно — надо как-то снимать эту предубежденность. Конечно, посылать письмо нарочным я не стал, но и не направил его шифр телеграммой в МИД. А так как 16-го вылетал в Москву сам, то 17-го передал письмо специально встретившему меня в аэропорту сотруднику Общего отдела ЦК, что сделал единственный раз.

Это был мой первый приезд в Москву из Кубы. 17-го декабря состоялась обстоятельная беседа с А.А.Громыко. Поговорили о

многом. Затронули и отношения с Фиделем. Он отметил, что я учел его рекомендации и установил неплохие контакты (по имеющейся у него информации) с Фиделем и Раулем. Это хорошо. Со своей стороны я сказал, что и в Москве стоит больше уделять внимания специфике отношений с кубинскими лидерами. Андрей Андреевич согласился. Спросил, может, надо пригласить Фиделя в Москву? Было бы хорошо, ответил я. Тогда не стоял еще вопрос о визите на Кубу А.А.Громыко. В начале 1980 г. было направлено приглашение Фиделю Кастро провести отдых в Союзе и встретиться с Л.И.Брежневым. Но обстоятельства не позволили ему отлучиться из Гаваны.

В августе 1980 г., будучи в Москве, я в беседе с К.В.Русаковым поднял вопрос о желательности визита А.А.Громыко на Кубу. Рассказал о некоторых нюансах отношения к нему кубинского руководства. В тот же день, более дипломатично, высказал эту идею Г.М.Корниенко. Оба, конечно, не дали мне никакого ответа. А 10-го сентября, накануне отъезда из Москвы, побывал у А.А.Громыко. Была хорошая беседа, и он сообщил мне, что принято решение: при его поездке на сессию ГА ООН в Нью-Йорк нанести и официальный визит на Кубу. Срок: с 15 по 18 сентября. Не думаю, что это можно приписать моей инициативе, скорее — совпадение мнений о важности встречи с Ф.Кастро.

12-го сентября я вылетел в Гавану, а 15-го встречал А.А.Громыко в аэропорту им. Х.Марти.

На другой день я, как условились накануне, пришел в резиденцию А.А.Громыко к 9 часам. Вместе позавтракали и поговорили о ситуации на Кубе, о темах, которые могут быть затронуты во время переговоров с руководством страны. Андрей Андреевич и Г.М.Корниенко дотошно расспрашивали меня, уточняя детали, интересовались позицией Фиделя по тем или иным вопросам. Я объяснял, не сглаживая проблем.

Вопреки предварительным наметкам, Фидель изменил состав участников переговоров. Он предложил встретиться с А.А.Громыко один на один с переводчиком О.Т.Дарусенковым. Думаю, что это, может, и не озадачило Андрея Андреевича, внешне он был невозмутим, но настроила на определенный лад. Я же, прямо скажу, был несколько обеспокоен.

Беседа Ф.Кастро с А.А.Громыко продолжалась почти четыре часа. Содержание её мне неизвестно, но, как стало ясно позже, она прошла более чем успешно. Были сняты недомолвки и подозрительность. Это особенно чувствовалось в поведении Фиделя, его отношении к А.А.Громыко.

Вечером в резиденции посла состоялся ужин, устроенный А.А.Громыко в честь Ф.Кастро. Фидель и Андрей Андреевич вели себя свободно, раскованно. Звучали тосты, разговор носил общий характер. Темы далекие от политики. Здесь я удостоился похвалы. А.А.Громыко выразился так: «Виталий Иванович, советский посол, — это ваш искренний друг, друг Кубы, он пользуется большим уважением в нашей стране, так что имейте это в виду. Мы полностью ему доверяем». Фидель откликнулся на реплику: «Мы знаем Воротникова давно, ещё с 1972 года, когда познакомились с ним в Воронеже. Кубинцы разделяют Ваше мнение о нем. Нам импонирует его открытость, эрудиция, скромность. Он много ездит по стране, чем заслужил уважение в провинциях». И предложил тост за мое здоровье.

Мы засиделись допоздна. Проводив Фиделя и гостей, Андрей Андреевич высказал сердечную благодарность за высокую организацию и качество приема.

Вечером 17-го сентября Ф.Кастро устроил товарищеский ужин для А.А.Громыко в «Ранчито», на воздухе. Было жарко и Андрей Андреевич, которому мы сказали, что строго соблюдать протокол необязательно, приехал в легкой куртке, без галстука. Мы же все в летних сорочках или гуайяберах. Фидель в своей обычной робе.

Фидель пригласил гостя осмотреть территорию. Прошли к бармену, расположившемуся под пальмовой кровлей, взяли себе кто виски, кто ром, кто сок. Подошли к открытой жаровне, где на углях жарился поросенок. Фидель стал объяснять преимущества такого способа приготовления мяса. Обращал внимание на редкостные тропические растения.

Потом разместились за двумя столами. За одним с Фиделем и Андреем Андреевичем члены Политбюро КПК, мы с Г.М.Корниенко и О.Т.Дарусенков. За другим члены Секретариата ЦК КП Кубы и советские товарищи, в том числе Казимиров, Макаров, Гончаренко, Качанов, Бурмистров, Кривоплясов, Монахов, Михайлов.

Обстановка теплая, непринужденная. Собственно, это была неторопливая беседа (за исключением двух официальных тостов, произнесенных Ф.Кастро и А.А.Громыко). Фидель был в отличном настроении. Никаких текущих политических тем не касались. На этот раз в центре внимания был А.А.Громыко. Он охотно и подробно отвечал на вопросы Фиделя. Все слушали с интересом. Громыко много рассказывал о памятных и забавных моментах, связанных со Сталиным и Молотовым. Вспоминал различные, часто острые ситуации во взаимоотношениях с У.Черчиллем, Г.Трумэном. Тепло отзывался о Ф.Рузвельте.

О Сталине он говорил взвешенно. Касался в основном роли Сталина во внешней политике. Рассказал о первой встрече, когда его в 1939 г., после нескольких месяцев работы в НКВД, пригласили в Кремль. И Сталин объявил о решении направить А.А.Громыко советником-посланником в посольство СССР в США. Присутствовал при этом и В.М.Молотов. «Можно понять мои тогдашние ощущения!» Сталин спросил его о степени языковой подготовки. «Я ответил скромно о своих познаниях английского. Он посоветовал мне чаще бывать в американской церкви, слушать проповедников, чья речь особенно правильная в произношении. Сославшись при этом на опыт революционеров, оказавшихся в эмиграции». «Так, — продолжал Андрей Андреевич, — тридцатилетним молодым человеком я стал вторым лицом в советском посольстве в США». Фидель спросил его: «Почему выбор пал на вас?» Ответил: «Трудно сказать точно, но, видимо, тогдашний наш посол Уманский не полностью удовлетворял требованиям. Нужны были в посольстве свежие кадры. Он пробыл еще немного и в 1941 г. был заменен на М.М.Литвинова, тоже не задержавшегося в США. А в 1943 г. послом назначили меня».

Стал вспоминать о конференциях «Большой тройки» в Тегеране, Ялте, Потсдаме. О том, что «Сталин на них держался уверенно, с достоинством, в то же время активно участвовал в переговорах, во многом владел инициативой, умел слушать собеседников, вежливо отвечал на вопросы. Он с уважением относился к Рузвельту. Американский президент уже был тогда болен. Однажды, когда болезнь обострилась, Сталин пригласил В.М.Молотова и меня. Мы втроем посетили Рузвельта. Это был хороший поступок. Рузвельт был обрадован нашим визитом. Сталин ценил в Рузвельте «умение вести дело». Так, например, выразился Сталин, получив письмо Рузвельта о согласии на передачу СССР южной части острова Сахалин и Курил. Понятно, что американский президент рассчитывал на нашу поддержку в завершении войны с Японией».

«Трудно шли дискуссии об открытии второго фронта. Черчилль уходил от ответа, не называя даты высадки десанта. Тогда Сталин встал и, обращаясь к Молотову, сказал, что у нас слишком много дел дома, чтобы терять здесь время. Черчилль понял, что уже нельзя больше оттягивать и быстро отреагировал, сказав, что его не так поняли: второй фронт готовимся открыть в мае 1944-го».

«Ещё одна черта. Сталин не чурался контактов с другими членами нашей делегации. Всегда накануне заседания спрашивал мнение товарищей, внимательно выслушивая их. Никогда не носил с собой никаких папок, блокнотов, бумаг. Во время переговоров ничего не писал».

«Это был очень требовательный, жесткий человек. Окончательное решение всегда было за ним. Ошибался он редко, но всё же ошибался. Что касается других качеств. Например, неторопливость в походке. Он никогда не ускорял шаг в ходьбе, движениях. Часто у себя в кабинете прохаживался по ковру, слушая споры. Лицо, особенно глаза, были выразительными. Говоря с собеседником, он всматривался в него, долго не отводя глаз. Такой вот «сеанс магнетизма». Приходилось участвовать и в застольях. Сталин был гостеприимным хозяином, вел себя радушно, но сдержанно. Ел мало, пил только сухие грузинские вина и хвалил их.

Оценивать личность Сталина, его характер сложно. В общении он бывал разным: резким, вспыльчивым и нетерпимым, или приветливым, доброжелательным, даже уступчивым. Он редко упоминал ЦК, а чаще — Правительство. Говорил: «Правительство считает, Правительство требует, Правительство не может согласиться». (Я, при этом, вспомнил телеграмму И.В.Сталина, направленную на авиационный завод №18 в Куйбышев в начале 1942 г. Он возмущен тем, что завод медленно наращивает выпуск самолетов ИЛ-2 на новой площадке. Там были такие слова: «Илы нужны Красной Армии как хлеб, как воздух. Шенкману не удастся отбрехнуться, давая в сутки по одному-двум самолетам. Не выводите Правительство из терпения» и т. д.).

Конечно, неправильно видеть у Сталина одни положительные черты. Это была личность сложная, противоречивая. На его совести немало ошибок и трагических моментов, как в делах внутренних, так и внешних».

Про В.М.Молотова Андрей Андреевич говорил, что он при Сталине был фактически вторым человеком в стране. «Один из немногих, кто имел влияние на Сталина. Был с ним ближе, чем кто-либо другой из руководителей. Правда, в последние годы Сталин относился к Молотову с предубеждением. Как политик, Молотов был сторонником «твердой линии» по отношению к США и Западу. Могу отметить его высокую самоорганизованность и большое трудолюбие. Временами он бывал чрезмерно консервативен, даже в малом. Иногда срывался, бывал резок и груб. При всем этом я во многом признателен ему за школу».

А.А.Громыко нелестно отзывался о Г.Трумэне. Вспоминал встречу «Большой тройки» в Потсдаме, детали поведения Сталина, когда он по существу беспристрастно выслушал Трумэна, сообщившего «оглушительную новость» о взрыве атомной бомбы, и лишь поблагодарил за информацию. Чем несказанно огорчил американца».

«Ещё стоит вспомнить, — подчеркнул Андрей Андреевич, — как резко изменилось отношение Г.Трумена к нам после Победы. Из внимательного, льстиво-услужливого на первых порах, он стал сухим, безразличным, а порою даже наглым».

Разговор касался и некоторых моментов жизни самого А.А.Громыко. По-моему, К.-Р.Родригес спросил его о впечатлении о Кубе, когда тот впервые посетил Гавану. Андрей Андреевич ответил, что это было в декабре 1943 года. Он прибыл на Кубу как посланник по совместительству. Поездка носила чисто протокольный характер. «Я пробыл всего два дня только в Гаване, поэтому не мог тогда составить впечатление о стране. Потом, известно, какова тогда была обстановка».

Ф.Кастро спросил о происхождении фамилии Громыко: «Это редкая фамилия. По-русски она звучит, как производное от «грома», и наводит страх на ваших соперников». Андрей Андреевич улыбнулся: «Нет, в фамилии отсутствует такой подтекст. Есть в Гомельской области Белорусской ССР село Старые Громыки, это недалеко от Брянской области РСФСР, я из этого села. В нем больше половины жителей Громыки. Есть и Новые Громыки, там Громык уже поменьше», — под общий смех закончил он.

В заключение встречи Фидель и Андрей Андреевич коротко обменялись мнениями в связи с обсуждением вопросов на заседаниях сессии Генеральной Ассамблеи ООН, куда завтра направлялся А.А.Громыко.

Это был отличный вечер. Фидель и другие кубинские руководители проводили нас к машинам. Тепло попрощались, и около 24.00 мы уехали.

Последствия визита были весьма благоприятными как для кубинского руководства, так и для нашей стороны. Мои отношения с А.А.Громыко и его заместителями, а также и в аппарате МИДа, стали более приветливыми, доброжелательными. В отделе ОЛАС меня поздравляли с тем, как наладились отношения Фиделя и Рауля с руководством МИДа, отошли в сторону неоправданные сомнения.

У меня установились прямые связи по ВЧ с Г.М.Корниенко и В.Ф.Мальцевым, а также изредка и с А.А.Громыко, когда требовалось либо проконсультироваться, либо доложить о не терпящих отлагательства событиях и просьбах друзей.

11 мая 1981 г. Получил в Гаване телеграмму от А.А.Громыко о награждении орденом «Трудового Красного Знамени».

В начале августа 1981 г. прибыли с Ниной в Москву в отпуск. Устал за прошедший год здорово, стала беспокоить старая боляч-

ка — язва 12-ти перстной кишки. Поэтому немедля отправились с ней в Железноводск. Сентябрь работал по всему перечню проблем в ХОЗУ и Отделе кадров МИДа (Андрей Андреевич находился в отпуске). Посетил руководство ЦК КПСС и проинформировал о кубинских делах. И две недели провел в больнице на Мичуринском проспекте, — врачи потребовали более полного обследования.

06 октября 1981 г. по предварительной договоренности побывал у А.А.Громыко. Беседа в его кабинете в МИДе.

Он начал с того, что поинтересовался здоровьем: «Сказали, что вас здесь госпитализировали». Я рассказал, что «тропический климат влияет отрицательно, обостряются старые болезни, много убавил в весе. Нарастает общая усталость. Неважно себя чувствует и супруга. Короче, видимо, настает время возврата в Союз». А.А.Громыко: «Сожалею, дела у вас идут хорошо. Отзывы положительные. Сложились хорошие отношения с Фиделем, тем более с Раулем, почти дружеские. Но ваше настроение понимаю. Будем думать, как решить этот вопрос».

Рассказал затем о своей встрече с И.Мальмиеркой. О встречах с Госсекретарем США А.Хейгом в Нью-Йорке: «Отношение к Кубе враждебное. Упрекает Фиделя во вмешательстве в дела стран Центральной Америки, Анголы и т.п. Вынужден дать ему отпор. Не США упрекать Кубу во вмешательство в дела других стран. Это вы вмешиваетесь в дела стран на всех континентах мира, заявляя о своих интересах. Не затрагивайте Кубу. Информация по Центральной Америке необъективная. Напомнил ему о соглашении 1962 г. по Кубе, — отмолчался». Спросил меня о ситуации с заражением населения Кубы вирусом «Денге». Ответил, что прямых доказательств диверсии нет. Поговорили еще об экономической обстановке на Кубе. Андрей Андреевич высказал свое мнение по этой проблеме. Прервали разговор, — зашел его помощник В.Макаров и сказал: «Только что передано сообщение о покушении на Анвара Садата!» Что? Как? Стал расспрашивать А.А.Громыко. Я вижу, — надо уходить. Откланялся и вышел. В этот же день вечером вылетели в Гавану.

Гавана, 22 февраля 1982 г. Телеграмма А.А.Громыко о награждении меня орденом Ленина. (В этот день было принято решение Политбюро, а Указ Верховного Совета вышел от 25 февраля).

Прибыв в Москву 9-го мая 1982 г. в отпуск, я уже был настроен, согласно данных мне заверений, на перевод из Гаваны на другую работу в СССР. В ЦК уже состоялись беседы о вариантах работы в одном из регионов России. 13 мая К.У.Черненко сообщил, что на Политбюро принято решение о моем отзыве с Кубы.

В этот же день заехал в МИД к А.А.Громыко. Состоялась очень подробная, откровенная беседа о Кубе. Андрей Андреевич стал вспоминать наших послов в этой стране, давал им характеристики, в том числе одному из них — «вел себя, как мраморная статуя». Говорил неторопливо, четкими фразами. Не скрою, некоторые были обо мне: «Вы быстро освоили не только принципы, но и многие частности внешнеполитической деятельности. Это не всегда удается непрофессионалам. Мне импонировали ваша сдержанность, взвешенность оценок. Оперативность информации. Во время моего визита на Кубу в сентябре 1980 года убедился, что у вас сложились хорошие отношения с Фиделем Кастро и с Раулем Кастро, другими кубинскими руководителями. Сожалею о вашем уходе, но коль скоро иначе нельзя...». Я поблагодарил Андрея Андреевича за добрые слова и понимание.

Уже 13 мая, во второй половине дня меня пригласил К.У.Черненко и сказал: сегодня на заседании Политбюро Л.И.Брежнев поставил вопрос о твоей просьбе. Дал хорошую оценку работе в Куйбышеве, Воронеже, в Совмине РСФСР и на Кубе. Но тропики негативно сказались на здоровье. И предложил отозвать тебя в Москву. Все согласились.

Я поблагодарил. Он спросил о моем желании, — где бы хотел работать? Я отклонил предложения о дипломатической работе, и попросил направить в какую либо область России. Он: «Хорошо, будем думать».

Казалось, все складывается хорошо. Однако, этот процесс «будем думать» затянулся. Я путешествовал из кабинета в кабинет: Капитонову, Пегову, Горбачеву, Русакову, Громыко, Черненко. Все, вроде, старались определить место, но время шло, а решения нет. Мне не хотелось возвращаться в Гавану, не имея такого решения.

Решил использовать отпуск, пока в московских кабинетах решается моя судьба. В конце мая мы с Ниной уехали в Дом отдыха Совмина СССР «Сосны». Во второй половине июня возвратился в Москву. Зашел к Русакову, тот развел руками: «Решения Политбюро о твоем освобождении и отзыве в Москву ещё нет».

Пошел к А.А.Громыко. Рассказал о мытарствах. Он посочувствовал, и говорит: «Коль есть принципиальное решение ПБ, то уезжайте в Гавану, как подберут достойное место, то Вас известят». Я вновь, более напористо стал излагать свое видение этого процесса, упомянув: «Разве Вы не знаете, Андрей Андреевич, как у нас умеют забюрократить дело, и в итоге провалить прошлые договоренности. Нет, я не уеду до того, как будет принято официальное решение о моем отзыве».

Видно, и он, человек ответственный и принципиальный, не выдержал. Вызвал к себе помощника, и поручил ему подготовить Записку в ЦК и проект Постановления Политбюро по моему вопросу. Сказал: «Я сам подпишу документ у Леонида Ильича». Не знаю точно, как и с кем Андрей Андреевич ещё советовался, но 2 июля меня срочно позвали к К. В. Русакову. Он сообщил что только что подписано постановление Политбюро ЦК о моем освобождении с поста Посла СССР в Республике Куба, отзыве в Москву на другую работу, а вместо меня Послом на Кубу представлен К. Ф. Катушев. И закончил словами: «Уезжайте в Гавану и ждите официального письма».

4-го июля я вылетел на Кубу, а 6-го получил долгожданную телеграмму от А. А. Громыко: «Принято решение о назначении К. Ф. Катушева Послом СССР в Республике Куба и освобождении вас от этих обязанностей».

На следующий день на приеме у Ф. Кастро информировал его о принятом решении. И начал готовить обычные для отъезжающего посла прощальные мероприятия: визиты, приемы и т. п. Только развернулся, как 16-го числа получил официальный вызов в Москву, в ЦК КПСС к Ю. В. Андропову.

В Москве состоялась беседа с ним, и я принял предложение о работе первым секретарем Краснодарского крайкома партии. 23 июля состоялся Пленум крайкома, — меня избрали. Так начался новый этап в моей жизни.

В период работы в Краснодарском крае контактов с А. А. Громыко у меня почти не было, если не считать встреч на Пленумах ЦК и других мероприятиях в Москве.

В июне 1983 года состоялось решение Политбюро ЦК о рекомендации меня председателем Совета Министров РСФСР, а на Пленуме ЦК — был избран кандидатом в члены Политбюро. Сессия ВС РСФСР 24 июня назначила меня на эту должность. Вот с этой поры наши встречи с Андреем Андреевичем Громыко стали регулярными.

Я уже говорил выше о той обстановке, которая сложилась в Политбюро ЦК при Ю. В. Андропове. Она существенно отличалась от ситуации при Брежневле. Но основной, если можно так сказать, авторитетный костяк, — Устинов, Громыко, Тихонов, — сохранился. Об отношении Юрия Владимировича к Черненко также было сказано.

В июле и августе 1983 г. было проведено восемь заседаний Политбюро под председательством Ю. В. Андропова. На них, как правило, рассматривались вопросы международных отношений СССР.

Например: переговоры с Г.Колем и Х.-Д.Геншером; о некоторых неправомерных действиях США; о ходе переговоров в Женеве: вопросы Генеральной Ассамблеи ООН и другие.

На первых порах, участвуя в заседаниях Политбюро, в моих записях уделял первостепенное внимание высказываниям Ю.В.Андропова, других членов Политбюро по проблемам внутренней жизни страны. Лишь изредка делал пометки о том, как обсуждались внешнеполитические вопросы. Я обратил внимание на то, что Юрий Владимирович не раз выражал неудовлетворение работой Международного Отдела и лично Б.Н.Пономарева, когда речь шла о связях и взаимодействии с компартиями капстран, и, особенно, с национально-освободительными движениями в Африке. Речь шла об оценке реальной ситуации, например, в Анголе, Мозамбике, Эфиопии.

А.А.Громыко принимал участие в обсуждении вопросов, прежде всего касающихся политики США и стран Запада. Его утвердили руководителем нашей делегации на сессию ГА ООН. В полемике о связях с компартиями других стран он, по моему, избегал принимать участия.

По этим причинам, а возможно сильной на первых порах загруженности совминовской работой, в моих дневниках не сохранилось записей о речах и репликах А.А.Громыко на заседаниях Политбюро. Не было и личных контактов с ним и вне Кремля.

Да и болезнь Ю.В.Андропова с начала сентября, общая нервная обстановка вокруг него, находившегося в ЦКБ, но не прекращавшего работу. Пассивность К.У.Черненко, который почти не вносил на заседания Политбюро внешнеполитические и перспективные вопросы. Внимание наше на заседаниях было сосредоточено на неотложных внутренних проблемах, в первую очередь, — формирование и обсуждение проектов Государственного плана и бюджета на 1984 год. Плюс к тому, всё ухудшающееся состояние здоровья самого Константина Устиновича.

Как было сказано выше, в период с 1983 по 1985 гг., являясь министром иностранных дел, А.А.Громыко на заседаниях Политбюро, как правило, высказывал свое мнение при обсуждении вопросов, касавшихся международных отношений и внешней политики СССР.

Какие моменты, связанные с высказываниями А.А.Громыко, я отметил тогда в своем дневнике.

23 февраля 1984. Заседание Политбюро ЦК.

А.А.Громыко рассказывал о беседах с рядом руководителей, участвовавших в похоронах Ю.В.Андропова. «Что следует отме-

тить? О беседах с Бушем. Тон был мягкий, но по существу он ни на миллиметр не отошел от официальной политики США. Допусти к трибуне — он будет другой. Тэтчер — старалась быть предупредительной, нажимала на необходимость контактов. Итальянец — сделал заявления даже чуть более благоприятные, чем Тэтчер».

21 июня 1984 г. Обед в Грановитой Палате в честь Франсуа Миттерана.

Разговор не клеится. Ф.Миттеран пытается завязать беседу, а Константин Устинович ограничивается одними, — да, да, да. Выручал А.А.Громыко, развивая высказанные Миттераном соображения по некоторым внешнеполитическим вопросам, и формулируя позицию СССР по этому поводу. Вступал в беседу и М.С.Горбачев.

4 октября 1984 г., вернувшись с сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Андрей Андреевич рассказывал: «Сессия прошла на высоком уровне. Некоторые моменты. Выход Рональда Рейгана в зал заседаний Генеральной Ассамблеи был ими «обставлен». Но жидкие аплодисменты. Встали?! Нет. Ничего подобного! А когда слово дали представителю СССР — Громыко, то зал приветствовал, аплодируя, и все встали! Да! Это был «сюрприз». Когда я окончил речь, — активные аплодисменты.

Общее впечатление от сессии. В политике нет подвижки ни по одной проблеме — таков вывод от бесед. Социалистические страны в беседах с делегациями ряда стран активно разоблачают словоблудие западников. Собеседники соглашаются с нами, но «лучше развивать диалог, а не конфронтация». Это наше общее мнение. Ассамблея проявила политическую зрелость, понимание нашей позиции, и неудовлетворенность выступлением Рейгана и позицией США. Наше выступление было спустя три дня. Это было принципиальное, твердое, насыщенное конструктивными шагами для продвижения вперед. Стали их сопоставлять. С одной стороны, — слова, слова и ничего в политике, с нашей, — конкретная, конструктивная, деловая программа.

О Китае. В китайской политике какой-то подвижки по существу нет. Активная, злобная позиция по отношению к Вьетнаму и Кампучии. Нам следует всемерно поддерживать СРВ, содействовать и ДРК.

Далее А.А.Громыко рассказал о беседах с Геншером, Андреотти, Шейсоном, Шамиром, представителем Пакистана и Абэ (высказал сомнение, — надо ли К.У.Черненко принимать в Москве личного представителя Накасонэ). Обмен мнениями со всеми конечно нужен. Но эффект минимальный.

Впечатление от беседы с Р.Рейганом. Человек общительный, льстивый, мастер на анекдоты. Но в политике ортодокс. Последовательно ведет свою линию, сдвига никакого. Все читал по бумаге. Доводы собеседника — мимо ушей. Смешал в кучу все проблемы. Невпопад цитировал Ленина, Мануильского. Вывод. Пребывание на сессии ГА ООН и встречи были полезны».

18 октября 1984 г. После заседания Политбюро К.У.Черненко вручил А.А.Громыко орден Ленина, в связи с 75-летием. Андрей Андреевич коротко поблагодарил за награду, заверил, что она обязывает ещё активнее работать на порученном ему высоком посту министра иностранных дел, и в полной мере исполнять обязанности, будучи в составе высшего органа партии, — Политбюро ЦК.

21 марта 1985 г. Первое заседание Политбюро, после похорон К.У.Черненко ведет М.С.Горбачев. Обмен мнениями о беседах с руководителями делегаций ряда стран. Слушали Н.А.Тихонова, Б.Н.Пономарева. Затем А.А.Громыко: «Беседы прошли на высоком политическом и деловом уровне. Концентрировалось внимание на наиболее важных проблемах. Говоря концентрированно, — о проблемах «войны и мира», обеспечении безопасности стран. Затрагивались и некоторые другие вопросы. Необходимо подчеркнуть нашу корректность в беседах, что импонировало собеседнику, и настрой на деловой лад. Чувствовалось, что собеседники стремились, так сказать, не упустить шанс. Это было объяснимо: в СССР новый руководитель, в США Президент Р.Рейган избран на второй срок. Отдельные собеседники недвусмысленно пытались выяснить, мало им известное, политическое лицо нового лидера СССР. В общем, считаю, что встречи проведены умело, с достоинством».

29 июня. На Политбюро обсуждали вопросы предстоящего Пленума ЦК и сессии Верховного Совета СССР.

Встал вопрос о председателе Президиума Верховного Совета.

М.С.Горбачев. «С 1977 года у нас вновь восстановилась практика совмещения постов Генсека и председателя Президиума ВС. Этот опыт себя оправдал. Но сейчас, на этапе огромного разворота преобразований в стране, мне необходимо сосредоточить внимание на делах партии. В КПСС предстоит сделать немало, главная задача объединить все силы народа. Поэтому предлагаю рекомендовать Пленуму и сессии на пост председателя Верховного Совета СССР А.А.Громыко, а Генсека — членом президиума Верховного Совета». (Я был согласен с Горбачевым, но подумал, что это не экспромт, а такой вариант, наверное, был предложен Андрею Андреевичу в марте, когда решался вопрос, — кто заменит К.У.Черненко? Именно А.А.Громыко предложил тогда на пост Генсека М.С.Горбачева).

1 июля Пленум ЦК одобрил предложение Политбюро. В тот же день сессия Верховного Совета СССР избрала А.А.Громыко Председателем Президиума ВС СССР.

Следует отметить, что уже на первых заседаниях Политбюро, когда ещё не шла напрямую речь о перестройке, а Горбачев только прощупывал подходы к изменениям в управлении страной, А.А.Громыко стал заметно лояльнее относиться к высказываниям, а затем и действиям Генсека. Этот настрой характерен был и для других членов Политбюро, так как необходимость активизации деятельности партии, всего народа в совершенствовании механизма управления и развитии народного хозяйства страны была очевидна. Хотя ясной и четкой программы, — как и с чего начинать, у Горбачева не было.

Я пишу об этом потому, что в период работы с Андроповым, а затем с Черненко, Андрей Андреевич не проявлял особого внимания к личности секретаря ЦК, курирующего вопросы сельского хозяйства. Но после того, как прошла, выражаясь шахматным термином, «рокировка», — Андрей Андреевич был, конечно, признателен Горбачеву. Одновременно, он поверил в него. Активность, напористость Горбачева, его первые открытые, зажигательные речи о необходимости изменить обстановку в стране, идти по пути совершенствования управления народным хозяйством страны, создать условия для улучшения жизни людей, убедили не только Громыко, но и нас, да и большинство народа.

Так, например, буквально за неделю до формального решения о его перемещении из МИДа в Верховный Совет, на заседании политбюро 20 июня обсуждали итоги проведенного 10—11 июня в Кремле большого совещания секретарей ЦК КП республик, обкомов партии, министров, а также ученых, руководителей предприятий и специалистов. Горбачев решил тогда не проводить намеченного ранее Пленума по вопросам научно-технического прогресса, а ограничиться этим совещанием.

На Политбюро высказывания о докладе М.С.Горбачева, и о выступлениях в прениях были в основном позитивные, но отмечалось и то, что совещание было собрано поспешно, а принятые решения носят общий характер. Что на Пленуме, а не на совещании, можно было бы полнее и глубже обсудить эту важную тему.

Что сказал А.А.Громыко, выступив первым: «Совещание было полезным. Мы честно определили место, где находится страна. Критика, негативные моменты, наши недостатки т. д. не создают впечатления отчаянья, пессимизма, а наоборот, — вселяют уверенность. То, что говорили откровенно, свидетельствует о

нашей силе, уверенности и т.п. Дело не в комиссиях, которые решено образовать, это «часть нашего бытия», — дело в повседневной работе всей партии, народа». (Ну, как здесь не возгордиться Генсеку!?)

14 января 1986 г. на Политбюро обсуждали проект, открытого для печати, Заявления М.С.Горбачева «О важных инициативах Советского Союза по разрядке международной напряженности. Основная суть предложений — взаимная и полная ликвидация ядерных вооружений за 15 лет. Были определены этапы, типы ракет, процедуры уничтожения ядерного вооружения, контроль над всем процессом, пропагандистское обеспечение работы и т.д. Готовили этот документ долго и тщательно МО, МИД, КГБ и отделы ЦК.

Обсуждение на заседании Политбюро этого важного документа было обстоятельным, детальным. В итоге, — одобрили.

Выступил А.А.Громыко: «Это чрезвычайно важный шаг Советского Союза в решении самой коренной проблемы безопасности мира. Главное здесь в том, что мы заявили приоритетную, конкретную и открытую, гласную позицию в постановке проблемы, определили пути её решения. Теперь «мяч на их стороне». Но надо знать наших «партнеров», не исключать ответных действий со стороны США. Поэтому нужно быть готовым к частным, локальным решениям. Для нас самое, самое, — это ликвидация РСД. Товарищам необходимо уже сейчас обдумать варианты взаимных подвижек». Это было мудрое предостережение опытного дипломата-переговорщика.

Наиболее характерным и показательным для позиции, которую занимал, на первых порах своей деятельности как председатель Президиума ВС СССР, А.А.Громыко по основным вопросам положения страны, работы Политбюро и роли нового Генерального секретаря ЦК КПСС, является его выступление на XXVII съезде партии.

Съезд начал работу 26 февраля 1986 г. В первый день решали организационные вопросы и был доклад М.С.Горбачева. На второй день начались выступления. Одному из первых было предоставлено слово А.А.Громыко. Приведу лишь основные фрагменты его речи.

Начинает Андрей Андреевич с того, что, как и другие ораторы, он испытывает волнение, выступая с этой трибуны. «XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза — выдающееся событие нашего времени. Делегаты съезда, а вместе с ними и партия в целом требовательно оценивают все то, что сделано за десятилетия.

Стратегия и тактика коммунистического строительства на данном этапе развернуты в Политическом докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева, в обсуждаемой Программе партии и в планах дальнейшего экономического и социального развития страны.

Вся атмосфера съезда дышит твердой уверенностью в наших силах выполнить намеченное. На нем бескомпромиссно поставлен вопрос о преодолении недостатков.

Ошибку допускают те за рубежом, кто пытается в недостатках, которые мы сами видим и критикуем, усматривать слабые места социализма как общественного строя. Откровенно говорить о наших проблемах и решать их с помощью всего народа может только партия, убежденная в неисчерпаемых возможностях социалистического уклада нашей жизни.

Эта партия предлагает в своей внешней политике мир всем странам и народам, борется за него ежедневно, ежечасно.

Мир буквально затаил дыхание, когда услышал исторические по своему значению предложения о полной ликвидации ядерного оружия до конца нынешнего столетия и недопущения милитаризации космоса, содержащиеся в Заявлении Михаила Сергеевича Горбачева от 15 января 1986 года.

Определенные круги стран Запада всячески стараются умалить влияние наших предложений на умы людей. Что только не делается для этого!

Советские люди, наши союзники и друзья, все народы ожидают, что будет найден путь к избавлению человечества от бремени вооружений. Страна Советов весь свой авторитет, все влияние своей политики кладет на чашу весов в пользу мира.

Советский народ — миролюбивый народ. Только бесчестные люди могут утверждать обратное. Все знают, что он войн не начинал. Но, защищая свою Родину, он их кончал, и кончал так, как нужно, по справедливости.

Товарищи! Одной из важнейших в нашей государственной и общественной жизни является потребность во всей полноте использовать Советы народных депутатов. «Вся власть — Советам!» — эти слова впервые в истории прозвучали в революционном Петрограде.

И когда мы оцениваем то, что еще предстоит вершить нашему народу ярче, чем когда-либо вырисовываются задачи Советов всех ступеней сверху донизу.

Кто, как ни Советы должны, прежде всего, заботиться о решении многочисленных хозяйственных проблем, вносить свой вклад

в осуществление принципа социальной справедливости? Их важная функция — разработка, утверждение и претворение в жизнь комплексных планов экономического и социального развития на своих территориях.

Если взять социальные проблемы, то они включают в себя необходимость обеспечения людей жильем, улучшение медицинского обслуживания населения, школьные дела, организацию отдыха трудящихся, заботу о сохранении окружающей среды, дорожное строительство, строжайшее соблюдение законности. И это далеко не полный перечень проблем, которыми глубоко и серьезно должны заниматься Советы.

Особо хочется сказать о молодежи, о её специфических запросах, над которыми обязаны постоянно, я повторяю — постоянно работать Советы.

Молодежь должна нести ещё более богатый заряд энергии, образованности, внутренней культуры, профессиональной подготовки. Мы все хотим видеть молодежь идейно закаленной, преданной своей Родине, идеалам старших поколений, своих отцов.

В решении практических задач Советам должна быть обеспечена поддержка со стороны партийных организаций, это задача всей партии, всего народа.

Товарищи! Съезд является ярким свидетельством сплоченности рядов партии и её идейного единства. Пусть весь Мир видит, что это так. Никому не должно быть позволено под предлогом поощрения здорового и нужного дела критики и самокритики — а это дело должно быть законом — прибегать к вымыслу о трещинах в нашей партии, в советском обществе. Тех, кто этим занимается или занялись бы, следует ставить на место, — по заслугам. Критика как мощное и эффективное оружие партии и охаивание честных коммунистов — это не одно и то же, и даже вовсе не одно.

Можно не сомневаться, что каждый участник съезда, когда он возвратится к себе, будет с ещё большей энергией работать над выполнением исторических решений нашего съезда вместе со всеми коммунистами, со всем народом». (Читатель сможет сам оценить все сказанное А.А.Громыко «высоким слогом»).

Так воодушевленно выступали на съезде многие ораторы. Шел первый год перестройки, с которой люди связывали надежды на будущее. Приподнятое настроение было тогда и в Политбюро. Мы еще верили Горбачеву.

Что ещё запомнилось из высказываний А.А.Громыко.

3-го апреля 1986 г. перед заседанием в «Ореховой» зашел разговор о недостаточном обеспечении жильем офицеров, уходящих в

отставку, что местные Советы не выделяют им положенное по закону жилье.

А.А.Громыко: «Возможности местных Советов ограничены. Они не «золотое дно». Вопрос в том, что вообще мало строим жилья. Много ветхих домов, неблагоустроенных бараков, которые необходимо сносить. Надо провести инвентаризацию жилья, иметь объективную картину. Определить программу наращивания темпов строительства. На жилье выделять капиталовложения в первую очередь, а потом, — на остальные потребности производства».

20 ноября 1986 г. На заседании Политбюро обсуждали Записку Секретаря ЦК КП Узбекистана Усманходжаева. Он информировал ЦК о дефиците квалифицированных кадров руководителей в ряде отраслей и Государственных структурах республики, и предлагал направить в Узбекистан кадры из Москвы и РСФСР. Отношение к этой просьбе было разным, — кто поддерживал, кто выражал недоумение, кто возражал.

А.А.Громыко: «Это лобовая постановка вопроса. Необходим более взвешенный, деликатный подход. Лучше брать кадры из Узбекистана для их обучения, подготовки, а не направлять людей из Москвы. Это будет негативно воспринято в республике, — «русификация», и подогреет националистические тенденции». Решили пока воздержаться.

Но шло время, Горбачев заметно поворачивал реформы перестройки вправо. В Политбюро все чаще возникали споры. Менялась и позиция, высказывания А.А.Громыко. В них звучит несогласие, тревога.

27—28 января 1987 г. Пленум ЦК «О перестройке и кадровой политике КПСС».

А.А.Громыко воспринял доводы Горбачева с сомнением в их эффективности: «Следует серьезно порассуждать над предложением. Перестройка — это не рывок. Это процесс широкий и глубокий. И здесь неприемлема торопливость, соревнование. Вывод в докладе об оценке прошлого суровый, но справедливый. Теперь о роли и месте Советов. Работа только начинается. Необходимо дать им действительные права, время для подбора кадров, освоения. Партия не может пустить этот процесс на самотек».

24 марта 1987 г. Совещание у М.С.Горбачева в Кремле.

Помимо членов Политбюро, секретарей ЦК, приглашены заместители председателя Совмина Союза.

Горбачев: «Многие побывали в поездках. Прошу обменяться мнениями».

Рыжков. Был в Свердловске. «Происходят политические изме-

нения в обществе. На местах усиленно «валят» на центр, объясняют срыв планов только несбалансированностью. Самый острый вопрос — жилье».

Громыко. Посетил Новгород и Калинин. «Перестройка в народе принята с поддержкой. Однако социальные изменения незначительные. Это волнует людей. Мало строится жилья, есть проблемы в здравоохранении, перебои в торговле рядом продуктов. Есть претензии, что планы доводятся до предприятий с опозданием и, как правило, несбалансированны. Отсюда срывы в поставках и снижение качества продукции».

Рассказали о своих поездках: В.И.Долгих, Е.К.Лигачев, В.И.Воротников, Л.Н.Зайков, Б.Н.Ельцин и другие. Обмен мнениями был неоднозначен.

14 мая и 21 мая 1987 г. на заседаниях Политбюро обсуждались тезисы доклада М.С.Горбачева на предстоящем Пленуме ЦК «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой».

Материал был роздан заранее. Доклад охватывал широкий круг вопросов: сокращение ряда министерств и ведомств союзного и республиканского значения; передачу базовых отраслей из республиканских в союзные министерства; создание некоторых межведомственных и межотраслевых структур в Правительстве. По новому ставился вопрос о формировании заданий (контрольных цифр); намечалась реформа ценообразования; вскользь затрагивались социальные проблемы и т. д. Причем сам процесс перестройки предлагалось провести быстро, и особенный упор — на демократизацию, как «основу перестройки».

Обсуждение было жарким, много спорили, что-то поддерживали, но больше было возражений против такой глубокой ломки сложившейся системы, то многие вопросы недостаточно проработаны, а иные вовсе опущены. (В итоге: ряд положений доклада были исправлены, некоторые замечания учтены). Подготовка Пленума затянулась, — он был созван лишь 25-го июня этого года. На нем были созданы две комиссии ПБ для разработки проектов отраслевых (Рыжков) и территориальных схем управления (Лигачев). Комиссии эти надолго застряли в выработке идентичности в подходах. Что в рамках СССР было невозможно — настолько сложна и многогранна его экономика. Дезорганизатором работы по совершенствованию управления явился выдвинутый на Пленуме Горбачевым постулат: «Разрешается все, что не запрещено законом».

Замечания А.А.Громыко: «Задача чрезвычайно важная и ответ-

ственная. Нужен глубокий, детальный разбор и обоснование проведения реформ. Нужно значительно усилить социально-экономический раздел. Сочетать экономические и социальные факторы, то есть обеспечивает ли экономика решение социальных задач. Собственно основная цель перестройки, как я понимаю, — улучшение жизни людей. Пока дело идет плохо. Теперь о связи Министерства — Советы. Нет четкого ответа. Критика уровня оказания услуг, — сравнивать СССР — 15 %, а США — 51 %! Это неправильно. Если население СССР будет платить как в США за жилье, дороги, мосты, транспорт, автостоянки, за образование, медицинское обслуживание, то у нас объем услуг вырастет в несколько раз. Это сравнение в докладе непропорционально.

(Андрей Андреевич начинает критиковать Генсека!)

15 октября 1987 г. Политбюро рассматривало проект доклада М.С.Горбачева на торжественном собрании, посвященном 70-летию Великого Октября.

Обсуждение было активным. Критика положений доклада нарастала: «Слабо отражено единство фронта и тыла в ВОВ. Необъективно изложена обстановка, сложившаяся в стране к началу перестройки». Неоправдано выражение: «Пропасть между прошлым и настоящим. Из чего же мы тогда вышли?» К чему говорить о «сомнениях в правомерности Основного Закона». Идеи и установки доклада по идеологической работе туманны. То же и о позиции по национальному вопросу и т. д.»

А.А.Громыко: «Согласен с замечаниями товарищей. На нынешнем этапе позиция Политбюро чрезвычайно ответственная. Необходим точный, объективный и ответственный документ, с которым идти на Пленум. Мы свидетели и участники основных этапов развития социалистического строительства. Много пропустили через себя, выстрадали, поняли, определили место в перестройке. Достаточно ли отвечает этому проект доклада? Да, в основном, отвечает! Но при условии серьезной доработки».

Завершался 1987 год. Собственно, это был последний, более или менее позитивный год в ходе перестройки. Если не считать позорного, спровоцированного амбициями Горбачева Пленума ЦК 21 октября 1987 г., превратившегося из торжественного, посвященного 70-летию Октября, в стихийный митинг. Генсек, обидевшись на примитивное, маловразумительное выступление Ельцина, вместо того, чтобы, осадив оратора, внести предложение, — поручить Политбюро разобраться с сутью выдвинутых обвинений и доложить на очередном Пленуме результаты,

принудил членов ЦК развернуть атаку на обидчика. В итоге, Горбачев подстегнул активность оппозиции, — шумной, наглой, крикливо захватившей в свои тенета уличные страсти. Поняв позже, что натворил, он попытался успокоить Ельцина, но тот уже «закусил удила», получив поддержку не только «демократов», но и советников с Запада. Чем закончилось это противостояние, — известно.

Не могу не сказать о заседании Политбюро ЦК 5 мая 1988 г.

«О некоторых вопросах советско-германских документов 1939 г., касающихся Польши».

А.А.Громыко. «Имел две беседы с В.М.Молотовым. Он не подтвердил и не отверг наличия секретного протокола (публикации в печати на этот счет были). То же и в беседах с Н.С.Хрущевым — ни да, ни нет. Возникает вопрос, знал ли он или нет? Некоторые считают, что документы были и одобрены двумя сторонами. Должен подтвердить, — я был ответственным за публикацию всех документов, но этих не было, я их не видел. Предлагаю дать публикацию о том, что «копии» есть. Оригиналы — не ясно, сохранились или нет. Продолжить поиск».

Горбачев вел себя весьма сдержанно. Не стал по обыкновению рассуждать, анализировать все «за» и «против», не вступил в полемику, а заявил так: «Ограничимся обменом мнениями. Если будут документы, — вернемся к обсуждению». (В интервью «Советской России», от 14 марта 1993 г., В.И.Болдин, бывший тогда заведующим Общим отделом ЦК, утверждает, что ещё в 1987 г. «секретный» протокол и карта были положены на стол Генсеку. Он долго изучал карту, потом сказал — «убери подальше». Следовательно, Горбачев скрыл этот факт от Политбюро и от общества.

В отношениях М.С.Горбачева к А.А.Громыко уже не было той сыновней теплоты, которыми они характеризовались год назад. Андрей Андреевич несколько раз тактично, но недвусмысленно высказывал свое мнение, не укладывающееся в «колею» горбачевской перестройки. Он говорил о том, что СМИ публикуют много негативного, лживого материала в адрес прошлого страны. Его возмущало, что на эти выпады нет должной реакции со стороны власти. Он возражал, что Политбюро берет на себя хозяйственные функции, когда рассматривали проект Совмина Союза о развитии кооперации и предпринимательства. Детали, — это функция Правительства. Политбюро формулирует лишь политическое решение. Иначе, оно, вольно или невольно, берет на себя ответственность за практическую реализацию этой акции. Нельзя,

например, согласиться с предлагаемым чрезмерно низким процентом платы за кредит.

А.А.Громыко был не согласен с предложением использовать силу для разрешения конфликта в Нагорном Карабахе. Это не то средство. Нужен объективный разбор на месте.

Окончательный перелом в оценке хода перестройки, её истинной цели, стал, по-моему, ясен ему, и многим из нас, в ходе подготовки и принятия решений XIX Всесоюзной партийной конференции.

Это был важный, переломный этап, окончательно определивший позицию М.С.Горбачева по реформированию политической системы в СССР. 1988-й год обозначил, я бы сказал, надлом в самом перестроечном процессе, в его направленности, в его восприятии обществом. Надлом, последствия которого оказались драматическими.

В этом году М.С.Горбачевым, и сформировавшимся вокруг него окружении, был сделан упор на политических преобразованиях, реформах в государственных структурах, в партийном строительстве. На первый план вышли идеология, “новое мышление” в делах внутренних и внешних, стали звучать глуше социалистические лозунги.

В партии и обществе появилась обеспокоенность за судьбу провозглашенной в 1985 году перестройки. В высказываниях и вопросах, звучавших на Политбюро, Пленумах ЦК, различных совещаниях, в печати (статья Нины Андреевой в “Советской России”) слова о том, не отклоняемся ли мы от выбранного курса, туда ли идем, вызывали резкую, грубую реакцию со стороны Горбачева.

Он настойчиво убеждал нас: путь дальнейшей демократизации, гласности, самоуправления лежит через немедленные политические реформы. Тезис, что развитие экономики тормозится консерватизмом политических структур, что необходима политическая реформа, стал во главу угла. И разгорелся “пожар” говорильни. Митинги, съезды, конференции, совещания, собрания и т. п. Все острее стали проходить заседания Политбюро. Именно в 1988 г. Горбачев окончательно встал на путь переориентации перестройки.

Начиная с апреля месяца 1988 г. на заседаниях Политбюро стали обсуждать вопросы подготовки к XIX Всесоюзной партийной конференции, решение о созыве которой было принято ранее. Эта тема не сходила с повестки дня ПБ в мае и июне 1988 г.

18 июня 1988 г. Политбюро «О реконструкции политической системы».

Обсуждали проект доклада М.С.Горбачева на предстоящем Пленуме ЦК.

А.А.Громыко: «О советах и их взаимодействии с партией. Глубокий раздел, — «назад к Ленину и вперед с Лениным». Некоторые считают надо разделить Советы и Партию. Отодвигать партию от практических дел, ограничить её работу политикой, — грубая ошибка. Советам надлежит очень много поработать, чтобы взвалить и нести на своих плечах тот государственный груз, который возложен нынче на партию. О том, чтобы первый секретарь возглавлял Президиум Советов и Бюро партийного комитета. Согласен.

Раздел о ВОВ, вернее о неподготовленности к войне. Вопрос сложный. Готовились, это бесспорно, но не успели, — это тоже факт.

После окончания войны союзники ожидали нашего разоружения, ликвидации армии, мол, разруха заставит искать выход. Могли ли мы пойти на это? Нет, иначе согнули бы в бараний рог.

О соревновании по вооружению. Шла гонка. Это шло взаимно, при поддержке МО и других. Валить все на руководство — это необъективно. Надо исходить из реальностей времени. А размах, объемы и т. п. — это надо анализировать».

Запомнилось заседание Политбюро ЦК 20 июня, буквально за неделю до конференции. Обсуждали окончательный вариант доклада М.С.Горбачева. Он выразил в нем все чаяния контрперестройщиков.

Вновь те же тезисы. Отделить партию от Советов. Поручив ей только политические функции. Советы наделить всей полнотой власти (ссылаясь при этом на Ленинские тезисы о Советах). Реорганизовать снизу доверху, и возродить полновластие Советов. Учредить, как высший орган, — Съезд Народных депутатов, расширив их число до 2250. Из них формировать Верховный Совет, меньшей, чем сейчас численности. Ввести пост Президента страны, возглавляющего Верховный Совет.

Совет Министров СССР подотчетен Верховному Совету.

Демократизация руководящей деятельности и внутренней жизни партии. Разделить функции партийных и государственных органов.

Обновление идеологии — в один ряд с демократизацией и экономической реформой.

Провозгласил лозунг: «Наши цели — больше демократии, больше социализма, лучше жизнь трудящегося человека». На такой демагогической ноте он завершил изложение доклада.

Обсуждение было активным, высказались все члены Политбюро.

Надо сказать выступления были разными. Отмечу, что Рыжков, Лигачев поддержали многие положения доклада, и, конечно, Шеварднадзе, Яковлев, Медведев одобрили полностью. С серьезными замечаниями выступили: Никонов, Щербицкий, Чебриков, Воротников. Я раскритиковал схему построения Высшей власти, попытку оторвать партию от живого дела. Учитывая многообразие реформ, вносимых на Конференцию, предлагал рассмотреть часть из них позже.

А.А.Громыко выступил с раздумьями, анализируя тот или иной момент доклада. Было видно, что он понял, — в новой структуре ему места нет. Потому он, не делал резких замечаний, дабы не создать впечатления, что борется за должность.

В итоге Горбачев, как обычно, обещал учесть замечания, но предложил одобрить, в основном, тезисы доклада. Так и решили.

Всесоюзная партийная конференция начала работу 28 июня 1988 г.

Предположения оправдались. По остроте обсуждения, накалу страстей среди делегатов, эта конференция могла поспорить с последующими съездами Народных депутатов в 1989—91 годах.

С критикой ситуации, сложившейся тогда в стране, резкими выпадами по поводу программы реформ, высказанных в докладе, выступило немало делегатов. Писатели, — В.Карпов, Ю.Бондарев, Б.Олейник, ученые, — А.Логунов, Л.Абалкин, рабочие, — В.Ярин, Ю.Сурков, директор завода, — Н.Чикирев и другие. Однако большинство ораторов, а приняли участие в прениях около 70 человек, поддержали Горбачева. Члены Политбюро, кроме Е.К.Лигачева, не выступали. Конференция продолжалась четыре дня. Подготовленные документы были приняты.

Не теряя времени, М.С. Горбачев принялся в скоростном режиме проводить решения конференции в жизнь. Провел несколько заседаний Политбюро, а 29 июля состоялся Пленум ЦК, посвященный работе по реализации решений конференции.

А.А.Громыко не показывал виду, что огорчен перспективой близкой отставки, а продолжал участвовать в работе Политбюро, выступал с замечаниями при обсуждении, например, вопросов: «Об обстановке в НКАО», «О проекте доклада Горбачева на Пленум ЦК», намеченный на 29 июля, «Об улучшении экологической обстановки вокруг Аральского моря», «О реорганизации партийного аппарата ЦК КПСС» и другим. Но прежней активности, вдохновения, четкого, логичного изложения своей позиции в его выступлениях уже не чувствовалось.

26 сентября 1988 г. ЦК КПСС. Информировал М.С.Горбачева

об итогах поездки в ФРГ: переговорах с Й.Рау, встречах с Г.Колем, Х.-Д.Геншером, другими деятелями ФРГ. Рассказал о посещении руководства ГКП во главе с Гербертом Мис в Дюссельдорфе. Об их озабоченности обстановкой у нас в стране и партии.

Горбачев выслушал, не задал ни одного вопроса, а заговорил о другом. «Речь идет о кадровых перестановках в руководстве. В частности, — на пенсию: А.А.Громыко, М.С.Соломенцев, П.Н.Демичев, В.И.Долгих, а также А.Ф.Добрынина, да и Капитонова. Настало время, — как бы сочувствуя, произнес он, — они в основном понимают». (Говорил он с ними или нет, я так и не понял).

«Теперь, ты понимаешь, возрастает роль Советов, и я предлагаю тебе пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Сохранить за тобой членство в Политбюро. В.П.Орлова на пенсию, — он болен. А в Совмин вместо тебя рекомендовать А.В.Власова. Как считаешь?».

Что я мог ответить? Если надо, то буду работать.

Сказал он и о других перестановках в Политбюро и Правительстве Союза.

30 сентября 1988 г. состоялся Пленум ЦК.

Рассмотрели вопрос «О предложениях в связи с реорганизацией партийного аппарата в свете решений XIX партийной конференции»

Нет смысла повторять, что все предложения по кадрам были приняты.

Скажу только о том, как решался вопрос о А.А.Громыко.

М.С.Горбачев: «Поступило заявление от А.А.Громыко». Зачитывает его. «Полибюро решило поддержать просьбу Андрея Андреевича». Характеризует его трудовой путь.

Голосование. Единогласно.

Выступление А.А.Громыко: «Конечно, мне грустно, но возраст, — с ним надо считаться. Все мы прошли по ступеням жизни. Кто больше, кто меньше. Трудился, как мог, ощущал плечо друзей. Хотя времена были разные, порою трудные, даже очень. Сейчас другая обстановка. Спасибо Михаилу Сергеевичу за добрые слова, я тронут его словами. Я решительно поддерживаю всё, что делает КПСС, её ЦК для осуществления решений XXVII съезда партии (замечу, — не партконференции). Благодарю всех за совместную работу и доверие».

Состоявшаяся на следующий день, 1 октября, Сессия Верховного Совета СССР освободила А.А.Громыко от работы.

Отправлен на пенсию Андрей Андреевич Громыко, человек — эпоха в советской дипломатии, которой он посвятил 46 лет, из

которых — 28 как министр иностранных дел СССР. По своему характеру, эрудиции, манере поведения, отношению к делу, к людям он заметно выделялся от других. Непререкаемый авторитет среди единомышленников, особенно в делах международных, он пользовался высоким уважением в мире, хотя слыл среди наших зарубежных противников и партнеров, — человеком «нет».

За свою принципиальность, неуступчивость в том, что касалось позиции и авторитета СССР. И в то же время искусному переговорщику, умевшему доказать и убедить собеседника, не прибегая к дипломатическим уловкам, а действуя открыто и принципиально. Его невозможно было сбить с толку двусмысленными заверениями, обещаниями, попытками упростить проблему, а то и уйти от решения обсуждаемого вопроса.

Пост Председателя Верховного Совета СССР, который умело предложил Горбачев Андрею Андреевичу, в обмен на поддержку этого наиболее авторитетного деятеля в Политбюро, для решения своей долгожданной, выношенной мечты, — стать Генеральным секретарем ЦК КПСС, — был воспринят А.А.Громыко, мне кажется, с удовлетворением. В свои 76 лет, когда серьёзно беспокоит здоровье, и нет возможности часто выезжать (вернее, — лететь долгими часами) в другие страны, на различные международные форумы, что необходимо министру иностранных дел; когда достиг высокого авторитета в своей стране, и нет былого интереса к разбору разных, когда серьезных, а порой и незначительных внешнеполитических проблем; все это вместе взятое, да и другие нюансы, за столь долгие годы работы начинает тяготить, — хочется сохранить статус, но уменьшить нагрузку. В этих условиях, предложение Горбачева пришлось, кстати, и А.А.Громыко, хотя и понимал, как и многие из нас, что фигура Горбачева не совсем та, которую желательно видеть во главе КПСС, а, следовательно, и государства, но другой тогда просто не было. И он с удовлетворением идет в Верховный Совет СССР, оставаясь членом Политбюро, высшего, по существу, руководящего органа в стране.

Отдаваясь, в прошлом, без остатка, решению внешнеполитических проблем, защищая умело интересы своей страны и социалистическую идею, А.А.Громыко пользовался поддержкой и уважением со стороны всех бывших лидеров, начиная со Сталина, Хрущева, а затем Брежнева, Андропова и, безусловно, — Черненко.

Хотя вызывает некоторое недоумение, почему Л.И.Брежнев лишь в 1973 г. рекомендовал А.А.Громыко избрать членом Политбюро, видимо были какие то шероховатости в их отношениях. Зато

Ю.В.Андропов, сразу после своего избрания Генсеком, в 1983 г. предложил назначить министра иностранных дел ещё и первым заместителем председателя Совета Министров СССР. Думаю, не спроста, — нужен был мудрый и объективный человек рядом с А.Н.Тихоновым.

На заседаниях Политбюро А.А.Громыко занимал активную позицию, часто выступал по вопросам повестки дня, всегда неторопливо, как бы рассуждая, но четко формулировал свои предложения и замечания. С 1985 г. мы сидели за столом Политбюро рядом, с левой стороны от Генсека: Н.И.Рыжков, А.А.Громыко, В.И.Воротников и далее. Я мог наблюдать, как Андрей Андреевич готовился к выступлениям. Никакого заранее подготовленного текста у него не было. Во время обсуждения того или иного вопроса, он сидел молча, казалось безучастно. Затем брал небольшой чистый листок бумаги, и синим толстым карандашом (как и в МИДе) крупно писал краткие, в 3-4 слова тезисы, столбиком 5-6 строк. Говорил, всегда вставая. Лишь редкие реплики позволял себе высказывать сидя. Иногда мы обменивались несколькими словами по поводу обсуждения, или неточно воспринятой фразы выступающего.

После избрания 1 июля 1985 г. А.А.Громыко председателем Президиума Верховного Совета СССР, и тем более, когда МИД возглавил Э.А.Шеварднадзе, тематика интересов Андрея Андреевича на заседаниях Политбюро явно превалировала в сторону работы Советов. Особенно после посещения им ряда областей России, ознакомления с жизнью провинциальных городов и сел, наибольший крен приобрели социальные проблемы. Но, как и прежде, он активно выступал по вопросам партийного строительства, экономического развития страны. Однако и по важным международным проблемам он непременно высказывал свою позицию.

Пребывание А.А.Громыко в отставке, на пенсии было недолгим. В начале 1989 г. его стали одолевать болезни. Контакт с ним в этот период не было.

3 июля 1989 г. утром, я пришел на совместное заседание Палат ВС. В комнате Политбюро был М.С.Горбачев. Он сказал: “Вчера скончался Андрей Андреевич Громыко. Тебе решено поручить возглавить комиссию по организации похорон. Подготовь предложения по составу комиссии и приступай к делу. Я, к сожалению, не смогу принять участие в похоронах, так как завтра с Яковлевым и Шеварднадзе вылетаем с официальным визитом во Францию, а 6-го на ПКК в Бухарест”.

Я незамедлительно связался по телефону с Н.И.Рыжковым, другими руководителями, и за пару часов сформировали комис-

сию в составе: Председатель — В.И.Воротников, члены — А.П.Бирюкова — заместитель председателя Правительства СССР, Г.П.Разумовский — секретарь ЦК КПСС, М.С.Шкабардня — управляющий Делами СМ СССР, Ю.Прокофьев — секретарь МГК, А.А.Бессмертных — првый зам. министра иностранных дел, В.М.Никифоров — зам. заведующего орготделом ЦК КПСС.

В 18.00 провели заседание комиссии, с приглашением представителей МВД, Минобороны, Моссовета, начальника ЦДСА.

Определили порядок траурных мероприятий и организации похорон. Каждому члену комиссии — ответственность за конкретный участок работы.

На следующий день, в 12.30 с А.П.Бирюковой посетили семью А.А. Громыко на даче. Выразили глубокое соболезнование, рассказали о принятых решениях на комиссии. Лидия Андреевна и другие родственники согласились, что гроб с телом А.А.Громыко будет завтра, 5-го июня, с утра установлен в Большом зале ЦДСА для прощания. Похороны на Новодевичьем кладбище в 16.00 этого же дня. Там будет митинг, и отданы полагающиеся при этом воинские почести. Немного ещё побеседовали с Лидией Дмитриевной, Анатолием Андреевичем, Эмилией Андреевной, и уехали.

Все траурные мероприятия прошли без проблем.

Митинг на Новодевичьем кладбище открыл прощальным словом я, затем выступили Ю.Прокофьев, А.Бессмертных и земляк Андрея Андреевича, — Л.Савельев.

Похоронили А.А.Громыко, выдающегося деятеля своего времени, активного участника крупнейших политических, государственных и военных событий XX-го века. Память о нем сохранится в сердцах многих людей.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ УСТИНОВ

Я познакомился с Д.Ф.Устиновым в конце 1957 г., будучи секретарем парткома авиационного завода № 18 в Куйбышеве.

После успешного запуска спутника Земли на ракете “Р-7” КБ С.П.Королева, в авиационных кругах, в том числе и у нас на заводе, стали говорить о том, что в ЦК и Правительстве решено существенно укрепить производственную базу ракетостроения за счет передачи в эту отрасль ряда авиационных заводов. В частности, авиационный завод № 1 («Прогресс»), на котором будет свернут выпуск самолетов, а ему поручат изготовление трех ступеней носителя этой ракеты. Имеется в виду загрузить ракетной тематикой и ряд других заводов. Это известие подтвердилось, после посещения завода самим С.П.Королевым. Для окончательного решения вопроса организации производства ракеты “Р-7” на заводах Куйбышева, не припомню точно, в октябре или ноябре в город прибыл министр обороны промышленности Дмитрий Федорович Устинов, с большой группой специалистов. В основном они работали на 1-м заводе. Но осмотрели так же моторостроительный завод № 24, а затем Д.Ф.Устинов с К.Н.Рудневым приехали и к нам, на завод № 18. Цель — разместить у нас производство некоторых агрегатов ракеты “Р-7”, или как её стали называть, «семерки». Прошлись по основным цехам, гости посмотрели их загрузку. Затем обстоятельный разговор у директора М.А.Ельшина. Он раскрыл пакет заказов по боевым и пассажирским самолетам КБ А.Н.Туполева, а также беспилотному самолету КБ С.А.Лавочкина, другим заказам Минобороны. И пришел к выводу, что пока завод № 18 не трогать.

Отпустив сопровождающих, был уже поздний вечер, по предложению директора поужинать перед отлетом в Москву, Дмитрий Федорович вместе с К.Н.Рудневым (тогда начальником ракетного Главка Миноборонпрома) остались. Мы расположились в комнатке рядом с кабинетом директора впятером: Устинов, Руднев, Ельшин, Данилов и я. За ужином была раскованная, дружеская обстановка. Много говорили об успехах ракетостроения, перспективе развития отрасли. О встрече с Н.С.Хрущевым, и его восторженных отзывах о ракете, планах на будущее. Руднев вел себя активно, независимо, начал говорить о приоритете развития ракетостроения перед авиацией. Устинов держался просто, без присущего дру-

гим, начальственного тона. Говорил доверительно, как бы рассуждая вслух, и убеждал собеседника. На горячность Руднева реагировал спокойно, улыбался и мягко отводил его доводы.

Вступились в спор и мы, — за свое, родное. Особенно горячился Б.М.Данилов, заявляя, что без опыта авиационной техники, никаких ракет было бы не создать. Разговор, несмотря на важность темы, носил взаимно деликатный, сдержанный характер. К концу встречи, разгоряченные застольем собеседники, от споров перешли к взаимным похвалам. Устинову понравился наш завод, да и весь Куйбышевский узел. Рассказал он о хорошей беседе в обкоме у М.Т. Ефремова. На этой ноте к ночи мы завершили ужин посощком, проводили гостей до самолета, который стоял на заводском аэродроме, и Устинов с товарищами улетели в Москву.

Мы еще немного постояли, обсуждая итоги встречи. Все были удовлетворены тем, что завод не загрузили дополнительно, и знакомством с Д.Ф.Устиновым. Мы много слышали о нем, как ещё Сталинском наркоче, и были приятно поражены его скромностью, профессиональными знаниями, объективной оценкой и т. п. Короче, он произвел хорошее впечатление.

В 1958 г. Д.Ф.Устинов вновь побывал на заводе. Тогда машину ТУ-95 переоборудовали в ракетоноситель. При оформлении сдачи самолета, или по результатам первых испытаний военным экипажем (не помню точно), но возникли проблемы увязки бортового оборудования с самолетными системами. Мы обратились с просьбой в ВПК Совмина СССР, чтобы провести разбор ситуации на месте с участием КБ Туполева, НИИ разработчиков некоторых станций бортового оборудования и ВВС. Вот и прибыла на завод большая группа работников КБ, НИИ, Минавиапрома, представителей заказчика — ВВС, во главе с Д.Ф.Устиновым (он недавно был утвержден заместителем председателя Совмина СССР — председателем ВПК).

Прилетели они уже к вечеру. Коротко прошли по корпусу агрегатных цехов, затем в цех окончательной сборки самолета и в кабинет директора М.А.Ельшина. Главный инженер Б.М.Данилов доложил суть вопроса, и началось обсуждение. Д.Ф.Устинов вел разбор строго, четко, не давал тратить время на эмоции, а репликами уточнял позицию того или иного работника, или прерывал тех, кто уклонялся от сути вопроса.

Обсуждение было непростым, каждая сторона отстаивала свой вариант решения. Дмитрий Федорович слушал внимательно, уточняя детали предложений, иначе добирался до сути. Было уже поздно, к ночи, когда, укрупненно, определилась единая позиция.

Теперь нужно было точно сформулировать согласованное решение, оформить протокол и другие документы для подписи. Сформировали для этого рабочую группу.

Б.М.Данилов тогда сказал: “Хорошо. Давайте поедем отдохнуть, ведь уже 2 часа ночи. Мы с товарищами в 8 утра соберемся и к 10 представим Вам, Дмитрий Федорович, все материалы”. Устинов переспросил: “Вам хватит 2 часа?” “Хватит”, — ответил Данилов. “Отлично, идите в кабинет Главного инженера, работайте, а мы с директором и парторгом пройдем по цехам, посмотрим как идут дела в 3-й смене. В 5.00 ждем вас здесь”. Все только рты раскрыли. Но что делать, разошлись. Все документы Б.М.Данилов доложил в 6 часов утра. Вот такие были темпы в ВПК. Материалы рассмотрели, внесли небольшие поправки и в 8.30 москвичи улетели.

В середине 1964 г., когда Д.Ф.Устинов исполнял обязанности председателя Высшего Совета народного хозяйства страны, я с группой товарищей был приглашен на заседание Совета, на котором обсуждались вопросы выполнения плана 1964 г. Это был период спада активности в деятельности совнархозов. В сознании многих уже зрели планы необходимости изменений в управлении страной. Видимо, понимал это и Д.Ф.Устинов. Обычно он четко и напористо проводил заседания или совещания по конкретным вопросам деятельности промышленности, особенно её оборонных отраслей. На этом же заседании царила атмосфера вольного обсуждения. Докладчика часто перебивали репликами с мест и, более того, с ходу выступали оппоненты. Шум и неразбериха царили в зале. Дмитрий Федорович снисходительно взирал на это, изредка пытался успокоить наиболее активных ораторов. Нам было непривычно лицезреть такую картину в высоком органе исполнительной власти страны. Ни мне, ни моим товарищам из Куйбышева выступить не удалось. Да мы и поняли бесперспективность обсуждать в такой обстановке наши проблемы. Помнится, что никакого решения по существу принято не было, а дано поручение внести этот вопрос на повторное рассмотрение, с учетом высказанных замечаний и предложений.

Совсем иной характер носила следующая встреча с Д.Ф.Устиновым, уже секретарем ЦК КПСС.

Предыстория такова. В 1964 г. на трех заводах СК в г. Волжске Волгоградской области, г. Ефремове, Тульской и у нас в г. Тольятти впервые в промышленном производстве сооружались цеха по выпуску изопренового каучука, по своим характеристикам соответствующего натуральному каучуку. Дело шло тя-

жело, технология «не давалась в руки». Объяснялось это во многом тем, что не было даже опытно-промышленной установки, а в проекте заложили сооружение сразу крупнотоннажного выпуска продукции (первая очередь — 40 тыс. тонн) на основе лишь лабораторных установок. Из Москвы настойчиво требовали заводы, совнархозы, доставалось и обкомам партии, требовали скорейшего выпуска каучука, так нужного шинной промышленности.

Шло время, середина 1965 г., а положительного результата нет. Наши коллеги в Волгограде и Туле доложили в ЦК КПСС, что проект, мол сырой, требует серьёзной доработки и посему работу на заводах надо приостановить.

Мне в обком позвонил В.М.Бушуев — заведующий Отделом химии ЦК, рассказал об этом, и сообщил, что у секретаря ЦК Д.Ф.Устинова назначено совещание. Приглашаются директора трех заводов, секретари обкомов партии, курирующие промышленность, руководство Миннефтехимпрома, проектных институтов и Госплана СССР.

Я известил об этом директора завода СК О.Г.Мурадяна и попросил ещё и ещё раз обсудить ситуацию со специалистами завода, оценить фактическое положение и подготовить предложение для доклада в ЦК. Накануне отъезда в Москву О.Г.Мурадян приехал в обком и доложил, что сейчас процесс освоения находится на решающей стадии, удалось «ухватить ниточку» в технологии, которая вселяет уверенность в успехе. С таким настроением мы и приехали в Москву.

Совещание в ЦК КПСС проходило в кабинете Д.Ф.Устинова, недавно на Пленуме ЦК утвержденным секретарем ЦК КПСС и избранным кандидатом в члены Политбюро ЦК. Ему было поручено курировать оборонные отрасли промышленности (ВПУ) и химию, которой после декабрьского (1963 г.) Пленума ЦК уделялось особое внимание.

В работе совещания участвовали: секретарь Волгоградского обкома партии К.К.Чередниченко, секретарь Тульского обкома О.А.Чуканов, директора Волжского и Ефремовского заводов СК, мы с Мурадяном, министр В.С.Федоров и несколько товарищей из Отдела химии ЦК, Госплана и проектных институтов.

Д.Ф.Устинов, в обычной своей манере, открывая совещание, строго предупредил всех о важности, значимости вопроса, поставленного на обсуждение, и об ответственности за правильное, принципиальное его решение. После довольно сдержанной позитивной оценки состояния дел министром В.С.Федоровым, выразившим

уверенность, что нужно время и производство изопренового каучука будет налажено.

Стали говорить Волгоградские товарищи, за ними Туляки, и в один голос (одни мягче, другие — резче) заявили, что «эксперименты» надо прекратить и поручить доработать проект.

Особо обличительно выступил К.К.Чередниченко. Неодобрительные реплики в адрес министерства подавали и товарищи из Госплана СССР. Обстановка накалялась. В.С.Федоров выглядел хмурым, угнетенным, — дело шло о его личном престиже и ответственности.

Д.Ф.Устинов спросил: «Кто будет говорить от Куйбышева?» Я представил О.Г.Мурадяна — директора завода СК и попросил дать слово ему. В своей обычной манере, спокойно, без заумной химической терминологии, которой грешили его коллеги, Ованес Георгиевич отмел их доводы, кратко изложил состояние с освоением новой продукции на заводе и заявил, что Тольяттинский завод СК выдаст в этом 1965 году изопреновый каучук. Сказал, что это мнение коллектива, оно поддерживается в обкоме партии. Попросил только не торопить завод, и закончил так: «Свои проблемы мы решим сами». Мне оставалось только подтвердить слова директора и обратить внимание некоторых выступающих на некорректность выпадов в адрес министерства и заверить, что Куйбышевский обком партии окажет необходимую поддержку заводу в решении этой важной для страны задачи.

После меня высказались ещё несколько товарищей. В заключение, на удивление спокойно и рассудительно завершил разговор Д.Ф.Устинов. Он не стал критиковать Волгоградцев и Туляков за упаднические настроения, а заявил: «По мнению отдела ЦК, и на основании позиции куйбышевских товарищей, работу следует продолжить, а министерству, — товарищу Федорову, и проектному институту оказать Тольяттинскому заводу СК необходимую помощь. Волжскому и Ефремовскому заводам СК изучить опыт работы Тольяттинского завода. Все. До свиданья». Мы облегченно вздохнули, ожидаемого всеми разноса не было. Это был один из примеров тактики Д.Ф.Устинова.

Совещание завершилось. В.С.Федоров товарищески благодарил нас за поддержку. Через пару дней он приехал на завод и мне пришлось с ним и заводчанами провести в Тольятти не одни сутки. Изопреновый каучук, как и обещали, был освоен в срок, и налажен серийный выпуск продукции как в Тольятти, так затем и на других заводах СК.

В феврале 1971 г. меня, тогда председателя Куйбышевского облисполкома, вызвали в ЦК КПСС. Политбюро ЦК решило осво-

бодить Н.М.Мирошниченко от обязанностей первого секретаря Воронежского обкома партии, и Орготдел ЦК рекомендовал на эту работу меня.

3-го февраля на Секретариате ЦК рассматривался этот вопрос. Вел заседание М.А.Суслов. Сначала освободили с поста Н.М.Мирошниченко, а потом пригласили меня. Я вошел, поздоровался. Обстановка доброжелательная. Секретари ЦК А.П.Кириленко, Д.Ф.Устинов встретили одобряющими репликами, — знаем Воронникова давно, выбор для Воронежа верный. А.П.Кириленко напомнил, что я уроженец этого города. Д.Ф.Устинов стал рассказывать о Куйбышеве, месте Самарских заводов в укреплении обороноспособности страны, в освоении космоса. Подчеркнул мою роль в этом, — работу на авиационном заводе, в обкоме партии, активное участие в организации группы заводов для производства ракеты “Р-7” и вообще космической программы. Потом сказал, что Воронеж в этом отношении сходен с Куйбышевым. Так что мне, мол, там будет легко освоиться. Короче его поддержка моей кандидатуры была весомой. В отличие от Ф.Д.Кулакова, который не вымолвил ни слова. Да и я его видел впервые.

В последующее время встречи с Д.Ф.Устиновым, телефонные разговоры с ним были не частыми, но всегда памятными. С годами наши отношения приобретали все более товарищеский характер.

В июле 1973 г., позвонив из Воронежа Дмитрию Федоровичу, я сказал, что буду в Москве на сессии ВС СССР, и попросил о встрече. Он ответил, что и сам хотел бы обсудить со мной ряд вопросов.

16 июля я пришел к нему в ЦК. Разговор был длинный.

Встретил меня приветливо, поздравил с успехами в сельском хозяйстве, забросал вопросами об урожайности, валовом сборе зерна, обеспеченности кормами животноводства и т. д. Спросил о настроении людей, состоянии снабжения продуктами. Я подробно отвечал. Этот год выдался для нас действительно удачным, область справилась со всеми плановыми показателями, и не только в сельском хозяйстве.

Дмитрий Федорович ещё раз поздравил, и сказал: «А теперь давай поговорим о заводских делах». Конечно, начали разговор с того, как произошла 4-го июня катастрофа с самолетом Ту-144 во время показательного полета на авиасалоне в Париже. Это был первый серийный самолет Воронежского авиационного завода. «Проверка подтвердила, что вины завода нет, — говорил Устинов, — но резонанс на Западе для нас отрицательный. Какова обстановка на заводе?»

Ответил: «Переживаем все, но работа продолжается. Машина очень сложная и трудоемкая. Честно говоря, тяжело заводу, масса конструктивных изменений от Алексея Туполева, а он ещё и конфликтует с Даниловым, винит завод в задержке с отработкой машины. Всего мы выпустили с 1968 года пять машин, с учетом и тех, что пошли на статиспытания. В этом году будет вторая, а в 1974 г. — четыре! Это очень сложно. В 1975—76 гг. по две в год. Такова программа. Будем трудиться». Д.Ф.Устинов согласился, что дело сложное. «В то же время, — подчеркнул я, — загрузка цехов неравномерная. Механические цехи перегружены, а заготовительные, агрегатные, — на простое. Нужно дать заводу что-то несложное, может в агрегатах, для помощи другим. Данилов говорил мне, что проявляет интерес в этом плане Генрих Новожилов — КБ С.В.Ильюшина».

Он оставил мое предложение без ответа. Перешел к другой теме. (Хочу подчеркнуть, что тогда речь о прекращении выпуска Ту-144 вообще не шла. Однако, под нажимом МГА — Б.П.Бугаева, считавшего Ту-144 бесперспективным самолетом для пассажирских перевозок, эта машина в 1975 г. была снята с производства. Всего завод изготовил 8 или 9 самолетов. Они были переданы в ОКБ Туполева и ЛИИ в Жуковском, для использования, как летающие лаборатории. Потом, для этих же целей, несколько машин были в 1966 г. проданы в США. Аналогичный самолет «Конкорд», после доработки, эксплуатировался долгие годы, и лишь в начале 2000-х годов прекратил полеты).

Дмитрий Федорович стал расспрашивать о КБ «Химавтоматика», что Конопатов задерживает поставку двигателей ряду ракетных заводов. Я обещал разобраться. Много говорил о делах в объединении «Электроника» — (это, можно сказать его детище), продукция которого — полупроводниковые приборы и другие изделия нужны многим предприятиям страны. Я знал обстановку, и заверил, что там очень сильный и мобильный коллектив, В.Г.Колесников подобрал хорошие кадры. Да и сейчас, будучи первым заместителем министра, помогает заводам объединения, часто бывает в Воронеже.

Ещё Дмитрий Федорович попросил уделить особое внимание НИИ Петрова. «Они решают очень важную и нужную задачу, связанную с укреплением безопасности страны. Побывай там и помоги, если есть в чем нужда». Я обещал.

Беседа продолжалась около часа. Прощаясь, Дмитрий Федорович ещё раз поздравил с успехами на селе, и спросил: «О Самаре не скучаете?» Я пошутил: «Нет времени для скуки — работы много». Так, улыбаясь, он проводил меня до двери, и я ушел.

Аналогичная встреча с Д.Ф.Устиновым была в декабре этого же 1973 г., в его кабинете на Старой площади.

В Воронеже на авиационном заводе шла подготовка к изготовлению агрегатов машины Ил-76 для Ташкентского завода. Готовилась стапельная оснастка. Побывал на заводе Г.В.Новожилов, потом он с Б.М.Даниловым зашли ко мне в обком партии. Оба заряжены на освоение самолета Ил-86. Г.В.Новожилов пригласил меня побывать в КБ. И вот, в этот раз, будучи в Москве я провел несколько часов у него. Прошли производственные цеха, а затем обстоятельно поговорили в кабинете. Мне машина понравилась, прежде всего, технологической простотой, высокими летными характеристиками, и возможностью серийного производства машины сравнительно долгое время.

После приветствий и информации о делах в Воронежской области, я рассказал Дмитрию Федоровичу о посещении КБ им. С.В.Ильюшина. О большом желании заводчан взяться за изготовление самолета Ил-86.

Устинов с улыбкой слушал меня: «Я знаю об этой идее. Генрих Васильевич мне все уши прожужжал. В принципе я не возражаю, но надо иметь в виду, что это большая пассажирская машина, отношение к качеству, безопасности полетов которой требуется особое. Условимся, что на заводе тщательно проработают этот вопрос с министерством, вам надо переговорить с Дементьевым. Внести согласованные предложения в ЦК и Совмин, особо отработать условия качества, — это главное. Ну, и чтоб не причинить ущерба самолету Ту-144. Думаю, ЦК поддержит».

Я разоткровенничался, сказав, что Новожилов передал на завод Данилову чертежи на стапельную оснастку и некоторые узлы. А тот уже готовит площадку под стапель. «Вы не торопитесь», — отреагировал Устинов. Я рассказал Дмитрию Федоровичу о положении в НИИ Петрова, там работа над изделием идет хорошо, есть реальная надежда на успех.

Он спросил о делах на моторном заводе, на «Электросигнале». Я ответил. Вижу, что он то и дело отвлекается от беседы, — отвечает на телефонные звонки, и, прощаясь, сказал, что иду в Кремль, в 16.00 будет вручение орденов по итогам этого года. В числе группы товарищей Н.В.Подгорный вручит и мне орден Ленина. «Знаю, знаю, — говорит, улыбаясь, Дмитрий Федорович, — и сердечно поздравляю. Готовьте с Даниловым предложения в проект постановления ЦК и СМ по Ил-86».

Деловые встречи с Д.Ф.Устиновым, телефонные разговоры с

ним продолжались в 1974 и 1975 годах. Было принято Постановление ЦК и СМ СССР о производстве на Воронежском авиационном заводе пассажирского самолета ИЛ-62. И уже в 1976 году завод выпустил первые машины для Государственных испытаний и поставке в МГА. А затем приступил к освоению ещё более крупного самолета ИЛ-96. При поддержке Дмитрия Федоровича объединение «Электроника» было награждено орденом «Октябрьской Революции», — за достигнутые успехи в выполнении заданий девятой пятилетки. В КБ «Химавтоматика» освоены новые типы ракетных двигателей и т.д.

Будучи секретарем ЦК Д.Ф.Устинов не менял методов своей работы. Он также трудился с раннего утра до позднего вечера, а то и до ночи. Часто посещал предприятия и конструкторские бюро. Это был сложившийся годами стиль: он проводил у себя совещания, разборы требующих решения сложных вопросов деятельности министерств, ОКБ и НИИ, заводов и строительных организаций, связанных с освоением, организацией производства и испытанием новой оборонной продукции. Постоянно и глубоко, до деталей, вникал в дела освоения космоса, атомную промышленность и т. д. Всегда у его кабинета в ЦК толпились министры, ученые и конструкторы, руководители заводов, партийные деятели. Можно было поражаться эрудиции Дмитрия Федоровича, его терпению и выдержке, когда он дотошно, с пристрастием вникал в, казалось бы, мелочи. Но после разбора получалось, что они, эти мелочи и составляли суть решения той или иной технической или организационной проблемы. Когда требовалось, он был жестким, принципиальным, бескомпромиссным, не лишенным амбиций, а порой и упрямства.

Всегда собранный, целеустремленный, он не допускал пустословия, дилетантства при обсуждении вопросов. В то же время, в общении это был простой, внимательный и доброжелательный собеседник. Люди уважали Д.Ф.Устинова, тянулись к нему.

В середине 1975 г. я был переведен из Воронежа на работу в Москву, — первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР. А Д.Ф.Устинов в апреле 1976 г. назначен Министром обороны СССР. В этот период моей работы в Москве я встречался с ним на заседаниях Политбюро и Пленумах ЦК, на других общесоюзных мероприятиях. Он всегда приветливо здоровался, иногда, походя, спрашивал о делах, самочувствии, — привыканию к Москве. Но серьёзных бесед и двухсторонних встреч не было.

В начале 1979 г. по решению Политбюро, Указом ВС СССР я был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Респуб-

лике Куба. Поручение это было ответственным, а работа совсем новая, непривычная. Положение Кубы, отношение к ней ближайшего соседа — США было до крайности негативным, а порой враждебным. В то же время Куба пользовалась большим авторитетом среди многих развивающихся государств Латинской Америки и Африки. Будучи лидером Движения Неприсоединения, активно помогала им в становлении и защите государственности, подготовке кадров. Например, Анголе и Эфиопии Куба оказывала военную поддержку в национально-освободительной борьбе, а СССР имел там военных советников. Естественно, по многим внутренним и внешнеполитическим вопросам кубинское руководство поддерживало контакты с СССР и другими странами соцсодружества.

Важная роль в этом отводилась советскому посольству в Гаване.

Посол регулярно информировал руководство страны и соответствующие союзные ведомства и структуры об обстановке в стране пребывания, сообщать о предложениях и просьбах Кубинского руководства. Докладывать оценку посольством их внутренней и внешней политики. На Кубе находилась учебная военная часть — бригада, помогавшая дружественной стране в строительстве собственных вооруженных сил.

Короче, возникало немало вопросов, по которым была необходимость контактов с министром обороны Д.Ф.Устиновым и начальником Генштаба Н.В.Огарковым. Помимо спецтелеграмм, разговоров по ВЧ-связи, я регулярно, в каждый приезд в Москву посещал руководство МО.

Прибыв в Москву на Пленум ЦК в ноябре 1979 г., я побывал и в Министерстве обороны, сначала у Н.В. Огаркова, а потом вместе с ним у Д.Ф. Устинова. Разговор в первую очередь шел о ситуации в Анголе.

В сентябре умер Президент А.Нето, ему на смену пришел Э. Душ Сантуш, известный нам и Кубе лидер. Но среди окружения А.Нето были и те, кто имел контакты с США. С периода 1975 г. в Анголе продолжалась вооруженная борьба с группировкой УНИТЫ, возглавляемой Ж.Савимби, поддерживаемая ЮАР. Кубинцы ставили вопрос о выводе своих частей из Анголы, чтобы ангольцы сами разделались с бандами Савимби. Наши советники в Анголе были иного мнения. По предложению руководства Кубы на конец ноября была согласована встреча в Москве делегаций трех стран, для обсуждения этой проблемы. Я изложил позицию посольства, считая, что нужно поддержать Кубу, не ввязываться в тяжелые бои. Наши советники не знают так, как кубинцы условий Африки, и их оценки спонтанны.

Д.Ф.Устинов внимательно слушал меня, задал ряд вопросов. Его обеспокоили мои выводы. Мы подробно оговорили порядок и детали предстоящих консультаций с делегацией Кубы, которую возглавит хорошо мне известный Хорхе Рискет, один из признанных специалистов по делам Африканских стран.

Потом обсудили некоторые проблемы наших военных на Кубе. Кроме того, я не мог не сказать, что кубинцы сожалеют о нашей уступке провокационным высказываниям лидеров США, о якобы наращивании на Кубе советского военного присутствия. И, в этой связи, несмотря на их мнение, поддержанное мной, Москва пошла на изменение статуса военной бригады на военный учебный центр № 12. Дмитрий Федорович стал объяснять, почему это было необходимо политически. Но я остановил его, сказав, что сейчас нам в Гаване более понятен этот шаг.

Затем Дмитрий Федорович отметил, что в Москве одобрительно оценивают складывающиеся хорошие, доверительные отношения Посла с Фиделем и Раулем. Попросил меня передать его небольшую посылку вина «Лыхны» для Рауля, — «он любит это сухое вино». Возвратились ещё к теме предстоящих консультаций, и на этом встреча завершилась.

Ещё две встречи с Д.Ф.Устиновым по вопросам, связанным с Кубой состоялись в сентябре 1980 г. и в мае 1982 г. Во время беседы я информировал его о политической обстановке на Кубе, попытках США спровоцировать политическую эмиграцию. Как эта затея провалилась, когда Ф.Кастро открыл возможность «желающим» покинуть остров, и Флориду заполнили до 120 тысяч деклассированных элементов, и просто преступников. Президент Картер был вынужден пойти на попятную, — заключить соглашение о визовых взаимных поездках Кубинцев в США и на Кубу. Что и было нужно. Рассказал о распространении на Кубе вирусных заболеваний «Денге», явной биологической диверсии.

Сейчас, в 1982 г., политическая обстановка в стране стабильная, хотя экономических проблем ещё немало.

Передал ему приглашение Фиделя и Рауля Кастро посетить Кубу в конце этого или начале будущего года. Зима на Кубе самое благоприятное для нас время. Дмитрий Федорович просил передать его благодарность руководству Кубы за приглашение.

Обстоятельно обсудили работу наших главных военных советников на Кубе. Недавно прошла замена генерал-лейтенанта С.Г.Кривоплясова на генерал-полковника В.Н.Кончица. Я охарактеризовал обоих с самой положительной стороны, кубинское руководство довольно их работой. Расспросил меня и об условиях жизни солдат и

офицеров нашего учебного Центра № 12. «Живут они отлично. Условия хорошие и настроение также. Я часто бываю у них на разных совместных мероприятиях». Спросил о планах моей дальнейшей работы на Кубе. Я рассказал, что тропический климат отрицательно влияет на состояние здоровья, что поставил вопрос перед ЦК о возвращении в Союз. Фидель и Рауль знают о моей просьбе, относятся с пониманием. На этом беседа в мае 1982 г. завершилась.

В середине 1983 г. (после Кубы я почти год работал первым секретарем Краснодарского крайкома партии) Ю.В.Андропов пригласил меня в Москву. Я был назначен председателем Совета Министров РСФСР, и на Пленуме ЦК избран кандидатом в члены Политбюро, а в конце года переведен в члены Политбюро.

Тогда наши встречи с Д.Ф.Устиновым стали регулярными, а отношения истинно товарищескими. Наряду с В.В.Гришиным и А.А.Громыко, он более 18 лет был в составе Политбюро. Мне пришлось всего около полутора лет работать с Дмитрием Федоровичем в этом высоком органе партии.

Он пользовался большим уважением среди коллег, его выступления, реплики на заседаниях Политбюро носили конкретный, доказательный характер. Ещё при Ю.В.Андропове, он выступил с принципиальных позиций, когда обсуждался вопрос об отношениях с ФРГ, после визита в СССР Г.Коля и Х. -Д. Геншера. Поддержал критические замечания Генсека в адрес международного Отдела ЦК и его заведующего Б.Н.Пономарева. Резко выступил в адрес проектировщиков и строителей завода «Атоммаш» в Волгодонске, когда там обнаружился серьезные недостатки.

После кончины Ю.В.Андропова, Д.Ф.Устинов первым поддержал предложение Н.А.Тихонова о рекомендации К.У.Черненко на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Их отношения, на мой взгляд, носили дружеский характер, более того, Д.Ф.Устинов в какой-то мере покровительствовал Константину Устиновичу.

При обсуждении на Политбюро факта, когда летчиками ПВО на Дальнем Востоке был сбит Южно-Корейский самолет, нарушивший границы СССР, и не реагировавший на предупреждения, то Д.Ф.Устинов занял непримиримую позицию: «Самолет сбит правильно, никому не позволено вторгаться на территорию СССР безнаказанно. Сейчас Запад кричит, что это был пассажирский самолет. Но кто знал в момент принятия решения, что это провокация? Военные действовали по приказу, и сбили нарушителя».

В мае 1984 г. К.У.Черненко доложил членам Политбюро в «Ореховой», что В.М.Молотов обратился с письмом в ЦК о восстановлении в партии, и спросил наше мнение. Первым откликнулся

А.А.Громыко, с предложением дать согласие, и обосновал его. Д.Ф.Устинов коротко, но ёмко поддержал предложение Громыко. Этого оказалось достаточно, чтоб мы все согласились с их мнением. Такое решение было затем принято.

Ещё один факт, свидетельствующий об авторитете Д.Ф.Устинова. Именно он, по окончании заседания Политбюро, от имени ВС СССР, в августе 1984 г. вручил К.У.Черненко орден Ленина и третью Золотую звезду, в связи с 73-летием.

О дальнейших событиях следует рассказать подробнее.

1-го сентября 1984 г. на заседании Совета Оборона СССР, Д.Ф.Устинов предложил образовать группы военных округов по направлениям, — так называемые Главкомнаправления, — Западное, Закавказское, Среднеазиатское и другие. Обосновав эту идею необходимостью укрепления безопасности страны. Речь шла и о назначениях. В частности командование Западным направлением, как самым ответственным, он предложил Н.В.Огаркову, освободив его от обязанностей начальника Генерального Штаба ВС.

Это известие меня удивило и насторожило. По сути, Министр предлагал снять с работы своего Первого заместителя.

Маршал Советского Союза Н.В.Огарков выделялся среди многих наших военных эрудицией, образованностью и опытом длительной военной службы. Пришел в Генштаб в 1968 г. первым заместителем с поста командующего округом, затем в 1974 г. был назначен заместителем Министра обороны. Д.Ф.Устинов, вскоре после назначения Министром, выдвинул Н.В.Огаркова на пост Начальника Генштаба ВС. Будучи крупным специалистом в оборонных отраслях промышленности, Дмитрий Федорович, став министром обороны, продолжал уделять много внимания ВПК, и, по мнению многих, поступил правильно выдвинув Н.В.Огаркова, также отлично разбиравшегося в сложностях и перипетиях военного строительства. Такой тандем был весьма удачным. Действительно, все эти годы они работали дружно.

Однако, как стало понятным теперь, последнее время набравший авторитет Н.В.Огарков, вольно или невольно, «бросал тень» на Д.Ф. Устинова, решая самостоятельно некоторые вопросы своей компетенции. Интриганы в МО не могли не воспользоваться такой ситуацией. Тем более, последнее время у Н.В.Огаркова возникало возражение по поводу ряда не совсем удачных действий Министра, имеющих чисто организационно-военный характер. К тому же, в этом году даже могучий организм Дмитрия Федоровича не выдержал нагрузок, он стал частенько прибалкивать. Иногда пропускал по нездоровью и заседания политбюро. Есте-

ственно, министерские проблемы приходилось решать Н.В.Огаркову. Властный, а порой, амбициозный Д.Ф.Устинов не мог смириться с такой ситуацией. И нашел выход.

Вопрос об образовании Главкомнаправлений и кадрах командующих должен был обсуждаться на Политбюро ЦК. Я предварительно говорил по этому вопросу с Н.А.Тихоновым, он обещал содействие.

Перед началом заседания 20 сентября 1984 г. в «Ореховой» Н.А.Тихонов заговорил о Н.В.Огаркове: «Может быть, не трогать его из Генштаба?» Высказались в поддержку и мы с Горбачевым. К.У.Черненко вопросительно смотрел на Д.Ф.Устинова. Тот сказал: «Нет, в Генштабе надо оздоровить обстановку. Потом, ведь Огаркову доверено большое дело — Западное направление. Там нужен именно такой опытный, эрудированный военачальник». Вопрос был предрешен. На заседании Политбюро ЦК одобрило предложения Министра обороны СССР.

Я позвонил Н.В.Огаркову, сказал о принятом решении. Он: «Да, уже поздно. Поезд ушел. Завтра отбываю к месту новой службы».

Начальником Генштаба ВС был назначен С.Ф. Ахромеев, Первый заместитель Н.В.Огаркова, человек достойный, хорошо известный в военных кругах.

Дальнейшие события развивались так.

20 декабря 1984 г., перед заседанием Политбюро, в «Ореховой», К.У.Черненко информировал нас: «Д.Ф.Устинов, вот уже несколько дней находится в больнице. Состояние его тяжелое. Наступило резкое ухудшение». Все посочувствовали — надо надеяться.

Я не знал, — что с ним. Говорили, — была операция. Что-то с желудком. Рак? Неизвестно. Вообще, тогда был установлен такой порядок, что состояние здоровья руководителей страны, — тайна за семью печатями.

21-го числа, рано утром я вылетел с делегацией в Туркмению на торжества, посвященные 60-летию республики. Сразу из аэропорта Ашхабада поехали по районам республики. Возвратился в середине дня. Мне сказали, что звонили по ВЧ из ЦК. Я связался с Е.К.Лигачевым, он сообщил, что вечером 20 декабря Д.Ф.Устинов скончался. Похороны назначены на 23-е декабря. Возвращайтесь в Москву. Завершив официальные мероприятия в Ашхабаде, я утром 23-го прибыл в Москву. Принял участие в прощании и похоронах Д.Ф.Устинова у Кремлевской стены.

В мое отсутствие Политбюро решило рекомендовать Верховному Совету СССР назначить министром обороны С.Л.Соколова.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БАЙБАКОВ

Во второй половине ноября 1979 г. я, уже будучи Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Республике Куба, прилетел из Гаваны в Москву на Пленум ЦК и в кратковременный отпуск. В первую очередь 22-го числа я посетил в Госплане СССР Н.К.Байбакова. Дело в том, что в конце декабря в Гаване предстояло заседание межгосударственных комиссий Кубы и СССР по обсуждению плана экономического сотрудничества между нашими странами на пятилетку, — 1981—85 гг. Советскую делегацию на это заседание возглавлял Н.К.Байбаков.

Состоялась обстоятельная беседа. Я рассказал об экономической ситуации на Кубе. Информировал Николая Константиновича о том, что кубинцы могут затронуть и некоторые вопросы уже согласованного плана сотрудничества на 1980 г., а также, помимо проекта плана на предстоящее пятилетие, намерены условиться и о разработке долговременной программы. Он высказал пожелание, чтобы мы вылетели в Гавану вместе и до заседания комиссий смогли бы посетить основные объекты, строящиеся при нашем содействии. Я ответил, что это вполне возможно устроить. Договорились, что накануне отлета, намеченного на 19-е декабря, еще зайду к нему в Госплан.

И 17-го декабря, — вновь у Н.К.Байбакова. Обсудили предложенную кубинской стороной Программу пребывания, уточнили некоторые детали. А потом разговор пошел о делах в стране, об экономической ситуации в ряде отраслей народного хозяйства.

Я спросил Николая Константиновича о А.Н.Косыгине: «На Кубе ходят разные домыслы о его здоровье». Байбаков сказал: «Ты же знаешь, у Алексея Николаевича в октябре был обширный инфаркт, сейчас уже ходит, но состояние неважное. Нужно время, чтобы выйти из болезни. А сколько? Кто знает». Посетовал, как сейчас не хватает его в правительстве: «Ясно, что теперь не удастся провести в жизнь задумку Алексея Николаевича реанимировать, хотя бы частично, экономическую реформу. Прошел год, как комиссия Владимира Николаевича Новикова доложила предложения на Президиуме Совмина СССР. Мы работали вместе над проектом. Внесли в проект ряд поправок по замечаниям и разослали на согласование. Но материал застрял, до сих пор волынится в кабинетах.

Знаешь, сейчас мы чрезвычайно перегружены работой, Госплан стал «Центр-пробкой», собственно экономика отодвигается

на второй план, идут бесконечные частные поручения, заедают текущие оперативные дела. Дальше невозможно держать и сохранять такую сверхцентрализованную систему управления. Надо разгрузить Центр, передать ряд функций в отрасли, в союзные республики, в области и на предприятия. Тем самым расширить их права и поднять ответственность».

Я поддержал его высказывания. Знал, что и на местах зреет возмущение по поводу чрезмерной централизации и отсутствии должных прав на местах. Такая бюрократическая система давно уже стала тормозом развития экономики.

Байбаков спросил, удалось ли мне встретиться с Леонидом Ильичем. Я ответил, что утром был в ЦК, условились с его приемной, что в 18.00 я должен подойти, возможно, Л.И.Брежнев меня примет. Н.К.Байбаков: «Это хорошо, надо его информировать о Кубе, и добавил, Леонид Ильич сейчас мало работает, нездоров. Если надо, то с трудом, только через К.У.Черненко удастся поговорить с генсеком. Ну, ладно, мы уже 40 минут ведем с тобой беседу. У меня уйма дел. В самолете будет масса времени, там обо всем поговорим. Так что, до встречи, — послезавтра». Попрощались, и я ушел.

19-го в 8.00 утра из аэропорта «Шереметьево» мы с Ниной Федоровной вылетели в Гавану вместе с советской делегацией, во главе с Н.К.Байбаковым. Он взял свою внучку любимицу, 15-летнюю Машу. В составе делегации несколько ответственных работников Совмина и Госплана СССР и председатель Госплана Молдавской ССР И.Г.Устиян. Впечатлительный Николай Константинович, побывав в Молдавии, теперь усиленно пропагандирует опыт республики в управлении сельским хозяйством: «Устиян молодой ещё человек, по южному эмоциональный и непосредственный. Село знает хорошо, работает активно, с интересом. Вот я и взял его на Кубу передавать молдавский опыт!»

Народу в самолете не так много. В салоне первого класса только наша группа 12 человек. Николай Константинович в настроении, доволен, что отвлечется на неделю от московских забот. Впереди встречи с Ф.Кастро, возможность отдохнуть пару дней на море: «Покажу Маше Варадеро».

Думаю, нет нужды говорить о том, насколько мне было интересно и полезно провести эти несколько часов полета с Н.К.Байбаковым. Человеком легендарной судьбы, энциклопедических знаний и выдающихся личных качеств.

Став наркомом нефтяной промышленности СССР, еще совсем молодым человеком во времена И.В.Сталина, он с тех давних военных времен многие годы возглавлял эту отрасль. Вся история развития

нефтяной и газовой промышленности страны: открытие, разработка и освоение новых месторождений так или иначе связаны с его именем.

Именно Н.К.Байбаков, будучи с 1953 г. председателем Госплана СССР, в хрущевские времена возвысил голос против непродуманных, скоропалительных мер по реорганизации народного хозяйства по территориальному признаку, за что был выслан из Москвы. Н.С.Хрущев решил направить его в провинцию, «пусть познает жизнь», и назначил председателем Краснодарского Совнархоза, туда, где он собственно начинал свою деятельность в нефтяной отрасли. Николай Константинович активно включился в работу. В его бытность на Кубани были решены многие проблемы: реконструирован и построен ряд сахарных заводов, выросли темпы строительства жилья, не обошел он вниманием и свое любимое детище — нефтяную промышленность края. Кубанцы с сожалением расставались с Николаем Константиновичем, когда его перевели в 1962 г. на работу председателем укрупненного Северо-Кавказского СНХ в Ростов-на-Дону.

Но уже в 1963 году сам Хрущев вернет его в Москву и поручит возглавить Госкомитет СССР по химии и нефтедобывающей промышленности. А в 1965 году Н.К.Байбаков был вновь назначен председателем Госплана СССР, заместителем председателя Совета Министров СССР. (Вплоть до 1985 г. он занимал этот трудный и ответственный пост).

Я был давно знаком с Николаем Константиновичем и испытывал к нему чувства уважения и привязанности еще с куйбышевских времен. Именно там в 1938 г. Н.К.Байбаков возглавил вновь организованное объединение «Востокнефтедобыча», куда входили нефтяные тресты Башкирии, Куйбышева, Перми и Оренбурга. Он гордился своей причастностью к нефтяникам «второго Баку», часто бывал в Башкирии, Татарии, Куйбышеве. И на этих встречах, на совещаниях, в поездках, беседах установились наши товарищеские отношения. Они еще более окрепли в период моей работы в Москве в Правительстве РСФСР.

По долгу службы и зову сердца я часто встречался с Николаем Константиновичем. Мы обсуждали не только деловые вопросы, но часто вели беседы на отвлеченные темы — о жизни и людях. Н.К.Байбаков обладает феноменальной памятью, круг его интересов необычайно широк, а кладезь знаний настолько обширна, что каждая встреча с ним обогащала и была поучительной. Понятно, почему к нему тянулись разные люди. Человек скромный, контактный, обаятельный в общении, как говорят, компанейский, он всегда желаемый собеседник.

На Кубе Н.К.Байбаков уже не первый раз. Он буквально обворожил Фиделя Кастро, который по достоинству оценил его как специалиста и симпатизировал ему как человеку.

Поначалу в самолете был общий разговор, обмен впечатлениями кто, когда был на Кубе. Что там запомнилось и т.п. Потом стюардесса стала раздавать завтрак. Н.К.Байбаков оживился: «А не принять ли нам по 50 грамм коньячку?» Я спросил: «Как, с утра?» «А, что? Хорошее дело надо начинать с утра», — отшутился он.

А потом началась беседа. Наговорились мы с ним за дорогу всласть. Перебирали разные темы: от нефтедобычи до космоса; от Совмина до Моссовета; о предстоящих непростых переговорах в Гаване и обстановке в странах Латинской Америки.

Я рассказал Н.К.Байбакову о встрече с Л.И.Брежневым 17-го вечером, после нашей беседы в Госплане. Сначала он хотел перенести встречу на другой день, мол, мало времени для разговора. Но я сказал, что не задержу, а завтра может и не удастся встретиться. Леонид Ильич согласился. Впечатление — очень больной человек. Сохранил прежнее внимание, старается вникнуть в суть моей информации, но физически немощен. Делового разговора не получилось. И я стал прощаться. Он: «Спасибо за информацию. Отзывы о твоей работе хорошие. Так держать». Встал, проводил до двери.

После моего рассказа об этой встрече мы долго молчали. Николай Константинович раздумчиво сказал, что не тот уже стал Л.И.Брежнев. Здорово сдал за последние годы. Вспомнил о встречах с ним в 60-е, начале 70-х годов: активный, работоспособный, отзывчивый на все новое, по-человечески участливый. «Сейчас он какой-то заторможенный, замкнутый. Или окружение «замкнуло» его? Е.И.Чазов постоянно в Кремле. Особенно оберегает его здоровье К.У.Черненко, имеющий сейчас большое влияние на Леонида Ильича. Без его поддержки не получишь аудиенции у Брежнева. Заседания Политбюро Генсек проводит редко, коротко, по бумажке. А ведь началось это с ним давно, по-моему, еще в 1974 году. Ты помнишь, как отмечали 70-летие Леонида Ильича в Георгиевском зале Кремля? Сколько народа пригласили, как все было широко устроено. Он пытался говорить, шутить, но видно было, что болен человек. Хотя некоторые министры-ветераны грешили, перехваливая генсека». Я ответил, что за нашим столом, где собрались П.В.Дементьев, С.А.Зверев, С.А.Афанасьев, В.В.Бахирев, другие оборонщики не прислушивались к тому, что делается за основным столом. Мы в разговорах и тостах в тот вечер замечательно, дружно провели время.

Поговорив еще о прошлом, пришли к выводу, что в руководстве партии и страны налицо стагнация кадров. Часто болеет и работает несколько часов в день М.А.Суслов, явно неадекватен А.П.Кириленко. И вновь Николай Константинович: «Так не хватает А.Н.Косыгина! Понимаешь, никакой свежей идеи не пробьешь! На заседаниях Президиума Н.А.Тихонов развел «демократию»; говорят все, кому не лень. А дела в стране осложняются. Много валюты тратим на закупку продовольствия. Никто не против помощи сельскому хозяйству, подъема Нечерноземья, мелиорации и т.д. Но тратим уйму денег, а отдачи должной нет».

Я попытался переубедить его, говорил, что он не прав. Селу надо не помогать, а давать то, что требует биология полной мерой тогда и будет отдача. Там, где стали на этот путь: в птицеводстве, свиноводстве получаем и результаты. Он перебил меня: «Не согласен. Нужна и разумная система управления, порядок, ответственность».

Я вновь попытался возразить. Но Н.К.Байбаков обиделся и замолчал. Эту тему мы закрыли. Потом перешли к его любимым вопросам — использованию природных ресурсов нефти, газа. Он справедливо говорил, что нельзя варварски выкачивать из земли эти богатства. «Продаем сырую нефть, природный газ. Это неразумно, надо обустраивать месторождения, вести глубокую переработку нефти, газа. Экспортировать более ценные нефтепродукты. Но нет денег на строительство перерабатывающих мощностей. Да и прирост запасов сокращается, это недопустимо. Надо расширять поисковые работы, разведку и освоение новых месторождений. Не хватает буровых установок, другой техники. Опять вопрос в средствах». Я подчеркнул, что топливо, энергетика, самые острые проблемы на Кубе. И большие разговоры предстоят, помимо сахара, и на эту тему.

Так, переходя от темы к теме, то умолкая и подремывая, то возобновляя беседу, мы с Николаем Константиновичем Байбаковым коротали время в небе над Атлантическим океаном...

В Гаване нас встретили: заместитель председателя Совмина Кубы Карлос-Р. Родригес и другие товарищи. Разместили Н.К.Байбакова в особняке в правительственном районе «Логито». В тот же день вечером Ф.Кастро устроил прием во Дворце Революции в честь Н.К.Байбакова.

Еще в середине августа, когда я посетил Ф.Кастро, в связи с его днем рождения, и передал присланный Л.И.Брежневым подарок, он спрашивал о здоровье Леонида Ильича, вспоминал свои встречи с А.Н.Косыгиным, а также сказал немало восторженных слов о

Н.К.Байбакове, восхищаясь его осведомленностью в экономике, феноменальной памятью и добрыми человеческими качествами. Говорил, что с нетерпением ожидает его визита на Кубу.

Естественно, сейчас он встретил Николая Константиновича радушно, дружески. За ужином Фидель буквально засыпал гостя вопросами. О чем только не спрашивал: и об этапах развития народного хозяйства СССР в довоенный период; и о том, как было организовано в войну беспрецедентное перемещение в кратчайшие сроки большого числа промышленных предприятий на Восток; и об особенностях работы различных отраслей промышленности в военные годы; и о том, как осуществлялось восстановление народного хозяйства после войны. Интересовала его и работа Н.К.Байбакова на разных постах при Сталине и Хрущеве, их методы руководства страной.

Николай Константинович отвечал подробно, но, о чем бы ни говорил, все время возвращался к своему основному призванию — нефтедобыче. Фидель с интересом слушал, уточняя неясные детали. Потом речь пошла о сегодняшних проблемах. Фидель подробно расспрашивал об угольных месторождениях Экибастуза, о Канско-Ачинском бассейне. Уточнял теплотворную способность и зольные характеристики этих углей. Как ведется их добыча открытым способом? Спрашивал о принципах работы 100-кубовых шагающих экскаваторах: кто их разработал, где их делают, как доставляют в карьеры и т.п. Подробно интересовался БАМом: цель дороги, трасса, методы строительства, освоение прилегающей к БАМу территории. Потом речь пошла о делах в сельском хозяйстве. Помимо общей информации Н.К.Байбаков и И.Г.Устиян рассказали о молдавском опыте выращивания фруктов, о новых формах организации и управления хозяйствами и т.д. Обсудили в заключение программу пребывания делегации на Кубе. В общем, продолжавшаяся более трех часов встреча пролетела незаметно.

20 декабря. Состоялась долгая и, честно говоря, достаточно нудная беседа у председателя Хусеплана Умберто Переса. В ней принимали участие, кроме Н.К.Байбакова, и члены его делегации.

У.Перес выразил признательность за встречу. Затем перешел к сути. Долго говорил о проблемах в экономике Кубы, и, конечно, поднял вопросы о недостатках в сотрудничестве с СССР.

Главная тема на этой встрече — сахар. У.Перес заявил, что Куба не может обеспечить в 1980 г. и в последующие годы пятилетки достигнутый уровень поставок сахара-сырца и одновременно просит повысить закупочные цены.

Мы доказывали, что Куба имеет ресурсы сахара, но, снижая

поставки в Союз, одновременно намечает рост продажи на международном рынке. У.Перес объяснил это потребностью страны в инвалюте. Возникла острая перепалка. Н.К.Байбаков вынужден был вмешаться в затянувшийся спор и перевел разговор на основные вопросы проекта плана предстоящего пятилетия. В итоге поручили комиссиям по межгосударственному сотрудничеству подготовить предложения с учетом высказанных замечаний.

21 декабря. Обстоятельное обсуждение конкретных вопросов советско-кубинского сотрудничества у К.-Р.Родригеса. Участвовали все, кто был на встрече в Хусеплане. Разговор был весьма компетентный. Карлос обратился с рядом просьб, несогласованных в проекте плана. О дополнительной поставке оборудования, материалов и нефти. О поставке энергоблоков по 200 тыс. квт на ТЭС. О реконструкции 2-й очереди НПЗ. Об использовании свободной рабочей силы Кубы в Советском Союзе. О финансовой помощи — кредите.

Со своей стороны Н.К.Байбаков потребовал назвать окончательные цифры поставок сахара и никеля, заявив, что мы не получили положительного ответа у У.Переса. «Поставленные же вами вопросы рассмотрим, но решать будем так, чтобы был позитивный результат от нашей помощи».

В этот день отправились в поездку по стране. В провинции Матансас побывали на плантациях цитрусовых. Назавтра всю первую половину дня провели в Сьенфуэгосе на строительстве АЭС и нового НПЗ, где уже разворачивались работы.

А потом, по приглашению Фиделя полетели на вертолете на небольшой островок в океане, на базу отдыха. Вечером прибыл Фидель. Прошлись по острову, осмотрели помещения. Несколько простых одноэтажных домиков, некоторые из них выполнены в традиционном стиле под индейские хижины. Внутри обстановка скромная, нет лишней мебели. Чисто, уютно, тихо. Приглушенный шум моря дополняет эту приятную атмосферу. За ужином общая беседа об истории Кубы, обстановке в странах Латинской Америки. О многолетней экономической блокаде страны со стороны США. Вспомнил Кастро и нашу уступку американцам, когда они подняли шум по поводу присутствия на Кубе советской военной бригады.

23 декабря утром отправились на яхте в море на рыбалку. Все, кроме Фиделя, ловили с борта рыбу, аквалангисты лангустов. Улов был хороший. Пытались увлечь рыбалкой и меня, но море так укачало, что я едва дотерпел до берега.

Высадились на острове у небольшого примитивного причала.

Здесь же на деревянных мостках Фидель с поваром стали разделывать только что пойманных лангустов, отбивать (по типу нашей сибирской расколотки), сдабривать их какими-то пряностями, лимоном и предложили попробовать. Мы сначала с опаской стали дегустировать сырые лангусты. Оказалось — это весьма вкусное, нежное, буквально тающее во рту яство.

В 15.00 обед вчетвером на плавучем баре и продолжительная беседа. Речь шла о рациональном использовании в Советском Союзе, имеющейся на Кубе свободной рабочей силы, к примеру, на лесоразработках. Затем он рассказал о положении в сельском хозяйстве.

Главное внимание в беседе было уделено плану сотрудничества на пятилетку. Ф.Кастро сказал: «Я прочел материалы, все 143 страницы. Согласен с вашими доводами. Ваши советы важны, мы благодарны за это. Одновременно просим прислушаться и к нашим просьбам. Мы молодое социалистическое государство. У нас нет опыта управления, довлеют латиноамериканские традиции — маньяна, маньяна (смысл — «отложить дело на завтра»). Естественно, допускаем ошибки. Вы должны помочь нам. Сейчас наша задача повысить организованность в работе, активность, дать приоритет компетентным кадрам во всех сферах. ЦК КП Кубы готовит сейчас конкретную программу действий в этом направлении. Что касается отношений с СССР, то мы накрепко, навсегда связаны с Советским Союзом».

В заключение Фидель обстоятельно изложил внешнюю обстановку вокруг Кубы и политическую ситуацию в ряде стран Латинской Америки.

Вот таким был более чем четырехчасовой разговор за обедом и после него. Фидель впервые предстал перед нами не в своей обычной полувоенной робе, а в белой, скромно вышитой гуайявере. Он держался свободно, раскованно, говорил эмоционально, образно, жестами подтверждая сказанное. Мы больше помалкивали, лишь изредка Н.К.Байбаков репликами поддерживал ту или иную мысль Фиделя.

В этот же вечер он улетел в Гавану. А мы с Николаем Константиновичем еще долго сидели, осмысливая встречу, восхищаясь эрудицией кубинского лидера. Эта беседа надолго запала в памяти. Такой прием, на острове, Фидель оказывал только очень близким людям, пользующимся его полным доверием. В мою бытность, здесь побывал только Н.К.Байбаков. Фидель явно благоволил к нему.

Два следующих дня провели в поездке. Рассматривали ход работ

на реконструкции ТЭС «Ренте» и строительстве крупного текстильного комбината в Сантьяго де Куба. Особенно придиричиво разбирался Николай Константинович с делами по реконструкции никелевого завода в Моа и на строительстве нового никелевого комбината в Пунта Горда. Побывали в Ольгине на заводе, выпускающем тростниково-уборочные комбайны. Затем в Камагуей, — на сахарный завод. Оттуда на пару дней Н.К.Байбаков уехал в Варадеро.

26 декабря. Во второй половине дня я приехал к Н.К.Байбакову. Он наслаждался отдыхом на море в этом благословенном месте. Немного поговорили о прелестях Варадеро, а потом состоялся обмен мнениями перед заключительной встречей с Ф.Кастро. Общее впечатление от увиденного и услышанного у Николая Константиновича положительное. Он все время возвращался к беседам с Фиделем, подчеркивая его широкую эрудицию и неуёмную любознательность. Я высказал сочувствие Байбакову: он выдержал «артобстрел» и произвел на Фиделя хорошее впечатление своей компетентностью. Н.К.Байбаков был несколько озадачен большим количеством дополнительных просьб со стороны кубинцев, а также их желанием повысить преференциальные цены на сахар: «Это для нас чрезвычайно обременительно. Мы намерены даже снизить цены. У нас нет никаких резервов. Как объяснить это Фиделю?» Говорили мы с Николаем Константиновичем и по другим вопросам предстоящей встречи. Короче, этим проблемам был посвящен вечер и утро следующего дня.

27 декабря днем я уехал в Гавану.

В этот вечер в посольство пришло срочное сообщение из Москвы о вводе наших войск в Афганистан. Мне было поручено: немедленно информировать Ф. Кастро. Состоялась встреча с Фиделем. Его реакция на эту акцию была нервной, эмоциональной. Фидель был огорчен и возмущен не столько самим фактом ввода войск, а тем как произошла смена власти в ДРА, к чему не было подготовлено общественное мнение. Беспокоили его и санкции, другие ответные действия США и Запада, которые, безусловно, будут приняты по отношению к СССР и другим странам соцсодружества.

28 декабря. Утром я заехал в резиденцию Н.К.Байбакова. Рассказал ему о вводе войск в Афганистан и реакции Ф.Кастро на это. Оба посетовали, что не удалось решить афганскую проблему мирно, втянулись в противоборство. Во что выльется этот конфликт?

Днем у меня в резиденции прошел заранее запланированный завтрак в честь Н.К.Байбакова, а в 16.00 мы уже были у Ф.Кастро во Дворце Революции. Заключительная беседа.

Ф.Кастро поинтересовался у Н.К.Байбакова его впечатлениями, как тот оценивает итоги поездки. Николай Константинович сказал, что «удовлетворен результатами переговоров, у делегации хорошие впечатления от увиденного в провинциях Сантьяго де Куба, Камагуей, Матансас, Ольгин, на острове Пинос. Налицо неоспоримые успехи Кубы в области экономики и, особенно, в воспитании людей.

Поражают масштабы роста производства цитрусовых. Интенсивно развивается машиностроение. Приобретается опыт сотрудничества с третьими странами. Идет активное сооружение рудных предприятий.

Никелесодержащая руда богата и кобальтом, нужно усовершенствовать технологию извлечения этого ценного металла. Стройки в Пунта Горда и Моа набирают силу, есть трудности, наша задача наращивать совместно темпы строительства.

Что касается показателей плана на пятилетие, то большинство спорных вопросов мы согласовали. Один вопрос хотел бы выделить. Речь идет о сахаре. Нам нужно больше сахара. Урожай сахарной свеклы в Союзе нынче плохой. Были годы, когда Куба поставляла 3,5—3,8 млн тонн. Сейчас предлагается 2,5 млн. Это мало. И о цене — предлагается сохранить 500 руб. за тонну, не повышать».

Здесь Фидель, внимательно слушавший Байбакова, резко перебил его. «Вы хотите привести нас к краху! Ведь растут цены на все другие товары: нефть, лес, технику, оборудование. Мы не можем сохранить цены на сахар! Это основная статья национального бюджета! Мы не можем с этим согласиться. Что касается объемов поставки сахара, то будем определять по конкретному году».

Н.К.Байбаков развел руками: «Давайте искать резервы вместе. Что касается координации плана, мы сделали максимум возможного».

Ф.Кастро в заключение встречи отметил: «Во-первых, мы полностью поддерживаем предложенную генеральную схему сотрудничества до 1990 года. Во-вторых, о пятилетке. Просим положительно решить вопрос о дополнительной поставке некоторых товаров, в частности, зерна и металла. В строительстве не согласован еще ряд важных для нас строек. Просил бы вас не забыть наше предложение об использовании в СССР кубинских рабочих. И, наконец, о кредитах. Есть наше письмо от февраля 1979 года, на него пока нет положительного ответа. Что касается окончательной отработки проекта плана, то мы согласны провести такую координацию в Москве в апреле-мае 1980 года. (Она и состоялась, даже раньше, в марте). И особо подчеркнул — наша опора и поддержка только Советский

Союз. Куба живет в условиях экономической блокады, лишена традиционных торговых связей, запасы товаров минимальные. Но и в этих условиях народ преодолевает трудности, верит в революцию, укрепляет и совершенствует экономику».

В 21.00 Ф.Кастро дал прием в «Ранчито» в честь Н.К.Байбакова.

«Ранчито», — как говорят кубинцы, — это небольшой зеленый уголок в тихом районе Гаваны, где создана атмосфера туземного поселения: среди пальм и других тропических растений стоят несколько навесов, построек и хижин из бамбука, покрытых пальмовыми листьями. Здесь же на воздухе готовится пища.. Стоят простые деревянные столы, скамьи или стулья. Подается так называемая «креольская» пища, — приготовленное на жаровнях мясо, черные бобы в соусе, рис, корнеплоды, овощи и фрукты. Сервировка тоже упрощенная. Обстановка простая, непринужденная, без протокола.

Фидель любит это место, но приглашает сюда лишь именитых гостей. В мое время здесь побывали Н.К.Байбаков, А.А.Громыко и К.У.Черненко. На ужине кроме Фиделя Кастро и Н.К.Байбакова были Рауль Кастро, К.-Р.Родригес, другие члены Политбюро ЦК, члены делегации и некоторые товарищи из посольства СССР.

На первых порах обстановка была несколько скованной. Видимо, Фидель все еще находился под впечатлением случившегося в Афганистане, стране — активном члене Движения Неприсоединения. Включился в беседу Рауль, шуткой отвлек Фиделя. Все немного оживились. Стали вспоминать отдельные моменты переговоров, говорить о впечатлениях от поездок по стране. Потом Фидель объяснял особенности креольской кухни. Ему иногда помогал Рауль, подавали реплики и мы с Родригесом. Остальные больше молчали. Н.К.Байбаков стал хвалить цикорий, представив его более полезным заменителем кофе. Фидель заинтересовался, расспрашивал о внешнем виде цикория, как он растет, в каком виде применяется. Николай Константинович пояснил, а потом сказал, что пришлет Фиделю несколько банок. (Действительно прислал, но должного впечатления на Фиделя цикорий не произвел).

Поздно вечером мы попрощались. Байбаков сердечно благодарил Фиделя за оказанное внимание и радушное гостеприимство. Ф.Кастро тоже благодарил за визит и за высказанные советы. Просил передать привет Л.Брежневу и А.Косыгину. В ночь делегация вылетела в Москву.

В 1982 г. Н.К.Байбаков ещё раз побывал на Кубе.

26 января, в Гаване во Дворце Конгрессов открылось заседание Комитета СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельнос-

ти. Присутствовали председатели Госпланов: Болгарии, ГДР, Вьетнама, Венгрии, Чехословакии, СССР, Монголии, заместитель из Румынии, наблюдатели из СФРЮ и НДРГ. От Кубы: Карлос-Р. Родригес. Османи Сьенфуэгос, Лионель Сото, У. Перес.

Открыл заседание Н.К. Байбаков.

Вступительная речь Карлоса-Р. Родригеса.

Затем пошла обычная, заседательская работа: выступления, вопросы, принятие решений. Различные встречи, поездки и т. п.

В последующие дни Н.К. Байбаков отсутствовал на заседаниях, а по своему обычаю, посетил ряд объектов сотрудничества в нескольких провинциях Кубы. Провел совещание с геологами — нефтяниками, представляющими на Кубе Мингео и Газпром. Разговор шел о перспективе разведки и добычи нефти и газа на Кубе.

29 января. Заключительное заседание. Подписание участниками встречи Протокола и Коммюнике Планового Комитета стран СЭВ.

В 20.00 . Дворец Революции. Прием для делегаций, участвовавших в заседании. Были: Фидель Кастро, К.-Р. Родригес, другие официальные лица, а также послы соцстран.

Пять дней Н.К. Байбаков с супругой Клавдией Андреевной провели в Варадеро на отдыхе.

5 февраля. По рекомендации Ф. Кастро, вместе с Н.К. Байбаковым мы посетили лабораторию микробиологов по производству из лейкоцитов крови хромотронов (антивирусный препарат). Фидель давал объяснения о сути технологии и значимости этой лаборатории. Дотошный Байбаков стал задавать вопросы. Беседа затянулась.

Вечером ужин, организованный Фиделем Кастро в честь Байбакова в «Ранчито», с участием членов советской делегации и членов Политбюро ЦК КП Кубы. Через полтора часа ужин завершился. Мы простились с товарищами, и в сопровождении Ф. Кастро поехали в резиденцию Н.К. Байбакова.

Там состоялся обстоятельный разговор. Опять главный вопрос — цены на сахар. Фидель заявил: «Преференция — это хорошо, но снизили базу! У нас дебаланс торговли. За пятилетку продадим 20 млн тонн и будет 3-х млрд долговой кредит. Это не выход. Надо реально поднять цену».

Н.К. Байбаков спокойно отвел доводы Ф. Кастро, объяснил наши трудности, экономическую ситуацию в стране. Не уступил.

6 февраля 1982 г. Н.К. Байбаков вылетел в Москву.

Теперь следует возвратиться на много лет назад, чтобы был полнее раскрыт облик и дела этого легендарного человека — Николая Константиновича Байбакова.

В России, да и на всей территории бывшего Советского Союза, вряд ли найдется человек, хотя бы слегка коснувшийся нефтегазовой отрасли, который усомнился бы в том, что главным генератором идей разведки месторождений нефти и газа, организации освоения их, обустройства и эксплуатации промыслов, переработки и транспорта нефтепродуктов и, вообще, развития этих отраслей до самого высокого в мире уровня, является он, — Николай Константинович Байбаков, — Главный нефтяник страны. Вся его жизнь без остатка до сего времени отдана любимому делу, независимо от того, какие должности он занимал, какие другие большие и малые проблемы он решал.

Нет ни одного района нашей необъятной Родины, где недра земли дают людям нефть и газ, которые не были бы связаны с именем Н.К.Байбакова. И то единственное пока благополучие в экономике нынешней России — добыча и реализация на экспорт нефти и газа — заслуга советских геологов, буровиков, строителей, нефтяников и газовиков, возглавляемых Байбаковым. Памятник ему за это положен по праву при жизни. И сейчас в свои 94 года Николай Константинович в работе и заботах, нужный и полезный консультант и советчик.

И я благодарен судьбе, что она свела меня с этим легендарным человеком, ставшим для меня наставником, добрым товарищем и настоящим другом.

Как же начинал Н. К.Байбаков, и где пересеклись наши дороги?

В 1928 г. он поступает, а в 1932 г. оканчивает Азербайджанский нефтяной институт, получает диплом горного инженера. Ещё учась в институте начинает работать на Ленинском промысле. Вскоре молодого энергичного специалиста назначают заведующим промыслом. В 1935—36 годах — служба в Красной Армии на Дальнем Востоке. Затем, в январе 1937 г. вновь в Азербайджан на прежнюю работу.

Но уже через несколько месяцев Н.К.Байбаков — главный инженер треста «Ленинскнефть». В мае 1938 г. новое назначение. Как я уже говорил выше, Николай Константинович приезжает в Куйбышев, — начальником вновь организованного объединения нефтяников «Востокнефтедобыча». «Это объединение призвано выполнить решение XVIII съезда партии, — пишет в своей книге Н.К.Байбаков, — о создании стратегического нефтедобывающего района между Волгой и Уралом — иначе говоря «Второго Баку», в который включили новорожденные тресты: «Башнефть», «Сызраньнефть», «Пермьнефть» и «Эмбанефть».

И эта задача легла на плечи 27-летнего молодого инженера. Он знакомится с обстановкой, объезжает буровые бригады, промыслы.

Наиболее активно идет работа в «Башнефти». Это и понятно, — они начали раньше, ещё в 1934 г. Ишимбаевское месторождение дало нефть стране. В Куйбышевской области близ Сызрани в районе Яблоневого Оврага в 1936 г. при освоении скважины получен приток нефти в количестве 1500 тонн. Пошли первые тонны нефти из месторождений в Куйбышевской области. В 1937 г. там же близ Сызрани — ударил фонтан с глубины 1020 метров с суточным дебетом нефти до 60 тонн. Создается первый в Поволжье — Сызранский нефтепромысел.

Н.К.Байбаков активно включается в работу. В 1938 году объединение направило в народное хозяйство страны более 4,0 млн тонн нефти. Так начиналось «Второе Баку».

Собственно, это непродолжительное пребывание в Куйбышевской области сохранилось навсегда в памяти Н.К.Байбакова, как первая крупная самостоятельная работа, определило особое его отношение к нефтяникам и самой области. А у Куйбышевцев, — воспоминания и гордость, что первый начальник объединения «Востокнефтедобыча» станет вскоре наркомом, а потом министром нефтяной промышленности страны.

Через год объединение преобразовывают в Главное управление и переводят в Москву. Что было понятно. В тех условиях жесткой централизации большинство насущных вопросов развития «Второго Баку» решались в столице. И Н.К.Байбаков назначается начальником этого Главка. Но не надолго, в 1940 году его утверждают заместителем наркома топливной промышленности СССР. Нарком — Л.М.Каганович. В этом же году наркомат поделили на два: один ведал углем, другой нефтью. Н.К.Байбаков — первый заместитель наркома нефтяной промышленности.

22 июня 1941 года войска гитлеровской Германии вероломно вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война. Военное лихолетье требовало от всех, кто работал в тылу, невероятного напряжения сил. Особая роль отводилась нефтяникам. Их задача — обеспечить бесперебойное снабжение армии горючим. Это была невыносимо тяжелая и архинужная работа. Не зная ни дня, ни часа отдыха все силы отдавал делу Н.К.Байбаков.

Обстановка на фронте к лету 1942 года сложилась крайне трудной. Одними из старейших нефтяных районов в России был Краснодарский край и район г. Грозного. Нависла угроза оккупации, а, следовательно, потеря нефти. Встал вопрос — или не допустить фашистов к промыслам, или взорвать буровые, но не дать немцам ни капли нефти. Эту задачу в июле 1942 г. поставил И.В.Сталин

лично перед Н.К.Байбаковым — Уполномоченным Государственного Комитета Оборона (ГКО) по обеспечению фронта горючим.

Николай Константинович в своей книге пишет в каких тяжелейших условиях, с болью пришлось решать эту задачу. Наступление немцев на Кавказе нарастало и выход был один — уничтожить нефтяные промыслы, что было сделано, порою буквально за сутки, а то и часы перед подходом немецких войск. Эту работу выполняли специальные команды. И делали это так, чтобы надолго вывести из строя буровые. Наземное оборудование в большей мере удалось вывезти на Восток до подхода фашистских войск.

И всё это время Н.К.Байбаков находился на Кубани, совместно с командованием фронта (С.М.Буденным), принимая решения и организуя эту опасную работу. Немецкие специалисты пытались восстановить добычу нефти в Краснодарском крае, но ничего не смогли сделать.

Нефтепромыслы в Грозном удалось спасти, советские войска не допустили туда врага. Но грозненской нефти было далеко недостаточно, чтобы обеспечить фронт горючим. Встал вопрос о немедленном перебазировании квалифицированных кадров нефтяников из Азербайджана на восток, в необжитые районы «Второго Баку». И эта задача также была доверена уполномоченному ГКО Н.К. Байбакову. Он рассказывает, что в зиму 1942—43 гг. в течение трех месяцев почти десять тысяч бакинских нефтяников, большинство с семьями, организованно выехали в восточные районы страны. И прямо с колес начинали бурение на новых площадях.

Результаты не замедлили сказаться. За годы войны нефтяники Башкирии дали стране более 4,0 млн тонн нефти, Куйбышева — около 2,7 млн тонн. В то время это была серьёзная помощь армии.

Н.К.Байбаков вспоминает: «В районе Поволжья мне приходилось бывать не раз. В это время в районе Куйбышева возникает большой промышленный узел, снабжавший фронт самолетами, другой боевой техникой. Вблизи Куйбышева геологами были открыты четыре газовых месторождения. Был разработан проект газопровода, протяженностью 165 км, и в сентябре 1942 г. газ под естественным давлением пошел в Куйбышев! Это был серьезный успех». Понято, занимаясь газовой проблемой, он не преминул побывать у нефтяников Сызрани.

В 1944 г. Байбакова назначают наркомом нефтяной промышленности СССР. Через три месяца молодого 33-х летнего наркома принял И.В.Сталин. Николай Константинович с большой теплотой вспоминает об этой встрече. Она описана в его книгах.

И до 1955 г. в течение одиннадцати лет Н.К.Байбаков — министр нефтяной промышленности СССР. Затем его, видного хозяйственника и опытного государственного деятеля назначают председателем Госплана СССР — экономического центра страны.

Пришла пора «хрущевских кадровых тусовок», — не согласных с его волевыми, скоропалительными реорганизациями. Что испытал на себе и Н.К.Байбаков. В 1957 г. Хрущев затевает коренную ломку — вместо отраслевого, вводит территориальный принцип управления промышленностью. Упраздняет промышленные министерства. Байбаков открыто выступает против этих перегибов, объясняет их вред для комплексного развития экономики.

Хрущев реагирует, — смещает Н.К.Байбакова с поста, переводит в Госплан РСФСР, авось мол, образумится. Но нет, Байбаков продолжает отстаивать свою позицию. Тогда Хрущев «опускает его на землю» — в 1958 г. направляет председателем Краснодарского Совнархоза. Кубань — давно знакомый, памятный Николаю Константиновичу район. Его принимают там приветливо. Н.К.Байбаков активно включается в работу. С присущим ему напором, новаторскими идеями, выводит хозяйство края на передовые рубежи.

Несколько лет деятельности совнархозов явно демонстрируют местнический подход в работе, межотраслевые связи слабеют. Хрущеву подсказывают выход — укрупнение совнархозов. В 1962 г. создаются «большие» СНХ, объединяющие 3—4 области. Н.К.Байбакова назначают председателем Северо-Кавказского совнархоза (Ростов, Ставрополье, Кубань и другие, всего шесть регионов).

Процесс распада отраслей промышленности нарастает. Советники Хрущева подбрасывают ему идею, — создать в Москве отраслевые комитеты, которые будут осуществлять техническую политику и следить за развитием отрасли. Так в 1963 г. Н.К.Байбаков возглавит Комитет по химии, а вскоре — Комитет по нефтепереработке и нефтедобыче.

Проходит октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК и Н.С.Хрущев уходит в отставку. В стране происходят процессы реорганизации: воссоединяется партия, восстанавливается отраслевая структура управления промышленностью и строительством.

В 1965 г. Н.К.Байбакова назначают заместителем Председателя Совета Министров СССР и председателем Госплана СССР. Так через восемь лет все возвращается «на круги своя». И ещё двадцать лет он будет плодотворно трудиться на этом самом трудном и ответственном государственном посту. И чем бы ни занимался в последующие годы Н.К.Байбаков, он в первую очередь остается

ся нефтяником-буровиком. Этой любимой профессии он верен до сего дня.

В 1955 г. меня, начальника механо-сборочного цеха, избрали секретарем парткома авиационного завода № 18 и в ЦК КПСС утвердили партторгом ЦК. Именно с этой поры, бывая на заседаниях Бюро, Пленумах обкома партии, собраниях актива, совещаниях разного рода, которые проводил обком, я, естественно, прикоснулся к одной из ведущих отраслей промышленности области — нефтяной. Познакомился с некоторыми видными нефтяниками — В.И. Муравленко, Д.А.Такоевым. И от них впервые услышал о легендарной уже тогда личности, — Николае Константиновиче Байбакове. У меня уже в конце 50-х годов заочно сложилось положительное мнение о Н.К.Байбакове.

В начале 60-х, будучи секретарем обкома партии, курирующим промышленность, я имел возможность видеть и слушать Николая Константиновича на совещаниях в ЦК КПСС. Так в августе 1962 г. ПБ ЦК КПСС проводило в Москве совещание, посвященное вопросам развития промышленности в свете решений XXII съезда КПСС. На него были приглашены секретари ЦК Союзных республик, некоторых крупных промышленных областей (Горьковская, Новосибирская, Куйбышевская, Свердловская, Волгоградская и другие), руководители министерств и Комитетов СССР, председатели совнархозов, ученые. Участвовали: Ф.Р.Козлов, А.Н.Косыгин, А.П.Кириленко, А.П.Шелепин, Г.И.Воронов, Г.В.Романов, В.М.Рябиков, К.П.Руднев, С.А.Афанасьев, В.С.Фролов.

С докладом выступил Ф.Р. Козлов.

Нет нужды здесь рассказывать о самом совещании. Но я обратил внимание на выступление председателя Северо-Кавказского совнархоза Н.К.Байбакова. Уверенное, логически обоснованное, но обеспокоенное наличием многих проблем, решение которых откладывается «на потом». На этом фоне разительным контрастом прозвучало выступление в конце совещания А.Н.Шелепина, тогда секретаря ЦК и председателя Госпартконтроля, — резкое, поучительное, с нотками запугивания в адрес тех регионов, где дела в промышленности шли не так успешно.

Затем Пленум ЦК КПСС в декабре 1963 г. «Об ускоренном развитии химической промышленности», на который Н.С.Хрущев пригласил более 3000 человек, в том числе был и я, тогда 2-й секретарь Куйбышевского обкома партии. Докладчик Н.С.Хрущев.

Пленум проходил шумно, Никита Сергеевич то и дело прерывал ораторов репликами, зал шумно и охотно реагировал на острые из них — смехом. Помню резкое неприятие его реплики К.Т.Ма-

зуровым. Грубое и угодливое выступление Первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павлова, вызвавшее возмущение зала передергиванием фактов.

И вот, во второй день заседания Пленума, по-моему, 35-м (всего тогда выступило 47 участников), Н.С.Хрущев предоставляет слово председателю Госкомитета СССР по химии Н.К.Байбакову! Все уже устали от сидения в огромном зале КДС, но речь Байбакова слушали со вниманием. Он поддержал приоритет в развитии химии в стране. Говорил, что если общий объем валовой продукции СССР по отношению к США составляет 65 %, то объем химической продукции — только 30 %. Показал перспективы развития химии и нефтехимии. Внес конкретные предложения. Это было выступление профессионала, государственного деятеля и оно было воспринято аудиторией одобрительно.

Наступил 1965 год. Н.С.Хрущева на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК отправили в отставку. Новое руководство страны: Л.И.Брежнев, А.Н.Косыгин, Н.В.Подгорный восстановили единую КПСС. В сентябре состоялся важный Пленум ЦК, который восстановил отраслевое управление промышленностью и поставил задачу совершенствования планирования и усиления экономического стимулирования производства. Доклад А.Н.Косыгина открывал перспективы развития народного хозяйства страны.

В сентябре же Н.К.Байбаков был назначен на прежнюю должность председателя Госплана СССР. Собственно, с этой поры начались и наши контакты по работе. Одним из первых было посещение Госплана в связи с намерением построить в Куйбышеве метрополитен. Эта идея уже несколько лет обсуждалась общественностью и руководством области.

В начале 1966 г. мы с А.М.Токаревым пошли «на разведку» по отделам Госплана к зампреду В.Я.Исаеву, а затем к Н.К.Байбакову. На всех уровнях мы объясняли, как городу с миллионным населением, территориально разделенного на старый город, промышленную зону и новые жилые (спальные) районы, отстоящие друг от друга на 10—15 километров, обеспечить связи наземным транспортом. Нужно метро.

Наши доводы разбивали сразу — нет средств, техники, нужно ТЭО, разработка которого займет не один год и т. д. То есть, пока и не мечтайте о метро. У Н.К.Байбакова разговор принял обнадеживающий характер. Выслушав нас, он позвал Исаева, Бобровникова, других работников Госплана и задал вопрос, — нуждается ли г. Куйбышев в метро? В принципе. Те ответили, что в принципе — да, но когда и какое! Ведь нет никаких расчетов. «Вот, да-

вайте с этого и начнем. Обком дает нам расчет и обоснование потребности в метрополитене. Мы поручаем экспертному Совету проработать предложение и дать заключение. А после будем принимать решение. Насколько мне известно, идею метро вынашивают в Горьком, Свердловске, Новосибирске. Возникает вопрос, почему в Тбилиси можно строить, а в российских городах нет!? Надо начинать работу в этом направлении». Вот, примерно, такой состоялся разговор. Мы были окрылены. Хотя практика показала потом, что от идеи до начала работ, а они начались лишь в начале 70-х годов, дистанция огромного размера. Но метро в Самаре все-таки построили.

В середине 1966 года Н.К.Байбаков с министром автомобильной промышленности А.М.Тарасовым и группой специалистов прибыли в Куйбышев. Накануне было принято принципиальное решение о строительстве в районе г. Тольятти крупнейшего завода по выпуску 600 тыс. легковых автомобилей в год по проекту итальянской фирмы «Фиат». У нас было немало конкурентов, претендовавших на этот завод в других регионах РСФСР, в Белоруссии, Украине и даже Грузии. Но наши расчеты оказались предпочтительнее.

Н.К.Байбаков сдержанно относился к Тольяттинскому варианту. Решили посмотреть площадку строительства на месте. Поехали в Тольятти. Степное место близ берега Волги в нескольких километрах от города — ровное, с небольшим уклоном, легкой черноземной почвой понравилось всем. Тихая, широкая степь «сработала». Мнение было однозначно — заводу быть здесь. По обычаю заложили большой камень, отметили решение по-русски и пошел живой разговор о будущем заводе. По наметкам уже в 1970 г. завод должен начать серийный выпуск машин.

Эта встреча всколыхнула у Николая Константиновича воспоминания о работе в Куйбышеве в довоенные годы, о тресте «Сызраньнефть», деятельность которого охватывала месторождения нефти на Сызраньской, Ставропольской, Заборовской, Троекуровской площадях... Так мы получили в лице председателя Госплана СССР важного и полезного союзника.

Началась работа в Госплане, Совмине Союза и РСФСР по подготовке проектов Постановлений ЦК и СМ СССР о строительстве завода и всей инфраструктуры. Мне, как председателю Куйбышевского облисполкома, приходилось не раз вместе с другими товарищами участвовать в обсуждении этих проектов у Н.К.Байбакова, А.М.Тарасова, на заседаниях правительства у А.Н.Косыгина. Так развивалось наше знакомство с Николаем Константиновичем.

Еще одна памятная встреча. Приближалось тридцатилетие со дня получения первой промышленной нефти в Куйбышевской области. Получили разрешение отметить эту дату. Весной 1969 г. в Куйбышеве собрались нефтяники со всей страны. Пригласили ветеранов: ученых, геологов, буровиков, работников нефтепромыслов, строителей. Руководителей и специалистов нефтепредприятий области. Прибыли и именитые гости: М.Т.Ефремов, Н.К.Байбаков, В.Д.Шашин, В.И.Муравленко, ответственные работники ЦК и СМ СССР и РСФСР. Торжественное собрание состоялось в театре оперы и балета, затем прием. Посещение предприятий, памятных мест. Программа известная. Отмечали несколько дней, у кого какие возможности по времени.

Что мне особенно запомнилось, так это уважительное, можно сказать, любовное отношение простых людей, ветеранов и молодых к Н.К.Байбакову. Его просто не выпускали из объятий, вспоминая разные моменты совместной работы. Вольно или невольно он отодвинул на второй план М.Т.Ефремова, бывшего первого секретаря обкома партии, а сейчас зампреда СМ СССР, курирующего, в том числе, и нефтегазовую отрасль.

В 1971 г. меня избрали первым секретарем Воронежского обкома партии. В период работы в Воронеже с 1971 по 1975 гг. приходилось часто бывать в Москве на Пленумах ЦК, сессиях ВС СССР, где в кулуарах нередко обменивались с Н.К.Байбаковым не только приветствиями, но и коротким разговором или беседой. Посещал я по воронежским проблемам министерства и ведомства Союза и России. Как правило, заходил в Госплан СССР. Приходилось бывать и у Н.К.Байбакова.

Иногда это были просьбы, предложения, чаще информация о договоренности с замами, и о его поддержке. Всегда разговор шел о делах в области, и обязательно о положении в нефтяных районах страны. В этот период шла огромная работа по развитию добычи нефти и газа в Западной Сибири. Тюмень не сходила со страниц газет и других СМИ. Н.К.Байбаков упоенно, забыв о времени, рассказывал о том, что там происходит. «Ведь с 1 млн тонн нефти, добытой в 1965 г., ежегодный прирост превосходил все планы и ожидания. Так было добыто в 1971 г. — 30 млн тонн; в 1972 г. — 45 млн; в 1973 г. — 63 млн; в 1974 г. — 87 млн, а в 1975 — будет свыше 100 млн тонн» Н.К.Байбаков, называя эти цифры, удовлетворенно откидывался на спинку кресла и, улыбаясь счастливо, изучающе ждал моей реакции. Но не выдерживал, продолжал: «Какого отличного работника дал Куйбышев сибирякам — Виктора Ивановича Муравленко. Это великолепный организатор, профес-

сионал высшей марки и добрый, заботливый, скромный человек. Я влюблен в него. Он внес неоценимый вклад в достижения Тюменских нефтяников. Хотя там работают, честно говоря, люди со всей страны: из Азербайджана, Башкирии, Куйбышева, Перми, Татарии, Оренбуржья и других регионов».

Такие встречи и беседы ещё больше укрепляли наше знакомство, переходили в товарищеские отношения.

В июле 1975 г. я был назначен первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР. По сложившейся традиции, первый зампред СМ России являлся постоянным представителем РСФСР на заседаниях Президиума Совета Министров СССР, которые еженедельно по средам проходили в круглом зале Кремля, как правило, под председательством А.Н.Косыгина. За столом Президиума размещались его заместители, министр финансов СССР, председатель КНК СССР и первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР.

Перечень рассматриваемых на Президиуме вопросов был очень широк, а обсуждение их весьма активным. Естественно, большинство материалов вносились Госпланом СССР, а также министерствами или Совминами Союзных республик. Так что Н.К.Байбакову почти по каждому вопросу приходилось выступать, отвечать на вопросы, отбиваясь от наседавших министров, требовавших дополнительных капвложений, сокращения объемов выпуска планируемой продукции, обновления оборудования за счет импорта и др. Иногда напор принимал весьма жесткие и, как казалось, доказательные формы. И я восхищался эрудицией и тактом Николая Константиновича, разбивавшего, иногда с помощью своих замов, доводы оппонентов. Но порою споры накалялись до такой степени, что и он срывался.

На каждом, можно сказать, заседании обсуждались вопросы в той или иной мере касавшиеся России. Поэтому и мне приходилось отстаивать наши позиции. Скажу со всей откровенностью, удавалось это далеко не всегда. Обстановка в стране была сложная, рос объем и сложность задач в большинстве отраслей народного хозяйства, а ресурсов не хватало.

Только мудрость, такт, а порой и жесткость А.Н.Косыгина, наводили порядок в конфликтной ситуации и принимались нужные решения. Нередко вопрос вообще снимался с обсуждения и поручалось в установленные сроки дополнительно согласовать спорные моменты и внести вновь на рассмотрение Президиума.

Семидесятые годы были особенно характерны разбором круп-

ных, национального характера проблем. Это топливно-энергетический комплекс (нефть Западной Сибири, газ Севера, БАМ, уголь Кузбасса, атомная энергетика); транспорт (заводы в Тольятти, Набережных Челнах, в Елабуге); программа развития Нечерноземья и сельское хозяйство, социальная сфера.

Все эти проблемы требовали ресурсов: трудовых, финансовых (особо валюты), материальных. Госплан напористо требовал и закладывал в планах рост разведки промышленных запасов и добычи нефти и газа с тем, чтобы увеличить поставки этой продукции на экспорт, а валюту использовать для приобретения передовой технологии и оборудования.

Нажим на Тюмень был большой, хотя там небывало быстро росла добыча нефти, но не хватало буровых установок, разных труб, тяжелой техники, и особенно создания нормальных условий для работы и жизни нефтяников. Байбаков понимал это, изыскивал максимально возможное, но и обращал внимание на имеющиеся недостатки, резервы и упущения в работе. Ведь он, собственно, был одним из главных инициаторов и организаторов разработки месторождений Сибири, добивался в свое время правительственных решений о наращивании там работ. Но и этого стране было мало, вот и нажимал он на нефтяников отчаянно.

Кроме еженедельных заседаний Президиума, ежеквартальных — Совета Министров СССР, была и такая форма рассмотрения наиболее деликатных вопросов сначала на «совещании замов» без участия министров, на которые я также приглашался. Если к тому добавить ежегодную защиту плана в отделах, на коллегии Госплана СССР, у председателя Н.К.Байбакова и, наконец, на Президиуме у А.Н.Косыгина, то можно себе представить сколько раз мне приходилось общаться с нашим главным «оппонентом» Н.К.Байбаковым. Бывало всякое, и спокойное обсуждение, согласие с нашими доводами, но были и споры до хрипоты. Но эти конфликты не только не ослабляли, а укрепляли личные отношения.

Такая практика продолжалась, конечно, в меньшей степени и в более спокойной обстановке, когда я в 1983 г. стал Председателем Правительства России. После кубинских встреч наши связи стали ещё более уважительными, дружескими. Мы часто встречались на заседаниях и протокольных мероприятиях в Кремле, всегда находили тему для беседы. Но всплески разногласий при обсуждении проектов плана на очередной год бывали и тогда.

Приведу один пример. Предстоял разбор разногласий по проекту Государственного плана РСФСР на Президиуме у Н.А.Тихонова. После обсуждения наших замечаний на коллегии Госплана

СССР, оставалось два-три несогласованных вопроса. 29 сентября 1983 г. я позвонил Н.К.Байбакову и предложил встретиться у него в узком составе, чтобы ещё раз поговорить о них, дабы не выносить спорные моменты на Президиум Совмина Союза. Он согласился на завтра, вечером после работы.

Я приехал в Госплан с Председателем ВС РСФСР В.П.Орловым и Председателем Госплана РСФСР Н.И.Масленниковым. Н.К.Байбаков пригласил своего заместителя В.Я.Исаева и ещё кого-то. Мы расположились вокруг низкого круглого стола, разложили свои бумаги, нам подали чай с сушками. После короткого обмена мнениями на другие темы, приступили к главному. Докладывал замечания по проекту плана на 1984 г. Н.И.Масленников. По ходу доклада, обсуждали варианты и принимали решения. Главным оппонентом был В.Я.Исаев, вел он себя нервно, несдержанно. Н.К.Байбаков укоризненно посматривал на него, но в спор не вступал. Дело шло к завершению. Но по одному нашему замечанию В.Я.Исаев позволил себе грубый выпад вообще в адрес руководства РСФСР, заявив: «У вас в России всегда находятся проблемы настолько мелкие, что их стыдно поднимать». Хотя реплика Исаева была не в мой адрес, я вспылил, резко встал и, не обращая внимания на остро пронизавшую боль в левой ноге, закричал на него: «Как вы смеете делать такие обобщения, оскорбляющие руководство республики. Вы вспомните 1978 год, когда мы сидели у вас в кабинете неделями, разбирая по каждой области титульные списки объектов строительства и вы «копались в мелочах», порой отмечая важные стройки, отыскивая, в чем бы ущемить ту или иную российскую область. А сейчас возводите напраслину». Тот покраснел как рак, не ожидая такой реакции и сделал попытку что-то ответить. Но Байбаков жестом остановил его и заявил: «Не надо говорить нелепости. А что касается конкретной просьбы, то её следует принять. За бестактное поведение В.Я.Исаева прошу извинения». В итоге мы довели разговор до конца, нашли компромиссное решение.

В.Я.Исаев и другие госплановцы ушли. Провожая нас, Николай Константинович взял меня под руку: «Ты же знаешь Василия Исаева, работник он хороший, но несдержанный».

Прощаясь, я почувствовал острую боль, сделал несколько шагов к лифту — боль усилилась, не могу наступить на левую ногу. Кое-как дошли до машины и скорее в поликлинику. Благо рядом, на ул. Грановского. Было уже около 21 часа. Дежурные врачи осмотрели, сделали рентген — отрыв сухожилий и повреждение связок у внешней поверхности левой стопы. Ногу в гипс и меня под руки

в машину и домой. До 10 октября пробыл на больничном, а потом с месяц ходил в загипсованной ноге с тростью. Вот такой случился казус.

Хочу отметить ещё одну черту личности Николая Константиновича Байбакова. Его постоянное стремление к новому в технике, в науке. Несмотря на огромную занятость работой, он часто публиковал статьи по различным проблемам, в первую очередь, конечно, нефтегазового комплекса. Выступал с публичными лекциями. Защитил докторскую диссертацию. Надо сказать, что зная пристрастность к новому, его иногда увлекали «новаторскими идеями» сомнительного характера, разного рода «изобретатели» и «профицатели», которых он охотно принимал у себя.

В ноябре 1982 г. скончался Л.И.Брежнев. Было очевидно — необходимо новое руководство, обновление кадров на других уровнях. Нужны поиск и решение экономических и социальных проблем, совершенствование механизма управления, раскрытия потенциала социализма, повышения инициативы и заинтересованности людей в результатах труда. Об этом говорили мы между собой, это понимал и новый Генеральный секретарь ЦК Ю.В.Андропов, и стал буквально с ходу обсуждать эти проблемы, готовить и реализовывать некоторые свои задумки.

Но, обстоятельства сложились трагически. Уже в сентябре 1983 г. тяжело больной Ю.В.Андропов фактически отошел от дел, а в феврале 1984 г. его не стало.

Государственные планы развития страны и госбюджеты на 1984—1985 гг., проекты которых рассматривались с моим участием на заседаниях Политбюро по докладам Н.К.Байбакова и В.Ф.Гарбузова, не давали оснований для глубоких преобразований в разных сферах народного хозяйства. Понятно, что неудовлетворенность намеченными в плане показателями развития страны выражалась в критике Госплана и министерства финансов как на заседаниях ПБ, так и Пленумах ЦК, где они обсуждались накануне внесения проектов в Верховный Совет СССР.

Больше всего доставалось Н.К.Байбакову. Но в то же время мы понимали, что заложенные в планах показатели и так чрезмерно завышены и выполнение их потребует огромных усилий. Однако неудовлетворенность, какой-то осадок от дискуссий по проектам на Политбюро оставался. Понимали это и сами авторы представленных материалов.

Но более острой и нелюбезной критике подвергалась деятельность Госплана в 1985 г., когда генсеком КПСС стал М.С.Горбачев. Это просматривалось при разборе и других вопросов, кото-

рые готовил Госплан СССР. В частности, мне запомнилось заседание Политбюро 8 августа 1985 г.: «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в 1986—1990 годах». Докладывал Н.К. Байбаков.

Он доложил прогнозы запасов нефти и газа, изложил планируемые на пятилетку объемы их добычи, рост выделяемых капвложений, увеличение рабочей силы. Назвал цифру добычи нефти и газового конденсата на 1990 г. = 422—437 млн тонн. Сказал, что Миннефтепром называет меньше, примерно 405 млн тонн. Правда, предстоит огромная работа, — надо построить 5500 км автодорог с твердым покрытием, значительно развить производственную базу, обеспечить техникой, людьми, решить социальные проблемы и т. п. Предварительные наметки Госпланом сделаны, но их надо рассмотреть на Президиуме Совмина.

В выступлениях некоторые министры, руководители Тюменской области высказали резкую критику в адрес Госплана. Говорили, что отечественные компрессорные установки не обеспечивают плановый уровень добычи нефти. Нечем откачивать попутный газ. Госплан закладывает проценты утилизации газа, а заводов для утилизации нет. Нужны вложения для развития прогрессивных методов добычи, а Госплан на эти цели средств не планирует. Недостаточно установок для закачки воды в пласт, отсюда и нет роста добычи. Медленно вводятся в эксплуатацию свежие запасы, в результате варварски «зажали» старые месторождения, что снижает там добычу. Не достает мощных машин и другой техники. Катастрофически не хватает жилья, а денег на собственное строительство в Сибири министерствам не выделяют. И подытожили — на 1990 год больше 412 млн тонн добычу планировать нельзя.

Н.А. Тихонов заявил, что снижение добычи нефти дезорганизует работу народного хозяйства страны.

М.С. Горбачев был в отпуске. Вел заседание Политбюро Е.К. Лигачев. В заключение он сказал: «Госплан и министерства последние годы уходили от решения острых, насущных проблем развития нефтяной промышленности Западной Сибири. Выделяемые средства расходовались неэкономно, нерационально. Нужен коренной перелом в отношении к решению социальных проблем. Надо определить порядок расселения прибывающих рабочих: стационарный город или вахтовые поселки. Окончательно определимся с цифрами при рассмотрении плана на пятилетку».

Члены политбюро сделали несколько замечаний. Но общее впечатление осталось такое, что перспектива развития региона захва-

тывающая. Госплан, понимая это, устанавливает волевые задания, не подкрепляя их реальными ресурсами. В то же время говорили, а откуда, у кого отобрать? Вот и «крутится» Н.К.Байбаков.

26-го сентября заседание Политбюро ЦК.

Меня специально на это заседание отозвали из отпуска, так как рассматривались важные вопросы:

1. О созыве 15 октября 1985 г. Пленума ЦК.

2. Обсудить на Пленуме: «Проект новой Программы КПСС», «Об изменениях в Уставе КПСС» и «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1986—1990 гг.».

На заседании заслушали доклад Н.К.Байбакова: «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1986—1990 гг.».

Было высказано много замечаний, поправок. Возникли дискуссии. С критикой выступили: Кунаев, Щербицкий, Долгих, Соломенцев, Гришин. Отстаивали проект — Архипов, Тихонов, Нуриев, Володарский.

М.С.Горбачев отмел чрезмерные требования и, вроде, поддержал предложения Госплана. В итоге согласились с проектом, поручили доработать с учетом обсуждения и внести на Пленум.

К Н.К.Байбакову лично, — никаких претензий.

14 октября. Понедельник. 11.00. Большой Кремлевский Дворец. Во Владимирском Зале подписание соглашения о сотрудничестве с Ливией. М.С.Горбачев и М.Каддафи подписали документы, обменялись речами.

Мы, как обычно, стояли сзади и по сторонам стола, за которым подписывали соглашение. По окончании церемонии ко мне подошел Н.К.Байбаков: «А я тебя искал. Сказали в отпуске, а где?». Я объяснил, и спросил — в чем дело. Он: «В чем, в чем. Горбачев отправляет меня в отставку. Был разговор. Я написал заявление. Вот так!» Я с недоумением спросил: «Как же так! При мне этот вопрос на ПБ не обсуждался. Значит в эти дни, во время отпуска». Николай Константинович ответил, что его на Политбюро не приглашали. Немного постояли в раздумье. Потом, говорит: «Что делать. Поезд ушел. Наверное, — правильно, ведь уже 74 года. Пора дать дорогу молодым. Ты, Виталий, не переживай. Этим жизнь не кончается».

И мы пошли в Грановитую Палату на обед с М.Каддафи.

15 октября на Пленуме ЦК КПСС, после обсуждения основных вопросов повестки дня, М.С.Горбачев информировал Пленум, что Н.А.Тихонов и Н.К.Байбаков обратились в Политбюро с заявлением об отставке и уходе на пенсию, и внес предложение.

1. Освободить Н.А.Тихонова от обязанностей председателя Совмина СССР и вывести из состава членов Политбюро.

Рекомендовать Н.И.Рыжкова председателем Совмина СССР, освободив его от обязанностей секретаря ЦК КПСС.

2. Освободить Н.К.Байбакова от обязанностей заместителя председателя Совмина и председателя Госплана СССР.

Рекомендовать заместителем председателя Совмина и председателем Госплана СССР Н.В.Талызина. Избрать Н.В.Талызина кандидатом в члены Политбюро ЦК. Проголосовали.

Горбачев от имени ЦК КПСС объявил Н.А.Тихонову и Н.К.Байбакову благодарность за работу.

Однако отставка с поста председателя Госплана СССР не означала для Н.К.Байбакова отход от активной работы.

Уйдя на пенсию, он, — доктор технических наук, профессор, — продолжает работать в институте проблем нефти и газа Академии Наук в должности главного научного сотрудника. Часто бывал в командировках в нефтегазовых районах страны (Астрахань, Татария, Удмуртия, Сахалин, области Западной Сибири, а также в Азербайджане).

Выезжал неоднократно за рубеж. В 90-е годы трижды побывал в Германии, дважды в США. В 1996 г. выступил на конференции в Лос-Анджелесе по сотрудничеству в области нефтяной промышленности.

Наши добрые отношения не прерываются. И по сей день мы встречаемся на приемах в Правительстве РФ в дни Победы, на разных собраниях, посвященных юбилейным и памятным датам. В частности, на торжественном собрании в Доме Союзов, посвященном 100-летию А.Н.Косыгина. В скорбные ритуальные дни, провожая в последний путь наших соратников.

6 марта 2001 года Н.К.Байбакову исполнилось 90 лет. Я позвонил ему, поздравил. Он сразу предложил мне встретиться 7 марта в бывшем министерстве нефтяной промышленности, где предстояло его чествование, в связи с юбилеем. Я не мог пойти, так как должен был вылететь на Кубу, о чем ему и сказал. Он стал вспоминать наши встречи в Гаване, тепло говорил о Фиделе. Затем вспомнили один день, проведенный вместе в Краснодаре, в период моей работы там.

Недели через три, по возвращении с Кубы, Н.К.Байбаков позвонил мне. Сожалел, что мы не встретились на его юбилее. Говорит: «Прочел в газете фрагмент о Фиделе Кастро, из твоей книги «Москва — Гавана», — в восторге». Я объяснил, что это рекламный фрагмент, сама книга выйдет в апреле, и я незамедлительно подарю ему. «Жду с нетерпением», — ответил он. Вспомнили мы его пребывание на Кубе в 1979 г. Я сказал, что об этом факте в

книге есть несколько страниц. Н.К.Байбаков высказался о Ф.Кастро, как о выдающемся деятеле современности. Поговорили о А.Н.Косыгине. Я сказал: «Надо тебе, Николай Константинович, написать о нем. Ведь сколько лет вы работали вместе. Он — «Я бы с желанием, но силы уже не те. Не осилю такую работу». В общем, был теплый, дружеский разговор.

В этом же году мы встретились с Николаем Константиновичем Байбаковым в подмосковном санатории «Барвиха».

Мы с Ниной Федоровной приехали в санаторий утром 24 сентября.

Лечащий врач сказала, что в «Барвихе» находится Н.К.Байбаков. Я поспешил посетить своего товарища. Его палата была на первом этаже.

Встретил он меня радушно. Обнялись, потом уселись на диване, и пошла беседа. Несмотря на свои девяносто, Николай Константинович выглядел бодро, говорил много и о разных делах. О болезнях не стал распространяться, а, показав на разбросанные всюду, — на столе, диване и на стульях, — папки, бумаги, журналы и раскрытые книги, сказал: «Вот, готовлю статьи, консультирую, народ приходит за советами. Вообще жизнь продолжается». Потом пошли воспоминания о прошлых встречах, о работе в Госплане, о Кубе. Я рассказал ему о своей поездке и встрече в Гаване с Раулем Кастро, о том, как налаживаются в этой стране дела. Оба недобрым словом отозвались о недостатках в управлении Россией, падении производства во всех отраслях, снижении уровня научных исследований, нравственных проблемах и т. п. По русскому обычаю пригубили немного коньяка — за встречу.

Через день вечером мы с Ниной Федоровной принимали Николая Константиновича у себя в номере. Атмосфера встречи и тематика разговора была такой же. Только поговорили мы значительно дольше.

К сожалению, срок его пребывания в санатории подходил к концу. Мы еще встретились на небольшой прогулке, после чего, уставшие, посидели в креслах под навесом у входа, помолчали. И Н.К.Байбаков в этот же день уехал в Москву.

В 1998 г. вышла книга Н.К.Байбакова «От Сталина до Ельцина». Умная и правдивая летопись развития и падения нашей страны, конечно, с «нефтяным уклоном». Написана книга талантливо, остро, доказательно, порою зло.

Есть в ней немало страниц о людях, с которыми судьба связывала автора с молодых лет, в зрелые годы и до последнего времени.

Пишет он о Сталине, которого считает человеком мудрым, с богатым жизненным опытом, видным теоретиком социалистического строительства и непревзойденным организатором, разборчивым и вдумчивым при решении кадровых вопросов. О Н.С.Хрущеве отзывается критически: «Развенчав культ личности Сталина, «наш дорогой» Никита Сергеевич благосклонно отнесся к созданию собственного культа личности». Н.К.Байбаков отмечает настороженное, ошибочное отношение Генсека Л.И.Брежнева к А.Н.Косыгину, ряд важных предложений которого не принимались во внимание. Он говорит, что «Брежневу не хватало ни силы воли, ни политических данных, и экономических знаний для руководства огромной страной. Этим пользовалось его окружение. Нередко в жертву ведомственным настроениям приносились интересы государства. Через Политбюро протаскивались необдуманные решения, которые потом оборачивались ущербом для страны».

Очень тепло Н.К.Байбаков пишет о Ю.В.Андропове.

«Из всех руководящих деятелей нашего государства последних четырех десятилетий, после А.Н.Косыгина, я очень уважал Юрия Владимировича Андропова, с которым мне пришлось общаться по многим вопросам. Встречи и беседы с ним дают мне основание охарактеризовать его как высоко эрудированного, интеллектуального человека, с острым, аналитическим складом ума и высоких духовных качеств. В работе он был несколько суховат, сосредоточен, не терпел суеты и волокиты, все вопросы решал быстро. Большие надежды на Ю.В.Андропова подкреплялись его конкретными делами. К сожалению, вскоре Ю.В.Андропова не стало».

О К.У.Черненко он сказал кратко: «Пробыв после Ю.В.Андропова на ответственном посту около года, он практически не сумел ничего сделать».

Резко обличительно, негативно Н.К.Байбаков говорит о Горбачеве и Ельцине. Нет нужды приводить здесь его высказывания, они полностью совпадают с оценкой этих лидеров большинством нашего народа, как разрушителей Советского Союза и главных виновников экономического, политического и социального падения России.

В завершение Н.К.Байбаков пишет: «Я знал многих замечательных людей, их деловитость, творческий ум, способности. Среди тех, с которыми я общался или работал вместе, которых очень уважал и уважаю доныне, это: А.Н.Косыгин, Н.А.Вознесенский, Ю.В.Андропов, Г.А.Алиев, В.А.Масол, В.И.Воротников, В.И.Долгих».

В апреле 1999 г. он вручил мне эту книгу с дарственной надписью: «Дорогому Виталию Ивановичу Воротникову на добрую память от автора. Н. Байбаков, 23. IV. 99 г.».

В марте 2007 года мы торжественно отметили в Колонном Зале Дома Союзов 95-летие Николая Константиновича Байбакова. Нет слов, чтобы выразить высокие чувства уважения, благодарности и любви к этому легендарному человеку, видному государственному деятелю, так много сделавшему в своей жизни для Отчизны.

В своей книге «Дело жизни» Н.К. Байбаков пишет: «Весь мой жизненный путь связан с развитием народного хозяйства нашей страны и в большей степени — советской нефтяной промышленности. А это — целая нефтяная эпоха. Уточню сразу — «советская эпоха», которая характеризуется стремительным развитием поисков в разведке, добычи и переработки нефти».

Он и сейчас в делах и заботах о развитии своего детища — нефтяной промышленности страны.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОГАРКОВ

В августе 1980 г., прибыв из Гаваны в Москву, я посетил министерство обороны СССР, был у начальника Генерального штаба маршала Н.В.Огаркова. Обсудили с ним вопросы, касающиеся Кубы по его ведомству. Потом я рассказал ему, что Р.Кастро в беседах со мной несколько раз говорил о желательности его визита на Кубу. Николай Васильевич сказал, что и он чувствует такую необходимость, в принципе договорился с Д.Ф.Устиновым и имеет согласие ЦК. Пока ситуация не позволяет выехать, но в октябре, а скорее всего в апреле-мае будущего года надеется посетить Кубу.

По возвращении в Гавану я информировал об этом Рауля. В октябре поездка не удалась. А ноябрь был сильно загружен у кубинцев в связи с подготовкой 2-го съезда компартии Кубы.

30-го декабря я позвонил Н.В.Огаркову, поздравил его с наступающим Новым годом и спросил о визите. Он ответил: «Уже есть решение ЦК, предполагаю вылететь 8-го января». Но и этот срок не был выдержан.

7 января 1981 г. беседовал с Ф.Кастро во Дворце Революции. Фидель доволен ответным письмом Л.И.Брежнева на его послание, переданное с К.У.Черненко, когда тот был в Гаване на 2-м съезде КП Кубы в декабре 1980 года. Говорит: «С интересом ожидаю визита маршала Огаркова. Необходимо обсудить с ним ряд вопросов». Я сказал, что скорее всего это будет февраль.

И вот 6 февраля в 17.30 встречаем в аэропорту Н.В.Огаркова и сопровождавших его военных. В аэропорт приехали Р.Кастро, С.Касас, А.Коломе и другие. Официальная церемония встречи маршала Советского Союза. После дружеских объятий и взаимных приветствий в гостевом зале поехали в резиденцию Н.В.Огаркова в Лас-Мерседес. Там короткий отдых, коктейль с дороги. Затем возложение венков к монументу генерала Антонио Масео. После чего Рауль и его заместители уехали.

Вечером провели обстоятельный разговор в резиденции совпосла о положении на Кубе и программе пребывания, с участием главного военного советника С.Г.Кривоплясова и прибывших с Н.В.Огарковым офицеров.

На следующий день посетили министерство революционных вооруженных сил Кубы. Там состоялась первая беседа с Раулем Кастро. Она продолжалась более двух часов. Касалась ситуации в

Анголе, Эфиопии, Никарагуа и других странах, с которыми СССР и Куба сотрудничали в военной сфере. Рауль информировал Н.В.Огаркова о состоянии вооруженных сил Кубы, технических проблемах, поднял ряд вопросов, касающихся работы советского учебного центра № 12. Н.В.Огарков коротко рассказал о положении в Афганистане. Уточнили программу пребывания делегации, она складывалась довольно напряженно. Но Н.В.Огарков принял все предложения, ему хотелось посмотреть как можно больше.

Затем вместе с Раулем Кастро посетили академию РВС им. Массимо Гомеса. Ритуал обычный: построение, осмотр академии, беседы с курсантами и офицерами, заключительная встреча у начальника академии.

Во второй половине дня Н.В.Огарков побывал в советском посольстве. Хорошая беседа с дипсоставом. Потом проехали с ним по городу, знакомились с достопримечательностями Гаваны.

В 20.00 во Дворце Революции Р.Кастро дал ужин в честь советской военной делегации во главе с маршалом Н.В.Огарковым.

8 февраля. С утра поездка по провинции Гаваны, в которой принял участие и Фидель Кастро. Изменив чисто военную направленность визита, Фидель решил показать гостю современные животноводческие фермы племенного скота и молочно-товарную. В то время он любовно и настойчиво занимался проблемой повышения продуктивности скота.

Побыв с нами часа два, посетив еще несколько ферм, Ф.Кастро уехал. А мы вместе с Раулем и другими товарищами направились в провинцию Пинар дель Рио. Это в полутора часах езды от Гаваны. Н.В.Огарков был доволен этой незапланированной встречей с Ф.Кастро. Рассказывал, о чем у них шла беседа в машине во время поездки.

В Пинар дель Рио побывали на сахарном заводе. Николай Васильевич попросил пройти по всей технологической цепочке. Завод работал с полной нагрузкой. Потом состоялась беседа у директора. С нами был и первый секретарь провинциального комитета партии Хайме Кромбет.

Вторую половину дня провели в горах. Великолепная долина Винялес, с расположенными на ней, отдельно стоящими, огромными, в сотни метров гранитными столбообразованиями; экзотические пещеры в горах, подземные озера — все это произвело на Н.В.Огаркова сильное впечатление. Мы возвращались вечером в Гавану в приподнятом настроении.

9 февраля. Рано утром вылетели в сопровождении Р.Кастро и С.Касаса на остров Пинос. Там, по традиционному протоколу, осмотрели тюрьму «Пресидио Модело», где отбывали заключение Фи-

дель, Рауль и другие участники штурма казармы «Монкадо». Посетили «школу в поле» им. Менгисту Х. Мариама, где жили, учились и трудились ребята из Эфиопии. Школьники тепло приветствовали гостей, устроили нам концерт (национальные песни и танцы). Непродолжительная беседа в парткоме муниципии острова, там немного перекусили бутербродами и вылетели в восточные провинции.

В Сантьяго де Куба посетили музей-ферму «Сибоней», откуда вышла на штурм армейской казармы группа кубинских патриотов во главе с Ф.Кастро. Затем обстоятельно знакомимся с экспозицией в музее казармы «Монкадо».

А всю вторую половину дня до позднего вечера провели в штабе Восточной армии РВС Кубы. Там состоялся обстоятельный разговор с командным составом по целому ряду вопросов подготовки войск, обеспечении техникой, работе советских советников. Р.Кастро напористо допрашивал офицеров, Н.В.Огарков задавал вопросы, уточняя некоторые детали рапортов. Шел нормальный, профессиональный, деловой разговор.

10 февраля рано утром выехали на машинах в провинцию Гуантанамо. Именно здесь, на суверенной территории Кубы, уже в течение более восьмидесяти лет располагается военная база США. Посетили пограничную заставу. Побывали в солдатских казармах, беседовали с командованием. Они рассказали о том, как ведут себя американцы — то и дело устраивают, хотя и небольшие, провокации. Мы не утерпели, прошли как можно ближе к зоне «базы» и некоторое время наблюдали в бинокли этот американский плацдарм на кубинской земле. (Думаю, и оттуда смотрели в нашу сторону).

Из Гуантанамо вылетели в Гавану.

В этот же день Р.Кастро организовал ужин в честь Н.В.Огаркова.

К 18.00 мы с Н.В.Огарковым и С.Г.Кривоплясовым приехали на загородную дачу. Нас встретили Рауль, Вильма и С.Касас. В ожидании приезда Фиделя Рауль провел нас по территории и, подведя к небольшому домику, сказал: «Здесь состоялась последняя, долгая беседа Фиделя с Эрнесто Че Геварой перед отъездом его с Кубы. Фидель уже который раз предпринял попытку отговорить Че от поездки в Боливию. Но напрасно. Рано утром он покинул Гавану».

Домыслы о неких разногласиях между Фиделем и Эрнесто лишены всяких оснований. Это чистый вымысел. Однако даже спустя десятилетия после гибели Че версия о разногласиях между ним и Фиделем продолжает блуждать на страницах печати. Коснулась она и меня. В ноябре 1995 г. попросил о встрече мексиканский писатель Хорхе Костаньеда. Посоветовавшись с кубинскими друзьями, я при-

шел в посольство Мексики. Х.Костаньеда сказал, что пишет книгу о Э. Че Геваре, и спросил мое мнение о нем. В его вопросах явно просматривалось именно это, искаженное видение отношений Че с Фиделем. Мои ответы разочаровали Костаньеду. Попытки упрекнуть Кубу в «чрезмерном» внимании к событиям в Анголе, Эфиопии также были мной отклонены. Куба оказывала поддержку законным правительствам этих стран. Так что эта беседа была безуспешной для мексиканца.

Мы молча стояли у этого неприметного дома. Рауль скорбно заметил, что до сих пор не удалось обнаружить место захоронения великого революционера.

Лишь в 1997 г. могила Эрнесто Че Гевары и нескольких его соратников была найдена. Прах легендарного Че был доставлен на Кубу. В Гаване, после окончания V съезда КП Кубы в октябре 1997 года состоялась торжественная церемония прощания с Эрнесто Че Геварой на площади Революции, у монумента Х.Марти. Затем прах был перевезен и захоронен в ритуальном зале, сооруженного еще раньше в его честь, мемориала у Санта Клара, города, где осенью 1958 г. в боях с подразделением армии Ф.Батисты особенно отличились бойцы повстанческой колонны под началом Че Гевары. Слова Ф.Кастро о Че: «Это была на редкость цельная натура, отличавшаяся предельной честностью и искренностью, воплощение стоицизма и спартанского духа. Человек конкретных действий и в то же время глубокий и оригинальный мыслитель».

Некоторое время мы с Н.В.Огарковым ещё говорили о Че, о подробностях борьбы и гибели этого легендарного человека. Вскоре подъехал Фидель Кастро. Встретив его, разместились для беседы на воздухе. И до ужина, и за столом был долгий разговор. Это памятное место создавало и соответствующий настрой. Фидель обстоятельно интересовался многими вопросами строительства армии, расспрашивал о впечатлении от поездки по воинским подразделениям РВС.

В беседе были затронуты проблемы Анголы, Эфиопии, обстановка в Афганистане. Фидель высказал пожелание о сотрудничестве с Никарагуа. Н.В.Огарков отвечал на все вопросы Ф.Кастро кратко, аргументированно, сдержанно. Поздно вечером мы простились и уехали.

Всю первую половину дня 11 февраля Н.В.Огарков провел в подразделениях советского военного учебного центра № 12. С ним постоянно был генерал С.Г.Кривоплясов и другие офицеры. Я, извинившись, не поехал, ввиду занятости другими делами.

В 14.00 у Р.Кастро в министерстве РВС прошло завершение пе-

реговоров, обсуждение подготовленных документов и подписание соглашения о сотрудничестве Минобороны СССР с министерством РВС Кубы.

Вечером в резиденции посла СССР во время ужина от имени Н.В.Огаркова в честь руководства Кубы, Фидель Кастро сообщил мне состав кубинской делегации на XXVI съезд КПСС: Ф.Кастро, К.-Р.Родригес, О.Сьенфуэгос, Х.Монтане, С.Агирре.

Засиделись до 23 часов. Проводив гостей, мы с Н.В.Огарковым до трех ночи писали обстоятельную записку в центр об итогах визита. Так много интересного и полезного было сказано и увидено в эти дни.

12-го февраля делегация Н.В.Огаркова отбыла в Москву. Вместе с ней, получив на то разрешение Москвы, улетели и мы с Ниной Федоровной. Предстоял Пленум ЦК, а затем и XXVI съезд партии. В аэропорту тепло простились с Раулем Кастро, Сененом Касас и другими.

Разместились в салоне самолета. И пошли разговоры. Сначала о впечатлениях от Кубы. Перебирали с Николаем Васильевичем детали бесед с Фиделем, Раулем. Ему понравилась поездка в восточные провинции, встречи в подразделениях кубинских войск. Потом перешли к московским делам, согласившись, что не все идет у нас как надо. Вспомнили Куйбышев, нашу дружную совместную работу. Собеседник Н.В.Огарков приятный: умеет слушать, сам говорит спокойно, четко формулирует мысли, речь правильная, образная.

Мы знакомы давно. Ещё в конце 1965 г. в Приволжском военном округе произошла замена командующего. К нам в Куйбышев прибыл новый командующий округом 48-летний генерал-лейтенант Н.В.Огарков. Зашел, как принято, представиться в обком партии. Стройный, по-военному подтянутый, немногословный, в меру приветливый, он сразу, как говорится, пришелся ко двору. Между командованием ПРИВО и обкомом партии и при прежних командующих были хорошие деловые отношения. Николай Васильевич их ещё больше укрепил. Секретари обкома партии бывали на разных политических мероприятиях, конференциях и собраниях партактива округа, на тематических военных сборах. На очередном пленуме Н.В.Огаркова избрали членом бюро обкома партии. Почти двухнедельное пребывание в Москве на XXIII съезде КПСС, делегатами которого мы были, ежедневное общение, беседы в кулуарах съезда, в гостиннице "Минск", где жила наша Куйбышевская делегация, позволили нам ещё больше узнать и понять друг друга. По возвращении в Куйбышев, наши контакты стали теснее. Вместе проводили время на отдыхе, общались семьями.

И чем ближе мы узнавали характер, привычки, натуру Н.В.Огаркова, тем больше он нам импонировал. Своей истинной партийностью, преданностью воинской службе, честностью, ровным отношением к товарищам по работе, принципиальностью, высокими профессиональными качествами и, что не так часто бывает среди армейских военных, истинной интеллигентностью. Круг его интересов был широк, поражала эрудиция в разных сферах знаний.

Н.В.Огарков окончил в 1941 г. военно-инженерную академию и все четыре года прошагал трудными, огненными дорогами Великой Отечественной войны, закончив её дивизионным инженером. Затем послевоенная служба по всем армейским ступеням. Академия Генерального штаба, затем он начальник штаба Белорусского военного округа. По представлению министра обороны маршала Р.Я.Малиновского, ЦК КПСС утверждает Н.В.Огаркова командующим ПРИВО. Вскоре ему присваивают звание генерал-полковника. Но долго в Куйбышеве он не задерживается. В 1968 г. Н.В.Огарков — 1-й заместитель начальника генерального штаба, в 1974 г. — заместитель министра обороны, с января 1977 г. — первый заместитель министра обороны — начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, маршал Советского Союза.

Наши товарищеские, дружеские отношения не прекращались и после того, как я был направлен на работу в Воронеж, и когда переехал в Москву, и вот теперь на Кубе. Я смотрю и слушаю Николая Васильевича и не вижу в его отношении к людям никаких изменений, да и сам он внешне не изменился, лишь чуть поседели виски, да более строгой, сдержанной стала речь маршала. Но здесь в доверительном, товарищеском общении он чуть приоткрылся.

Пошел разговор о предстоящем 23 февраля открытии XXVI съезда КПСС, делегатами которого мы являлись. А 20-го предстоял Пленум ЦК, где нам также надлежало быть. Стали строить прогнозы. Пришли к выводу, что вряд ли съезд привнесет что-либо новое в жизнь страны. Последнее время Москва как-то «законсервировалась». Линия на «стабильность» привела к стагнации кадров в ряде отраслей народного хозяйства и в партии как в Центре, так и в отдельных регионах страны.

Я поделился впечатлениями от пребывания в Москве и Воронеже осенью прошлого года, во время отпуска. Обстановка в Воронеже мне не понравилась. В обкоме руководящие товарищи высокомерны, мало общаются с людьми, много заседательской суетни. А дела в области, особенно на селе, ухудшились значительно. Отношение ко мне при встречах с избирателями доброе, хорошее. Кое-кто подходил с жалобами, но я не мог вмешиваться.

Рассказал о фактах примитивного подхода у нас в ЦК, со стороны некоторых товарищей к оценке происходящих событий, в частности, на Кубе. Руководство Кубы видит это и воспринимает с обидой. Николай Васильевич согласен: «У нас, к сожалению, ещё живы обывательские представления о Кубе двадцатилетней давности. Это имеет место и в военной среде. Факты же свидетельствуют о том, что кубинские советы, касающиеся наших совместных действий в Анголе, на Юге Африки более разумны, чем рекомендации наших специалистов. О высоком уровне подготовки офицеров и солдат на Кубе я убедился в эту поездку. Доволен и работой нашего учебного Центра. У них между собой хорошие отношения».

Я спросил Н.В.Огаркова о ситуации в Афганистане, он ответил односложно: «Неважная» и махнул рукой. Все знали, что он и его заместитель маршал С.Ф.Ахромеев были против ввода войск, направляли официальный рапорт министру обороны, предлагали другие меры. Но к их голосу не прислушались. Не подписал решение Политбюро по этому вопросу и А.Н.Косыгин. Однако раз решение принято, военный должен его исполнять.

Не могу не отметить, как дальше сложилась судьба Н.В.Огаркова. Долгое время, начиная с 1976 года, у него складывались нормальные, деловые отношения с министром Д.Ф.Устиновым. Крупный организатор промышленного производства оборонной техники Д.Ф.Устинов был человеком общительным, но строгим и жестким, когда речь шла о деле. Не зря он прошел суровую «сталинскую школу». Что касается вопросов военного строительства, то он полностью доверял опытному начальнику Генштаба.

В какое-то время авторитет Н.В.Огаркова, как я полагаю, стал догонять министра. Властному Д.Ф.Устинову вряд ли это было по нраву. Возникли небольшие, а потом и принципиальные разногласия. Особенно в оценке обстановки в Афганистане. Потом произошел неприятный инцидент, когда на Дальнем Востоке нами был сбит южно-корейский пассажирский лайнер. Публично, перед всем миром объяснения давал маршал Н.В.Огарков. Плюс к этому услужливые генштабисты «подбросили в этот костерок хвороста» по мелочам.

Дальше события развивались так.

Сентябрь 1984 года. Я уже работаю в Москве, — председатель Совета Министров РСФСР, член Политбюро ЦК КПСС. Дружеские отношения с Н.В.Огарковым у нас не прерывались.

1-го сентября, в субботу был у М.С.Горбачева. Откровенная товарищеская беседа. Обсуждали с ним вопросы подготовки к большому Совмину. Там намечались некоторые кадровые перестановки.

Он рассказал, что Д.Ф.Устинов на заседании Совета Обороны

внес предложение об образовании групп военных округов по направлениям (Западное, Закавказское, Среднеазиатское, Забайкальское и, по-моему, Дальневосточное). Цель? «Главкомнаправление» — это координатор действий имеющихся военных округов в особый период. «Речь пошла и о назначениях, — продолжал М.С.Горбачев, — в частности, Дмитрий Федорович предложил переместить начальника Генштаба Н.В.Огаркова на Западное направление, как наиболее важное». Я несказанно удивился. Почему?! Горбачев ответил, что не знает. И добавил: «Думаю, возникли какие-то разногласия». Я сказал, что «надо разобраться, нельзя отстранять от работы такого специалиста из-за каких-то разногласий». Горбачев остановил меня: «Погоди, этот вопрос ещё будет рассматриваться на Политбюро. Я тебе сказал доверительно, зная твои отношения с Н.В.Огарковым».

В тот же день вечером мне позвонил Николай Васильевич. Он только вернулся из отпуска, говорит, что ему предлагают новую работу, просит о встрече. Я не стал по телефону рассказывать о том, что узнал от М.С.Горбачева. Условились встретиться во вторник, 4-го числа.

4 сентября после заседания Секретариата ЦК я зашел к М.С.Горбачеву, напомнил о субботнем разговоре и попросил его подумать, как избежать перевода Н.В.Огаркова. В то время 76-летний Д.Ф.Устинов, человек могучего здоровья и неумемной трудоспособности стал прибалкивать. Надо ли допускать сейчас разлад в руководстве Минобороны?

Вечером ко мне в Совмин РСФСР пришел Н.В.Огарков. Встречен. Сказал о решении образовать группы военных округов. Я перебил его, заявив, что в курсе дела, мне известно о заседании Совета обороны от М.С.Горбачева. Спросил Николая Васильевича, почему выбор пал на него? Ответил: «Последнее время у меня разлад с министром. Не хочу вдаваться сейчас в подробности. Видно, я упрям, «тверской козел», — пошутил он. «Хотел бы встретиться с К.У.Черненко или М.С.Горбачевым». Я объяснил: «Сегодня имел разговор с М.С.Горбачевым. Попрошу еще, чтобы он принял вас. Что касается К.У.Черненко, то, зная их отношения с Дмитрием Федоровичем, вряд ли эта встреча будет успешной. Да впереди ведь обсуждение этого вопроса на Политбюро. Попробую поговорить с Н.А.Тихоновым». Н.В.Огарков согласился и вскоре ушел. Тогда я не предполагал, что дело зашло слишком далеко.

На неделе я попросил М.С.Горбачева принять Н.В.Огаркова. Он помедлил с ответом, но согласился. Имел на ходу разговор с Н.А.Тихоновым. Тот сказал, что перемещение Н.В.Огаркова вряд

ли оправдано. Обсудим, мол, на Политбюро. (М.С.Горбачев принял Н.В.Огаркова, но в своей перестраховочной манере, уже после того, как было принято решение Политбюро).

20 сентября. Политбюро. Перед заседанием, в Ореховой комнате как всегда короткая взаимная информация. И Д.Ф.Устинов кратко сказал о принятом СО решении образовать группы округов по направлениям, объяснив это необходимостью обезопасить страну. Подчеркнул, что в руководство ими дает лучшие кадры. Например, на Западное направление Н.В.Огаркова.

Репликами некоторые члены Политбюро поддержали это решение. Мне не к лицу было встречать с ходатайством. Молчал и «многоопытный» М.С.Горбачев. Выручил Н.А.Тихонов: «Может, не трогать Огаркова из Генштаба? Он хорошо ведет дело. На Западное направление подобрать кого-нибудь помоложе, перспективного генерала». Небольшая заминка. Я подал реплику, что, мол, это будет правильно. В поддержку говорит несколько слов М.С.Горбачев. К.У.Черненко вопросительно смотрит на Д.Ф.Устинова, вроде того, — может и не стоит?

Д.Ф.Устинов встал и ровным голосом: «Нет, в Генштабе надо оздоровить обстановку. Потом, ведь Огаркову доверено большое дело — Западное направление. Советом обороны решение принято и я прошу его поддержать». Всё. К.У.Черненко, а за ним и остальные заторопились в зал заседаний Политбюро.

Вечером я позвонил Н.В.Огаркову. Он приехал. Позвали общего нашего друга В.П.Орлова. Перешли из большого кабинета в малый. Там мы втроем провели за разговором пару часов. Я рассказал об итогах обсуждения вопроса, посетовал, что не придал сначала ему большего внимания. Но Н.В.Огарков перебил меня. Стал говорить, что разногласия в отношениях с Д.Ф.Устиновым накапливаются давно: «Мое упрямство раздражало его, тем более что в Генштабе немало людей, которые «смотрят в рот министру», не смеют высказать свою точку зрения. Я к такой работе не привык. Вначале, с 1976 года, у нас были прекрасные отношения, но пару лет назад начались сбои. Я человек дисциплинированный, но дело превыше всего. Меня волнует и беспокоит не сам факт перевода, а то, что послужило поводом для этого. Надо иметь возможность открыто высказывать свою позицию. Я уважаю Дмитрия Федоровича как выдающегося специалиста и организатора военной промышленности (к которой он продолжает тяготеть и, будучи министром обороны), но не могу согласиться с некоторыми его решениями, касающимися строительства вооруженных сил, тактики, кадровой политики». Мы с В.П.Орловым старались снять напряжение, гово-

ря, что, мол, не всё потеряно. Работа на Западном направлении — дело интересное, престижное и т.п. Николай Васильевич улыбался, понимая товарищескую поддержку.

20-го сентября Н.В.Огарков позвонил мне попрощаться, сказал, что завтра уезжает к новому месту службы.

Несколько позже, будучи в Москве, Н.В.Огарков зашел вечером ко мне в Совмин РСФСР и состоялся интересный разговор. Он уже более откровенно излагал свое видение недостатков в работе Минобороны и его новых органов. Что из этой беседы мне удалось записать?

«Создание Главкомнаправлений может быть делом полезным, но не в таком виде, как получается сейчас. Этот орган, по сути, полулегальный. Он бесправен. Все в руках округа, главкомов родов войск. Получается, что Главком направления — это «свадебный генерал». С положением, но без прав. Ему необходим ранг заместителя министра и определенные правовые рамки по координации войск, действующих на данном направлении.

Сейчас идет непонятная реорганизация. Из армий изымаются средства ПВО. Зачем? Нужен упор на централизацию руководства по линии вероятного соприкосновения, а ныне — растопырка. Войска перенасыщены ядерными установками поля боя. Много на переднем крае отсталой техники наземной и авиационной. Заказы промышленности оформляются главкомаами родов войск помимо Генштаба. Они стремятся во что бы то ни стало использовать выделенные средства, чтобы сохранить базу капвложений, нередко заказывают промышленности устаревшую технику.

Есть факты, когда западники подбрасывают дезинформацию в расчете спровоцировать нас на дополнительные экономические затраты. А мы попадаем на удочку, бросаемся вдогонку.

Военно-промышленный комплекс — монополия Д.Ф.Устинова. ЦК КПСС чрезмерно передоверил все ему, фактически объединив в одних руках Минобороны и ВПК. Совет обороны работает формально.

Нужна социальная защита офицеров и большая забота о них и солдатах. Материальные и бытовые условия службы очень трудные».

Я спросил Николая Васильевича, докладывал ли он об этом и кому? Он ответил: «Неоднократно. В этом собственно и суть наших разногласий. О чем я и имел беседу в середине сентября с М.С.Горбачевым. Что касается Главкомнаправлений, то высказал министру свое мнение в эти дни».

(Характерно, что, по-моему, в конце 1985 — начале 1986 г.

М.С.Горбачев, информируя членов Политбюро о серьезных недостатках в работе Совета обороны, Министерства обороны, говорил примерно то же самое).

После кончины 20 декабря 1984 г. министра обороны СССР Д.Ф.Устинова министром обороны назначен маршал С.Л.Соколов.

Н.В.Огарков продолжал работать в Западном Главкомнаправлении. А затем ушел в отставку. В конце 1989 г. его избирают председателем Всесоюзного Совета ветеранов войны и труда. В Большом театре 8 мая 1990 года маршал Н.В.Огарков открывает и ведет торжественное собрание, посвященное 45-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. С докладом выступил М.С.Горбачев.

В стране разворачиваются августовские события 1991 г. Создается ГКЧП, взявшее на себя всю полноту власти в стране «в связи с недееспособностью Президента СССР М.С.Горбачева». Многие люди, предприятия и организации устно и письменно поддерживают действия ГКЧП. Однако, не имея ни четкой программы, ни организации, лидеры ГКЧП пасуют под напором широких демонстраций протеста в Москве и популистскими действиями руководства РСФСР. Выходит из Форосского «заточения» М.С.Горбачев. Состав ГКЧП берется под арест. Б.Н.Ельцин своими указами смещает поддерживавших ГКЧП руководителей регионов, предприятий и общественных организаций. Так была запрещена и деятельность Совета ветеранов войны и труда, распущено его бюро во главе с Н.В.Огарковым.

Николай Васильевич тяжело переживает происходящие в стране процессы: запрет КПСС, развал СССР, дискредитацию прошлого нашей страны, нападки на советские вооруженные силы. Здоровье его ухудшается и 23-го января 1993 г. Николая Васильевича Огаркова не стало.

Все мы, товарищи и друзья Н.В.Огаркова, выразили глубокую скорбь и сочувствие его родным и близким. В Дом Армии, где был установлен гроб, пришли проститься с видным советским военачальником маршалом Советского Союза Н.В.Огарковым его боевые товарищи: маршалы, генералы, офицеры, представители многих областей и республик. Масса простых людей потоком проходила перед гробом.

Так завершил свой жизненный путь верный сын Советской Родины маршал Советского Союза Николай Васильевич Огарков.

Выступление секретаря парткома авиационного завода В.И. Воротникова на общезаводском митинге в поддержку решений июньского 1957 г. Пленума ЦК КПСС. Куйбышев, июнь 1957 г.

Партийно-правительственная делегация во главе с Н.С.Хрущевым, в составе: М.А.Суслов, Л.И.Брежнев, Д.С.Полянский, А.Б.Аристов, А.Ф.Засядько, И.И.Кузьмин и др., участвовавшая в официальном открытии Волжской ГЭС им. В.И.Ленина и посетившая ряд предприятий Куйбышевской области на аэродроме авиационного завода перед отлетом в Москву. (Слева от Л.И.Брежнева секретарь парткома авиационного завода В.И.Воротников отвечает на вопросы корреспондента).

Н.С.Хрущев на Куйбышевском авиационном заводе в сборочном цехе.
Слева: Н.И.Дзюбан, В.И.Воротников, М.Т.Ефремов, Б.М.Данилов,
М.А.Ельшин, Н.С.Хрущев, А.Ф.Засядько. Куйбышев, август 1958 г.

2-й секретарь ЦК КПСС Ф.Р.Козлов среди отдыхающих санатория в Мисхоре.
Слева В.И.Воротников. Крым, август 1958 г.

В.М.Молотов, Г.М.Маленков, Н.С.Хрущев и А.И.Микоян на даче Сталина.

Л.И.Брежнев, Р.Никсон, Н.В.Подгорный, А.Н.Косыгин,
А.А.Громыко, Г.Киссинджер. Москва, 1972 г.

Л. И. Брежнев беседует с рабочими на заводе "Динамо". Москва, 1974 г.

Государственный визит в Индию делегации СССР во главе с Л. И. Брежневым.
В ее составе: А. Н. Косыгин, А. А. Громыко, Н. К. Байбаков, Д. А. Кунаев и др.

Руководители КПСС и Правительства в аэропорту "Внуково-2".
Л.И.Брежнев, Н.В.Подгорный, А.Н.Косыгин, М.А.Суслов, Д.С.Полянский,
К.Т.Мазуров, А.А.Гречко, Л.В.Смирнов и др. Москва, 1967 г.

Л.И.Брежнев и Г. Гусак на XIV съезде КПЧ. Прага, 1971 г.

Плантация сахарной свеклы. Дегустация молодых корней. А. Н. Косыгин, В. И. Воротников и др. Посевы сахарной свеклы совхоза Московский. Воронежская область, июль 1972 г.

А. Н. Косыгин на приеме в его честь у премьер-министра П. Логхиды в провинции Альбертаг. Эдмонтон, Канада. По приглашению индейского вождя курит с ним "Трубку мира".

А. Н. Косыгин и Президент Финляндии У. Кекконен на прогулке в горах Ставрополья в районе Домбая.

А.Н.Косыгин беседует с инженером НПО "Электроника".
Справа В.И.Воротников. Воронеж, 1972 г.

Ф.Кастро и А.Н.Косыгин в сборочном цехе Воронежского авиационного завода.
Справа В.И.Воротников. Воронеж, июль 1972 г.

Встреча делегации Республики Куба во главе с Ф. Кастро и сопровождающих их А. Н. Косыгина и К. Ф. Катушева в аэропорту г. Воронежа, июль 1972 г.

Посещение Фиделем Кастро Нововоронежской АЭС. Слева направо: К. Ф. Катушев — секретарь ЦК КПСС, В. И. Воротников — первый секретарь Воронежского обкома КПСС, Фидель Кастро, А. Н. Косыгин, П. С. Непорожний — министр энергетики СССР, Ф. Н. Овчинников — директор АЭС. Воронеж, июль 1972 г.

Брежнев, Андропов, Громыко.
Москва, Кремль, 1971 г.

Ю. В. Андропов в президиуме XXVI
съезда КПСС. Москва, 1981 г.

Д. Ф. Устинови Ю. В. Андропов на первомайской демонстрации. 1983 г.

Встреча делегации КП Кубы во главе с Ф. Кастро в аэропорту "Внуково-2", прибывшей на XXVI съезд КПСС. Слева: В.И.Долгих, К.У.Черненко, Ф.Кастро, В.И.Воротников. Москва, февраль 1981 г.

Делегация КПСС на II съезде КП Кубы: К.У.Черненко, В.И.Долгих, Н.К.Кириченко, В.И.Воротников у резиденции, где разместились делегация. Гавана, декабрь 1980 г.

М.А.Суслов, кандидат в депутаты ВС РСФСР, на встрече с избирателями г. Тольятти в зале Политехнического института. Выступает начальник "Куйбышевгидростроя" Н.Ф.Сенизоров. г. Тольятти 1968г.

М.А.Суслов, кандидат в депутаты ВС РСФСР, беседует с рабочими на заводе ВЦТМ в г. Тольятти. Слева В.П.Орлов — 1-й секретарь Куйбышевского обкома, справа В.И.Воротников — председатель Куйбышевского облисполкома. 1968 г.

Встреча А.А. Громыко в аэропорту им. Х. Мартиг. Гавана. Куба, сентябрь 1980 г.

Пионеры советской школы г. Гаваны приветствуют А.А. Громыко в аэропорту Гаваны. Справа — посол СССР в Республике Куба В.И. Воротников. Куба, сентябрь 1980 г.

Прием, организованный Ф.Кастро в честь А.А.Громыко в правительственном ранчо на воздухе (в духе туземных традиций). Куба, Гавана, сентябрь 1980 г.

Фидель Кастро и Карлос Рафаэль Родригес в резиденции А.А.Громыко, находящегося на Кубе с официальным визитом.
Куба, Гавана, сентябрь 1980 г.

Л.И.Брежнев и Д.Ф.Устинов во время переговоров с иностранными собеседниками. Москва.

Д.Ф.Устинов на одном из заводов. Слева 1-й секретарь Куйбышевского обкома КПССЕ.Ф.Муравьев.г.Куйбышев.1981г.

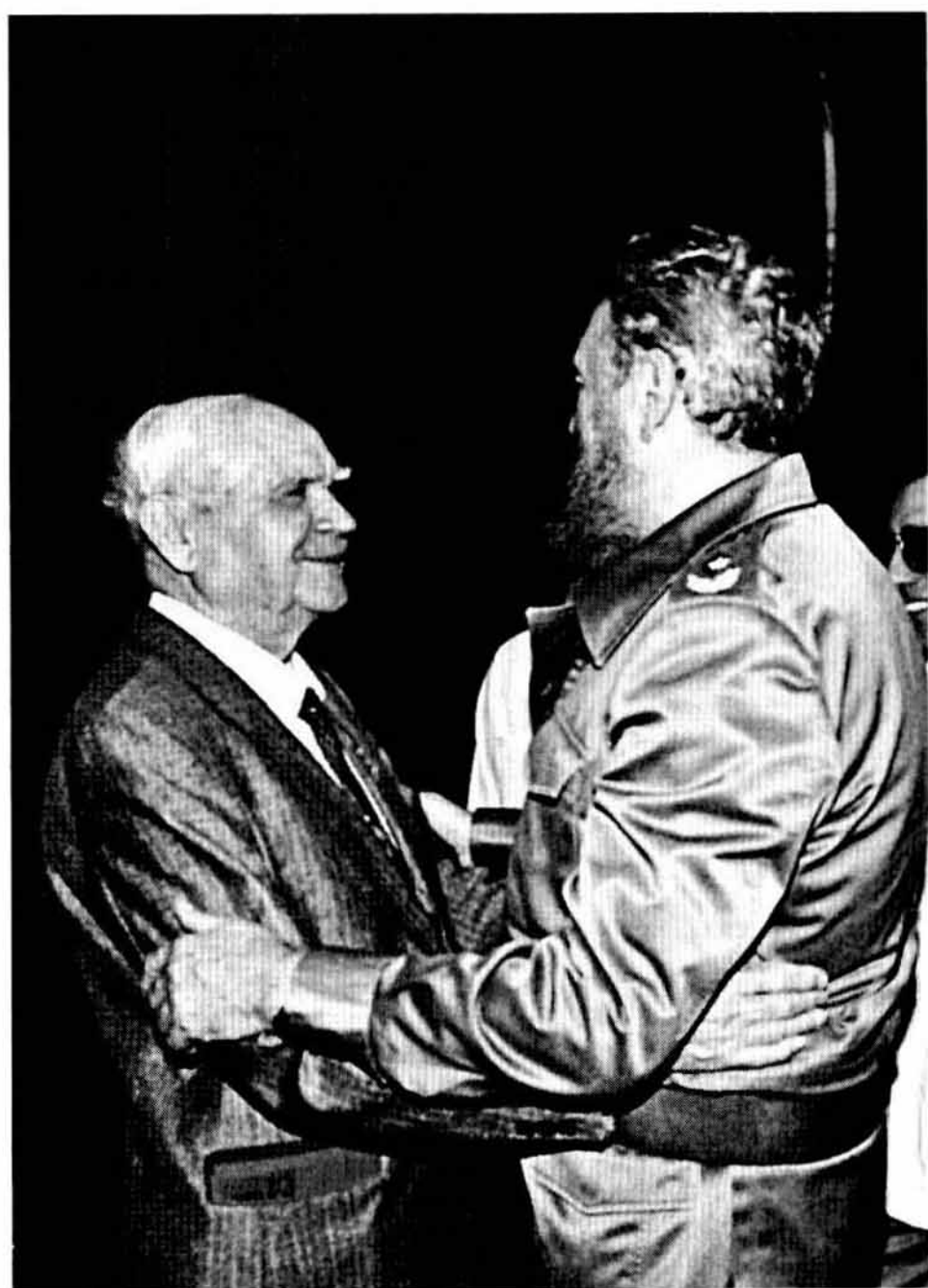

После вручения Д.Ф.Устиновым от имени президиума ВС СССР К.У.Черненко наград в связи с присвоением 3-й раз Звания Героя Социалистического Труда. Слева: В.И.Долгих, Б.И.Пономарев, И.В.Капитонов, Г.А.Алиев, М.В.Зимянин, Д.Ф.Устинов, Е.К.Лигачев, Н.А.Тихонов, К.У.Черненко, М.С.Горбачев, В.В.Гришин, В.И.Воротников, П.Н.Демичев. Москва, Кремль, Зал заседаний политбюро, 4 октября 1984 г.

Н.К.Байбаков и В.И.Воротников на заседании правительственной комиссии СССР—Куба в Гаване, по согласованию проекта плана сотрудничества на 1981—1985 гг. Гавана, декабрь 1980 г.

Н.К. Байбакови Ф. Кастро. Гавана, 1981 г.

Н.К. Байбаков с супругой на приеме в резиденции посла СССР на Кубе В.И. Воротникова. Гавана, 1981 г.

БОРИС ИВАНОВИЧ СТУКАЛИН

Сложно писать о человеке, о личности многогранной по своим качествам, каким был Борис Иванович Стукалин. Настолько широк был диапазон его деятельности, интересов и увлечений, и, что особенно поражало, — свойства его доброй, отзывчивой души.

Здесь всё гармонично, переплетено многими нитями. И лишь конкретная оценка — газетчик, журналист, «книжник» — дает право на такие определения. Он сам выражал эту свою жизненную привязанность, как «состояние души». Но каков должен быть кругозор, эрудиция, какими широкими связи, контакты с людьми, знание всех перипетий жизни, если ты хочешь быть, а не слыть истинным газетчиком, умелым и принципиальным журналистом, ненасытным книжником. Это всё в Борисе Ивановиче было. К тому же и высокие человеческие качества: деликатность, скромность, скрупулезная обязательность и высочайшая ответственность за порученное дело, сочетавшиеся с общительностью и отзывчивым отношением к людям, тонко чувствующим чужую беду, готовым всегда прийти на помощь. Если к этому добавить высокий профессионализм, образованность, интеллигентность, то это и есть, в общих чертах, образ моего доброго товарища, и, смею сказать, в его последние годы одного из самых близких друзей — Б.И.Стукалина.

Мы люди одного поколения. Разница возраста в два с небольшим года роли не играет. Он — активный участник Великой Отечественной войны, фронтовик, прошедший неокрепшим юношей её огненные дороги. Мои юные годы пришлись в военную пору на авиационный завод, продукцию которого самолеты-штурмовики ИЛ-2 высоко ценили на фронте. Да, и пути движения по жизни, наши судьбы во многом у нас совпали. Крестьянские корни, раннее взросление, ратная и рабочая пора, тяга к образованию, знаниям, — работа и одновременно учеба в ВУЗах. Ну, а далее обычный путь советского человека-специалиста по ступеням к более высокой ответственной работе.

И когда наши судьбы в 1993 году пересеклись в Москве, в землячестве «Воронежцы», то мы скоро поняли друг друга и отношения из просто уважительных, затем товарищеских, перешли в дружеские.

И вот, не стало Б.И.Стукалина. Для меня эта утрата явилась настолько тяжелым потрясением, болью, которые не только не притупились, а, более того, все острее ощущаются теперь, потому что

образовалась какая-то пустота, резко сузился круг наших общих товарищей. Нам всем землякам-воронежцам так его не хватает.

Работая в Воронеже в начале 70-х годов, я неоднократно слышал от товарищей, особенно от воронежских писателей, журналистов, лестные отзывы о бывшем редакторе областной газеты «Коммуна» Борисе Стукалине. Они вспоминали, как популярна и авторитетна была при нем газета, сожалели о том, что ему недолго пришлось поработать в качестве её главного редактора. Активного, общительного и принципиального редактора вскоре взяли в аппарат ЦК КПСС. Гордились тем, что их земляк теперь в Правительстве СССР — возглавляет издательское дело страны. Я знал Бориса Ивановича в лицо, видел его, всегда окруженного людьми, на различных мероприятиях в Москве, но лично познакомиться нам не пришлось. Мне импонировала его внешность, манера поведения, умение держаться непринужденно, скромно, но с достоинством.

В то время Б.И.Стукалин развернул активную работу по укреплению и развитию базы полиграфии не только в Москве, но и на периферии. «Привязали» строительство полиграфического комбината «Коммуны» и в Воронеже. К нам приезжали работники Госкомитета по печати и издательству. Мы обсуждали тип комбината, спорили, выбирая площадку под строительство. Местные газетчики хотели разместить его в центре города, но это было и сложно, и нерационально. Наконец, договорились, и вскоре началось строительство на свободной площадке при въезде в город со стороны Московского шоссе. Но, по-моему, сам Борис Иванович побывал на стройке, когда меня уже перевели из Воронежа в Москву. Коротче, я с ним в Воронеже не встречался.

Работая в Москве в 1975—1979 гг., я, как первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, постоянно участвовал в заседаниях Президиума Правительства СССР, которые вел А.Н.Косыгин.

И могу свидетельствовать, насколько грамотно и доказательно Борис Иванович Стукалин защищал интересы отрасли при рассмотрении проектов годовых народнохозяйственных планов. Четко и порой иронично отбивая наскоки некоторых, не очень сведущих в деле товарищей. Чем вызывал уважительные реплики и поддержку со стороны Алексея Николаевича Косыгина, человека весьма сдержанного.

Судьба распорядилась так, что в начале 1979 года решением ЦК КПСС я был направлен на работу Послом СССР в Республику Куба. И возвратившись в Союз в июле 1982 года, был избран первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС.

Первая моя встреча с Борисом Ивановичем Стукалиным состоялась в апреле 1983 года. Он с декабря 1982 года работал заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС. Дело было так.

Ещё в январе Борис Иванович позвонил мне в Краснодар и рассказал, что в ЦК получено объёмное письмо, в котором автор пишет о неблагоприятном поведении и действиях секретаря крайкома, ведавшего вопросами идеологии. Причем описывает факты, в том числе и 10—15 летней давности. Зачитав некоторые из них, Борис Иванович спросил моего согласия прислать для проверки сотрудника Отдела. Это была обычно принятая тогда форма проверки жалоб, тем более, если они касались ответственных партийных работников. Я, конечно, не возражал.

Правда, забот и без этого письма у меня на Кубани было немало. Мой предшественник С.Ф.Медунов был освобожден от работы в основном за то, что не принимал своевременных и действенных мер к борьбе с распространившимися в последние годы в крае взяточничеством, коррупцией, был неразборчив в подборе кадров. Причем, преступные действия проявлялись в Краснодаре, Сочи, Геленджике и ряде районов края и касались многих сфер: торговли, общественного питания, образования. Замешаны в них были видные партийные и советские работники. В Краснодаре работало несколько высоких комиссий из Генпрокуратуры, МВД, других московских ведомств.

Естественно, всё это требовало внимания крайкома партии. Хотя я категорически отметал все попытки втянуть аппарат, секретарей в какие-либо проверки, требуя от правоохранительных органов внимательно и объективно разбираться самим. Правда, одни только доклады комиссий мне о ходе проверок и выводах занимали немало времени. Потому и в разговоре с Б.И.Стукалиным я был сдержан и мы не вышли в беседе за рамки этого вопроса.

Через несколько дней к нам приехал товарищ из аппарата ЦК и занялся проверкой. Работал он активно, встречался с автором письма, с секретарем крайкома, другими людьми. Через пару недель он доложил на заседании Бюро крайкома свою Записку в ЦК об итогах проверки жалобы. Действительно, как и писал автор, наш секретарь (не хочу называть его фамилию, так как считаю его неплохим человеком и дельным работником) часто выступал со статьями в местной печати, издал несколько своих книг, был порою несдержан, даже груб по отношению к сотрудникам, без должных оснований улучшил жилищные условия своей семье. Другие же факты были отмечены, как не соответствующие действитель-

ности. Бюро согласилось с Запиской и указало секретарю на допущенные недостатки в работе и поведении.

И вот, будучи в Москве, я зашел в ЦК к Борису Ивановичу Стукалину.

Рассказал о делах в крае, общей обстановке и настроениях кубанцев, а также об итогах рассмотрения жалобы и Записке по ней в ЦК КПСС. В беседе мы коснулись и других вопросов, в том числе и моей работы на Кубе, вспомнили Воронеж. Беседа была непродолжительной, всего 15—20 минут, но уважительной и сдержанной.

Условились, что Отдел, видимо, не будет вносить Записку на рассмотрение Секретариата ЦК, как предполагалось ранее, а, скорее всего, ограничится принятыми Бюро мерами и разъяснениями данными автору письма. Что касается секретаря крайкома, который уже более 15 лет занимал эту должность, то Стукалин согласился с моим предложением через некоторое время переместить его на другую работу.

После этой нашей встречи прошло два месяца и на июньском 1983 года Пленуме ЦК, где обсуждался вопрос: «Об идеологической работе партии», в подготовку которого Отдел пропаганды и его заведующий Б.И.Стукалин вложили много труда, прошел не совсем так, как ему хотелось. Докладчик К.У.Черненко читал доклад монотонно, сбиваясь, чем явно снизил его достоинства. Хотя выступавшие в прениях члены ЦК и, особенно, Ю.В.Андропов в заключительной речи подняли уровень доклада. Я был на этом Пленуме, ставшим для меня рубежным. Именно на нем меня рекомендовали на работу Председателем Совета Министров РСФСР и избрали кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

По-моему, и это подтверждается высказываниями в последующем самого Бориса Ивановича, два с половиной года, проведенные им в аппарате ЦК были менее плодотворными, нежели деятельность в Правительстве СССР или в редакции «Правды». Во-первых, он, привыкший к самостоятельной творческой и большой хозяйственной работе, чувствовал себя неуютно в рутинной обстановке, которая была характерна для аппарата ЦК. Во-вторых, хотя непосредственным шефом Отдела являлся хорошо знакомый Б.И.Стукалину и уважаемый им М.В.Зимянин, но в период подготовки материалов к докладу на июньском Пленуме ЦК, с которым должен выступить секретарь ЦК К.У.Черненко, Борису Ивановичу приходилось, о чем он и сам пишет в своей книге, часто заходить к Черненко. Эти вынужденные контакты с ним по работе вызывали недовольство у Генсека Ю.В.Андропова (а ведь именно он пригласил Стукалина на работу в ЦК). Борис Ивано-

вич, сам того не ведая, оказался втянутым в весьма не простые отношения между этими двумя лидерами партии. К тому же с первых месяцев работы в ЦК он ощутил, прямо скажем, пристрастное отношение к себе со стороны набиравшего силу М.С.Горбачева. Всё это создавало нервную обстановку и не способствовало активной творческой работе. Хотя и в этих условиях Б.И.Стукалину удалось провести ряд крупных решений ЦК по важным вопросам. Я уже упомянул июньский Пленум ЦК. Затем участие в работе Комиссии М.В.Зимянина по подготовке проекта школьной реформы, в Комиссии по подготовке новой Программы КПСС, а также подготовленное по инициативе Бориса Ивановича, и принятое в начале 1984 года постановление ЦК: «Об укреплении полиграфической базы районных и городских типографий и улучшению их работы». Я помню, как обсуждался на Секретариате ЦК этот вопрос, четкий и аргументированный доклад Б.И.Стукалина. Решение тогда было принято почти без замечаний. (Правда, реализация этого решения была затем провалена перестройкой). Однако иезуитская манера Горбачева третировать неугодных ему людей, тем более в пору, когда он стал Генсеком, пришлась и на долю Бориса Ивановича, который не мог допустить такого обращения, и сам, по сути, попросил в июне 1985 года отставки. На предложенную ему работу Посла в Венгрии пошел без раздумий, так как был в хороших отношениях с Яношем Кадаром. Я могу сказать, что сожалею о том, что, будучи членом Политбюро ЦК, не сблизился в те годы с Борисом Ивановичем до такой степени, чтобы содействовать ему в трудную минуту. Но ведь и мне тогда было непросто вписаться в сложные перипетии отношений, царивших на Старой Площади.

В конце 1993 года в Москве было образовано общественное объединение «Воронежское землячество». Было выявлено в Москве около 300 земляков. В январе 1994 года состоялся первый «большой сбор», в котором приняли участие более 250 человек. Из Воронежа прибыла представительная делегация во главе с губернатором А.Я.Ковалевым. Обсудили структуру и направления работы землячества, избрали Правление, в состав которого вошел и Б.И.Стукалин. Возглавить Правление поручили мне. Именно с этого времени можно начинать отсчет наших отношений, перешедших вскоре в более чем товарищеские.

Особенно укрепились они во время работы над рукописью моей книги «А было это так». В том, что она была издана огромная заслуга Бориса Ивановича.

Решив написать своего рода хронику горбачевской перестрой-

ки, я хотел восстановить историческую правду событий этого периода и действий, участвующих в них людей, вопреки появившимся в начале 90-х годов книг некоторых политиков-демократов, искаживших и сами события и поведение лидеров перестройки. Материалов накопил много: дневники, записи с заседаний Политбюро и Пленумов ЦК, частных встреч с Горбачевым и другими коллегами из ПБ. Подобрал и нужные официальные документы. Опыта «писательства» у меня не было и на работу над рукописью ушло более полутора лет. Получился объем в 1450 машинописных страниц. Встал вопрос, как издать книгу? Без раздумий решил обратиться за советом к Б. И. Стукалину. Он тогда возглавлял небольшую организацию «Совет ветеранов книгоиздания».

Первый разговор с ним: «Давайте я посмотрю рукопись, тогда и поговорим». И очень удивился объему рукописи, когда я принес ему большую тяжелую пачку листов: «Ого, как много Вы наработали!» Через неделю мы встретились у него на квартире. «Знаете, материал очень интересный, но чересчур объемный. Это же двухтомник. Надо и можно без ущерба сократить, причем почти вдвое» и стал, перебирая страницы рукописи, показывать мне свои пометки (почти каждая страница была испещрена пометками карандашом, а некоторые — перечеркнуты). Я молчал, думая, что же он сделал! Борис Иванович спокойно и обстоятельно стал объяснять: «Вы не расстраивайтесь. Сокращение не принесет ущерба книге, а более того улучшит её, так как многовато официоза, есть неоправданные длинноты, рукопись пересыщена фактами. Сложнее будет с изданием. Политическую книгу издатели берут неохотно, нужен спонсор. Вот над чем надо думать».

Мы ещё поговорили о последовательности наших действий, и в заключение беседы Борис Иванович сказал, что постарается уговорить В.И.Десятерика, руководителя «Фонда им. И.Д.Сытина» взяться за издание книги. А мне предстоит поработать над сокращением и найти спонсора.

Не буду описывать все перипетии работы. Скажу только, что мы фактически вдвоем сократили текст до 610 страниц. Кубинская фирма Si-MAR, которая взялась издать вариант моей книги на испанском языке, согласилась частично профинансировать и русский вариант. Нашлись и недостающие деньги. В.И.Десятерик под разными предложениями не взялся за её издание. На переговорах мы были с Б.И.Стукалиным. Он мягко пытался убедить Владимира Ильича. Но в итоге, заявил, что возьмет заботу об издании на себя.

Хотя, формально был определен редактор книги, но фактически, всю работу по её редактированию и изданию Борис Иванович

возложил на свои плечи. Работал и с художником, и с типографией. И в сентябре 1995 года мы получили первые сигнальные экземпляры “А было это так” и представили их на только что открывшуюся на ВДНХ книжную ярмарку. И хотя книга была неказистой по виду: в мягкой обложке, с убористым шрифтом, я держал её в руках, испытывая радость от сделанного. Доволен был и Борис Иванович Стукалин, и большая группа земляков, пришедших с нами на ярмарку. Конечно, этот факт здесь же был отмечен затянувшимся фуршетом.

В сентябре—декабре прошли презентации книги “А было это так” в Федерации Мира и согласия у В.И.Федосова, в книжных магазинах “Библио-Глобус” и на Новом Арбате, а также в Воронеже. Вел презентации Б.И.Стукалин. Информацию о выходе книги поместили на своих страницах несколько газет и один журнал. Всё это способствовало тому, что 5000 экземпляров книг разошлись в течение полугода.

Следующие две моих книги вышли из печати в 1999 и 2001 годах, а второе дополненное издание “А было это так” — в 2003 году. И все они издавались под опекой Бориса Ивановича Стукалина, правда, с значительно меньшими трудностями, чем первый мой труд на ниве публицистики. И я ему признателен и благодарен за науку, помощь и поддержку.

Наши с ним отношения касались, естественно, не только книгоиздания. Мы подружились, регулярно встречались по разным поводам в Землячестве. Несколько раз ездили в Воронеж по приглашению руководства города и области. Это были интересные поездки в область, которой мы оба были привержены: я с рождения, а он с юных довоенных лет. Встречались там с давними друзьями, посещали многие районы, конечно, и Острогожск — город, где Борис Иванович начинал свою трудовую и творческую деятельность, и к которому он и его супруга — Ольга Яковлевна питали особую привязанность. Острогожцы относились к своим видным московским землякам с большим уважением, вниманием и заботой. Б.И.Стукалину было присвоено звание “Почетного гражданина города”.

В Москве мы жили неподалеку. И, обычно созванивались, когда была необходимость обсудить тот или иной вопрос, встретиться в одном из арбатских переулков, идя навстречу друг другу. Как правило, это был Малый Власьевский. Прогуливаясь, провожая поочередно, то меня, то его, мы говорили, говорили, выходя далеко за пределы вопроса ставшего первопричиной встречи. Обстоятельные беседы вели в поезде, во время поездок в Воронеж. Всё в

вагоне располагало к неспешному разговору. Темы самые разные, чаще о нынешнем положении России, о политических вывертах власти, губительных для народа экономических и социальных реформах, лживых СМИ. Критически оценивали, не всегда адекватные реальностям жизни действия лидеров КПРФ, переживали за досадные упущения партии в тактике по отношению к органам власти в регионах.

Но было много и душевных тем. Борис Иванович, хотя, и редко, но вспоминал разные случаи из фронтовой жизни — горькие и забавные. Зато много говорили оба о послевоенном времени. Он образно, с юмором рассказывал о первом своем приобщении к работе в газете, о пеших многокилометровых походах юного корреспондента в непогоду по хозяйствам района, о встречах и беседах с крестьянским людом. Борис Иванович с большой теплотой говорил о трудной и полезной работе в “Правде” с М.В.Зимяниным, к которому он относился с большим уважением, как о профессионале, умелом организаторе и непревзойденном тактике. Помнил все, даже незначительные факты, когда Главный редактор помогал и выводил своего первого заместителя из под удара лидеров ЦК. Рассказывал о курьёзных и сложных эпизодах редакторской деятельности.

Период работы Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Венгрии Борис Иванович считал полезным и важным. У него сложились хорошие отношения с Яношем Кадаром, другими венгерскими руководителями, хотя он прямо и откровенно выражал свое несогласие с некоторыми их действиями в области политики и экономики. Уже будучи на пенсии, Б.И.Стукалин по приглашению нового руководства Венгрии посещал Будапешт, участвовал в работе тематических конференций, что подтверждает уважительное отношение к нему, как к бывшему Послу СССР.

Вообще, Борис Иванович, побывавший во многих странах мира, имевший встречи с лидерами государств и партий, видными экономистами и бизнесменами, известными творческими личностями хранил в своей памяти массу интересных, поучительных и забавных историй. А будучи весьма умелым рассказчиком, нередко с юмором или иронией “угощал” нас этими побасенками.

Работая вместе над изданием моих книг “Такое вот поколение” и “Гавана — Москва”, я несколько раз спрашивал Бориса Ивановича, почему он не напишет о своей жизни, работе, встречах с интересными людьми, о всем том, чем богата и интересна его биография. В ответ он отшучивался: “Да, я так помаленьку кропаю бумагу, пока в стол. Все времени не выберу. Посмотрю,

что получится. Может и решусь на “подвиг”, — с улыбкой говорил он. И лишь в 2002 году, наконец, вышла в “Фонде им. И.Д.Сытина” его замечательная по содержанию и литературной стилистике книга “Годы, дороги, лица”, вызвавшая огромный интерес читателей.

О Борисе Ивановиче Стукалине, личности крупной, неординарной можно говорить и писать бесконечно. Скажу лишь так. Для меня Б.И.Стукалин открылся не только как единомышленник в мировоззрении, в оценке событий прошлого СССР и нынешней России, но и как высокий профессионал и умелый организатор, эрудированный собеседник, умные и рассудительные советы которого в решающей степени помогли в работе над рукописью трех моих книг. Как человек бывалый с богатым жизненным опытом, исключительно трудолюбивый, до щепетильности скромный, а также чрезвычайно ответственный и принципиальный. Добрый и отзывчивый товарищ.

Борис Иванович Стукалин был истинным патриотом своей Родины, непримиримым борцом за социалистические идеалы. Он с болью воспринял развал Советского Союза, с негодованием и свойственной ему прямоотой говорил о предательской роли повинных в этом М.Горбачева, А.Яковлева, Б.Ельцина и их приспешниках. Борис Иванович с недоверием относился к словам и заверениям В.В.Путина. Одним из первых он заявил о фактической приверженности нового Президента РФ реформам своего предшественника. Б.И.Стукалин буквально страдал от понимания того, что Россия неуклонно сползает вниз в число зависимых стран, становится сырьевым придатком развитых капиталистических государств. Это свое видение он выразил на последних страницах книги “Годы, дороги, лица”.

ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ

Весть о том, что на наш Куйбышевский авиационный завод № 18 прибывает новый министр авиационной промышленности Петр Васильевич Дементьев быстро облетела цеха. Дошла она и до нашего цеха № 34, в котором я работал заместителем начальника цеха по подготовке производства. Это было, по моему, в сентябре или начале октября 1953 г. Начальник цеха В.Н.Гудаев предупредил меня, что не исключено посещение министром и нашего цеха.

Это был период разворота работ по освоению самолета Ту-95. Машины по конструкции и технологии значительно более сложной, нежели выпускаемая до того заводом Ту-4. Нашему цеху, по существу новому с точки зрения используемого оборудования и технологии, требовалось первому на заводе выдать детали и узлы в агрегатные цехи на сборку. Именно с поясов лонжеронов, бимсов, стрингеров и других начиналась стапельная сборка агрегатов. Да и другие силовые детали и узлы надо было поставлять в числе первоочередных. Понятно, что с обстановкой в этом цехе захочет ознакомиться министр.

Так и произошло. Около 11 часов дня мы с В.Н.Гудаевым и замом по производству В.М.Хахалиным встречали министра. С ним пришли директор завода А.А.Белянский, Главный инженер Б.М.Данилов, зам. Главного технолога К.Д.Зубахин (он сказал — первыми пошли в ваш цех) и ещё кто-то. Всего 5-6 человек. Поздоровались и пошли по цеху.

Было ещё относительно тепло. Петр Васильевич — невысокого роста, одет в темный, модный костюм, в мягкой фетровой шляпе, надвинутой на глаза. Я увидел его впервые. Несколько минут идем по участкам цеха молча. Министр щурит и так узкие глаза, резко меняя направление движения от станка к куче деталей. Останавливается у стапеля, где идет подгонка плоскостей стыка поясов лонжерона. Спрашивает: «Почему шабером, вручную?» Объясняю, что механическая обработка уже прошла, а это конечная, финишная операция. Идет шабровка по краске, иначе не будет плотного стыка, а это силовая связь центроплана с ОЧК (отъемной частью крыла). Он смотрит на меня снизу вверх недоверчиво, потом пробует рукой поверхности стыкуемых «на ус» плоскостей и отходит. Надолго останавливаемся у копировально-фрезерного станка ПКФ-12. Он работает по копиру с гидравлически-следающей системой, обрабатывает поверхности длинномерных прессованных поясов, выходя-

щих в обвод на поверхность крыла и повторяющих его аэродинамический профиль. Просит включить станок. Фрезеровщик стоит на движущемся портале и делает один, другой проход. Министр жестом останавливает. И улыбаясь уголком рта, говорит: «Молодцы горьковские станкостроители, сделали как надо. Мы думали закупать это оборудование у американцев за валюту. А наши сделали, и неплохо. Правда?» — обращается к нам. Мы подтверждаем. Хотя помучиться, чтобы отладить этот сложный станок, пришлось немало и механику, и технологу (пришлось пересчитать параметры копира), и фрезеровщику, чтобы освоить это сложное сооружение.

Отошли от станка и у разметочной плиты пошел разговор. Петр Васильевич заговорил с В.Н.Гудаевым. Вопрос за вопросом: в чем трудности? Как подготовлены кадры для новой техники? Какие изделия уже освоены и каков «процент годных», от всей номенклатуры цеха на самолет? Как с заработком рабочих? и т. п. Владимир Николаевич отвечал, что проблем много, но решаем. Кадры в цехе опытные, есть и молодые, грамотные специалисты. Но нужны и стимулы. П.В.Дементьев перебил, кивнув в мою сторону: «Я вижу. Сколько Вам лет?» Отвечаю — 27. «Инженер?» Нет, заканчиваю 6-й курс авиационного института на вечернем отделении. «Оно и видно, такой худющий. Начальнику надо поддерживать молодежь». Потом к А.А.Белянскому: «Я ещё раз убеждаюсь, что Гудаев прав, надо вводить аккордную систему оплаты на важных участках. И дать право начальнику цеха из выделенной суммы платить рабочим и премировать ИТР. Готовьте предложения».

На этом разговор завершился. Министр пожал нам руки у выхода из цеха и группа направилась к подъехавшим машинам.

П.В.Дементьев произвел хорошее впечатление. В меру строг, немногословен, скорее молчалив. Вопросы задавал по делу, не лез в мелочи, не пытался разыгрывать «высокого чина». Принял важное решение о материальной поддержке коллектива завода с целью стимулировать освоение новой, нужной стране машины.

Позже я узнал, что П.В.Дементьев в авиационной отрасли и на заводе человек известный и популярный, как руководитель.

Об этом следует рассказать подробнее.

До 1939 г. авиационные заводы входили, как подотрасль, в состав наркомата оборонной промышленности СССР. Наркомом был Михаил Моисеевич Каганович, брат Л.М.Кагановича. В начале января 1939 года было принято решение организовать наркомат авиационной промышленности, выделив его из наркомоборонпрома. Наркомом стал тот же М.М.Каганович. Проработал он в этой должности один год, — день в день.

Вместо М.М.Кагановича наркомом авиационной промышленности был назначен А.И.Шахурин — первый секретарь Горьковского обкома партии. Вот так он рассказывает об этом в своей книге: «Крылья Победы».

«10 января 1940 г. был вызван из Горького в ЦК. В 17.00 вошел в кабинет к И.В.Сталину, там кроме него находились Молотов, Ворошилов и другие члены Политбюро. Сталин предложил мне сесть, а сам продолжал молча ходить по кабинету. Потом остановился около меня и сказал: «Мы хотим назначить вас наркомом авиационной промышленности. Нужны свежие люди, хорошие организаторы и знающие к тому же авиационное дело. Как вы к этому относитесь?»

Алексей Иванович пишет, что предложение было для него неожиданным. Высказал сомнение, справлюсь ли с такой работой.

Ему возразили, что и по образованию, — инженер машиностроитель, по работе в Академии ВВС им. Жуковского, по опыту — первый секретарь Ярославского обкома партии, а затем в Горьковской, одной из крупнейших в стране области с развитой промышленностью. Чего же сомневаться?

«Сталин, — говорит А.И.Шахурин, — пригласил в кабинет молодого военного. Это был конструктор Яковлев».

А.С.Яковлев, пишет в своей книге «Цель жизни», что Сталин пригласил его сесть, и сказал: «ЦК решил освободить от должности наркома авиационной промышленности Кагановича, как не справившегося». И дал Кагановичу довольно нелестную деловую характеристику. «Новым наркомом назначен Алексей Иванович Шахурин». Мы были представлены друг другу. «А вас ЦК решил назначить заместителем к товарищу Шахурину. Будете заниматься наукой и опытным производством».

«Я был поражен, — пишет Яковлев, — стал говорить, что молод, нет опыта и т.д. Доводы мои не были приняты».

Так к руководству наркоматом авиационной промышленности пришли 35-летний нарком А.И.Шахурин и 34-летний заместитель А.С.Яковлев.

«Разговор о подборе других заместителей, — Сталин сказал, — продолжим несколько позже».

А.И.Шахурин пишет в своей книге: «Моим первым заместителем спустя некоторое время (в начале 1941 г.) стал Петр Васильевич Дементьев (ему тогда исполнилось 34 года), до этого — директор московского авиационного завода. Я знал его много-много лет, с тех пор как был парторгом ЦК на этом заводе». И дает ему характеристику: «Волевой, решительный, с хорошей хваткой,

Дементьев быстро ориентировался в обстановке и точно определял в ней главное. Исключительная ситуация требовала и исключительной энергии при решении чрезвычайно трудных и сложных задач. Дементьев, отвечавший за серийное производство самолетов всех типов, сумел обеспечить многие из намеченных крупных мероприятий, что позволило в значительной степени наверстать упущенное, даже опередив сроки, которые ставил перед нами ЦК партии».

Заместителями наркома авиационной промышленности кроме А.С.Яковлева, назначают: В.И.Кузнецова — по опытному моторостроению, П.А.Воронина — начальника главка истребительной авиации, А.И.Кузнецова — начальника главка бомбардировочной авиации. Первый заместитель — П.В.Дементьев. Итого — пятеро.

Так, в предвоенную пору обновилось руководство наркомата авиационной промышленности. Активная и плодотворная деятельность наркомата, его предприятий, ОКБ и других организаций серьёзно повысили уровень авиационной техники уже в предвоенный период. На вооружение армии стали поступать современные самолеты разных типов. Ряд заводов, ОКБ, НИИ в августе 1941 г. были удостоены правительственных наград. В том числе Воронежский авиационный завод № 18 был награжден орденом Ленина. Звание Героя Социалистического Труда удостоен Главный конструктор С.В.Ильюшин, ОКБ которого создало самолет-штурмовик ИЛ-2. В сентябре этого же года звание Героя Социалистического Труда было присвоено А.И.Шахурину, П.А.Воронину, П.В.Дементьеву, директору завода А.Т.Третьякову, академику С.А.Чаплыгину — научному руководителю ЦАГИ. Они явились одними из первых трех-четырёх десятков выдающихся личностей, — рабочих, крестьян, специалистов, деятелей науки и культуры, руководителей предприятий и отраслей народного хозяйства СССР, — удостоенных такого высокого звания. Кстати, введенного Указом Президиума Верховного Совета СССР недавно — в декабре 1938 г.

Биография Петра Васильевича Дементьева типична для многих сверстников его поколения. Деревенский парень из села Убен, глубинки Татарской АССР, с 15 лет начал свой трудовой путь рабочего человека. Окончив профтехучилище, приезжает в Москву и поступает в механический институт им. Ломоносова, но вскоре переводится в один из ведущих Вузов страны — Военно-воздушную академию им. Жуковского. С 1931 г. выпускник Академии проходит замечательную школу в науке и на производстве: сначала ведущий инженер и начальник отдела НИИ. С 1934 г. на заводе: заместитель начальника цеха, начальник цеха, главный инженер и

директор завода. Этот опыт оказался бесценным, когда в январе 1941 г. Петр Васильевич стал первым заместителем наркома и ещё больше приумножился к 1953 г., когда П.В.Дементьев занял пост министра авиационной промышленности СССР.

«Военные годы. Буквально через пару месяцев после начала войны, — пишет в своей книге А.А.Шахурин, — возникла необходимость снимать со своего места авиационные заводы, расположенные в европейской части СССР. Больше ста предприятий авиационной промышленности и более тысячи заводов других отраслей промышленности перебрасывались в Заволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток».

В первые дни октября 1941 г. такое указание поступило и в Воронеж на авиационный завод № 18 им. Ворошилова. Определено место эвакуации — г. Куйбышев, где разместились и несколько других заводов авиационной и иных отраслей промышленности. Туда уже начали перебазировать из Москвы правительственные структуры во главе с Н.А.Вознесенским, с частью аппарата ЦК прибыл в Куйбышев А.А.Андреев, выезжал и ряд наркоматов. В том числе и авиационной промышленности. Покинул Москву в середине октября и А.И.Шахурин.

Первый эшелон Воронежского авиационного завода отправился в эвакуацию 10 октября, а прибыл в Куйбышев, вернее на площадку, предоставленную заводу на станции Безымянка, 19 октября. Там ещё только возводились цеха будущего предприятия. Последние эшелоны прибыли в Куйбышев в начале декабря. Некоторое время в Воронеже продолжался выпуск самолетов ИЛ-2, пока не вывезли всё: агрегаты, детали, оборудование, оснастку, документацию и, конечно, людей.

Руководить отраслью из Куйбышева, рассказывает А.И.Шахурин, было чрезвычайно трудно: не было надежной связи, а заводы разбросаны по стране, многие организации находились в Москве. Поэтому руководство наркомата пробыло в Куйбышеве недолго, до начала ноября. По согласованию с Москвой было решено создать в Куйбышеве межотраслевой Главк № 15, возложив на него обязанности по координации действий эвакуированных предприятий. Их оказалось немало. Воронежский и Московский самолетостроительные заводы — № 1 и № 18, моторостроительный завод № 24 тоже из Москвы, завод бронекорпусов, воздушных винтов, автоматики, самолетного вооружения, аэродромного оборудования, филиал ОКБ С.В.Ильюшина и НИАТа, строительные организации наркомата. Главк разместили на Безымянке, поближе к заводам. Возглавил его Д.Е.Кофман.

Во второй половине дня, побывав ещё в нескольких цехах, новый министр провел совещание в кабинете директора А.А.Белянского, куда пригласил всех руководителей цехов и отделов завода. Возвратившись оттуда вечером, В.Н.Гудаев собрал ИТР цеха и рассказал. Основная тема совещания, что представляет собой самолет Ту-95, его значение для безопасности страны, и задача завода — использовать максимально возможности коллектива, чтобы ускорить подготовку и освоение производства машины. Затем П.В.Дементьев поделился своими впечатлениями о посещении цехов. Высказал несколько критических замечаний, но без разноса. Кое-что похвалил, в том числе и наш цех № 34, который уже работает на программу. Сказал, что определены сроки поставки первого самолета на совместные испытания с ВВС МО.

В целях оказания помощи заводу, министерство разрешило создать на Безымнке филиал ОКБ Туполева и НИАТа. На заводе будет, на первых порах, находиться Главный конструктор самолета Ту-95 Н.И.Базенков, а также постоянный представитель А.Н.Туполева Горбунов, которые на месте станут решать возникающие на заводе вопросы, касающиеся конструкции и технологии изготовления деталей, узлов и агрегатов. Мной принято решение ввести аккордную систему оплаты работ, связанных с подготовкой производства и изготовлением первых партий деталей и агрегатов самолета для рабочих и ИТР. А также образовать премиальный фонд директора, в целях поощрения работников, особо отличившихся в выполнении установленных заданий. Работа, подчеркнул министр, предстоит напряженная, требующая высокой ответственности и дисциплины. Затем коротко выступил директор завода.

В.Н.Гудаев сказал, что конкретный разговор о том, как предстоит работать нашему цеху — состоится завтра.

Кроме вопросов касающихся самолета Ту-95, министр рассказал об обстановке в Москве, о некоторых перипетиях в стране, после кончины Сталина. Конечно, это была лишь краткая информация, цель которой успокоить людей, особенно остро переживающих за то, что будет в стране без Сталина. Говорил министр о московских делах кратко, четко, уверенно, что все будет в стране хорошо. Надо каждому в это сложное время ответственно и напряженно работать на своем участке.

Товарищи ушли. А мы с В.Н.Гудаевым немного поговорили о прошлом. В ответ на мой вопрос давно ли он знает П.В.Дементьева? Он ответил, — давно. Он был у нас на заводе в Воронеже ещё перед войной. А потом довольно часто уже здесь, на Безымнянке.

В.Н.Гудаев, стал рассказывать: «Я с цехом прибыл в Куйбышев

с одним из первых эшелонов. Нечего говорить, какие невероятные трудности пришлось преодолевать, когда в невылазной грязи и наступивших вскоре морозах мы перетаскивали прибывшее оборудование в недостроенные корпуса. Вели его монтаж и начинали работу буквально под открытым небом. Большие сложности были с жильем. Лишь небольшую часть работников разместили в городе или близлежащих селах, подселив к местным жителям, а остальные — в бараках и полуземлянках, набитых людьми. Благо, на первых порах было нормально с питанием, но через месяц эта проблема стала самой острой. Но коллектив сходу включился в работу. Уже в декабре из сборочного цеха стали выкатывать первые самолеты. Так как не был готов аэродром, то самолеты частично разбирали и агрегатами устанавливали на платформы вагонов, и по железной дороге отправляли в Москву. Там их собирали, испытывали и перегоняли на фронт.

Надо сказать, что в организации работы, связях с поставщиками материалов и комплектующих изделий, контактах с городскими и областными властями в решении насущных проблем, заводу здорово помогал находившийся на Безымянке 15-й Главк наркомата.

Его деятельность напрямую, лично курировал первый замнаркома П.В.Дементьев, прилетавший в Куйбышев часто. А на первых порах, в 1941—42 гг., находился на Безымянке неделями. Человек неуёмного трудолюбия, активный, напористый, он добивался решения, казалось неразрешимых проблем и пользовался большим уважением на заводах. Здесь же образовался авиационный узел предприятий. Помимо разборов, совещаний у директора, он бывал в цехах, беседовал с рабочими и специалистами, в предзаводском барачном поселке из первых уст узнавая, что волнует и беспокоит людей. И, если мог, то обязательно помогал, не забывая о своих обещаниях.

Так что, ветераны хорошо помнят Петра Васильевича. Нам приятно, что именно он назначен министром. Кстати, — продолжал В.Н.Гудаев, — и Алексея Ивановича Шахурина на заводах уважали, он тоже бывал на нашем заводе в войну. Но в начале 1946 г. его освободили от работы. Почему!? Никто толком не знает. Говорили, что самоуспокоился, мол, после войны, снизил требовательность, стал разрабатывать идеи снижения выпуска боевых машин и загрузки заводов гражданской продукцией и т. д. Не знаю, насколько это так, — закончил он. Вместо Шахурина назначили М.В.Хруничева. Он был замом у М.М.Кагановича, но недолго, а потом работал у Устинова в оборонпроме. Но на авиационных заводах его мало видели.

В последующие годы П.В.Дементьев почти ежегодно посещал заводы Куйбышевского узла, да и другие в Татарии, Башкирии, на Востоке.

В сентябре 1955 г. после того, как я полтора года проработал начальником крупного механосборочного цеха № 9, на очередной партийной конференции меня избрали секретарем парткома, а затем в ЦК утвердили парторгом ЦК КПСС на Куйбышевском авиационном заводе. А через два месяца мы провожали в Москву нашего директора А.А.Белянского, который по представлению П.В.Дементьева был назначен заместителем министра авиационной промышленности. Директором к нам пришел М.А.Ельшин, выходец с нашего завода, но работавший последние годы руководителем соседнего, небольшого завода также Минавиапрома. Можно сказать, что, начиная с 1956 г. я встречался с Петром Васильевичем почти в каждый его приезд в Куйбышев. Хотя в совнархозовский период на завод он прилетал пару раз и то ненадолго.

В октябре 1955 года первые два самолета ТУ-95 были подняты в воздух. Для коллектива завода это был праздник. Обе заводские машины и один самолет ОКБ А.Н.Туполева были направлены на Государственные испытания. Завод продолжал работать над последующими машинами. Летом 1956 г. при испытании заводским экипажем очередного самолета ТУ-95 произошла серьезная авария.

Программа испытаний была короткой, но при выпуске основного шасси, не вышла одна нога. Экипаж находился на связи с КДП лётной станции. Немедленно на КДП приехал директор, главный инженер, главный контролер, руководитель филиала ОКБ Горбунов, специалисты самолетных систем из СКО. Был на аэродроме и я. Все попытки с земли (с КДП) специалистов завода и представителей ОКБ, предложивших экипажу различные варианты действий, чтобы выйти из этой ситуации не дали результата. Все манипуляции заканчивались тем, что выходила из отсека только одна нога. По согласованию с Москвой было принято решение не рисковать, экипажу продолжать полет до выработки топлива, затем покинуть самолет или, с согласия командира, убрать шасси и садиться на «брюхо». В любом случае это не только огромные материальные потери, риск безопасности экипажа, но, что важно, на разбитом и, возможно, сгоревшем самолете вряд ли удастся установить причину дефекта.

Командир корабля Ю.А.Добровольский, опытный летчик-испытатель сообщил на землю, что, посоветовавшись с экипажем (а на борту находилось 11 человек), он принял решение сажать машину на одну ногу. Это был беспрецедентный в практике шаг

для такого огромного, тяжелого самолета, весом более 150 тонн. Просил подготовить посадочную полосу. Это решение — право командира и ему было дано согласие. К полосе подогнали несколько пожарных машин, а также машин скорой помощи, тяжелую технику, аварийную бригаду спасателей и т. п.

Последние минуты перед снижением самолета прошли в тревожном ожидании. С начала полета прошло несколько часов. И вот на горизонте появляется снижающийся самолет. Командир сажает машину ближе к одной стороне полосы, максимально подняв противоположное крыло, под которым нет стойки шасси. Этот маневр оправдан. Когда самолет, теряя скорость, коснется этим крылом земли, то машину начнет разворачивать в ту же сторону и, возможно, удастся затормозить самолет на бетонке, без выброса его на землю, что чревато катастрофой — разрушением консоли и взрывом, так как в топливных баках крыльев ещё осталось горючее.

Ю.А.Добровольский блестяще выходит на посадку. Включает все системы торможения, машина на глазах теряет скорость, сваливается на крыло, резко поворачивается в сторону и, не сходя с полосы, останавливается. Экипаж, не ожидая трапа и стремянок, вываливается из выходных люков. Но, помимо разрушения консольной части крыла о бетонку, ничего опасного не произошло. Машина цела, экипаж также. Мы все бегом устремляемся к самолету, но группа охраны останавливает нас. Подвозят к нам Ю.А.Добровольского. Он бледен, лицо под шлемофоном мокрое, а глаза улыбаются. Объятия, поздравления и т.п.

Через некоторое время по представлению обкома партии и министерства Указом Президиума ВС СССР Ю.В.Добровольскому присвоено звание Героя Советского Союза, все члены экипажа награждены правительственными наградами за проявленное мужество и летное мастерство, за спасение особо важной для страны техники — самолета Ту-95. Была выявлена и причина дефекта — нарушение в системе электропитания МПШ (мотора подъема и выпуска шасси).

Надо сказать, что период 1953—1956 гг. был наполнен важными событиями для страны и нашего завода. В начале 1953 г. был снят с производства самолет Ту-4. Группу заводов, в том числе и наш, подключили к изготовлению машины С.А.Ильюшина Ил-28, бомбардировщика ближнего действия. Перевод завода на более легкие в технологическом смысле самолеты мы считали неоправданным. Но, приказ, есть приказ. Я с другими товарищами вылетел в Москву, надо было ознакомиться с производством этого самолета на 30-м заводе. Мы быстро освоили изготовление порученных нам

агрегатов. Но вскоре прекратили их выпуск, переключившись на освоение нового самолета Ту-95. Это была совсем иная машина. Все эти перемены были спонтанными, вызывали недоумение у заводчан. Можно предположить, что резкая переориентация военных в заказе самолетов была связана с политической ситуацией в стране, вызванной болезнью и кончиной И.В.Сталина.

Следует вообще остановиться в целом на обстановке того времени и реакции народа в такие, как нам казалось, трагические для страны дни.

Как говорится, земля слухами полнится. В народе уже шли разговоры о том, что в Кремле что-то неладно. Поводом к тому были и итоги состоявшегося в октябре 1952 года XIX съезда партии. Во-первых, с основным докладом выступил на съезде не Сталин, а Маленков. Почему? Во-вторых, в своем коротком выступлении в конце съезда Иосиф Виссарионович обрушился с резкой критикой в адрес Молотова, Микояна и некоторых других старых соратников. Было упразднено Политбюро ЦК, избран большой по составу Президиум ЦК и более узкое Бюро Президиума, в которое не вошли некоторые авторитетные партийные деятели.

Далее, другие неожиданности. В январе 1953 года в печати были опубликованы материалы об аресте группы врачей, обвиненных во вредительской деятельности — преднамеренно неправильном лечении, приведшем к смерти ряда выдающихся лиц. (Но, менее чем через месяц после кончины Сталина сообщили, что “дело врачей” сфабриковано и обвинения с них сняты). Также закрыли и так называемое “Мегрельское дело”. Реабилитировали, освободив из заключения, наркома авиационной промышленности А.И.Шахурина и маршала авиации, командующего ВВС А.А.Новикова.

Так эмоционально резкие выпады Сталина по отношению к своим близким соратникам, неожиданные перемещения в руководстве, новая волна подозрительности и принятие некоторых скоропалительных решений и т.п. породили мнение среди народа: “Видимо, стареет вождь. Не только возраст, но прожитая трудная жизнь дают о себе знать — здоровье подводит”. В середине 90-х годов, да и сейчас можно слышать, как некоторые деятели культуры, науки, политики вспоминая время начала 50-х годов, говорят, что тогда в стране “постоянный страх висел в воздухе”, “что-то давило, угнетало”, “нечем было дышать” и т.п. Такого ощущения у меня, у моих заводских товарищей не было. Жизнь послевоенная налаживалась, обустроивались семьи, захватывала своей новизной работа. Была обеспокоенность за Сталина, за судьбу стра-

ны. Возникали пересуды, неодобрение некоторых его действий. Но страха, состояния, когда “нечем дышать...” — не испытывали.

Однако официальное известие о тяжелой болезни Сталина все же было неожиданным. Первое сообщение передали по радио утром 3-го марта 1953 года. Я был в цехе и, проходя около всегда включенного репродуктора, сквозь шум работающих станков услышал знакомый голос диктора Ю.Левитана с каким-то тревожным оттенком, упомянувшего имя Сталина. Сразу мелькнула мысль, что-то с ним случилось. Я поднялся в кабинет В.Н.Гудаева, у него шло совещание. И с порога бросил: “Включите радио, что-то передают о Сталине”. Включили репродуктор, шел повтор сообщения о тяжелой болезни Сталина. Все в кабинете притихли. Эта весть быстро разошлась по заводу. У репродукторов собираются люди. Слушают, обсуждают, сочувствуют, гадают что будет. Из Москвы стали регулярно передавать бюллетени о состоянии здоровья вождя, ходе болезни.

Печальное известие потрясло и озаботило народ. Вера в Сталина была велика и неколебима. В нем видели опору и надежду будущего страны. Возникали и сомнения: “Де, мол, от нас скрывают всю правду, не хотят сразу говорить, что Сталин умер. Постепенно подготавливают народ”. Другие же возмущались: “Зачем зря болтать о том, чего не знаешь, надо верить Москве”. Но всеобщее сожаление, сочувствие, печаль и тревога — все это было тогда. Именно это характеризовало настроение большинства людей. В нашем сознании ярко жили — Победа в войне, усилия по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства страны, наступившее улучшение жизни. Все это, безусловно, связывалось с именем Сталина. Так было. Лишь много позже советские люди узнали, что с его именем связаны также горькие и трагические страницы нашей истории. Тогда же имя Сталина было священо.

На следующий день сводки о болезни Сталина стали более тревожными. Состояние здоровья ухудшалось. Шестого марта 1953-го года в 6.00 московского времени по радио было передано обращение ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР ко всем членам партии, ко всем трудящимся Союза ССР. В нем с чувством великой скорби извещалось, что 5-го марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь ЦК КПСС И.В.Сталин. (Обращаю внимание, что именно в такой последовательности были перечислены его должности).

Мы слушали сообщение дома, я собирался на завод. Потрясение было сильное. Нина, мама не сдержали слез, да и у меня ко-

мок стоял в горле. Настолько все свыклись с неразделенностью имени Сталина со страной и трудно представляли себе, что может произойти в СССР и мире без Сталина. Я поехал на завод, в трамвае полно народа, но необычно тихо, все молчат.

На заводе у репродукторов, непрерывно повторяющих сообщение, большие группы людей. Слушают, вздыхают, вполголоса обмениваются мнениями — что будет?! Общий тон — сожаление, печаль. В 13.00 в огромном корпусе сборочного цеха состоялся общезаводской, траурный митинг. Народу — битком, вся первая смена. Митинг открыл парторг ЦК КПСС О.И.Ковалев, выступил директор А.А.Белянский и другие. Суть выступлений понятна: тяжесть утраты, скорбь, клятвы, заверения. Приняли соответствующую резолюцию. Тихо разошлись.

В медицинском заключении о болезни и смерти И.В.Сталина говорилось, в частности: “В ночь на 2 марта у И.В.Сталина произошло кровоизлияние в мозг на почве гипертонической болезни и атеросклероза. Наступил паралич правой стороны тела и стойкая потеря сознания...(опускаю другие медицинские обоснования). Во второй половине дня 5 марта состояние больного стало особенно быстро ухудшаться. В 21 час 50 минут при явлениях нарастающей сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточности И.В.Сталин скончался”. Подписали: Министр здравоохранения СССР Третьяков, начальник Медсанупра Кремля Крупин и восемь врачей.

Была организована комиссия по организации похорон, в составе: Хрущев (Председатель), Каганович, Шверник, Василевский, Пегов, Артемьев, Яснов.

6-го марта на совместном заседании ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР был избран новый, сокращенный до десяти человек состав Президиума ЦК КПСС. Председателем Совета Министров СССР утвержден Г.М.Маленков, его первыми заместителями Л.П.Берия и В.М.Молотов, заместителями: Н.А.Булганин, Л.М.Каганович. Г.М.Маленков освобожден от обязанностей Секретаря ЦК, а Н.С.Хрущев уходит с поста Секретаря МГК и сосредоточивается на работе Секретаря ЦК КПСС. Министр обороны — Н.А.Булганин, министр иностранных дел — В.М.Молотов, председатель Президиума Верховного Совета СССР — К.Е.Ворошилов. Избран Секретариат ЦК КПСС в составе: Хрущев, Сулов, Пospelов, Шаталин и Игнатьев. (Обращаю внимание, что поста Первого секретаря ЦК КПСС нет!)

В течение трех дней 6, 7 и 8 марта гроб с телом Сталина был выставлен в Колонном зале Дома Союзов. В Москве творилось столпотворение, люди пытались попасть в Дом Союзов, запрудили при-

легающие улицы, началась давка, много народа пострадало. На похороны прибыли государственные и политические деятели из многих стран. В их числе: Чжоу Эньлай, Б.Берут, К.Готвальд, У.Кекконен и другие. Похороны состоялись 9-го марта.

Траурный митинг на Красной Площади открыл Н.С.Хрущев, он предоставил слово Маленкову, затем выступили Берия и Молотов. В 12.00 гроб с телом Сталина установили в Мавзолее. В этот момент, в соответствии с установленным порядком, на 5 минут в стране наступило всеобщее молчание. Прекратили работу все предприятия, остановилось движение поездов, пароходов, автомобилей. В течение трех минут гудки отдавали дань этому событию.

Мы все находились в это время в цехе. Огромный корпус механического цеха молчал, лишь кое-где из систем прорывался сжатый воздух. Его легкое шипение свидетельствовало, что жизнь не остановилась, а продолжалась.

Поутихли траурные дни. Наступила пора новаций, как это было в таких случаях всегда, и тогда, и после. Были приняты решения об объединении многих министерств, ликвидировали старые и создавали новые управленческие структуры. Происходила перетасовка кадров в высших эшелонах власти. Министерство авиационной промышленности вошло с некоторыми другими в состав образованного Министерства оборонной промышленности СССР. Министром был назначен Д.Ф.Устинов. Объединили МВД и МГБ в единое Министерство внутренних дел СССР. Министерство возглавил Л.П.Берия.

Однако в конце июня 1953 года Л.П.Берия был арестован. Его объявили врагом народа, на Пленуме ЦК в июле исключили из партии и сняли со всех постов. Позже, в декабре, в газете "Известия" было опубликовано обвинительное заключение. Суд приговорил Л.П.Берия к высшей мере наказания. Все больше власти стал набирать Н.С.Хрущев. В этом же году на сентябрьском Пленуме его избрали Первым секретарем ЦК. Вновь были реорганизованы, разукрупнены министерства, восстановлено и Министерство авиационной промышленности. Министром назначен П.В.Дементьев. О его посещении нашего завода осенью этого года сказано выше.

В феврале 1956 г. на XX-м съезде партии Н.С.Хрущев посвятил отдельный доклад развенчанию культа Сталина. Съезд поддержал лидера партии, осудил действия Сталина, допустившего репрессии и другие противоправные действия.

На февральском (1957 г.) Пленуме ЦК было принято решение о реорганизации управления промышленностью и строительством. В основных экономических административных районах образова-

ны советы народного хозяйства (совнархозы). Некоторые общесоюзные, а также союзно-республиканские министерства были упразднены, а предприятия, находившиеся в их ведении, переданы в подчинение совнархозам.

Это решение неоднозначно было воспринято как в высоких инстанциях, так и на других уровнях власти и в народном хозяйстве. Раскололись мнения в самом Политбюро. Этому вопросу был посвящен специально собранный в июне месяце Пленум ЦК. В течение недели шли дебаты. Позиция Н.С.Хрущева, инициатора перестройки, получила поддержку, а её противники Молотов, Каганович, Маленков, примкнувший к ним Шепилов, а также Сабуров, Первухин, Булганин потерпели поражение. Их обозвали «антипартийной группой». Первых четверых вывели из состава Президиума и ЦК КПСС. Сабурову объявили строгий выговор, члена ЦК Первухина перевели в кандидаты. Булганин пока остался без наказания. По стране с целью поддержки ЦК стали проводиться митинги, на которых многие выражали несогласие с принятым решением. Такие митинги на нашем и некоторых других предприятиях были сорваны. Тогда решили остановить эту волну и не собирать массы народа, а вести разъяснительную работу в цеховых условиях.

Через некоторое время был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об изменении принципа управления народным хозяйством страны с отраслевого на территориальный. Среди других, было упразднено и Министерство авиационной промышленности. Для осуществления технической политики и координации деятельности ОКБ, предприятий и организаций отрасли создан Госкомитет авиационной техники. Председателем Госкомавиапрома утвержден П.В.Дементьев. Аналогичные Госкомитеты были созданы и в других отраслях промышленности.

Конечно, П.В.Дементьев был негативно настроен по отношению к этим преобразованиям, но я не слышал от него ни одного выпада по этому поводу в адрес Хрущёва. А вот то, что резко изменилась стратегическая линия, когда руководство страны, воодушевленное первыми успехами ракетной техники, сделало основной упор для обеспечения безопасности страны на ракеты, потеснив в прямом смысле авиацию, — отобрав у авиапрома несколько крупных предприятий и загрузив другие заводы и ряд ОКБ ракетной тематикой. Тогда, из-за сокращения средств, пришлось приостановить ряд разработок новых самолетов и двигателей.

Эти действия вызвали с его стороны открытый протест. П.В.Дементьев доказательно высказывался против такого одностороннего подхода. Жизнь в дальнейшем показала, что определенный при-

оритет ракетостроению был необходим, но нанесенный при этом ущерб авиации был необоснован и чрезмерен. Такой перекоп в конце 60-х — начале 70-х годов был исправлен.

Став председателем Госкомитета СССР по авиационной технике, П.В.Дементьев не изменил методов работы. Он также часто был на заводах и в ОКБ, в том числе и в Куйбышеве. Рассматривал с руководством заводов состояние дел с освоением и серийным производством изделий. Помогал в решении возникавших проблем. Отношение к нему у руководства и коллектива завода было уважительным, его продолжали считать своим Министром. В 1957 г. наш завод вышел по выпуску Ту-95 на проектные мощности. В этом же году после завершения Госиспытаний машина Ту-95 была принята на вооружение ВВС.

После посещения предприятий, как правило, Дементьев заезжал в обком партии, где информировал о своих впечатлениях, о принятых решениях или намеченных мерах. Высказывал просьбы к обкому по тем или иным вопросам.

Мне помнятся эти встречи с ним как на заводе, так и в обкоме партии.

Приходилось посещать П.В.Дементьева и в министерстве, и в Госкомитете. Так в декабре 1956 г. мы с главным инженером завода Б.М.Даниловым договорились о приеме у П.В.Дементьева. Он был занят на совещании, и нас пригласили подождать. Вскоре оно закончилось, среди участников были известные личности, можно сказать цвет отрасли. Борис Матвеевич то и дело указывал мне, это — М.В.Келдыш, Артем Микоян, Ветчинкин, руководители заводов, ОКБ, товарищи из ЦК.

Минут через 15 секретарь приемной пригласила нас к министру. Петр Васильевич встретил приветливо. Заговорил о том, как успешно экипаж Ю.А.Добровольского вышел из аварийной ситуации: «Хорошо, что без проволочек его и весь экипаж наградили». Потом заговорил о том, что военные и ОКБ работают сейчас над программой целевой модернизации самолета: «Машина очень удачная, госиспытания проходят хорошо. ВВС готово принять Ту-95 на вооружение. Одновременно готовят предложения для использования самолета в различных вариантах. Так что заводу предстоит долгая и интересная работа по этой теме. Стабильность изделия в производстве это очень важно для коллектива». Потом спросил о цели нашего приезда. Мы объяснили, что в будущем году исполняется 25 лет заводу. Вот мы и ходим по кабинетам с тем, чтобы по хорошему отметить этот этап завода. Петр Васильевич остановил его: «Юбилей, это неплохо. Основания отметить завод есть. Министер-

ство, вы знаете, внесло в Правительство предложения о награждении завода, но не в связи с юбилеем, а конкретно за освоение и организацию серийного производства Ту-95. Это будет кстати. Можно с ЦК профсоюза нашей промышленности наградить работников знаком «Отличника соревнования», Грамотами. Денег я вам дополнительно не дам, у директора есть свой фонд, вот его и используйте. А вообще не очень увлекайтесь праздниками, перед заводом стоят очень важные, ответственные задачи. Используйте юбилей, чтобы настроить коллектив на их решение, так нас учат «классики», — звонко рассмеялся он, — не очень я вас напугал? Конечно, помогу».

Мы с Борисом Матвеевичем воспряли духом. Ещё несколько минут отвечали на его вопросы об обстановке на заводе и в области, снабжении продуктами, о положении на селе.

Во время разговора я рассматривал кабинет министра. Это была большая комната, разделенная порталом с двумя колоннами на собственно кабинет с письменным столом и столом для бесед, за которым мы сидели. И вторая половина, где стоял большой круглый стол, заваленный бумагами, картами. Вдоль стен книжные шкафы. Кожаный диван и несколько мягких кресел. Но что особенно поразило меня, это большой, широкий портрет В.И.Ленина, висевший в кабинете. Это был привычный портрет, где изображен Владимир Ильич, читающий газету и смотрящий поверх её прямым серьёзным взглядом, в упор. Выполнен портрет был необычно: на кремово-желтом фоне светло-коричневыми и легкими белыми штрихами — не красками, а какой-то пастелью или гуашью. Эффект от взгляда В.И.Ленина потрясающий — смотрит в упор на тебя, проникая взглядом в душу.

Сколько раз позже я не бывал в кабинете П.В.Дементьева, впечатление от портрета не пропадало, а даже усиливалось. .

Беседа наша продолжалась минут 20 и мы, попрощавшись, ушли. Запомнился приезд П.В.Дементьева в Куйбышев 24—25 ноября 1965 года. Прошел сентябрьский Пленум ЦК, восстановлено министерство и он вновь министр авиационной промышленности СССР. Мы встречали его часов в 10 утра на заводском аэродроме: М.А.Ельшин, Б.М.Данилов, В.Я. Литвинов, Н.Д.Кузнецов и я, уже в ранге второго секретаря обкома партии, курирующего промышленность. С ним прилетела большая группа ответственных работников министерства. Поздоровались. Вид у Петра Васильевича хмурый, озабоченный, неприветливый. Здесь же у самолета он определил программу пребывания, сказав встречающим о порядке посещения заводов: «Сегодня только у Ельшина и Кузнецова».

А также сопровождающим, кто и где ему будет нужен: «Не надо ходить по цехам табором. Вот, понятно». Мы сели в машины, подъехали к заводууправлению. Директор предложил сначала пройти к нему в кабинет, он доложит обстановку, а потом по цехам. Министр не согласился. «Давай, Ельшин, сначала по цехам.»

И мы пошли, человек пять-шесть. Обошли основные цеха. В каждом нашу группу встречал у входа начальник цеха. Петр Васильевич заводил с ним разговор, брал под руку, расспрашивал. Сам выбирал маршрут, заходя то в одну, то в другую сторону цеха. Иногда в разговор вмешивался главный инженер Б.М.Данилов. Мы с М.А.Ельшиным больше молчали. П.В.Дементьев здоровался с рабочими, мастерами — его знали, встречали приветливо. Заметно оттаивал и министр. Часа через полтора поднялись на третий этаж заводууправления, в кабинет директора.

Разговор начал Петр Васильевич: «Хорошо прошлись. На заводе порядок, вижу продукцию, в цехах забота о перспективе. Скажу откровенно, не был у вас уже три года, думал, — запустили с совнархозами завод. Но нет, доволен. И к Ельшину, — Митрофан Алексеевич, расскажи, пожалуйста, как заканчиваете год».

Директор начал с того, что вся программа модернизации Ту-95, которая была определена заводу в 1956 и последующих годах выполнена.

Здесь следует напомнить, что Ту-95 создавался, как стратегический бомбардировщик большой дальности. В таком варианте Ту-95 и Ту-95М выпускались в 1955—57 гг. Одновременно шло освоение на базе Ту-95 пассажирского широкофюзеляжного самолета Ту-114, который эксплуатировался «Аэрофлотом» с 1961 по 1975 гг. Затем с 1958 г. стали изготавливать Ту-95К — ракетоносец и Ту-95МР — стратегический разведчик. В 1961 г. был освоен Ту-95 КД — самолет с дозаправкой топливом в воздухе. В 1962 г. завод приступил к переоборудованию ранее выпущенных машин Ту-126, типа «Авакс», — барражирующий разведчик раннего радиолокационного обнаружения. Такая работа продолжалась и позднее, для ВМФ изготавливался Ту-95РЦ — самолет разведчик и целеуказатель для подводных лодок и ещё Ту-142 — самолет в составе комплекса с подводными лодками, для поражения не наземных целей, а подлодок противника. Более того, уже в 1980 г. завод продолжал переоборудование, и наладил выпуск Ту-142М и Ту-142МС — как носителей крылатых ракет. (И до сего времени, в том или ином варианте самолеты семейства Ту-95 находятся на вооружении ВВС).

«Но, как нам стало известно, — продолжил Ельшин, — серий-

ное производство Ту-95 свертывается, идет освоение в Казани самолета Ту-22 с более совершенными параметрами. Мы и дальше будем вести работу по модернизации выпущенных машин семейства Ту-95, работать по тематике ОКБ С.А.Лавочкина. Но этого недостаточно для загрузки завода. Нам нужна серийная машина нашего профиля, то есть крупная, соответствующая имеющейся базе».

П.В.Дементьев слушал не перебивая. «Ваша озабоченность понята. Мы намечаем поставить на 18-м заводе крупносерийную пассажирскую машину Ту-154. ОКБ А.Н.Туполева заканчивает работу над первыми экземплярами. Самолет Ту-154 станет основной машиной средней дальности на 150—170 мест для внутренних перевозок и на зарубеж. Этот вопрос предрешен, вы получите документацию буквально в ближайшее время». Конечно, мы знали о таких наметках. Мечтали о Ту-62, но эту машину уже осваивал другой авиационный завод. Видя наше не очень радужное восприятие этой новости, Дементьев продолжал: «Вы, знаете ли, во-от, (протянул он свое привычное слово), напрасно воротите нос от Ту-154. Это ваше спасение. Неужели заводу не надоели бесконечные изменения, перестройки, авралы и конфликты с военными. Я очень хорошо это знаю и был обеспокоен в Комитете такой обстановкой. Вы сейчас сами подтверждаете. С Ту-154 завод на многие годы получает возможность уверенно и профессионально работать над большой серией. Во-от. А это означает стабильность, заработок рабочим, хороший фонд развития».

Мы еще немного поговорили, директор пригласил перекусить. Министр сначала отказался, но я настоял, так как предстоит дорога к Н.Д.Кузнецову, по пути заедем на испытательный комплекс — «Химзавод». Так что надо пообедать. Обед занял буквально 20—25 минут, Дементьев не терял времени попусту.

На «Химзаводе» нас встретил Н.Д.Кузнецов. Проехали по территории, останавливались у испытательных стендов. Николай Дмитриевич кратко информировал о ходе испытаний двигателей сказав, что подробнее расскажет у себя в ОКБ. П.В.Дементьев задал несколько вопросов, на стенд подниматься не стал. Уже начинало темнеть, и мы поехали в ОКБ на Красную Глинку.

В кабинете Н.Д.Кузнецова собралось много народа. Приехали директора заводов: Чеченя, Комиссаров, Белослудцев, заместители Кузнецова, а также сопровождающие министра лица.

Н.Д.Кузнецов начал доклад с того, что рассказал о посещении С.П.Королевым ОКБ месяц назад и тех договоренностях по срокам испытаний, доводке и поставке двигателей на ракету «Н-1».

Говорил он кратко, четко называя типы двигателей, степень их отработки, потребности в изделиях и директивных сроках поставки. Тогда речь шла о начале испытания ракет в 1967 году.

Николай Дмитриевич, как это видно из моих пометок, доложил: «Комплект двигателей на I-ю ступень в поставке на сборочном заводе № 24. ЧДИ (чистовые доводочные испытания) будут проведены совместно со сдаточными испытаниями в I кв. 1966 г., а затем (межведомственные испытания) МВИ. Для этих целей требуется 50 изделий. Планируем завершить все испытания к концу 1966 г.

По II-й ступени. Главное высотное сопло на заводе № 525. Поставка на доводку в ОКБ: камеры — апрель, двигателя — май. Всего в этом году нам требуется 45 двигателей. ЧДИ провести в 1966 г., а товарные поставки на МВИ — 1967 г.

На III-ю ступень — блок из 4-х полноразмерных двигателей находится на испытаниях у Табакова. До 1 декабря будет испытан. ЧДИ — сделано. Дальнейшая программа — аналогична I и II ступеням.

IV-я ступень. Идут испытания на 600 и 800 секунд и доводка. Задача этих двигателей — разгон ракеты с орбиты Земли к Луне. Срок подачи на официальные испытания — 3-й квартал 1966 г. Возможно и раньше».

И продолжил: «Заводы и ОКБ перегружены. Сроки жесткие, а объемы поставок двигателей составляют более 250 изделий. Министерство и обком партии должны уделить нам большее внимание. В частности ОКБ нуждается в серьезной помощи. Нужно оборудование, приборы, дополнительное строительство и реконструкция цехов завода и стендового хозяйства, материалы и, конечно, финансы. Наши просьбы изложены в Записке на Ваше имя. Я имею в виду решение задач не только по ракетной технике, но и по двигателям для новых типов самолетов».

П.В.Дементьев пропустил эту тираду без комментариев. Задал пару вопросов и заявил: «Теперь давайте поговорим об авиации». И начал с того, что «только побывал у Ельшина. Дела там идут неплохо. Ему придется ещё долго работать над модернизацией семейства Ту-95. Конкретно: Ту-95РЦ, Ту-126, Ту-142. Плюс пассажирские Ту-114. Ваша задача работать над совершенствованием двигателей НК-2М. Это ресурс, расход топлива, безопасность. Мне говорят, что ОКБ почти не занимается этой темой. Во-от. Далее — Ан-22 («Антей»). Уникальный самолет: взлетный вес 220 тонн. Теперь Ил-62. Трансконтинентальный самолет. Дальность — 9000 км., скорость — 900 км в час. В эксплуатацию в ГВФ пойдет в 1967 г.

Дело за двигателями НК-8. Не менее важная задача — двигатели на крупносерийную машину Ту-154. И, наконец, сверхзвуковой Ту-144. Вот такой «пасьянс», а? Прошу Вас, Николай Дмитриевич доложить обстановку».

Н.Д.Кузнецов также спокойно, уверенно, будто и не было критики начал говорить.

«По двигателям НК-12 для 18-го завода. Работа над модернизацией по редуктору ведется. Так как будут другие винты и нужна большая тяга на взлете. Эту тему мы держим на контроле. Работаем и по ресурсу, расходам топлива и т.п.

Для Ил-62 готовим НК-8. Это новый тип — двухконтурный или его ещё называют турбовентиляторный. Расход воздуха по внутреннему и внешнему контуру равномерен, их отношение = 1. Двигатель прошел госиспытания. Пока тяга — 9,5 тонн. Двигатель с реверсом. В серии Вы определили, что его будет делать Казань. Он пойдет и на ТУ-154. Теперь более мощный НК-8-4. Наша задача довести на нем тягу до 10,5 тонн. (вместо 9,5). Далее, — для Ил-62 — до 11,5 тонн.

Идет, Петр Васильевич, работа и над новым двигателем для сверхзвуковой машины Ту-144. Это двухконтурный двигатель с форсажной камерой, на базе НК-8. И для военного самолета Дальней авиации ВВС. Пока его индекс НК-144.

Загрузка коллектива ОКБ большая, но мы уже работаем и над вариантом двигателя с применением водорода. Есть в портфеле и другие темы. Просим министерство оказать нам поддержку. Я закончил доклад».

П.В.Дементьев: «Да, страху вы на нас нагнали. Во-от. Набрали работы невпроворот, а теперь — помогайте. Большая работа это не беда, разберемся. Думаю, что с ОКБ-1 у вас будет больше проблем, нежели с Куйбышевскими заводами. Записку вашу я посмотрел. Действительно, кое в чем надо помочь, но много и запросов». И сразу стал давать поручения. Замминистра Зорину, — по строительству, оборудованию, материалам; ВИАМу и НИАТу рассмотреть технические вопросы; по спецоборудованию и приборам — нашим министерским станкостроителям. «Финансы беру на себя, ответ дам скоро. Во-от. Дополнительно скажу, — у меня есть информация, Николай Дмитриевич, вы, как бы это мягче сказать, взялись за очень большую и ответственную задачу. Я, помните, предостерегал вас. Сейчас дело чести не только ОКБ, заводов, но и министерства работать так, чтобы не быть в отстающих, которых, как известно, бьют.

Поэтому, мы должны вместе с обкомом партии, который тоже

был в числе инициаторов, во-от, выйти из этого положения с честью. До сегодняшней встречи я знал, но не полностью какова обстановка. Теперь «обогатил» свои знания, — первый раз улыбнулся Петр Васильевич, — значит, буду «впрягаться» в эту телегу. На чем и закончим разговор. Хорошо?» — обратился он ко мне. Я кивнул.

Николай Дмитриевич подсел к П.В.Дементьеву, они минут пять о чем-то тихо поговорили. Потом мы простились, сели в машину, и поехали в Куйбышев. Прибыли в гостиницу облисполкома, которую уже привыкли называть «Дом космонавтов». По дороге говорили немного, он подремывал. А за ужином ещё раз прокрутили итоги сегодняшнего дня. Петр Васильевич оценил этот день как полезный. «А посему, разрешим себе по глотку водки?» Я не возражал. Попросил принести кумыса, зная что Дементьев любит этот напиток.

Договорились, что завтра вечером встретимся в обкоме у А.М.Токарева.

На следующий день мне позвонил Александр Максимович и сказал, что мы должны в 18.00 встретиться с П.В.Дементьевым в гостинице облисполкома. Он намерен сегодня вылететь в Москву. Самолет уже на заводе.

Наша беседа проходила за ужином. Петр Васильевич рассказал о посещении сегодня ряда заводов, а также и о вчерашней встрече у М.А.Ельшина и в ОКБ Н.Д.Кузнецова. «Впечатления, в основном, положительные. Ожидал, что при совнархозах обком будет меньше заботиться об авиации, — с улыбкой и своим во-от, — произнес министр. Оказалось, что нет. Более того, вы нагрузили их работой достаточно. Это хорошо. Проблем много. Меня беспокоит Н.Д.Кузнецов, ему приходится бороться на два фронта. ОКБ сильно завязано на космос, да и по авиационным двигателям нагрузка растет. Надо ему помогать. Рад, что побывал в Куйбышеве, вы же знаете, что я связан с Безымянкой еще с военной поры, в молодые годы. Это не забывается».

В таком товарищеском духе продолжалась беседа. А.М.Токарев рассказал о ситуации у нефтяников, на селе. Что «задавила» химия, особенно в Тольятти. Есть проблемы с продуктами. Москва нас держит на жестких фондах и т. п. В заключение сказал, что рад снова встретиться с Петром Васильевичем. Отметил, что сам мало занимается заводами, — отдал их на откуп Виталию Ивановичу. Его промышленники уважают. П.В.Дементьев поддакнул. В 19.30 я проводил его до самолета. Дружески попрощались, и он улетел в Москву.

В начале января 1966 г. мы готовились к областной отчетно-выборной партконференции и предстоящему съезду партии. Стало известно, что ЦК рекомендует нашей организации избрать делегатами на XXIII съезд КПСС министра авиационной промышленности П.В.Дементьева и министра высшего образования РСФСР В.Н.Столетова.

Эту рекомендацию мы восприняли с пониманием, Куйбышев — важный узел заводов и других организаций минавиапрома, и крупный вузовский центр.

17 февраля вечером, я вместе с группой директоров встречал на заводском аэродроме прилетевших на конференцию П.В.Дементьева и В.Н.Столетова. Петр Васильевич извинился, что не смог прибыть, как обещал раньше, — задержали «склочные» дела в Москве. Коротко поговорил с директорами, и мы поехали на 1-ю просеку в гостиницу. Там нас ожидал А.М.Токарев. Гости разместились в номерах, и вышли в гостиную. Александр Максимович рассказал о ситуации в области, о том, как готовили конференцию. Уточнили программу их пребывания.

Поздним вечером, после ужина, вышли на воздух. В.Н.Столетов пошел отдыхать. Стоял хороший, с легким морозцем зимний вечер. На удивление не было ветра. Петр Васильевич говорит: «Хорошо здесь у вас. Знаете, я часто бываю в Куйбышеве, а города практически не видел. Все на заводах, в ОКБ, в обкоме. Хорошо бы пройтись немного». Я выразил готовность составить ему компанию, а Токарев извинился, что есть бумаги в обкоме, надо, мол, подписать и отправить.

Было около 22-х часов и мы с П.В.Дементьевым вдвоем, без сопровождающих пошли. Это была чудесная прогулка и хороший, добрый разговор. Все напряжение сегодняшнего дня было снято.

Мы пошли по Вилоновской, свернули на площадь Куйбышева, затем направо вниз до ул. Куйбышевской и по ней до площади Революции. Немного постояли у дома облсуда, где работал В.И.Ленин. Затем мимо клуба им. Дзержинского по улицам Оборона, Водников. Показал дом, где снимал комнату Иегудиил Хламида — молодой Алексей Пешков, потом особняк, где ранее была гимназия, там учился Алексей Толстой. Обратил его внимание на двухэтажный дом — здесь квартира П.П.Мочалова. И тем же путем, только по ул. Фрунзе, возвратились в гостиницу. Прошло более полутора часов. Петр Васильевич остался доволен прогулкой, все время повторял: «Как здорово мы придумали, чудесная прогулка. Я почти не устал. А воздуха чистого наглотался, как на даче. Спасибо тебе, Виталий Иванович». Вот так было.

О чем говорили? Обо всем. Иногда шли молча, но больше говорили. Не длинно, а репликами, вопросы — ответы. Он интересовался многим, историей города, его памятниками, видными деятелями, жившими и работавшими в Самаре. Вспомнил 1941 г., когда проходили площадь Куйбышева, что здесь 7 ноября был военный парад, которым командовал К.Е.Ворошилов. В то время в Куйбышеве находился нарком А.И.Шахурин. Мы вместе смотрели парад, а потом большой группой москвичей отметили этот праздник у наркома на квартире.

18 февраля состоялась областная партийная конференция. Особых изменений в руководстве обкома КПСС не произошло. А.М.Токарева избрали первым секретарем обкома, меня вторым. В дни конференции особых разговоров с П.В.Дементьевым не было.

28 марта Куйбышевская партийная делегация, свыше 50 человек, прибыла в Москву. Нас разместили в гостинице «Минск» на ул. Горького.

29-го марта 1966 г. в Кремлевском Дворце Съездов открылся XXIII съезд КПСС. Я был впервые избран делегатом партийного съезда. Каждый съезд это событие в жизни партии. Для меня впечатлений было масса. С отчетным докладом ЦК выступил Л.И.Брежнев. Молодой, импозантный он говорил рокочущим баритоном с подъемом, держался артистически, позировал. В докладе были высказаны позиции ЦК по внутренним, внешнеполитическим и экономическим вопросам. Предложены изменения в Уставе КПСС: восстанавливалось Политбюро ЦК, вместо Президиума, ликвидировалось Бюро ЦК по РСФСР, исключалась норма неоправданного обновления и сменяемости кадров.

На другой день на съезде начались выступления. Одновременно шли приветствия гостей. Впервые я слушал В.Гомулку, В.Ульбрихта, Ле Зуана, В.Роше, А.Новотного, Н.Чаушеску, Я.Кадара, Л.Лонго, Т.Живкова, А.Харта, Д.Ибаррури, М.Реймана, Г.Уинстона, Л.Корвалана, А.Куньяла.

7-го апреля прошло выдвижение кандидатур в состав ЦК и голосование. Меня избрали в счетную комиссию. Так что все делегаты отдыхали, а счетная комиссия из 73 человек работала допоздна. 8-го объявили результаты выборов, и состоялся организационный Пленум ЦК КПСС. По предложению А.Н.Косыгина на Пленуме Генеральным секретарем ЦК был избран Л.И.Брежнев. По представлению Генсека Пленум избрал Политбюро и Секретариат ЦК КПСС. Состав этих руководящих органов партии не претерпел существенных изменений.

На этом XXIII съезд КПСС завершил свою работу.

П.В.Дементьев на заседаниях съезда не был с делегацией. Его, как и А.М.Токарева, избрали в один из руководящих органов съезда и они размещались в первых рядах амфитеатра. Петр Васильевич часто отлучался в министерство, и у нас были лишь короткие встречи в перерывах заседаний.

Утром 8-го апреля он передал приглашение А.М.Токареву, мне и В.П.Орлову с супругами по окончании работы съезда, поехать к нему на дачу, там отметить завершение работы съезда и избрание его и Александра Максимовича членами ЦК КПСС. Мы, конечно, согласились.

Последнее заседание съезда было коротким, и мы в 13.00 выехали. Дорога на дачу шла по Рублево-Успенскому шоссе. Эту трассу и дачные поселки ЦК и Совета Министров СССР мы тогда не знали. Ехали долго, думаю около часа, въехали на территорию — вокруг лес, могучие сосны, никаких огородных посадок. Дача деревянная, с мезонином, вместительная. С высоты обрыва видна Москва-река. Тихо-тихо, воздух наполнен ароматом хвои. Несколько минут постояли, разминая ноги после дороги, и вошли в дом. Нас встретила жена Петра Васильевича. Прошли в гостиную на первом этаже. Большая, с широкими окнами комната, справа камин, слева большой стол — накрыт для приема. В комнате уже находились пять-шесть человек. Дочь Петра Васильевича с мужем, сын Петр — парень лет 18-ти и еще несколько человек, среди которых я узнал начальника ВИАМ Туманова.

Обычные в таких случаях при встрече восклицания, реплики, вопросы. Петр Васильевич познакомил нас, представил с юмором Петьку (так все звали в семье сына), и после известной паузы, пригласил за стол.

У меня не сохранились в памяти темы разговоров. Помню только, что мы быстро освоились в этой компании. Пошли тосты, в первую очередь за успешное завершение съезда, за избрание Дементьева и Токарева членами ЦК. Потом за хозяйку, за Куйбышев и т. п. Короче, к теме съезда не обращались. Шла свободная беседа на различные темы, с юмором, подначками, смехом. Вспоминал Петр Васильевич военную пору на Безымянке. Говорили о проблемах в отрасли, о последних московских новостях. Так, переходя от одного к другому, перемежая разговор тостами и отлично приготовленными блюдами, которые обносила нам средних лет официантка, подошли к чаю и кофе.

Кто-то отошел покурить, кто-то потянулся за коньяком, а мы с Петром Васильевичем, Петькой и еще с кем-то пошли в соседнюю комнату, спустились на несколько ступенек и вошли в не-

большую биллиардную. У меня загорелись глаза, поставили шары и несколько раз постучали киями с Петькой. Но нас вскоре позвали в гостиную, выпили «посошок», сердечно поблагодарили хозяев за прекрасный вечер, попрощались, разместились в машинах и поехали в Москву. Было уже темно, вероятно, около 20 часов вечера. В машине долго обменивались мнениями. П.В.Дементьев предстал совсем в другом виде. Вместо серьезного, порой грозно-надутого министра перед нами был раскованный, веселый, остроумный и гостеприимный человек. Эта встреча, скажу откровенно, в дальнейшем сблизила наши отношения, они стали товарищескими.

Прошли послесъездовские мероприятия и работа по ракете “Н-1” вновь вышла на первый план. В конце 1966, или в начале 1967 года в Куйбышев прибыла большая группа из Москвы. Дела с тематикой “Н-1” двигались с большим опозданием от установленных графиков.

Приехали министры общего машиностроения (космических систем) С.А. Афанасьев, авиационной промышленности П.В.Дементьев (ему теперь приходилось конкретно заниматься предприятиями отрасли, где делались изделия для ракет), руководитель ОКБ-1 В.П.Мишин с замами, представители ВПК, ответственные работники ЦК партии. И сразу направились к Н.Д.Кузнецову. У него уже находились директора заводов.

Доклад Н.Д.Кузнецова был достаточно подробный. Он называл изделия (двигатели) каждого наименования, говорил о степени их доводки и готовности к поставкам, останавливался на фактах сбоев или аварий при испытаниях и т.п. Затем стал анализировать причины срыва графиков. Резко высказался в адрес директоров заводов (Чечени, Комиссарова), которые постоянно срывают сроки поставки изделий, чем тормозят испытания. Навалился на ОКБ-1, которое несколько раз меняло компоновку двигателей на первой ступени, требуемые мощности на второй, что приводило к изменениям в их конструкции (обвязке). Заявил, что оба министерства плохо помогают заводам, так сказать «причиняют помощь» постоянной критикой. Вообще, на этот раз Н.Д.Кузнецов «выдал» всем по заслугам.

Разгорелся спор, сначала сдержанный, но потом страсти стали нарастать. Дело дошло до прямых обвинений в срыве важнейшего правительственного задания. Мишин обрушился на заводы, а также на Кузнецова, что тот напрасно прячет свои неудачи за изменениями, получаемыми от ОКБ-1. Упрекнул ми авиапром, не обошел вниманием и Афанасьева. Кузнецов, не сдержавшись, отбил обвинения в свой адрес. В спор вступили Дементьев и Афана-

сьев. Причем они не ограничились критикой заводов и ОКБ, а допустили и взаимные упреки. Дело дошло до крика, когда говорят все вместе и в сторону уходит сама основа спора.

Я молчал. П.В.Дементьев раскрасневшийся, не привыкший к таким методам разбора разногласий, подошел ко мне и попросил выйти с ним. Мы вышли в коридор. Он взволнованно говорит: «Что происходит!? Как можно работать в таких условиях и найти истину? Что делать, как вы думаете»? Я тоже «на взводе», обескуражен. Говорю: «При С.П.Королеве такого быть не могло. Сергей Павлович был жестким человеком, но не грубым, мог извиниться, если в чем-то переусердствовал. Василий Павлович ведет себя чересчур агрессивно. Он человек взрывной. Проблем в ОКБ-1 много, а он в чем-то хочет копировать Королева, но то что прощалось одному, не терпят от другого. Это мое личное мнение». Дементьев: «Вы правы, Мишин в цейтноте и ищет выход». Я продолжал: «Вы знаете, больше всего беспокоит, что портятся отношения с Кузнецовым. Этого Сергей Павлович не допускал. У них было взаимное доверие. А сейчас? Николай Дмитриевич не допустит бестактности в свой адрес. И ещё. Отношение к Василию Павловичу Афанасьева явно предвзятое, вместо спокойного обсуждения вопросов он привычно «давит» на ОКБ. Об этом мне говорил и В.Я.Литвинов. Плохо, что и Н.Д.Кузнецов сегодня «обрушился» на В.П.Мишина. Давайте немного подождем, я слышу спор там утихает».

Мы вошли в кабинет Кузнецова. Наше отсутствие было замечено.

В.П.Мишин обратился к П.В.Дементьеву, что, мол, надо завершать беседу. Петр Васильевич предложил сегодня закончить разговор и создать группу из представителей заинтересованных сторон, дать им время — до обеда завтрашнего дня представить конкретный, жесткий, но реальный график испытаний и поставок двигателей в ОКБ-2 и товарных на сборку. Мы с Кузнецовым, Афанасьевым и Мишиным рассмотрим и утвердим его. Вечером доложим о результате в обкоме и руководству в Москве. В основе сочли предложение правильным. Немного пообсуждали состав группы, и разъехались. Афанасьев с Проценко на «Прогресс». Мишин решил задержаться у Кузнецова. А мы с Дементьевым возвратились в гостиницу на Вилоновской, 2.

На следующий день состоялась встреча в обкоме партии, где состоялся серьезный, деловой разговор. Жизнь продолжалась.

Новый 1967 год ознаменовался существенными изменениями в руководстве Куйбышевской области. В феврале были образованы три строительных министерства СССР, — Минстрой, Минтяжстрой и Минпромстрой. Министром промышленного строи-

тельства назначен первый секретарь Куйбышевского обкома партии А.М.Токарев.

15 марта нас с В.П.Орловым вызвали в ЦК КПСС. Состоялась беседа с секретарем ЦК И.В.Капитоновым, а затем большой разговор у Л.И.Брежнева. Леонид Ильич дал добро на такую расстановку кадров: Первый секретарь Куйбышевского обкома КПСС — В.П.Орлов, Председатель облисполкома — В.И.Воротников, второй секретарь обкома — В.Ф.Коннов. Секретариат ЦК утвердил наши назначения без вызова.

В связи с избранием меня председателем облисполкома я невольно отошел от дел оборонной промышленности. Знал обстановку лишь в общих чертах. П.В.Дементьев и другие московские товарищи несколько раз посещали Куйбышев по делам “Н-1”. Я встречался с ними лишь на беседах в обкоме партии. В 1968—1969 годах начались первые летные испытания носителя “Н-1”. Пуски были неудачными. При разборе причин аварий участники не всегда приходили к объективным выводам. Между Минавиапромом (П.В.Дементьевым) и Минобщемашем (С.А.Афанасьевым) отношения испортились. После полета американских астронавтов на Луну в июле 1969 года, интерес руководства страны к комплексу “Н-1” стал угасать. Тему “Н-1” закрыли. В 1974 г. ОКБ-1 объединили с КБ В.П.Глушко, который и был назначен руководителем объединенного комплекса, названного НПО «Энергия». В.П.Мишина освободили от работы.

На авиационном заводе № 18, как и намечал П.В.Дементьев, с 1967 года стали серийно выпускать самолеты Ту-154, продолжалась модернизация ранее выпущенных машин Ту-95. Особых проблем там не было. В 1968 г. скоропостижно скончался директор завода Митрофан Алексеевич Ельшин. По согласованию с обкомом партии новым директором, не без нашего напора, П.В.Дементьев назначил Виктора Петровича Земец, кадрового работника завода, прошедшего с 1937 г. школу от рабочего до директора, хорошего организатора, но не имевшего технического образования, что и смущало министра. Я помню разговор по этому поводу у В.П.Орлова. Последующее время подтвердило, что выбор был сделан правильно. В.П.Земец внес новое в управление предприятием, в организацию работы цехов, много и полезно занимался социальными проблемами, чем завоевал авторитет в коллективе.

В июле 1970 г., будучи в Москве я заходил в министерство к П.В.Дементьеву. Речь шла о том, чтобы заводы минавиапрома приняли долевое участие в строительстве крупной ТЭЦ в новом жилом микрорайоне города, где строились дома для коллективов этих

заводов. Петр Васильевич, выслушав мои доводы, рассмеялся: «Что шапка предоблисполкома тяжелеет?» Я ответил, что приходится «ходить по кругу». Но ведь не для себя. «Хорошо, я поручу Зорину согласовать с директорами этот вопрос. Без энтузиазма, но поможем». Потом за чаем поговорили о делах на заводе у Земца и Чечени. Поинтересовался он настроением Н.Д.Кузнецова. Я высказал мнение, что нужно как-то по государственному завершить работу по «Н-1». Заводы имеют большие заделы, особенно у Кузнецова. Надо их реализовать, во всяком случае, оплатить понесенные затраты. Дементьев развел руками — это непростой вопрос. На том и завершилась встреча.

В начале 1971 г. ЦК КПСС освободил от работы первого секретаря Воронежского обкома партии Н.М.Мирошниченко. На его место Пленум воронежского обкома избрал меня. Как уроженца Воронежа, приняли хорошо. 10 февраля 1971 г. я простился с товарищами и покинул Куйбышев.

Здесь продолжились наши отношения с П.В.Дементьевым.

Воронежский авиационный завод — альма-матер Куйбышевского, в послевоенные годы восстановил свою деятельность. В коллектив родного завода возвратились многие специалисты, рабочие, инженерно-технические работники. После ликвидации совнархозов в 1965 г., директором завода был назначен Борис Матвеевич Данилов, работавший тогда заместителем председателя Средне-Волжского совнархоза.

В первые дни пребывания в Воронеже я побывал на заводе. Долго ходили с Борисом Матвеевичем по цехам, часто встречая знакомые лица.

Воронежский авиационный завод с 1968 г. работал над новым сверхзвуковым самолетом Ту-144. В 1969 г. завод поставил ОКБ некоторые агрегаты (фюзеляж, ОЧК, шасси, рули, элероны) на стат-испытания. В 1970 г. завод совместно с ОКБ, которое уже возглавлял Алексей Андреевич Туполев (А.Н.Туполев по состоянию здоровья отошел от дел), выпустили одну машину, а сейчас шла работа над первыми серийными самолетами. Дело продвигалось очень трудно и медленно. Совершенно отличная от прошлых конструкция, новые материалы и технология значительно усложняли освоение производства машины. В цехах аврал, на заводе бесконечные комиссии и проверяющие из Минавиапрома, Совмина СССР, ЦК КПСС. Дело в том, что такого же типа сверхзвуковой самолет «Конкорд» был создан во Франции и руководство нашей страны нажимало, чтобы не отстать от Запада.

Б.М.Данилов в запарке, еле успевает отбиваться от московских

комиссий и высоких посетителей. Главный конструктор А.А.Туполев, защищая престиж ОКБ, валит всё на завод (вот когда стало понятно, как не хватает нам мудрого, обладающего интуицией “старика” А.Н.Туполева). Большое внимание заводу уделял и министр П.В.Дементьев. Приходилось и мне часто бывать на заводе, принимать участие в многочисленных дискуссиях, где определялись пути решения заводских проблем.

9 июля 1971 г. П.В.Дементьев прилетел на завод, позвонил мне, попросил о встрече. Я сказал, что буду весь день на областном собрании актива и на завод приехать не смогу, поэтому пришлю Р.Т.Косоплеткина, а вечером жду в обкоме. На том и договорились. Часов в 8 вечера П.В.Дементьев был у меня. Около часа шел разговор. Сначала он спрашивал меня, как идет привыкание к Воронежу. Я ответил: «Какое привыкание! Это мой родной город. Был на заводе, там, через одного, те, кто возвратился из Самары. Он рассмеялся, — «значит, опять среди своих». Обеспокоен, что срываются сроки выпуска первой заводской машины Ту-144. Причина в большом количестве изменений от ОКБ Туполева. «Борис Матвеевич Данилов «захлебывается». Мы там немного «разгребли» массу бумаг, облегчив заводу работу. Надо в этом году выкатить самолет из сборки — такова задача. Прошу тебя, проследи своими работниками и, если надо, то помогите заводу». Я обещал. Попили чаю и он уехал на аэродром.

3 марта 1972 г. На Воронежском авиационном заводе торжественное событие — принятый по сборке самолет ТУ-144 выкатили из сборочного цеха на ЛИС (летную станцию). По этому поводу митинг у самолета. Выступил начальник сборки, рабочий, летчик-испытатель, Б.М.Данилов, А.А.Туполев. Сказал несколько слов и я. По ВЧ от директора позвонил П.В.Дементьеву. Он поздравил с этим событием.

На ЛИСе провели наземные испытания, а 29 марта самолет перелетел с заводского аэродрома в Москву. Летные испытания будут проводиться на одном из московских заводов, так как на аэродроме воронежского завода короткая взлетно-посадочная полоса. Взлететь с трудом было можно, но посадить машину опасно.

При взлете сверхзвукового ТУ-144 постепенно нарастает такой мощный гул, что в правобережной части города, например, в здании обкома партии, стекла дрожат. Весь город слышит этот необычный шум.

В конце июня 1972 г. мне сообщили из ЦК, что Фидель Кастро, находящийся в СССР с официальным визитом, намерен с большой группой сопровождающих его лиц посетить Воронеж. Имеет в

виду побывать на Ново-Воронежской АЭС, авиационном заводе, в объединении «Электроника» и познакомиться с сельским хозяйством. С ним прибудет А.Н.Косыгин, К.Ф.Катушев и несколько министров. Мы разработали программу пребывания, утвердили её в МИДе и ЦК КПСС.

Утром 1-го июля встречаем гостей в аэропорту Воронежа. И на открытых машинах едем через весь город. Наш кортеж, вернее Фиделя Кастро, приветствует масса людей, стоящих вдоль улиц.

Въезжаем на территорию авиационного завода. Ф.Кастро и А.Н.Косыгина встречает директор завода Б.М.Данилов, секретарь парткома Т.К. Алесин. Проходим по цехам главного корпуса. Борис Матвеевич рассказывает о заводе, его истории и о самолете. Сборочный цех поразил Фиделя, он восхищенно смотрит на несколько самолетов, находящихся на разной стадии сборки.

Поднялись в салон машины. Там нас встретили Министр авиационной промышленности П.В.Дементьев и Главный конструктор А.А.Туполев. Разместились в креслах, передохнули и Ф.Кастро забросал Алексея Андреевича вопросами. О конструктивных особенностях машины, применяемых материалах, летных параметрах (скорости и дальности полета, грузоподъемности), мощности двигателя, расходе горючего и т.п. Туполев обстоятельно отвечал. Особенно напирал Фидель на экономические характеристики. Возник спор. Фидель тут же на бумажной салфетке, используя названные цифры, сделал прикидку себестоимости полета, обслуживания и т.д. Пришлось с ним согласиться, что пока на дозвуковых самолетах летать выгоднее. Тем более, что на Кубу Ту-144 без промежуточной посадки не долетит, так как дальность его полета пока чуть больше 4000 км. В разговор вступает П.В.Дементьев. Говорит о французском «Конкорде», что на нем стоят более мощные двигатели. Что в ОКБ Перми и Куйбышева идет работа над новыми двигателями с большей удельной тягой, меньшим расходом керосина, чем у нынешних моторов. Возрастет и дальность полета. «Всё впереди, товарищ Фидель», — заканчивает Петр Васильевич. Ф. Кастро удовлетворен разъяснением. Спустились по трапу в цех. Фидель высказал окружившим его работникам цеха свое восхищение заводом, тепло говорил с заводчанами, которые подарили ему модель самолета Ту-144. Шутил и охотно согласился сфотографироваться у ворот сборочного корпуса. На фото вокруг Ф.Кастро А.Н.Косыгин, К.Ф.Катушев, Б.М.Данилов, А.А.Туполев, П.В.Дементьев, В.И.Воротников, работники завода, ОКБ и несколько кубинцев, прилетевших с ним. Два дня, проведенные с делегацией Республики Куба во главе с Фиделем Кастро Рус, оставили незабываемый след в моей памяти.

Но опять наступили рабочие будни. В этом и следующем году завод отправил в Москву на испытания еще два или три самолета.

4 июня 1973 г. сообщение из Франции. Во время показательного полета на авиасалоне потерпел катастрофу на взлетном вираже самолет ТУ-144. (Это была именно та, первая серийная, заводская машина). Экипаж погиб. Позвонил в ЦК И.Д.Сербину, в МАП С.И.Кадышеву (П.В.Дементьев во Франции). Они подтвердили эту информацию. И.Д.Сербин заявил, что будет серьезный разбор в Москве и на заводе в Воронеже.

Приходится сожалеть, что судьба этого самолета сложилась так трагически. Нелепая случайность, ошибка (или провокация) со стороны устроителей авиасалона в Бурже привели к катастрофе. Говорили и тогда, а подтвердился этот факт недавно, что на взлете огромной машины в зоне видимости внезапно появился французский самолет “Мираж”, который, якобы, хотел снять взлет ТУ на пленку. Взлетный режим самый трудный с точки зрения устойчивости сверхзвукового самолета. Попытка наших пилотов резко отвернуть в сторону, чтобы избежать столкновения, привела к тому, что машина потеряла устойчивость, свалилась и врезалась в землю. Этот случай укрепил негативное отношение к ТУ-144, как к неперспективному самолету, со стороны Министерства гражданской авиации СССР. Видимо, были и другие неизвестные мне обстоятельства, приведшие в итоге к тому, что в 1975 году эта машина была снята с производства. Всего в Воронеже было выпущено (без учета ушедших на статиспытания) 8 или 9 машин. Они находились в ОКБ и ЛИИ (Летно испытательном институте) в Жуковском, использовались частично как летающие лаборатории. Для этих же целей несколько самолетов ТУ-144 в 1996 году были проданы или арендованы США. А “Конкорд” французы отработали и он долгое время эксплуатировался на пассажирских перевозках.

В июле 1973 г. докладывал Д.Ф.Устинову в ЦК состояние работы над самолетом Ту-144. Рассказал о ходе производства и намеченном МАП графике выпуска машин для ОКБ и МГА до 1976 г. О тех проблемах, которые волнуют заводчан. Устинов выслушал меня, задал пару вопросов. Вопрос о снятии с производства Ту-144 не поднимал. Немного поговорили о делах в сельском хозяйстве, и я откланялся.

В сентябре 1973 г. приехал на авиационный завод. Там уже находился Г.В.Новожилов. Он прибыл по поручению П.В.Дементьева, к которому мы уже обращались в одно из посещений им завода, что ТУ-144 технологически очень сложная машина, а загружает производство неравномерно. Надо или ставить машину на серию,

а для этого дооснастить, или догрузить завод новой машиной. Сейчас же выпускаем единицы, механические цеха перегружены, а агрегатные простаивают. Тогда и встал вопрос о производстве агрегатов (пока) самолета Ил-76 для Ташкента. А затем взять новый широкофюзеляжный пассажирский самолет ОКБ С.В.Ильюшина ИЛ-86. Об этом и шла речь на нашей встрече. Обойдя ряд цехов, побеседовав с людьми, а затем на совещании у директора, пришли к выводу — такую задачу можно решить. Подготовили предложения в Минавиапром П.В.Дементьеву. Никакого разговора о снятии с производства ТУ-144 тогда не было.

В середине ноября по ВЧ мне в обком позвонил П.В.Дементьев. Повел разговор о ситуации на заводе. Беспокоится, что коллектив охладевает к машине Ту-144, директор Б.М.Данилов никак не отойдет от стресса, вызванного гибелью самолета во Франции. Очень нервничает, гоняет подчиненных, сам еле держится на таблетках и уколах. Ваши предложения получил и с ними в основном согласен. Если возьмем Ил-86, то дел на заводе еще прибавится. Может, следует Борису Матвеевичу предложить работу полегче? Потом разговор с И.Д.Сербиным, с тем же вопросом. Я ответил обоим, — прошу пока не торопить события, обещал сам поговорить с Даниловым, а потом принять решение.

23 ноября 1973 г. На авиационный завод приехали П.В.Дементьев, А.А.Туполев, Г.В.Новожилов, работники МАПа, Аэрофлота. Обсуждение проекта плана загрузки завода на 1974 г. Придирчиво анализируют предложения завода, — одновременно вести работу по двум типам машин ТУ-144 (А.А.Туполев опасается, — не ущемит ли ИЛ-86 его самолет) и ИЛ-86 (Г.Н.Новожилов всячески пытается доказать, что его машина позволит без конкуренции, гармонично загрузить завод). Нашли взаимно приемлемое решение. П.В.Дементьев доволен, скупно улыбается, щурит свои «татарские» глаза, и обращаясь ко мне говорит: «Ну, во-от, вроде неплохо получается».

Мудрый Б.М.Данилов уже загодя, не ожидая этого решения, оказывается дал указание проектировать стапеля, другую оснастку. В цехах освобождают площади, начинают монтаж первых стапелей. Рабочие и мастера, руководители цехов довольны. О замене Данилова на этот раз Дементьев речи не вел.

В середине декабря 1973 г., будучи в Москве на сессии ВС СССР, побывал по настойчивой просьбе Г. В.Новожилова у него в ОКБ.

Прошли по отделам и бригадам КБ, по цехам. Затем долгая за чаем беседа у него в кабинете. Генрих Васильевич не может сдержать радости, что «заполучил» под ИЛ-86 Воронежский завод. Го-

ворит о дальнейшей перспективе, о большом ИЛ-96 на 300 пассажиров и т. п.

В марте 1974 г. принял в обкоме партии первого заместителя министра авиационной промышленности С.И.Кадышева (бывший директор Ташкентского завода). Разговор об ускорении сдачи пяти самолетов Ту-144, о чем он говорил на заводе с Б.М.Даниловым и А.А.Туполевым. Дело шло к снятию их с производства и переходу завода полностью на выпуск ИЛ-86. Кадышев, ссылаясь на П.В.Дементьева, сказал, что уже готовится Постановление ЦК и СМ на этот счет. Установили график сдачи самолетов военным, а не в МГА, как намечалось ранее.

31 июля 1974 г. в Воронеж на завод прилетел П.В.Дементьев. Предварительно позвонил мне из Москвы, просил принять участие в разборе ситуации на заводе. С ним команда из МАПа, как и всегда, Туполев с Новожиловым. Я тоже приехал на завод. Обстоятельный разбор состояния дел. График сдачи ТУ-144 срывается. Б.М.Данилов нервничает, говорит, что ОКБ дает новые чертежи изменений. Туполев отмечает эти доводы, мол, завод забросил дела с ТУ-144, директор ими не занимается. Спор. Дементьев, в свойственной ему манере, резко и четко ставит все по местам. Одному сделать то-то и тогда. Другой должен сам разобраться и прекратить слать новую документацию на завод.

Потом по его просьбе поехали ко мне в обком. Дементьев всю дорогу молчал. В кабинете начал разговор. Не торопясь, рассуждая, сопоставляя факты и поступки директора и Туполева, приходит к выводу, что они оба «выдохлись». «Завод замучился с машиной Ту-144, а Ил-86 более простой и привычный в производственном отношении самолет «выталкивает» ТУ-144. Туполев это видит, но ничего поделать не может. Говорит: «В Москве, говорю тебе достоверно, отношение к ТУ-144 негативное после катастрофы, во-от. Пытаюсь объяснить, что вина не в машине, а в непредвиденной ситуации, сложившейся в полете на жестком режиме. Во-от. Но этого никто не хочет понимать. Короче, Виталий Иванович, машину Ту-144 жаль, она дает большой шанс в развитии не только самолетостроения, но и научной мысли. Но её надо серьёзно дорабатывать. Как планер, так и особенно двигатель. Он маломощен и «жрёт» много керосина. Придется смириться. Время покажет, кто прав. Что касается Б.М.Данилова, то его придется менять. Мне понравился секретарь парткома Шумейко. Он прошел хорошую школу, думаю, можно его назначать».

Я поддержал анализ министра, а также рассказал ему о беседе с Борисом Матвеевичем. Он понимает обстановку и если надо для

дела, то он готов уйти, хотя и «прирос» к заводу. Сказал Дементьеву, что и для меня это не простой вопрос: «Лично его уход переживаю, ведь мы вместе проработали 25 лет. В какой то мере, я его протезе на заводе в Куйбышеве. Но, видимо, другого выхода нет. Кандидатуру А.Г.Шумейко я поддерживаю». Петр Васильевич поблагодарил за понимание и поддержку. На том мы и распрощались.

В декабре 1974 г. было принято решение о Б.М.Данилове, — его министр назначил начальником филиала НИАТ. Борис Матвеевич с трудом, но постепенно втянулся в новую работу. Часто заходил ко мне в обком партии по вопросам этого научно-исследовательского института авиационной технологии.

А в январе 1975 г. директором Воронежского авиационного завода был назначен секретарь парткома Анатолий Григорьевич Шумейко, до этого проработавший инженером, начальником цеха, главным технологом завода.

Моя судьба сложилась дальше так, что в июле 1975 г. я оказался в Москве в должности первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР.

В Москве наши отношения с П.В.Дементьевым не прерывались. Он одним из первых позвонил мне и поздравил с новым назначением. В мои обязанности входило еженедельное участие в заседаниях Президиума Совмина СССР, которые обычно вел А.Н.Косыгин. Как и другие Союзные министры, на заседаниях часто присутствовал П.В.Дементьев, хотя многие вопросы, имеющие отношение к военной тематике обсуждались на ВПК у Л.В.Смирнова. Однако на Президиуме СМ рассматривались проекты планов развития народного хозяйства страны, определялись объемы капитального строительства, утверждались наметки Госплана СССР на этот счет, обсуждались финансовые показатели и многие другие оперативные и перспективные вопросы, касавшиеся и минавиапрома. Поэтому мы часто встречались с Петром Васильевичем на этих заседаниях. Он выступал с замечаниями к проектам, высказывал предложения, просьбы к Правительству.

Мне запомнился один эпизод. В начале 1976 г. А.Н.Косыгин, как это было принято, рассматривал доклад Госплана о результатах освоения капиталовложений и вводе производственных мощностей за предыдущий год. На этот раз объемы незавершенного строительства выросли чрезмерно. Президиум СМ решал какие объекты должны завершить строительством сами министерства, за счет собственных ресурсов, так как на них в прошедшем году средства и материалы были выделены сполна, а стройки не закончены.

Значит, — рассуждал Алексей Николаевич, — вы имеете всё для сдачи объектов и в план этого года мы их вносить не будем. Такой подход вызвал недовольство министров, пошли реплики, что виновны строительное министерства, что не было поставлено оборудование и т.п. И что для окончания стройки нужно перенести их ввод на этот год и выделить недостающие ресурсы. Они обсчитаны, внесены в Госплан, но В.Я.Исаев вычеркнул их из проекта плана на 1976 г. Стали выступать с мест. Короче, поднялся шум. Но А.Н.Косыгин вел заседания всегда строго и на этот раз быстро усмирил министров.

П.В.Дементьев, не обращая внимания на коллег, видимо, заранее подготовившись, быстро прошел к столу председателя, что само по себе было неожиданно, и чего Косыгин не допускал. И стал один за другим разворачивать перед А.Н.Косыгиным панорамные фото некоторых объектов, демонстрируя их незавершенность. На словах повторял: «Это сборочный корпус на Ульяновском авиационном комплексе, это испытательный стенд для двигателей на ракеты Челомея, это новый КДП у Сухого и т. д. Разве можно их консервировать, — запальчиво произнес он, — я прошу, Алексей Николаевич, поручить Байбакову вместе с нами рассмотреть титульный список строек на этот год».

А.Н.Косыгин молча стал рассматривать снимки, потом обратился к Байбакову: «Пожалуй, не стоит сейчас резать по живому. Дементьев прав. Рассмотрите ещё раз». Попытки других министров пробраться к столу он строго пресек.

Об этом факте я рассказал потому, что среди министров были разные люди. Одним можно было верить на слово, других надо обязательно проверить. Была небольшая группа «старых» министров, с которыми Косыгин был связан десятилетия, их он и слушал внимательнее, и относился к ним с большим доверием. К их числу принадлежал П.В.Дементьев, человек дела и слова. Он редко выступал на заседаниях не только Совмина, но и на Политбюро. Говорил всегда неторопливо, профессионально, доказательно. Держался сдержанно, с достоинством. Его уважали и на высших этажах власти.

К министрам такого уровня относились: Н.К.Байбаков, П.Ф.Ломако, Е.П.Славский, Л.А.Костандов, С.А.Зверев, К.П.Руднев, В.С.Федоров, В.В.Бахирев, П.С.Непорожний.

Встречались мы с П.В.Дементьевым на Пленумах ЦК КПСС, сессиях Верховного Совета, на приемах в Кремле, во время визитов в СССР лидеров иностранных государств. Памятна встреча на приеме в Георгиевском Зале Кремля в декабре 1976 г. в день семи-

десятилетия Л.И.Брежнева. И всегда у нас находились добрые слова по отношению друг к другу, обмен информацией о делах в России и министерстве. Беседы были разные, и на коротке, и более обстоятельные.

Приближался день семидесятилетия П.В.Дементьева. Накануне был опубликован указ о его награждении второй Золотой медалью «Серп и Молот» и орденом Ленина. Я подготовил памятный подарок и позвонил в министерство. В приемной мне ответили, что Петр Васильевич в больнице на ул. Грановского.

25 января 1977 г. позвонил ему в больницу. Трубку телефона взял не он. Я представился и спросил, могу ли поговорить с Петром Васильевичем. Он взял трубку. Поздоровались, я поздравил его с днем рождения и высокой наградой. Он сказал — спасибо, спасибо. Голос глухой, кашель. Извинился, что ему трудно говорить и ещё раз поблагодарил за поздравление. С этого дня я не встречался с П.В.Дементьевым.

14 мая 1977 г. П.В.Дементьев скончался. 17 мая похороны. Гроб с телом был установлен в Краснознаменном Зале Дома Советской Армии. Проститься с выдающимся государственным деятелем, министром авиационной промышленности СССР, замечательным человеком П.В.Дементьевым пришла масса народа. Нескончаемым потоком несколько часов у гроба прошли тысячи людей. Среди других я постоял в Почетном карауле.

Погребение на Новодевичьем кладбище. Траурный митинг открыл заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.В.Смирнов. Выступили несколько близких друзей, соратников, земляков Петра Васильевича. Проводить в последний путь П.В.Дементьева пришло очень много народа. Страна потеряла выдающегося государственного деятеля, умного, волевого организатора авиационной промышленности. На период его деятельности с 1941 года пришелся небывалый подъем и развитие авиации. Начиная с первых, в военную пору, скоростных истребителей ОКБ Яковлева и грозных штурмовиков Ильюшина, до современных новейших военных самолетов КБ Сухого, Микояна и Гуревича, стратегических ракетносителей Туполева и Мясищева — авиационная промышленность превратилась в ведущую отрасль машиностроения, передовую по научно-инженерному потенциалу и квалификации рабочих. Технический прогресс в авиации активно способствовал качественному росту и развитию ряда других сопутствующих отраслей промышленности и направлений в науке.

Можно без преувеличения сказать, что ракетостроение в нашей стране выросло из авиационной промышленности. Это от-

носится к конструкторской мысли, научному обеспечению, производственному и техническому опыту кадров авиационников. Конкретные примеры этого тезиса приводить нет нужды. Да и производственные мощности некоторых авиационных заводов: самолетных, моторных, приборных, металлургических, по выпуску нестандартного оборудования были полностью или частично задействованы на выпуск ракет. И во всем этом большая заслуга Министра авиационной промышленности Петра Васильевича Дементьева.

Для меня П.В.Дементьев являлся образцом современного руководителя, управленца высшей марки. Обладая высокой инженерной подготовкой, зная в деталях тонкости авиастроения, будучи человеком волевым, упорным в достижении цели, проявляя такт и внимание к людям, Петр Васильевич всегда находил выход из затруднительных положений, которые возникали довольно часто, четко и ясно определял программу действий и, что не менее важно, обеспечивал организацию исполнения принятых решений. У него было чему поучиться.

Навсегда храню в сердце светлую память о мудром и добром человеке, настоящем товарище П.В.Дементьеве.

ВИКТОР ИВАНОВИЧ МУРАВЛЕНКО

15 июня 1977 г. в Москве скоропостижно скончался Виктор Иванович Муравленко — начальник Главного управления «Тюменнефтегаз», профессор, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской премии. Он жил в гостинице «Россия», и шел на заседание Комиссии Верховного Совета СССР по охране природы, членом которой был. В вестибюле гостиницы ему стало плохо, вызвали скорую помощь. Прибежал врач гостиницы. Но было поздно — скоропостижная смерть.

Я узнал об этом на следующий день в конце заседания сессии Верховного Совета СССР, на котором выступал с речью от имени Правительства РСФСР.

Накануне, 9-го июня В.И.Муравленко позвонил мне в Совмин РСФСР, сказал, что прибыл в Москву на заседание Комиссии, а потом сессии Верховного Совета СССР. Поблагодарил меня за помощь и поддержку. По его просьбе, и с ведома А.Н.Косыгина, Правительство России выделило нефтяникам Тюмени дополнительные фонды на продукты питания и одежду в северном исполнении. Условились встретиться после сессии, примерно 17—18 июня. И вот, такая трагедия! Я не смог с ним проститься, так как похороны было решено проводить в Тюмени.

Ушел из жизни выдающийся государственный деятель, один из первооткрывателей нефти «Второго Баку» и Западной Сибири. Человек, по своим качествам удивительный, — скромный, отзывчивый и добрый. Прекрасный товарищ, с которым меня связывала многолетняя дружба. Профессионал нефтяник-буровик высшей пробы. Талантливый ученый, истинный творец. Опытный хозяйственник и управленец. Типичный представитель своего героического поколения. Вот почему я решил рассказать о Викторе Ивановиче Муравленко в этой книге.

С Виктором Ивановичем Муравленко я знаком с 1957 года. В то время он работал начальником объединения «Куйбышевнефть», а я секретарем парткома авиационного завода. 19 апреля 1957 г. проходил Пленум обкома партии, на котором обсуждались решения февральского Пленума ЦК о реорганизации управления промышленностью и строительством.

С докладом выступил первый секретарь обкома М.Т.Ефремов. Говорил он как всегда с подъемом, приветствуя новаторский под-

ход ЦК к проблемам развития экономики страны. Начались прения, речи разные, — кто-то одобряет и поддерживает, а кто-то с сомнениями по поводу ликвидации отраслевой системы управления. Мы сидели с В.И.Муравленко в последнем ряду президиума и комментировали доклад и выступления. Оба скептически, с беспокойностью отнеслись к новациям Никиты Сергеевича Хрущева. Виктор Иванович, опытный хозяйственник, высказал обеспокоенность. Его особенно тревожила возможная разобщенность при совнархозах нефтяной отрасли, которую он знал в совершенстве, пройдя по всем ступеням от бурового рабочего до начальника объединения «Куйбышевнефть».

Я поддержал его сомнения, считая, что реорганизация промышленности по территориальному принципу вряд ли принесет пользу и оборонным отраслям, в частности, авиационной промышленности, где создана стройная система управления от ОКБ, технологических НИИ, комплектующих и строительных организаций, до заводов, испытательных комплексов и социальной сферы. Всё это находилось в руках министерства. Если этот комплекс распадется!? Думаю, успеха от этого не будет.

В.И.Муравленко был заметной фигурой. После авиационной промышленности, нефтяная и нефтеперерабатывающая отрасли являлись наиболее крупными в области. По законам того времени, объединение, обеспечивая ежегодный прирост добычи нефти, имело право часть прибыли направлять в местный бюджет и разумно использовать на решение социальных проблем не только в поселках нефтяников, но и в городах и районах области. Строились дороги, линии электропередачи, что обеспечивало электрификацию сел и поселков. Немалые «нефтяные» деньги, были вложены в строительство набережной города у Волги, любимого места отдыха горожан. Вводились в строй больницы, школы, детские сады, строились жилые дома для нефтяников. Работа на буровых, в вышкомонтажных бригадах была престижной и хорошо оплачиваемой. Все это, наряду с успехами в работе и высокими личными качествами В.И.Муравленко, снискали ему уважение и авторитет не только в Куйбышеве, но и в министерстве, среди коллег из других регионов страны.

Жизненный путь Виктора Ивановича Муравленко был простым, типичным для людей его поколения. Он родился в станице Незамаевская Краснодарского края в рабочей семье. Именно здесь на Кубани ещё в дореволюционной России была пробурена первая скважина и добыта первая нефть. И свой трудовой путь после окончания школы Виктор Муравленко начал рабочим-мотористом в нефтеразведке. В 1932 году он поступает в Грозненский нефтяной

институт. Вот что говорит об этом периоде жизни он сам: «Я еще до окончания института определил свою профессию — буровик. Дипломный проект был по бурению нефтяных и газовых скважин. Я готовил себя к этому нелегкому, но увлекательному для меня делу». По окончании института в 1936 г. его направляют на работу в перспективный район, между Волгой и Уралом.

Ещё в начале 30-х годов в Башкирии, в 1936 г. в Куйбышевской области, а в 1943 г. в Татарии начались работы по промышленному бурению, обустройству месторождений и добыче нефти, на ранее разведанных месторождениях. Известный в стране геолог И.М.Губкин назвал тогда этот район перспективным — «вторым Баку».

Случилось так, что пути нефтяника-буровика 26-летнего Виктора Муравленко, пересеклись с уже достаточно опытным, но также молодым, 27-летним Николаем Байбаковым, назначенным в 1938 г. начальником объединения «Востокнефтедобыча». Вспоминая о том периоде работы Н.К.Байбаков в своей книге «Дело жизни» пишет и о В.И.Муравленко: «Вскоре после окончания института молодой инженер получил путевку в Куйбышевскую область, в Сызраньскую контору бурения, где возглавил комсомольско-молодежную бригаду, которая вскоре стала одной из лучших. Затем В.И.Муравленко становится директором конторы бурения треста «Сызраньнефть». В 1940 г. он получает новое назначение на о. Сахалин директором конторы бурения треста «Сахалиннефть», где и застала его война. В военкомате его просьбу направить на фронт отклонили. Стране, фронту нужна была нефть». Его назначают начальником нефтеразведки треста «Сахалиннефть», затем главным инженером треста «Дальнефтеразведка».

«Окончилась Великая Отечественная война. И в 1946 г. В.И.Муравленко возвращают в Поволжье осваивать и внедрять турбинное бурение», — пишет Н.К.Байбаков. В 1949 г. его назначают управляющим трестом «Ставропольнефть», а 1950 г. 37-летний инженер возглавляет объединение «Куйбышевнефть».

Н.К.Байбаков с большой теплотой вспоминает о В.И.Муравленко, как о высококлассном профессионале, новаторе. Рассказывает о новых методах работы, технических новинках, передовой технологии, внедренных куйбышевскими нефтяниками под руководством и по инициативе В.И.Муравленко. Высоко отзывается о его человеческих качествах: «В.И.Муравленко всегда отличало внимание к рабочему человеку. Никогда он не был равнодушен к людям, старался помочь им, с чем бы к нему не обращались. И люди отвечали ему тем же».

Немного статистики.

Как сказано выше, первые тонны нефти получены в 1936 г. в Сыз-

раньском районе. В следующем году там создается первый нефтепромысел. В последующие годы вводятся в разработку новые месторождения нефти: 1940 г. — Ставропольское, Троекуровское; 1944 г. — Зольненское; 1946 г. — наиболее мощное, Мухановское, затем в 1947—1957 гг. — Яблоневское, Покровское, Радаевское, Красноярское; в 1959 г. — Якушкинское; в 1960—1962 гг. — Дерюжевское, Алакаевское, крупные месторождения — Кулешовское и Ново-Запрудненское.

В послевоенный период лидером по добыче нефти была Башкирская АССР. Затем шла Татарская республика и третьей — Куйбышевская область. С конца 50-х до начала 70-х гг. район «второго Баку» стал основным поставщиком нефти и продуктов нефтепереработки в СССР.

В 1964 г. разведанных промышленных запасов нефти в области насчитывалось около 500 млн тонн. Темпы добычи нефти выросли с 200 тыс. тонн в 1940 г. до 3,4 млн тонн в 1950 г. В последующие годы темпы добычи стали ещё более высокими. В 1960 г. объединение выдало стране 22,3 млн тонн, а в 1964 г. — 33,1 млн тонн. Это был пик добычи нефти в Куйбышевской области. Тогда она занимала третье место в стране, после Татарии и Башкирии. В Башкирии в 1967 г. добыто 47,8 млн тонн, в Татарии в 1970 г. — 100 млн тонн. Суммарная добыча в трех регионах составляла 170—180 млн тонн в год. Всего в СССР в 1968 г. было добыто более 300 млн тонн. Таким образом, район Поволжья обеспечивал потребности страны в нефти, примерно, на 57—60 процентов. Объем переработки нефти на НПЗ Башкирии и Куйбышевской области был на уровне 55—60 млн тонн в год.

Однако, начиная с 1965 г. добыча нефти в Куйбышевской области стала снижаться, и в 1970 г. составила 29,0 млн тонн. Новых крупных месторождений нефти обнаружить не удалось.

Можно сказать, что период 1946—1964 гг. был самым плодотворным, именно в эти годы нефтяную промышленность области возглавлял В.И. Муравленко. Так что к моменту нашего знакомства в 1957 г. Виктор Иванович уже «набрал силу», как крупный хозяйственник, под началом которого работали десятки тысяч людей.

В феврале 1960 г. меня выдвинули на работу в обком партии. Сначала заведующим промышленно-транспортным Отделом, а через восемь месяцев переместили заведующим Отделом оборонной промышленности. Наши контакты с В.И. Муравленко стали более частыми и предметными.

Это был период, когда проведенная в 1957 году реорганизация в стране управления промышленностью и строительством, надевавшая много переполоху в центре и на местах, кое-как устоялась.

В Куйбышевском совнархозе сменилось четыре председателя. В 1960 г. в этой должности прочно укрепился В.И.Смирнов, а его заместителем стал В.И.Муравленко. Помимо нефтяной отрасли, он курировал также предприятия нефтепереработки и химии, которых в области было немало.

Начальником объединения «Куйбышевнефть» стал Дзандар Авсимаевич Такоев, воспитанник Муравленко, также прошедший большую трудовую школу в нефтяной промышленности области, а последнее время работавший заведующим Отделом нефтяной и химической промышленности обкома партии.

Следует подчеркнуть, что внимание руководства области, не считая сельского хозяйства, которое всегда было приоритетным в советское время, в большей мере уделялось оборонным заводам и нефтяной отрасли. На Пленумах, заседаниях Бюро обкома партии часто обсуждались вопросы нефтяников: состояние разведки и ход буровых работ на новых месторождениях нефти, темпы ввода в промышленную эксплуатацию новых скважин, обустройство промыслов, выполнение планов добычи нефти, её себестоимость, эффективность отдачи нефтяных пластов.

Обычно заслушивались отчеты геологов, начальников НГДУ, а их было в области шесть, управляющих строительными организациями, а также руководства объединения «Куйбышевнефть» — В.И.Муравленко, или его заместителей. Нередко, в трудных ситуациях, для оказания помощи нефтяникам привлекались машиностроительные заводы области, в частности, для изготовления запасных частей, ремонту нефтяного оборудования и т.д.

Мне, совершенному дилетанту в этой сфере, было интересно, — как обсуждались эти вопросы. Я пытался разобраться в сути проблем, осваивать специфичную терминологию нефтяников и, конечно, мне хотелось побывать на месте, посмотреть работу вышкомонтажников, буровых установок, нефтепромыслов. Манили и громады нефтеперерабатывающих заводов, в любое время года и суток, выбрасывающих из труб огненные сполохи пламени.

У меня сразу установились товарищеские отношения с Дзандаром Такоевым. Кабинеты рядом и мы часто общались. Он эмоционально рассказывал о делах и проблемах отрасли. По моей просьбе, я несколько раз выезжал с ним в нефтеносные районы, бывал на буровых, где велось разведочное и эксплуатационное бурение скважин, на промыслах и НПЗ в Куйбышеве и Новокуйбышевске.

Постепенно я стал осваивать основы нефтяной отрасли, познавать суть её деятельности, разбираться в процессах, понимать терминологию. Более осмысленно стал воспринимать и обсуждение

проблем нефтяников на бюро обкома партии. Всегда внимательно слушал выступления В.И. Муравленко, его ответы на вопросы членов бюро обкома партии.

Мне импонировала его манера поведения, — спокойная, уравновешенная, всегда приветливая, без налёта начальственной вальяжности, присущей некоторым. Выступал или вел беседу он обычно ровным, с хрипотцой голосом, четко и грамотно излагая мысль. Умел не перебивая и не торопясь выслушать собеседника, ответить на его вопросы. Внешне привлекательный, спортивного вида, с белозубой улыбкой, огромными иссиня-черными, выразительными глазами, всегда тщательно и модно одет.

В сентябре 1962 г. на очередной партконференции меня избрали секретарем обкома партии по промышленности. Здесь, как говорится, и Бог велел глубже и предметнее заняться нефтяной и химической отраслями, которые я познал лишь поверхностно.

Понятно, что наши контакты с В.И.Муравленко приобретали не только частый, но и деловой характер, а отношения становились более тесными, товарищескими. Он часто приходил ко мне в обком, мы подолгу обсуждали оперативные вопросы, разбирали возникавшие в отрасли проблемы, говорили и о наметках на перспективу. Он был по своему складу — новатором, всегда стремился искать выход из трудных и сложных ситуаций, применяя новый, творческий подход. В этом случае Виктор Иванович загорался, говорил горячо, эмоционально, стараясь донести до собеседника содержание эксперимента, убедить его в важности и эффективности предлагаемых мер. Тогда его кубанская, казачья сущность проявлялась особенно ярко. Я просто любовался им, как страстно и напористо он стремился выполнять порученную работу, как болел за дело. Работа и ещё раз работа были сутью его натуры, его характера. Он не переносил рутинной деятельности, всегда в поиске, в борьбе с трудностями, очень частыми в избранной им профессии.

Несколько раз я побывал с В.И.Муравленко у нефтяников ряда районов области. Помимо знакомства с состоянием дел, проводили совещания, разборы. Определяли меры помощи для решения возникших вопросов. Выезжали и в Тольятти, на химические заводы.

Мне запомнилась одна незапланированная поездка. Это было, по-моему, летом 1962 года. Возник конфликт на заводе СК со строителями. Мне утром позвонил директор СК О.Г.Мурадян и попросил приехать. Я связался с В.И.Муравленко и рассказал о ситуации. Решили ехать не мешкая. Так как я должен был в этот же день вернуться в Куйбышев, то попросил Виктора Ивановича побыть в Тольятти пару дней.

Он пришел в обком, и мы сначала заехали к нему домой, чтобы взять необходимые вещи для командировки. Семья В.И.Муравленко занимала квартиру в небольшом домике, на одной из центральных улиц в старой части города. Пока он собирал саквояж, мы пообщались с его сыном Валерием, молодым парнем студенческой поры. Через десять минут выехали в Тольятти. Не стану описывать наши разборки там, они похожи, когда речь идет о решении возникших недоразумений в производственных отношениях сторон, — заказчика с подрядчиком.

Бывали и экстремальные ситуации. Не раз мы были свидетелями аварий, пожаров, возникавших на буровых, когда нефть с мощным гулом фонтаном вырывалась на свободу и горела высоким пламенем. Помню, сколько дней он и Такоев провели около буровой установки, по-моему в Красноярском районе, вместе с рабочими, пожарниками и даже военными, пытаюсь укротить стихию. Была поздняя осень, холод, но даже за сотни метров от пламени нестерпимая жара. И всё же нашли решение, — погасили пламя, укротили нефтяной фонтан. Так беда приходила вместе с радостью, что открыт новый мощный пласт нефти.

Бывали неприятности и на нефтеперерабатывающих заводах. Я не говорю о так называемых «хлопках», в сущности, локальных взрывах на той или иной технологической установке. В зиму 1961—1962 гг. произошла серьезная авария на Куйбышевском НПЗ. Взрыв большой силы вывел из строя не только одну из важных установок, а половину цеха. Пострадало несколько человек, в том числе со смертельным исходом. Мы примчались на завод через несколько часов после катастрофы, — картина разрушений тяжелейшая. На другой день приехала комиссия из Москвы разбираться с причиной и определить меры восстановления производства. Прилетел и С.А.Афанасьев, — тогда председатель СНХ РСФСР. Мы втроем облазили разрушенную взрывом территорию. Провели совещание на месте, а потом в обкоме партии у А.С.Мурысева. На восстановление цеха были брошены все силы. За месяц, с небольшим, ремонтно-восстановительные работы были завершены. Но невосполнима утрата погибших при аварии людей.

В начале 1962 г. председатель Куйбышевского совнархоза В.И.Смирнов решением ЦК КПСС (по инициативе Ф.Р.Козлова) был перемещен на такую же должность в Омск. Владимир Иванович, исконный самарец, тяжело переживал разлуку с Куйбышевом. Тем более вызвало недоумение, что его деятельность оценивалась положительно, и вдруг перевод в регион, со значительно меньшим экономическим потенциалом. В.И.Смирнов рассказывал, что

задавал этот вопрос, о причине перевода, Ф.Р.Козлову во время беседы в ЦК. Тот ответил без объяснения: «ЦК виднее, где и как использовать кадры. Сейчас Вы нужнее в Омске». Вопрос был исчерпан.

Вместо В.И.Смирнова, председателем Куйбышевского совнархоза был назначен В.Я.Литвинов, — директор соседнего с нашим, ранее авиационного, а с 1957 г. завода «Прогресс», специализированного на выпуске ракет-носителей «Р-7» конструкции ОКБ С.П.Королева. Это был уважаемый и авторитетный руководитель, — дважды Герой Социалистического Труда. Мы давно знали друг друга, и были в отличных, товарищеских отношениях. В.И.Муравленко и с ним работал также дружно, инициативно, как и с В.И.Смирновым. Пару раз мы с В.Я.Литвиновым посещали хозяйство нефтяников.

Виктор Яковлевич быстро освоился в новой должности. Следует подчеркнуть, что 1962 г. был весьма плодотворным в промышленности и строительстве Куйбышевской области. Высоких показателей в работе добились предприятия оборонных отраслей, машиностроения, химии, нефтяной промышленности. Так нефтяники вышли в этом году на рубеж добычи около 30 млн тонн. Рост к 1960 г. составил почти 8,0 млн тонн. Таких темпов прежде не знали. Три НПЗ переработали 23,5 млн тонн нефти, выросло производство более качественных сортов бензина и масел. Правда, из-за жесточайшей засухи серьезный урон был нанесен сельскому хозяйству, что сказалось на снабжении населения продуктами питания в 1963 г.

В конце ноября 1962 г. состоялся Пленум ЦК КПСС. По инициативе Н.С.Хрущева, на нем было принято решение, — реорганизовать партию. Оно буквально повергло в шок коммунистов. Никита Сергеевич решил разделить КПСС по отраслевому принципу: на промышленную и сельскую парторганизации. Мол, «так они будут предметнее заниматься, одни — промышленностью, а другие — сельским хозяйством. Ничего плохого, кроме хорошего, я в этом не вижу». Такова, в принципе, была идея реорганизации. Мы в обкоме были обескуражены! Но, нечего делать, — надо делиться.

Однако реформирование этим не закончилось. Было также принято решение об укрупнении Советов народного хозяйства. Так, в Поволжье объединили три совнархоза: Башкирский, Куйбышевский и Татарский, с центром в г. Куйбышеве.

Председателем Средне-Волжского СНХ назначен Алексей Тихонович Шмарев — первый заместитель председателя СНХ РСФСР.

Один из корифеев нефтяной промышленности, начавший свою

деятельность в Башкирии в довоенные годы, активный участник разработки известного в стране Туймазинского месторождения нефти. Затем долго работавший в Татарии. Нефтяник-буровик по образованию, он сочетал в себе большой практический опыт и пристрастие к научной работе, эксперименту. Был доктором технических наук, профессором. Человек увлеченный, весьма эмоциональный, любивший жизнь во всех её проявлениях, А.Т.Шмарев почти не занимался другими вопросами, а большее время уделял проблемам добычи нефти. Вокруг него собралась, ещё в былые времена, такая же команда. Часть товарищей он привез в Куйбышев.

В январе 1963 г. состоялась партийная конференция промышленной парторганизации области. На ней первым секретарем обкома был избран А.М.Токарев, вторым секретарем — В.И.Воротников. Помимо промышленности, на меня была возложена обязанность работы с аппаратом обкома.

Одновременно шло и комплектование кадрами и аппарата Средне-Волжского СНХ. Задача непростая. Учитывая специфику автономных республик: Башкирии и Татарии, надо было соблюсти пропорции представительства этих республик и Куйбышевской области на всех уровнях руководства. Это была изнурительная работа. Нам не хотелось менять уже сложившийся состав управления, но пришлось идти на уступки. Первым заместителем председателя Средне-Волжского СНХ был назначен В.Я.Литвинов — представитель Куйбышева; заместителем по нефтяной промышленности Обносков — представитель Татарии, как наиболее крупного региона добычи нефти; заместителем по химии Черныш — представитель Башкирии; по машиностроению — Бенькович, из Куйбышева; по легкой промышленности Успенский — из Татарии; заместитель по общим вопросам Зейде — из Башкирии.

Руководители Главных отраслевых управлений СНХ, в большинстве были Куйбышевцами. Б.М.Данилов, уступивший место В.Я.Литвинову, был назначен директором Воронежского авиационного завода, где он начинал свою деятельность ещё в довоенное время.

В.И.Муравленко стал начальником Главного управления нефтяной промышленности Средне-Волжского СНХ.

По форме вроде всё прошло нормально без перегибов. Но по сути, обстановка в совнархозе создавалась сложная. Вместе собрались люди с разными методами и формами работы, со сложившимися традициями. Долго не могли «притереться» друг к другу.

Но, вернемся к основной теме рассказа — о В.И.Муравленко. Конечно, он прекрасно знал коллег-нефтяников и имел о них

свое мнение. Не то, что он был обижен перемещением, а возник вопрос совместимости для активной, плодотворной работы. Шмарев и его заместитель по нефти относились к В.И.Муравленко с уважением. Более того, определив принципиальные вопросы, давали ему возможность полной самостоятельности в оперативной работе. Однако иногда, переполненный идеями разных экспериментов, А.Т.Шмарев не ставя в известность В.И.Муравленко напрямую давал те или иные указания начальникам НГДУ, или НИИ нефти. Это возмущало Виктора Ивановича, он прямо выговаривал свое недовольство А.Т.Шмареву. Тот, со свойственным ему юмором, обещал «исправиться», признавая ошибку, но в то же время убеждал собеседника в необходимости этого эксперимента для пользы дела. Надо сказать, что В.И.Муравленко не рассказывал мне об этих «фокусах» Шмарева. Но его личное достоинство было задето. Вскоре он зашел ко мне в обком и повел речь о намерении принять предложение, поехать в Тюмень. Мы долго и обстоятельно говорили. Рассказал он кратко и об обстановке в совнархозе.

Мне было понятно его состояние. Несмотря на вроде высокий пост — начальника Главного управления по нефтяной промышленности СНХ, объединившего три региона основных поставщиков нефти в стране, — Виктор Иванович, привыкший к самостоятельности, единоначалию, работавший всегда на пределе, не считаясь со временем и трудностями, чувствовал себя «не в своей тарелке».

Он видел, что руководство СНХ работает в полсилы. Занято не всегда тем, что надлежит делать в отрасли. Его мнение по ряду принципиальных вопросов блокировалось в Башкирии, или Татарии, не без ведома руководства СНХ. В.И.Муравленко стал больше времени уделять Куйбышеву. Но здесь наступила пора спада в добыче нефти. Новые месторождения найти не удавалось, промышленные запасы нефти истощались. Заветная цифра, — выйти на добычу 35, а то и 40 млн тонн, — оказалась несбыточной. Перспективы активной, творческой работы не было. Смириться с этим ему было нелегко. В.И.Муравленко по своему характеру, боец, он никогда не искал легкой жизни.

Всё в комплексе: обстановка в СНХ, отношение в автономных республиках (мол, «сами с усами»), спад активности в Куйбышеве и другие причины личного плана, негативно влияли на него. Мы не раз беседовали. Он не жаловался, но и не раскрывал детали своей хандры. Говорил: «неинтересно стало работать». И всё.

Постановлением Совета Министров СССР от 12 июня 1965 г. было образовано Главное управление нефтегазовой промышлен-

ности Западной Сибири, — «Главтюменнефтегаз», с непосредственным подчинением СНХ РСФСР.

В.И.Муравленко принял предложение возглавить этот Главк. Тем более, уже тогда речь шла об упразднении совнархозов и восстановлению министерства нефтяной промышленности СССР (что и произошло в сентябре 1965 г. Министром был назначен Валентин Дмитриевич Шашин, давний товарищ В.И.Муравленко), в состав которого войдет и «Главтюменнефтегаз».

Там открывалась широкая перспектива, просматривалось большое будущее. В начале 60-х годов в Тюменской области были открыты первые месторождения мощных залежей нефти. Промышленное освоение началось в 1964 г., и добыты первые 200 тыс. тонн нефти. Выходило, что В.И.Муравленко надо было, образно говоря, возвращаться на 30 лет назад.

Перед назначением Виктор Иванович побывал в Тюмени. Вернулся оттуда окрыленный. Долго рассказывал о поездке, говорил о перспективе, о небывало сложных условиях Сибири, в которых предстоит работа. Но будущее — сотни миллионов тонн нефти, которые через 10—15 лет пойдут оттуда, волновали его душу, а возможность активной работы, — притягивали.

Именно тогда, в сентябре 1965 г. он записал: «И снова фронт! Еду в Тюмень».

Мы, куйбышевцы, особенно нефтяники, с сожалением расставались с Виктором Ивановичем. Правда, особенно на первых порах он часто прилетал в Куйбышев. Пригласил с собой в Тюмень немало сподвижников, стремившихся, как и он, работать на ударных направлениях, каким тогда и являлась Западная Сибирь. С ним из Куйбышева в Тюмень поехали сразу, или в течение первого года опытные специалисты: В.Ю.Филановский, М.М.Крол, В.С.Кветкин, Ф.Г.Аржанов, М.О.Крист и другие. Не только из Куйбышева, но и из Башкирии, Татарии, Оренбуржья и даже — Азербайджана. Это были: геологи, буровики, вышкомонтажники, ремонтники, промысловики.

О грандиозных делах нефтяников Западной Сибири сказано, написано, показано по телевидению и снято фильмов немало. Думаю, нет смысла здесь излагать тот огромный путь, который проделан ими под руководством В.И.Муравленко. Тюмень стала для Виктора Ивановича истинно звездным часом, когда в полной мере он проявил свой недюжинный талант управленца, специалиста и человека.

Позволю себе вновь, в этой связи, возвратиться к воспоминаниям Н.К.Байбакова «Дело жизни».

Он пишет: «Помню одно из высказываний В.И.Муравленко, которое и сейчас повторяют в семье нефтяников: «У нас, у нефтяников, есть своя гордость. Она неустанно зовет нас из обжитых, насиженных гнезд на новые места, на освоение новой нефти — туда, где надо отвоевывать её у недр. Нефть притягивает нас». Только человек, влюбленный в свое дело, — говорит Н.К.Байбаков, — до последнего дыхания преданный ему, может сказать так».

В сентябре 1965 г. В.И.Муравленко в Тюмени.

Условия были сверхтяжелые — ни производственных баз, ни дорог, ни жилья. Муравленко хорошо понимал, что для промышленного освоения нефтяных богатств такого края нужна высокая организация и высокие темпы работ.

Талант руководителя удивительно сочетался у Виктора Ивановича с талантом инженера. А это было совершенно необходимо, ибо здесь, в Тюменском Севере, не только осваивался, обживался новый нефтяной район, но и создавалась новая технология бурения и нефтедобычи, по-новому решались сложнейшие технические проблемы. Строительство дорог в условиях вечной мерзлоты и заболоченности, создание ледово-лежнево-насыпных островов — оснований для буровых установок. Реконструкция буровых станков, внедрение гидромониторных долот в турбинное бурение, новые методы вышкостроения, использование легкосплавных бурильных труб, передвижных платформ в качестве фундамента для буровых — это только малая часть того, что было разработано и внедрено при непосредственном участии В.И.Муравленко.

Удивительно разносторонним был талант В.И.Муравленко: крупный организатор производства, ученый-педагог, талантливый инженер, он был человеком внимательным к нуждам людей, с которыми работал. Знал по имени и в лицо многих нефтяников, переживая их радости и горести.

Особое внимание он уделял строительству жилья, дорог. С самого начала отказался от строительства барачных поселков, стал создавать современные города, которые потом стали бы центром экономической и культурной жизни области. Так и произошло. При его деятельном участии в тайге и на болотах выросли этажи молодых городов: жилые дома, школы, детские сады-ясли, больницы. В области — базы отдыха, дачи, профилактории. А на Черноморском побережье — прекрасный пансионат. И во все это В.И.Муравленко вложил свою душу, свое сердце».

В 1965 г. Тюменская область дала стране первый миллион тонн нефти. В 1970 г. — уже 30 млн тонн, в 1973 г. — 63 млн тонн, в 1975 г. — 141,4 млн тонн. В 1980 г. Западная Сибирь поставила

312, 6 млн тонн нефти. Это почти половина добываемой в СССР нефти (593, 3 млн тонн). В 1988 г. в Тюменской области добыто 415 млн тонн. Максимальное количество нефти в СССР было добыто в 1983 г. — 616,3 млн тонн.

В 1969 г. исполнилось 30 лет Куйбышевской нефти. Именно в 1939 г. в Москву был направлен рапорт XIX съезду партии, что нефтяники области вышли на стабильную добычу нескольких тысяч тонн нефти в сутки. В Куйбышев на собрание актива предприятий отрасли съехались нефтяники со всего Союза. Я уже рассказывал об этом событии в материалах книги, посвященных Н.К.Байбакову. Пленарное заседание проходило в помещении Оперного театра. В нем приняли участие: Н.К.Байбаков, М.Т.Ефремов, В.И.Муравленко и другие.

Конечно, в эти три дня, когда проходили юбилейные мероприятия, мы неоднократно встречались с В.И.Муравленко, беседовали с ним не только на нефтяные темы. Но большее внимание в разговорах занимала новая работа Виктора Ивановича — «Главтюменьнефтегаз». Он буквально упивался Западной Сибирью.

Почти в каждый приезд В.И.Муравленко в Куйбышев мы встречались. Он захлеб рассказывал об этом богатом крае. С особой теплотой говорил о людях-сибиряках, которых там встретил. С высоким уважением отзывался и о поддержке, которую встретили его предложения, об организационной структуре и правах Главка в Москве, — у министра В.Д.Шашина, в Госплане у Н.К.Байбакова и в Совете Министров СССР у А.Н.Косыгина. По существу «Главтюменьнефтегаз» стал своего рода министерством в Миннефтепроме СССР. Ему были даны права самостоятельной отраслевой структуры.

В правительственных и в планово-директивных документах Главк шел отдельной строкой. Сам определял и утверждал штаты, сам выстраивал свою производственно-ведомственную иерархию, сам решал стратегические вопросы освоения Севера. Генеральным заказчиком по строительству также выступал сам Главк. Это позволило решать коренные вопросы строительства городов, создания хороших условий жизни нефтяникам и их семьям, решать крупные социальные вопросы.

Нарастившая невиданными темпами добычу нефти, Главк получал за это от государства огромное финансирование, и, имея право самостоятельно распоряжаться ими, вкладывать их не только в развитие отрасли, а также в строительство городов и их инфраструктуры. Главк располагал громадным многоотраслевым и многопрофильным хозяйством, имея свое здравоохранение, свое ма-

териально-техническое обеспечение, свой автомобильный и речной транспорт, свое машиностроение, свое сельхозпроизводство, свою связь, свою торговую сеть и т.д. В.И.Муравленко с гордостью рассказывал обо всем этом.

Хочу подчеркнуть для нынешних критиков советского строя, что именно такая централизация прав и ответственности позволили «Главтюменьнефтегазу» решать сложнейшие производственные и социальные проблемы. Страна получила из Западной Сибири сотни миллионов тонн нефти, миллиарды кубометров газа, а люди, — нормальные, даже комфортные условия жизни. В этом необычайно высока роль Виктора Ивановича Муравленко, понятен и тот огромный авторитет, который он имел у нефтяников и в Центре.

В 1970 г. случилось так, что ему и мне было оказано высокое доверие. В.И.Муравленко в Тюмени, а я в Куйбышеве были впервые избраны депутатами Верховного Совета СССР, палаты Совет Союза. Будучи в середине июля на заседании первой сессии ВС, мы оба получили приглашение выступить в Политехническом музее и рассказать: ему — о перспективе развития сырьевой базы Западной Сибири, а мне, — о сооружении в г.Тольятти, Куйбышевской области, впервые в СССР совместно с итальянской инофирмой, огромного заводского комплекса по выпуску в год 600 тыс. легковых автомобилей.

По окончании заседания в Верховном Совете, мы вместе пришли в Политехнический музей, тогда весьма престижное место публичных выступлений и дискуссий. Аудитория собралась большая. Слушали нас с большим вниманием, было задано много вопросов. Более двух часов продолжалась эта встреча. Мы были довольны тем вниманием, которое проявили к нашим рассказам. Конечно, вернувшись в гостиницу, мы провели вместе остаток этого дня.

Наши товарищеские, дружеские отношения с В.И.Муравленко не прерывались и когда в начале 1971 г. я был переведен на работу в Воронеж, и, тем более, когда в середине 1975 г. меня назначили первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР.

По традиции, поздравляли друг друга в праздничные дни, обменивались новостями по телефону. Встречались во время сессий Верховного Совета. Виктор Иванович бывал у меня дома, нередко баловал мою семью великолепной сибирской рыбой, — копченым тайменем или муксуном.

Заходил он и ко мне в Совет Министров РСФСР. Причины бывали разные, но чаще деловые. Речь шла, например, о закреплении жилья на «Большой земле» для нефтяников Севера. О сооружении мемориала строителям-нефтяникам Самотлора, — нужна

была поддержка СМ РСФСР по вопросам нашей компетенции. Бывали и просьбы об увеличении рыночных фондов «Главтюмень-нефтегазу» на мясные и молочные продукты, выделение дополнительно теплой, меховой спецодежды для буровиков и вышкомонтажников. Несколько раз мне звонил А.Н.Косыгин и поручал внимательнее относиться к просьбам Тюменских нефтяников. И Правительство РСФСР не оставляло их запросы без внимания.

При встречах с В.И.Муравленко, мы много говорили о работе и жизни нефтяников. Я рассказывал ему столичные новости. Он неоднократно приглашал меня приехать в Тюмень, обещал поехать, вернее полетать по этой сказочно богатой и красивой земле. Я обещал. Вот и на запланированной встрече 17—18 июня мы должны были договориться о конкретной дате поездки.

Но, больше встретиться с ним не пришлось. Известие о скоростижной смерти Виктора Ивановича потрясло меня. От Правительства России и от себя лично направили соболезнование в Тюмень и Миннефтепром.

Память об этом легендарном человеке, великом труженике, добром, скромном, до щепетильности честном и порядочном, пользовавшемся огромным авторитетом и любовью всех, знавших его, навсегда сохранится в моем сердце.

Родина высоко оценила его деятельность. В.И.Муравленко является Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственных премий, он награжден четырьмя орденами Ленина и многими другими орденами и медалями.

Один из городов Тюменской области в его честь носит имя Муравленко, одно из нефтяных месторождений также называется — Муравленковское. Кабинет В.И.Муравленко стал мемориальным музеем.

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ПОЛЯКОВ

Решение рассказать о встречах с видными политическими и государственными деятелями, крупными хозяйственниками, истинными профессионалами своего дела пришло ко мне после выхода из печати первых трех книг воспоминаний.

В 2004 году я начал систематизировать имеющиеся у меня в дневниках материалы и понемногу излагать на бумаге свои впечатления от этих встреч. Работа продолжалась в последующие годы. В число лидеров такого толка я занес и Виктора Николаевича Полякова. Одно время откладывал рассказ о нем, так как было очень непросто оценить эту неординарную, сильную, целеустремленную личность. Человека далеко не простого в восприятии другими, я бы сказал, очень сложного, даже контрастного характера, своеобразной манеры поведения. Часто, по-своему, «застегнутого» от постороннего взгляда. Порой, излишне прямолинейного, упрямого и на удивление упорного в достижении цели.

Отчасти мою задачу упрощает, а в определенной степени усложняет то обстоятельство, что ещё при жизни В.Н.Полякова в 2003 г. о нем вышла замечательная книга. Это рассказ многих, разных и хорошо знавших Виктора Николаевича людей. Однако я всё-таки попытаюсь выразить свое отношение к этой неординарной личности.

Впервые я встретился с ним в августе 1962 года. Тогда ЦК КПСС созвал совещание, посвященное состоянию дел в промышленности и строительстве. Совнархозовская реформа Н.С.Хрущева давала серьёзные сбои. Президиум ЦК решил обсудить этот вопрос.

Совещание проходило на Старой Площади. В нем участвовали Ф.Р.Козлов, А.Н.Косыгин, А.П.Кириленко, Г.И.Воронов, А.Н.Шелепин, Г.В.Романов, заведующие Отделами ЦК КПСС, секретари ЦК компартий союзных республик, секретари обкомов и крайкомов партии ряда крупных промышленных регионов, председатели совнархозов, отраслевых технических Госкомитетов и Госплана СССР.

Основным докладчиком был Ф.Р. Козлов, по сути, второе лицо в партии. Начав доклад со слов, что дела в стране идут хорошо, что организация Совнархозов себя оправдала, он в течение двух часов детально разбирал серьёзнейшие недостатки, ошибки и промахи в работе отраслей промышленности и их предприятий. Говорил о срыве выполнения плановых заданий по многим показателям. Короче, это был обычный разнос в духе тогдашнего Хрущевского времени.

Прозаседали всю первую половину дня. А затем для желающих организовали посещение нескольких передовых предприятий Москвы. Я с другими товарищами поехал на автомобильный завод им. Ленинского комсомола.

Директор завода В.Н.Поляков встретил нас и давал пояснения по ходу осмотра завода и объектов его инфраструктуры. Пробыли мы на заводе около трех часов. Завод понравился организацией производства, чистотой, оснащением, внешним обликом рабочих. Мнение о директоре сложилось не сразу. Первое впечатление — не походит чем-то на директора такого крупного завода. Нет внешней солидности, самозначимости что ли. Он больше похож на кабинетного ученого, врача. Высокий, худой, никакой директорской осанки, говорит тихо, лишь иногда чуть повышая голос, на вопросы отвечает сухо, коротко. Абсолютно равнодушен к аудитории, нет никакого стремления произвести впечатление. Однако речь четкая, грамотная, не засоренная лишними словами — значит, типа, та-ак и т. п.

После знакомства с заводом мнение о нем изменилось. Мы увидели, с каким уважением относились к нему специалисты и рабочие в цехах. Я понял, что это человек неординарный. За скромным поведением, тихим голосом скрывается активная, профессионально подготовленная личность. Умелый организатор, принципиальный и требовательный человек.

Эти предположения подтвердились, когда вскоре В.Н.Полякова назначили председателем Совнархоза г. Москва, а затем заместителем министра автомобильной промышленности СССР.

Следующая наша встреча произошла через четыре года в Куйбышеве, в августе 1966 г. Он прибыл в обком партии представиться в качестве директора, определенного к строительству в Тольятти совместно с итальянской фирмой «Фиат», крупного автомобильного завода.

Но прежде немного предыстории появления на куйбышевской земле будущего автомобильного гиганта.

После пуска в 1958 году в строй Волжской ГЭС им.Ленина коллектив строителей Куйбышевгидростроя был сориентирован на сооружение в Ставрополе (позже Тольятти) большой группы заводов. За семь лет были введены крупные предприятия, такие как: завод тяжелого машиностроения “Волгоцеммаш”, трансформаторный, химический, азотных удобрений, синтетического каучука, судоремонтный и другие. Производственные мощности строителей Куйбышевгидростроя высвобождались и их стали растаскивать по другим стройкам за пределами области. После известных реше-

ний о развитии химии в Тольятти “привязали” ряд новых химических производств, в том числе по инициативе А.Хаммера, огромный комплекс по выпуску жидкого аммиака, с последующей транспортировкой по трубопроводу до Одесского порта. Такая перспектива беспокоила обком партии. Область и так была перенасыщена нефтехимией и химией, — Куйбышев, Новокуйбышевск, Чапаевск, Сызрань, а теперь Тольятти. Стали искать альтернативные варианты. Как загрузить строителей и не допустить дальнейшей загазованности уникальной природы Жигулей.

Из прессы и от московских инстанций стало известно, что Минавтопром СССР (А.М.Тарасов) прорабатывает с итальянской фирмой «Фиат» вопрос о строительстве в Союзе завода легковых автомобилей. Госплан СССР и Минавтопром стали подбирать площадку для размещения завода. Здесь надо сказать, что после ликвидации совнархозов, чтобы сохранить и развить экономические связи между регионами, по инициативе Госплана СССР были созданы региональные Плановые комиссии. Всего в РСФСР их было девять. Комиссия Поволжского экономического района была в Куйбышеве. Председатель Комиссии Л.Е.Бенькович информировал нас, что по запросу Госплана СССР для проработки вариантов места сооружения автозавода они предоставляли некоторые расчетные материалы по региону. Это были Горький, Саратов, Татарская АССР. Но, кроме того, Госплан прорабатывал и другие варианты: Урал, Красноярск, а также Украина и Белоруссия. Куйбышевская область в этих запросах не фигурировала.

Как-то он вместе с секретарем обкома партии В.Ф.Ветлицким, курирующим строительство, зашли ко мне, тогда второму секретарю обкома. Лев Ефремович высказал “крамольную” мысль. Почему бы нам не выйти с предложением о размещении автозавода в Тольятти? Вячеслав Федорович сразу ухватился за эту мысль. Пообсуждав её, мы все же высказали сомнение, что нам сложно конкурировать с такими китами как Украина, Белоруссия и другие. Но Бенькович предложил: проработать эту идею в Комиссии. Мы согласились, давайте прикидывайте, но надо доложить об этой затее А.М.Токареву. Зашли к Александру Максимовичу, рассказали. Он одобрил такие намерения.

Стали готовить обоснование. Наши доводы по размещению автомобильного завода в Тольятти были следующие. Там имеется мощная и недогруженная строительная организация, при ней крупная база стройиндустрии. Высокоразвитое машиностроение области обеспечит автозавод комплектующими, а главное — кадрами. Энергетика — рядом Волжская ГЭС. Завод СК — это сырьё для

резинотехнических изделий. Сама площадка на берегу Волжского водохранилища удобна, как для производственной, так и для жилой застройки. И, наконец, прекрасное территориальное (в центре страны) расположение Тольятти и хорошие транспортные связи (железная дорога, автодороги и река Волга), а это немаловажный фактор для вывоза во все регионы страны до 2000 автомобилей в сутки. Так мы рассуждали, готовя доказательную концепцию для записки. Л.Е.Бенькович и его Комиссия подтвердили эти доводы цифрами, аргументировали идею. Через пару недель, отточив текст, обсудили предложения на Секретариате обкома партии, — все поддержали. А.М.Токарев и В.П.Орлов подписали Записку и отправили в ЦК КПСС и Совмин СССР. А.М.Токарев позвонил априори А.П.Кириленко и А.М.Тарасову. Их реакция была сдержанной. Не высказал сначала поддержки и председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков. Так что особых надежд на успех мы не питали. Это было в феврале 1966 г. Но дело пошло. Все варианты были обсчитаны на ЭВМ и неожиданно для многих предпочтение отдано именно площадке близ города Тольятти.

В июле вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о строительстве в г.Тольятти автозавода по проекту фирмы “Фиат” мощностью 600 тыс. машин в год. Срок окончания строительства 1969 г., выход завода на проектную мощность — 1972 г. Проектом определялось строительство автозаводского района города на 250—300 тыс. жителей.

К тому времени на площадке побывала высокая делегация из Москвы: Н.К.Байбаков, А.М.Тарасов и другие. Они остались довольны выбором места для автозавода. Директором строящегося завода и был назначен Виктор Николаевич Поляков, заместитель министра автомобильной промышленности СССР.

Вот тогда-то В.Н.Поляков и появился в Куйбышеве в обкоме партии. Сначала беседа один на один с первым секретарем А.М.Токаревым. Потом Александр Максимович привел его ко мне, — второму секретарю обкома, курирующему промышленность. Я, помимо личных впечатлений от знакомства с ним в 1962 г., был уже наслышан о нем, как о опытном управленце, эрудированном и принципиальном инженере, проявившем эти качества на посту руководителя Совнархоза Москвы и теперь — заместителя Минавтопрома СССР. В этой должности он оставлен, будучи назначен директором строящегося Волжского автомобильного завода.

А.М.Токарев ушел и у нас начался обстоятельный разговор. В.Н.Поляков мало изменился, правда немного погрузнел, но та же манера поведения, спокойный, без эмоций тон беседы. Четкое, ла-

кони́чное изложение вопросов, которыми предстоит заняться в первую очередь. Сначала, конечно, подбор основных руководящих кадров. Сказал, что специалистов автомобилестроителей пригласит из Москвы и других регионов, а на ряд должностей желательно привлечь местных товарищей, знающих область. Речь идет о заместителях директора по кадрам, по строительству, а по сбыту — лучше из Тольятти. Подчеркнул, что не располагает большим временем, так как должен вылететь в Турин и поэтому хотел бы за неделю, а может и меньше, решить эти и некоторые другие вопросы в Куйбышеве и Тольятти. Тут он впервые, как-то доверчиво улыбнулся.

Я пригасил В.Ф.Ветлицкого и мы приступили к делу. После первых прикидок, остановились на следующих кандидатурах: заместитель по кадрам — Н.Ф.Пастухов, занимающий аналогичную должность на одном из крупнейших в стране, Куйбышевском моторостроительном заводе Минавиапрома. Заместитель по строительству — С.П.Поликарпов, директор проектного института, молодой талантливый строитель. Заместителем по сбыту рекомендовали опытного хозяйственника, бывшего председателя Тольяттинского Горсовета — С.Я.Потапова. Реакция В.Н.Полякова: «Я полностью доверяю вашему выбору, но желательно с ними встретиться уже сегодня». Проблем нет. Сказал В.Ф.Ветлицкому, чтоб он позвонил им и пригласил в обком на беседу. Затем Виктор Николаевич попросил определить ему место, желательно комнату с телефоном, где бы он мог поработать эти дни. Отвели В.Н.Полякову кабинет, находящегося в отпуске заведующего Отделом оборонной промышленности обкома, с телефоном и местной «Вертушкой». Я провел его в этот кабинет. Он поблагодарил.

И он без шума и суеты развернул активнейшую деятельность. Побеседовал с рекомендованными ему в заместители товарищами. Не сразу, но они согласились на новую работу. Познакомился он и с некоторыми другими товарищами из Куйбышева и Тольятти. Короче, дело пошло. Несколько раз он выезжал в Тольятти. Два-три раза заходил ко мне, чтобы уточнить некоторые возникшие вопросы. На этом, собственно и ограничились тогда наши контакты. А через пару недель, загрузив новые кадры работой, В.Н.Поляков вместе с начальником «Куйбышевгидростроя» Н.Ф.Семизоровым улетели в Италию.

Отвечая в апреле 2002 г. на вопросы корреспондентов о начальном этапе работы с фирмой «Фиат», В.Н.Поляков говорит: «Одновременно шла работа с Куйбышевским обкомом партии, который возглавлял тогда А.М.Токарев. Он очень большую роль сыграл. Был создан особый климат доверия, возможность принимать лю-

бых специалистов на наше усмотрение, без долгих согласований и утверждений партийными органами». Корреспондент: «Я считал, что это было прерогативой ЦК КПСС». Поляков отвечает: «Нет-нет, это было в значительной мере в полномочиях обкома. При его поддержке мы смогли укомплектовать часть руководства строящегося завода кадрами из числа местных работников, хорошо знающих специфику региона. Это С.П.Поликарпов, И.Т.Базарный, С.Я.Потапов, Н.Ф.Пастухов и ряд других. Получилось очень рациональное сочетание технических возможностей Минавтопрома и местных товарищей, хорошо разбирающихся в строительстве, в коммерческих, кадровых, социальных вопросах».

Первые работы по титулу строительства автозавода были начаты в октябре. Приступили к строительству автодороги, ведущей к основному шоссе Куйбышев-Москва в районе села Русская Борковка. Так все начиналось.

На первых порах В.Н.Поляков больше времени проводил в Италии на заводе «Фиат» в Турине. Это и понятно, шло согласование технических, финансовых, организационных вопросов. Там же постоянно находилась большая группа специалистов из министерства и завода.

С первых шагов строительство автозавода находилось под постоянным контролем обкома партии. Решением бюро секретарь обкома по строительству В.Ф.Ветлицкий был закреплен за ВАЗом и много времени проводил на стройке. Человек контактный, любознательный, хороший организатор, он быстро стал своим в Тольятти.

Следует отметить, что соответствующими Постановлениями ЦК КПСС и Совмина СССР строительство такого гигантского автозавода было предусмотрено вести комплексно. То есть, одновременно с производственными корпусами возводить жилой район, вернее новый город, со всеми сопутствующими объектами: школами, детсадами, больницами, магазинами, предприятиями бытового обслуживания, кинотеатрами и дворцами культуры, стадионом, административными зданиями и т.п.

Кроме того, на отдельной площадке в так называемой коммунально-промышленной зоне предстояло построить: хлебозавод, мясокомбинат, молокозавод, винно-водочный завод, а также холодильники, склады продовольственных и промышленных товаров, автобазы, различные депо и другие объекты. Предусматривалось создание нескольких крупных специализированных хозяйств на селе. В их числе свинокомплекс, птицефабрики бройлерного и яичного направления. На все эти объекты надо было представить

расчеты, обоснования, защитить их надобность. А затем следить, чтобы их строительство шло параллельно с заводом.

В связи с небывалым притоком рабочих и специалистов на стройку, большая нагрузка легла на местные органы власти. Десятки тысяч человек надо было принять, разместить, обеспечить питанием, всеми видами услуг. Плюс к этому на сооружении завода в основном на шеф-монтаже работало несколько тысяч иностранных специалистов. Дело дошло даже до того, что пришлось открыть католическую церковь. Так что забот облизполкому хватало.

Постоянный надзор и помощь строительству оказывали Правительство СССР и РСФСР. Была создана Правительственная Комиссия. Главным куратором был заместитель председателя Совмина Союза ССР В.Н.Новиков. Он регулярно, как минимум раз в квартал, приезжал в Тольятти с министрами П.С.Непорожним, А.М.Тарасовым, Ф.Б.Якубовским, И.Д.Сосновым и руководителями Госплана, Госснаба, Госстроя, Минфина. От ЦК КПСС шефствовал над стройкой В.С.Фролов, заведующий Отделом машиностроения. С ним на первых порах приезжал И.И.Козлов, а в последние годы строительства А.И.Вольский, в качестве представителя Отдела ЦК КПСС.

Ну а мы с В.П. Орловым бывали в Тольятти чуть ли не еженедельно. Секретарь обкома В.Ф.Ветлицкий, по-моему, вообще не вылезал со стройки.

Должен сказать, что строительству повезло с теми, кто непосредственно осуществлял руководство. Это начальник «Куйбышевгидростроя» Николай Федорович Семизоров и директор строящегося завода Владимир Николаевич Поляков. Оба они — прекрасные специалисты, одержимые делом организаторы, удивительно скромные и порядочные люди. Их трудом во многом обязан завод своему быстрому строительству и не менее быстрому выходу на проектные мощности.

Основная нагрузка легла на «Куйбышевгидрострой». Объемы общестроительных работ колоссальные. В иные дни на стройплощадке осваивалось до одного миллиона строймонтажных работ. В первую очередь требовалось вырыть огромные котлованы под главный и другие корпуса завода. Начать работы в промкоммунальной зоне, на строительстве жилья. На огромной площади было сосредоточено большое количество техники. Прибывали все новые и новые отряды рабочих разных профессий. Их надо было срочно разместить и пристроить к делу.

Потом навалились работы по бетонированию фундаментов и установке железобетонных конструкций. В зиму бетон с ходу за-

мерзал. Приспособили отработавшие ресурс реактивные самолетные двигатели НК-8 Н.Д.Кузнецова. Они работали днем и ночью на форсированном режиме, под пологом из брезента, где шла укладка бетона... Это было феерическое зрелище.

Когда развернулся фронт работ в районе нового города, то мы с Орловым и Ветлицким месили местный чернозем, а точнее вязкую грязь вместе с членами комиссии: Новиковым, Фроловым, Тарасовым, Непорожным, а также Семизоровым, Поляковым и другими. Есть любопытные фото, свидетели этих походов.

Регулярно проходили жаркие оперативные совещания на стройке, разбор хода работ на заседаниях бюро обкома партии.

О словесных баталиях на стройплощадке, в кабинетах и цехах между участниками многочисленных совещаний, собраний, встреч с рабочими и т.д. можно рассказывать бесконечно.

Программа работы Комиссии В.Н.Новикова была обычная, — осмотр стройки, беседы с рабочими, мастерами на объектах, а затем после многочасовой «прогулки» начинался разбор просьб и претензий, утверждение плана дальнейших действий.

Обычно совещания вел В.Н.Новиков. Сначала доклад Семизорова, субподрядчиков. Вопросы, резкие выпады той или иной стороны. Хитроватые реплики Непорожного в адрес завода и местной власти, — «мешавших» строителям. Затем выступление Полякова. Иногда высказывал свое мнение и В.С.Фролов. Сделать четкий, объективный вывод из многообразия оценок, претензий, предложений было сложно. Но В.Н.Новиков находил главное, и все расставлял по местам в своей негромкой и короткой заключительной речи. Меня это всегда поражало. Сказывался его огромный опыт.

Высказывания В.Н.Полякова носили внешне сдержанный характер, хотя явно чувствовалось внутреннее напряжение. Начинал он с того, что соглашался с рядом критических высказываний в адрес завода, что «мы знаем о наших недостатках, и работаем по их устранению». А затем на конкретных фактах, подкрепленных выкладками, цифрами, четко высказывал претензии к строителям, московским организациям, выделяя обязательно приоритетные проблемы, требующие незамедлительного решения. Порой его ровная речь переходила в несколько эмоциональную скороговорку. Но он никогда не говорил о мелочах, не позволял выпадов в адрес личностей. Говорил коротко, четко, профессионально и по-русски грамотно. В.Н.Новиков, как правило, в своем заключении опирался на позицию В.Н.Полякова.

Хочу выделить одно, нетипичное совещание. В конце октября 1969 г. на строительство ВАЗа прибыла бригада «помощников». На

этот раз во главе с Игнатом Трофимовичем Новиковым, зампредом Совмина Союза, курирующим строительство (протее Брестова). С ним были также В.Э.Дымшиц и управляющий Стройбанком СССР Г.Е.Гинзбург. Они доложили, что прибыли по поручению Политбюро ЦК в качестве экспертов, чтобы разобраться, почему стройка «топчется». Прошли и проехали по огромной стройплощадке. Шли сердито, возмущались, утопая сапогами в вязкой грязи, покрикивали на Семизорова. Потом разбор. Сопешание проходило шумно, крикливо и бестолково. В отличие от четко организованного разговора при В.Н.Новикове. Шесть часов шла беспрецедентная говорильня и накачка. Особенно горячился Дымшиц: «Это не стройка, это свинорой какой-то». Ему поддакивал Гинзбург, вспоминая героическую работу на сооружении автозавода в Москве, в начале 30-х годов: «Вы всё технику требуете! А как же мы на грабарках строили и построили завод». Возникли споры, где концентрировать силы: на возведении и отделке производственных корпусов или на жилье и социальных объектах, сооружение которых значительно отставало.

Московские гости требовали от начальника строительства Семизорова — давай цеха, а город, мол, подождет. Мы с В.П.Орловым категорически настаивали устранить перекоп в ходе строительства, так как уже прибывали эксплуатационники, а селить их было негде. В итоге разошлись издерганные и возмущенные. Возвратившись в Москву, эти «эксперты» написали сердитую записку в ЦК. Но там хода ей не дали. В.С.Фролов сумел доказать А.П.Кириленко, что нет оснований для обострения отношений между людьми, делающими большое дело.

И действительно. Всех, кто бывал на стройке, поражали масштабы ВАЗа. Главный корпус уже находился в отделке, его длина составляла почти два километра. Три нитки главного сборочного конвейера. Несколько технологических блоков. В каждом блоке комплекс бытовых помещений: столовая на 1200 мест (обед там 18—20 минут), отличные душевые и туалеты, женские комнаты, медкабинеты, конференцзалы, комнаты отдыха и т.п. Всё это было ново и масштабно по сравнению с принятыми в Союзе скромными нормативами. Так что не критиковать, а славить надо было и строителей, и заводчан.

Тема строительства все время присутствовала не только на целевых разборах, но и за обедом, и вечером в гостинице, так называемом Белом Доме или в сборно-шитовом дачном домике в припортовом районе города, оборудованном для приема гостей, где мы нередко останавливались с В.П.Орловым. Там, на всех этих

встречах мы и контактировали с В.Н.Поляковым, принимавшим нас как хозяин. По его поведению, долгим разговорам и можно было составить впечатление об этом незаурядном человеке.

Каких-то частных, душевных бесед на посторонние темы мы с ним не вели. Мне сложно писать о нем как о руководителе заводского коллектива, непосредственно производства. В этот период я уже не был в Куйбышеве. Но отзывы о его деятельности на первых порах были либо восторженные, либо критические. Со временем, первые стали преобладать, росло уважение и авторитет Владимира Николаевича.

Он проявил себя не только как выдающийся профессионал, но и как неординарный управленец.

У себя он ввел строгий порядок контроля за ходом строительства, а затем подготовки и организации производства автомобилей.

Еженедельно собирались оперативные совещания центральной пусковой комиссии (ЦПК), а затем — Генеральной дирекции. (Ведь только в июле 1970 г. завод начал работать как обычное предприятие). Эти совещания В.Н.Поляков проводил не просто строго, а жёстко, порой допуская отступления от, присущей ему самому, этики отношений. Это был деловой прессинг. Ничего кроме конкретно определенной задачи на оперативках не обсуждалось. Время регламентировалось строго. Если опоздал к началу совещания на 1-2 минуты, — не пустит.

Как рассказывает С.Поликарпов: «На оперативках В.Н.Поляков кратко ставил задачу. Смысл обсуждения, то есть для чего собрались. Выступления 3-4 минуты. Если кто начинал говорить не по теме, то Владимир Николаевич резко обрывал: «Вам нечего сказать. Садитесь».

Он заставлял каждого учиться сжимать мысли, кратко излагать, видеть и выделить главное. Выслушав участников совещания, В.Н.Поляков заявлял: «Будем делать так», снимая все сомнения. Сначала многие возмущались, потом привыкли и восхищались стилем Полякова, так сказать «высшим пилотажем» управления».

Для дела он мог без подготовки принять решение о перестановке того или иного руководителя на другой, более нужный на сегодня, участок работы. Не считаясь, выше он, этот участок, или ниже предыдущего. На опасения руководителя, что это для него новое дело и он сомневается, Поляков отвечал: «Вы освоитесь быстро, и будет лучше для дела и для вас». Как правило, так и получалось.

Строго, не считаясь со временем, ставил на первый взгляд невыполнимую задачу, не принимая объяснений в их нереальности,

жестко требовал исполнения в срок. Человек настраивался на работу, и сам находил выход, и решал эту задачу.

Работал В.Н.Поляков буквально день и ночь, и требовал того же от других. Иногда, давая поручение, говорил, — вы не стесняйтесь, если надо, позвоните директору. Ничего, что сейчас ночь. И вместе выполняйте поручение. Время не терпит, — иначе простой конвейера.

Методы работы В.Н.Полякова поначалу вызывали недовольство, а иных сбивали с толку. Но постепенно все поняли, что иначе нельзя сформировать разношерстный многотысячный коллектив рабочих и ИТР, пришедших тысячами из разных мест. Нельзя наладить деловую атмосферу, и, в конечном счете, эффективную работу огромного предприятия.

Это была школа воспитания, стремление создать климат доверия и ответственности в коллективе. И это удалось В.Н.Полякову. Потом многие гордились тем, что прошли Вазовскую, поляковскую школу.

В то же время все отмечали, что В.Н.Поляков чрезвычайно внимателен и заботлив, когда речь шла о здоровье работника, о его бытовых проблемах, когда просьба людей была обоснована. Но был щепетилен и придирчив, если речь шла о деньгах, о премиях.

В.Н.Поляков был настоящим русским интеллигентом, — порой сентиментальным, по-детски непосредственным, особенно когда соприкасался с искусством, с творческими, одаренными личностями. Увлекался литературой, любил музыку. Такой, вот, разный Поляков.

Постепенно у меня складывалось мнение, что личность В.Н.Полякова не укладывается в стандартные рамки, уж очень разнообразен он был в разных ситуациях. Но сохранялось всегда одно, — сух, строг, принципиален, немногословен, четок в изложении мысли и прямолинеен в высказываниях. Никакого стремления к внешней показухе, попыткам выглядеть всезнайкой, «разбить» оппонента.

На заводе он пользовался огромным авторитетом и популярностью. Его ценили и уважали в высоких инстанциях. Но он никогда не терял лица в общении с начальством, с достоинством «держал дистанцию».

Запомнились несколько вечеров после осмотра стройки и жарких совещаний по итогам, когда мы вечером ужинали в гостиничном домике у Владимира Николаевича. Беседой овладевал Александр Михайлович Тарасов. Личность легендарная в промышленном мире. И внешне, и по характеру, и по действиям это был

лидер. Человек контактный, общительный. Он сворачивал тему ВАЗа, и заводил разговор о давнем прошлом, о своей рабочей юности, временах 20-х, — 30-х годов.

Поляков, как и многие из нас помалкивали, только улыбками, а то и взрывами хохота реагируя на образный юмор Тарасова, когда он вспоминал свои похождения с бригадой бурлаков, тянувших баржи по Волге. Как потом они «проматывали» немалые заработки, — особенно он помнил модные сапоги из мягкой кожи шевро, — «Джимми».

Серьёзные разборы хода строительства проходили на заседаниях Президиума Совмина СССР, которые вел А.Н.Косыгин, побывавший в 1970 г. в Тольятти. Вообще же Волжский автомобильный завод явился важным шагом вперед не только в деле строительства, в технологии и организации производства на одной площадке, сначала 600 тыс., а потом и 700 тыс. машин в год, но также и в бытовом и социальном обслуживании как работников завода, так и жителей города. Благоустройство территории автозаводского района, типы домов, планировка квартир, качество отделки были отменными. Об инфраструктуре города я уже говорил. Тольятти в то время всем казался прообразом города будущего, таким он и остается сегодня. Здесь интересно привести расчетные цифры роста населения города Тольятти, спрогнозированные проектным институтом «Гипрогор» (директор Рубаненко). На 1 января 1969 года в городе проживало 204 тыс. человек. К январю 1970 г. планировалось — 280 тыс., 1971 г. — 340 тыс., 1973 г. — 500 тыс. Нам тогда эти цифры казались слишком преувеличенными, но жизнь превысила и эти предсказания — сегодня Тольятти насчитывает около 800 тыс. человек.

В Москве 21-го и 22-го апреля прошло торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. С докладом выступил Л.И.Брежнев. Было много гостей из-за рубежа. Обстановка праздничная, приподнятая. К юбилею выпущено много различных изданий о жизни и деятельности Владимира Ильича, памятных сувениров. Состоялся большой тематический концерт и прием в Кремлевском Дворце съездов.

Мы в Москве не задержались, а поспешили домой. В эти дни на ВАЗе собрали первые автомобили. Это событие в Тольятти отметили, как подарок к ленинским дням. В.Н.Поляков был в центре внимания, таким взволнованно-счастливым я его прежде не видел. Тому были все основания — завершена титаническая работа по строительству завода и освоению выпуска первых машин. За автомобилем укрепилось название «Жигули». Дебатов на этот счет было

много. Например, А.М.Тарасов предлагал назвать “Серна”. Почему?! На этот вопрос ответа нет. Были и другие варианты: “Самара”, “Волжанка”, “Россия”, “Лада”. Остановились на “Жигулях”.

В феврале 1971 г. я уехал из Куйбышева в Воронеж. В течение четырех лет контактов с ВАЗом и В.Н.Поляковым не было.

Затем произошло так, что в июле 1975 года и он и я оказались в Москве. В.Н.Поляков был назначен министром автомобильной промышленности СССР, а я — первым заместителем Председателя Совмина РСФСР.

Мы встречались на заседаниях Президиума Совета Министров СССР у А.Н.Косыгина. Всегда приветливо, радушно. Я слушал его выступления при защите планов на предстоящий год. Были короткие беседы на других сборах в ЦК или иных мероприятиях. Он не менялся, оставаясь таким же скромным, вежливым, интеллигентным человеком.

Вновь перерыв в контактах, в связи с моим отбытием Послом СССР на Кубу, а затем в Краснодар, в период с 1979 по 1983 гг.

По возвращении в Москву летом 1983 г. встречи с В.Н.Поляковым продолжились. Но это были уже не те откровенные и доверительные разговоры. Чаще мы виделись на заседаниях Политбюро ЦК, где могли только тепло поздороваться и обменяться короткими репликами о делах на ВАЗе, или на заседаниях Совета Министров СССР у Н.А.Тихонова, которые проходили раз в квартал.

События 1990—1991 гг. разбросали многих из нас. Я знал, что Поляков продолжал быть связан с ВАЗом. Он, по сути, оставался неофициальным шефом этого автогиганта, а по форме, — начальником консультационного отдела при представительстве АО «АВТОВАЗ» в Москве.

В день его 81-летия 4-го марта 1996 г. мы с В.П.Орловым посетили В.Н.Полякова. Он тепло и радушно встретил нас, накрыли стол в фуршетном варианте. Два с половиной часа мы провели в дружеской беседе, вспоминая посвященные ВАЗу Тольяттинские годы. Владимир Николаевич рассказывал о сложной обстановке, которая сложилась на заводе. Говорил и о проблемах КАМАЗа.

Последний раз я побывал у В.Н.Полякова 12 мая 2004 г. в его небольшом кабинетике в здании представительства ВАЗа в Москве. Что можно сказать? Оба мы уже перешагнули черту пожилого возраста, но интерес к делам страны не угас. Говорили об экономической ситуации в промышленности, в том числе и в автомобилестроении. Он поведал о том, что комплекс ВАЗа хитро опутан структурной паутиной владельцев акций. В основном это бывшие и нынешние его руководители. Что позволяет заводу быть самостоя-

тельным. Завод тесно связан с Самарской финансово-промышленной группой СОК и пользуется поддержкой руководства области. Это сейчас нужно. Выпуск машин достиг 700 тыс. в год, в том числе 100 тыс. на экспорт в основном в страны СНГ и вашу любимую Кубу, — улыбнулся он. Все остальные автомобильные заводы схвачены акциями сторонних владельцев. Влачат жалкое существование.

Я спросил о состоянии сервисного обслуживания. Есть ли нужда в его развитии. Виктор Николаевич ответил, что это сложный вопрос. ВАЗ имеет 400 центров. Большинство ведут лишь небольшой ремонт. Ремонтные заводы не развиваются. Почти вся эта сеть опутана криминалом. Чужих, без «моржи» и близко не подпустят, — возьмут под «крышу». Такие сегодня нравы.

Сказал, что несмотря на солидный возраст продолжает работать, — иначе не может. Бывает на ВАЗе и других заводах.

Выглядел Виктор Николаевич усталым, каким-то отрешенным.

Получасовой разговор утомил его. Я подарил ему свою книгу «А было это так...», и мы простились.

Спустя три недели, 1 июня произошло непоправимое, — В.Н.Поляков скончался в ЦКБ от сердечной недостаточности. Мне позвонил В.А.Курганов и сказал, что похороны состоятся 3-го числа.

3-го июня гражданская панихида в ритуальном зале ЦКБ. Траурный зал был заполнен до отказа. Гражданскую панихиду открыл В.Каданников. Затем предоставил слово мне.

Было трудно говорить, спазмы сжимали горло. Я выразил глубокое соболезнование его родным и близким. И высказал все хорошее, что только мог о личности этого видного государственного деятеля, выдающегося специалиста и организатора, скромного, чуткого, глубоко порядочного человека. Настоящего русского интеллигента.

Искренние прочувственные слова о В.Н.Полякове произнесли А.И.Вольский, Н.Д.Комаров, руководители заводов, представитель г.Тольятти, депутат Госдумы Романов.

Похоронили Виктора Николаевича Полякова на Троекуровском кладбище. Светлая память о нем навсегда останется в сердце.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТУПОЛЕВ

В 1932 г. был закончен строительством один из крупнейших объектов первой пятилетки, — Воронежский авиационный завод. Ему присвоили № 18 и имя легендарного К.Е.Ворошилова.

Первым самолетом, который был освоен производством в этом же 1932 г., был 4-х моторный, тяжелый бомбардировщик «ТБ-3», получивший позднее название «АНТ-6» конструкции КБ Андрея Николаевича Туполева — «патриарха» советской авиации. За два года завод изготовил всего пять таких машин. Так началось сотрудничество Воронежского авиазавода с КБ А.Н.Туполева.

В 1934 г. завод участвовал в изготовлении некоторых деталей для самолета «АНТ-20», также конструкции А.Н.Туполева, более известного как «Максим Горький», — самый большой по тому времени самолет в мире. Это был 8-ми моторный, огромный самолет, с размахом крыльев в 63 м, массой 42 тонны, рассчитанный на 80 пассажиров и 8 человек экипажа. К сожалению в одном из первых своих полетов 18 мая 1935 г. самолет потерпел катастрофу, столкнувшись с одним из самолетов сопровождения. После этого, производство деталей для второго самолета было прекращено.

В 1935—1936 гг. на заводе №18 в Воронеже было изготовлено 14 одномоторных с широким размахом крыльев самолетов «АНТ-25», также КБ А.Н.Туполева. Этот самолет завоевал всемирную известность и славу, после беспосадочного полета в США с экипажем Валерия Павловича Чкалова.

В период 1936—1941 гг. авиационный завод был сориентирован на выпуск машин КБ С.В.Ильюшина. Это были: дальний бомбардировщик ИЛ-4 и легендарный штурмовик ИЛ-2.

С началом Великой Отечественной войны в октябре-ноябре 1941 г. Воронежский авиационный завод № 18 был перебазирован на новую площадку близ г. Куйбышева. С начала там продолжалось изготовление самолетов ИЛ-2, а с 1944 по 1947 гг. — более мощные штурмовики ИЛ-10.

В 1947 г. началась подготовка производства новых машин КБ А.Н.Туполева. Сначала это был Ту-4, затем — в 1950 г. — Ту-95 и его модификации ТУ-126, Ту-142 и другие, выпускавшиеся вплоть до середины 70-х годов. Одновременно в 1957 г. был выпущен большой пассажирский самолет Ту-114. С 1967 г. Куйбышевский авиа-

ционный завод наладил крупносерийное производство пассажирских самолетов среднего класса Ту-154, а затем вплоть до 1991 г. модернизированный Ту-154М.

Так что сотрудничество авиационного завода № 18 с КБ Андрея Николаевича Туполева и с ним лично, давнее и успешное.

Генеральный конструктор самолетов А.Н.Туполев родился 29 октября по старому стилю в 1888 г., в Тверской области. Начинал он свой путь конструктора самолетов в ЦАГИ в 1918 г. вместе с Н.Е.Жуковским и С.А.Чаплыгиным. Много лет был заместителем начальника ЦАГИ. Первым его детищем стал самолет АНТ-1, построенный в 1923 г. В 1925 г. появилась боевая цельнометаллическая машина АНТ-3. В 1936 г. из ЦАГИ выделилось самостоятельное КБ, Главным конструктором которого был назначен А.Н.Туполев. Под его руководством спроектировано и создано более ста самолетов различного типа. Одному из первых в сентябре 1945 г. Андрею Николаевичу Туполеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Второй Золотой Звезды он удостоен в 1957 году, третьей награжден в 1972 г. В 1953 г. А.Н.Туполев был избран академиком АН СССР.

С 1947 по 1953 год на Куйбышевском заводе № 18 изготавливался первый в СССР самолет-бомбардировщик дальнего действия, ТУ-4, аналог известного самолета США «Летающая крепость». После небольшого по габаритам самолета ИЛ-2, а также и ИЛ-10, выпускавшимся заводом в военные годы, эта машина явилась серьезным испытанием для коллектива как с точки зрения техники, технологии, так и организации производства.

Я в тот период работал технологом в отделе Главного технолога, а затем начальником техбюро и заместителем начальника механического цеха № 34.

Потребовалась коренная перепланировка цехов, создание новых цехов и производств. По конструкции и применяемым материалам ТУ-4 коренным образом отличался от ранее изготавливаемых заводом машин. Таким образом, завод сделал значительный шаг вперед в техническом отношении и приобрел большой опыт производства крупных самолетов.

Немаловажное значение имело то, что завод возвратился к сотрудничеству с ОКБ А.Н.Туполева, ряд типов самолетов которого, как было сказано выше, выпускался в предвоенные годы ещё в Воронеже. При освоении Ту-4 на заводе неоднократно бывал А.Н.Туполев, его заместители. Каждый приезд Андрея Николаевича был памятным. Он ходил по цехам, присутствовал на оперативных совещаниях у директора и его высказывания, реплики, афо-

ризмы быстро распространялись по цехам. На заводе любили этого талантливоего конструктора, первопроходца отечественной авиации, остроумного, задиристого и доброго по отношению к людям человека.

В начале 1953 г. на завод пришла весть о прекращении выпуска Ту-4. Мы поначалу недоумевали, чем это вызвано? Почему заводу поручено в кооперации с соседним заводом № 1 делать крупную серию небольших самолетов ИЛ-28 — бомбардировщиков ближнего действия? Ведущим по этой машине был московский завод № 30.

Весной этого года вместе с группой конструкторов, технологов и производственников мы прибыли в Москву на этот завод. Нас принял хорошо известный в авиационных кругах директор завода Павел Андреевич Воронин. Он кратко объяснил нашу задачу: в течение пары недель отобрать необходимую техническую документацию по машине, оснастке, испытательным стендам; ознакомиться с технологией изготовления деталей, узлов, сборки агрегатов и самолета в целом. Мы взялись за дело и, выполнив поставленную цель, возвратились на завод. В отделах и цехах развернулась работа по подготовке производства и изготовлению первых деталей, но уже спустя 2-3 месяца поступила новая команда — работу по ИЛ-28 прекратить, а документацию, оснастку и имеющийся задел передать другому заводу. Причина такого решения стала понятна позже и заключалась она в следующем.

Еще в 1951 г. постановлением ЦК и СМ СССР ОКБ А.Н.Туполева была определена задача создать стратегический бомбардировщик с четырьмя мощными турбореактивными двигателями, которые разрабатывались в ОКБ Н.Д.Кузнецова. Серийное производство самолета поручалось заводу № 18 в Куйбышеве. В конце 1952 г. в ОКБ А.Н.Туполева был изготовлен первый самолет. Проведено несколько испытательных полетов. Однако в очередном полете произошла катастрофа из-за пожара на одном двигателе. Из восьми членов экипажа, шестеро покинули самолет, а двое погибли. Началось расследование. Через некоторое время выявили причину — разрушение шестерни редуктора.

Эта вынужденная пауза и была на время заполнена машиной ИЛ-28. Когда причина дефекта, приведшего к пожару, стала ясна, на завод поступила команда приступить к подготовке производства машины Ту-95. Можно предположить, что резкая переориентация военных в заказе самолетов была связана и с политической ситуацией 1953 года в стране, вызванной кончиной И.В.Сталина.

Таким образом, в конце лета 1953 года на заводе наступило

трудное время — началось освоение самолета высочайшего класса межконтинентального стратегического бомбардировщика ТУ-95, на основе которого в последующие годы были созданы ракетоноситель, дальний разведчик, самолет противолодочного ударного комплекса и т.п. По своему конструктивному решению, применяемым материалам, технологии, системам управления, типу двигателей, бортовому оборудованию и т.д. самолет ТУ-95 стал действительно выдающимся явлением в оборонной промышленности.

Эту машину отличали аэродинамическая форма, стреловидное крыло, четыре мощных турбовинтовых двигателя, на каждом из которых, впервые в мировой авиационной практике, через редуктор были установлены по два соосных 4-х лопастных винта, вращавшихся в разные стороны. Принципиально новое управление средствами механизации крыла (щитками, элеронами, предкрылками, закрылками) и другие новшества, примененные в ТУ-95, обеспечивали высокие технико-тактические показатели. Максимальная скорость — свыше 900 км/час, дальность полета — 16700 км (а с последующей дозаправкой в воздухе, несравненно больше), потолок — 12000 м, мощность каждого двигателя — сначала 12000, а потом — 15000 э.л.с. Взлетный вес самолета около 170 тонн и многотонная “полезная нагрузка”. Это была высокоэффективная и грозная машина. Более совершенные модификации ТУ-95 находились на вооружении ВВС страны долгие годы.

Естественно, что перед коллективом завода возникло немало сложных технических и организационных задач. Тем более, что сроки освоения и выпуска этого самолета установили предельно жесткие. На заводе была перестроена вся система подготовки производства, организации и технологии освоения изделия. Создан и реорганизован ряд цехов. Появилось современное оборудование, наладочные стенды, в сборочном цехе контрольно-испытательная станция, где комплексно отработывались различные самолетные системы. Даже привыкшие к штурмовой работе авиационники, были поставлены в еще более жесткие рамки. Сроки довели надо всем.

На заводе был организован филиал ОКБ А.Н.Туполева, сам Андрей Николаевич часто приезжал сюда, жил неделями и гонял всех нещадно. Проводил совещания у директора, ходил по цехам, устраивал разносы нерадивым, рассматривал и решал возникающие технические вопросы на регулярных разборах у директора или главного инженера завода. Мне приходилось несколько раз бывать там и докладывать наши проблемы. Надо отметить внимательное отношение А.Н.Туполева и его заместителя — главного конструктора

тора самолета ТУ-95 Н.И.Базенкова к цеховым работникам и к их замечаниям.

Конечно, уважение к Генеральному конструктору и авторитет его были высокими. Вспоминается, когда наступила пора окончательной отработки систем самолета в сборочном цехе, Андрей Николаевич проводил там большую часть своего времени. Причем ни в какие распоряжения не вмешивался. Брал стул и садился в цехе у самолета, на котором кипел муравейник рабочих, конструкторов, технологов, военпредов и молча смотрел за работой. Это подстегивало всех больше любых грозных окриков. Хотя, вспоминается, что мастер виртуозного разноса он был отменный. Но все знали, что крепкое слово он употребляет без зла, хуже бывало, когда Андрей Николаевич говорил: “Обижаете Вы меня, старика”. Обидчику бывало худо.

В 1956 году большая группа работников завода, в том числе и я, была представлена к правительственным наградам за освоение и организацию серийного производства самолета ТУ-95. Так в 1957 году я, как бывший начальник механо-сборочного цеха № 9, получил первый свой орден Трудового Красного Знамени.

В 1957 году наш завод выпустил и первые пассажирские самолеты ТУ-114 для Аэрофлота. Для того времени это был уникальный самолет, по дальности полета и времени пребывания в воздухе не имевший себе равных. Выпуск этих машин продолжался заводом вплоть до 1964 года. А в эксплуатации в Аэрофлоте ТУ-114 находился до 1975 года и не претерпел ни одной катастрофы, что для пассажирских самолетов факт редкий.

Хочу ещё сказать несколько слов об Андрее Николаевиче Туполеве. Особенно бережно и любовно А.Н.Туполев относился к своему первому пассажирскому самолету ТУ-114. Он постоянно подчеркивал ответственность создателей самолета за безопасность пассажиров. Ведь этот самолет принимал на борт более 200 человек, а в десантном варианте — около 300. “Это же целый железнодорожный состав купейных вагонов!” — часто говорил А.Н.Туполев. Много внимания Андрей Николаевич уделял внутренней отделке салонов, удобству и комфорту для пассажиров. В самолете были предусмотрены несколько купе со спальными полками, учитывая продолжительность полета. В начале 1960-х годов ТУ-114 не раз совершал беспосадочные перелеты на Кубу из Мурманска через Северный ледовитый океан.

Патриарх русской, советской авиации — “старик”, как его любовно называли на заводе, А.Н.Туполев был безусловным авторитетом, пользовался огромным уважением в народе. О его конст-

рукторском таланте ходили легенды. Был у него истинно “божий дар”. В то же время он был человеком не без причуд. Внешне держался всегда насупленно, сердито, за промахи разносил визгливым тенором не стесняясь “соленых” слов и фраз. Но и в хорошее настроение входил мгновенно, без подготовки — громко раскатисто хохотал, шутил, подначивал собеседника. На заводе его обожали и прощали любые выходки, даже иногда провоцировали на это, так как уж очень виртуозно и нестандартно выражался “Старик”.

В пору его 70-летия, это было в конце ноября 1958 года, мы с директором М.А.Ельшиным пришли его поздравить. Он тепло, приветливо, с чаем и печеньем принял нас. Мы подарили ему модель самолета ТУ-95, альбом фотографий. Состоялась хорошая, добрая беседа. Андрей Николаевич вручил нам памятные значки с дарственным автографом на коробке. Эта встреча осталась в памяти навсегда.

Умер Андрей Николаевич Туполев 23 декабря 1972 г. на 85-м году жизни.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КОРОЛЕВ

В конце 1957 г. на авиационных заводах Куйбышевского узла побывал Д.Ф.Устинов с большой группой специалистов. Затем приехал секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев, курировавший оборонные отрасли промышленности. Посетили они и наш завод. Основная цель этих визитов — организация серийного производства в Куйбышеве новой мощной ракеты-носителя “Р-7” ОКБ-1 Главного конструктора С.П.Королева. Сборочным заводом определили тогда завод № 1, выведя оттуда самолетное производство, а изготовление ЖРД (Жидкостного ракетного двигателя) поручили моторному заводу № 24 совместно с заводами №№ 207 и 525. Наш завод решили серьезно не трогать, а лишь загрузили изготовлением оснастки, отдельных узлов и панелей для этой ракеты. (Такая специализация распространилась потом и на производство других ракет: Р-9, Н-1. Это был период восхождения популярности первооткрывателей космоса, особенно Главного конструктора ракет С.П.Королева, чье имя долгие годы оставалось в глубокой тайне.

Куйбышевский период деятельности С.П.Королева, как раз и пришелся на расцвет его творчества. В 1958 г. Сергей Павлович Королев был избран действительным членом Академии наук СССР.

В сентябре 1960 года первый секретарь Куйбышевского обкома партии А.С.Мурысев предложил мне перейти с руководства промышленно-транспортным Отделом на заведывание Отделом оборонной промышленности обкома партии. Я воспринял это с удовлетворением. Оборонные отрасли, конечно, были мне ближе. И я с увлечением занялся делами, тем более, что время тогда наступило горячее. Несколько Куйбышевских заводов были напрямую задействованы в космической программе, речь шла уже о подготовке полета первого человека в космос. Так судьба свела меня с С.П.Королевым. Наступил новый важный этап моей жизни.

Я, как и все, кто соприкасался с Сергеем Павловичем, попал под обаяние его личности. Он был самобытным человеком, истинным самородком, сочетавшим в себе талант ученого, эрудицию инженера, провидение конструктора и замечательные качества организатора. Это была необыкновенно целеустремленная, волевая личность, с постоянным упорством и настойчивостью объединявшая разных людей для решения целевой задачи.

В мае 1960 года был осуществлен очередной запуск ракеты-носи-

теля “Р-7” ОКБ-1, способной вывести на орбиту корабль-спутник весом до 4-х тонн. Запуск был удачным. Серийное производство носителей первой и второй ступени этой ракеты было организовано в Куйбышеве с 1957 г. Сборка на заводе “Прогресс”, изготовление двигателей (ОКБ В.П.Глушко) на заводе № 24 (головной) и №№ 207, 525 и других. Для последующих испытаний с различным грузом, с собаками, затем с обезьянами и, возможно, с человеком нужны были носители. Их требовалось много и как можно скорее. Заводы работали в авральном режиме. Координацию их деятельности, наряду с СНХ, осуществлял обком партии, его Отдел оборонной промышленности.

Работы навалилось много, причем интересной, познавательной, как говорится, на переднем крае технического прогресса. Всё время приходилось проводить на заводах: совещания, обсуждение технических и организационных проблем, споры о поставках комплектующих, сроках сдачи ракет, разбор с представителями ОКБ-1 очередных пусков и выявленных замечаний. Главная задача — обеспечить стопроцентную надежность и безопасность полета. Нажим был необычайный. Первая моя встреча с С.П.Королевым состоялась в январе 1961 года. До этого я наслушался о нем немало всяких отзывов и мнений. Однако все сходились в одном — это человек необыкновенно требовательный, суровый, властный, не прощающий оплошностей, но и, одновременно, добрый и отходчивый. Это и подтвердилось впоследствии, когда я стал ближе к Сергею Павловичу. Скажу больше, это был человек исключительно душевный, заботливый, искренний. Любитель розыгрыша, острой шутки и юмора.

Из автобиографии, написанной С.П.Королевым в 1952 г., явствует, что родился он 30 декабря 1906 года в г. Житомире. Его родители были учителями. Среднее образование получил в Строительной профшколе в Одессе. Затем, совмещая учебу в Киевском политехническом институте, с 1924 по 1927 гг. работал на разной работе: разносчиком газет, столяром и т.п. В 1927 году был переведен в МВТУ им. Баумана на аэромеханический факультет, который окончил в 1929 году.

С 1927 г. работал на заводе Всесоюзного авиационного объединения в Москве. С 1929 г., после знакомства с К.Э.Циолковским и его работами, начал заниматься вопросами ракетной техники. Вначале руководил по совместительству одной из первых групп по ракетной технике (бывшей ГИРД), а с 1933 г. перешел на постоянную работу в этой области.

С 1947 г. С.П.Королев — руководитель Особого конструкторского бюро — ОКБ-1.

Как было сказано выше, авиационные заводы Куйбышева С.П.Королев начал «осваивать» в 1957 году. Ходили легенды о требовательности, с которой Главный конструктор подходил к организации производства ракетной техники на заводах. Он требовал идеальной чистоты и порядка в цехах (начиная с производственных помещений, вплоть до бытовок), строжайшего соблюдения технологической дисциплины. Добивался многократного пооперационного контроля качества, с картами сопровождения каждой детали и узла, в которых отмечались фамилии исполнителей и приемщиков продукции, обеспечение четкой системы различных испытаний узлов и агрегатов от каждой партии, а также периодических стопроцентных испытаний и т. д. Особо жёсткому контролю подвергались двигатели. Всё было направлено на то, чтобы обеспечить безусловную надежность и безопасность ракеты. Даже нам, авиационникам, привыкшим строго соблюдать показатели качества продукции, эти его требования казались чрезмерными. Но С.П.Королев настоял на своем и последующее время подтвердило его правоту. Прошли десятилетия и ни на одной из ракет не было, и нет отказов, связанных с 1-й и 2-й ступенями носителя. Таким образом, ракетное производство для Куйбышевских заводов явилось шагом вперед не только с точки зрения освоения новых технологий, материалов, оборудования, но и с позиции резкого повышения уровня организации производства, обеспечения на этой основе высокого качества и надежности изделий. Гонял «СП» (так его звали в ОКБ и на заводах) за это всех беспощадно.

В январе 1961 г. С.П.Королев с группой Главных конструкторов различных систем ракеты возвращался с полигона Тюр-Атам, который впоследствии стал космодромом Байконур. Ехали они поездом через Куйбышев. Мы с секретарём обкома И.М.Буровым и постоянным представителем ОКБ-1 в Куйбышеве Д.И.Козловым, встречали их на вокзале. Сергей Павлович, его первый заместитель В.П.Мишин и еще несколько человек остались в Куйбышеве, а В.П.Глушко — Главный конструктор двигателей и другие товарищи проследовали в Москву.

Разместили С.П.Королева и В.П.Мишина в жилом доме обкома партии на ул. Чапаевской 200 в четырехкомнатной квартире № 9 на 3-м этаже. Он заботливо опекал молодого Мишина, называл его по имени — Василек. (Впоследствии, я узнал, что двух этих людей связывает давняя совместная работа и большая человеческая дружба с памятного 1945 года, осенью которого они познакомились в освобожденном Берлине).

В неслужебной обстановке Сергей Павлович был прост и кон-

тактен. Запомнилось, как он горделиво демонстрировал новинку, подаренную ему М.В.Келдышем, портативную механическую бритву с подзаходом. Те три дня, которые С.П.Королев пробыл в Куйбышеве, я постоянно был с ним. Он провел обстоятельную разборку состояния дел по ракете “Р-7” у В.Я.Литвинова на заводе “Прогресс”. Были точно определены сроки поставки ракет-носителей на полигон, они удовлетворили С.П.Королева. Уже тогда он заговорил о реальности полета человека в космос.

Но Королева в этот приезд интересовала и ещё одна важная проблема. Речь шла о подготовке производства новой боевой ракеты “Р-9” (“Девятки”). Принципиальное решение Правительства об изготовлении этой ракеты в Куйбышеве было принято. Задача Королева состояла в том, чтобы убедить руководство области, Совнархоза в необходимости подключения к этой работе в кооперации возможно больше заводов с тем, чтобы за счет специализации сократить сроки освоения и как можно скорее дать комплекты агрегатов и ракет на испытания. Цель такой задачи заключалась в том, чтобы выиграть соревнование с В.Н.Челомеем, ОКБ которого на заводе № 23 в Москве работало над созданием аналогичной по параметрам машины, и предъявить “Р-9” Госкомиссии и Министерству обороны для принятия ракеты на вооружение. Королев побывал на ряде заводов и объяснял, уговаривал, требовал и грозил, то есть, использовал все средства, чтобы убедить и получить согласие. Работа эта привлекала, сулила хорошую перспективу и заводы, в принципе, были готовы взяться за это дело, но оговаривали ряд условий. Вот о них и шел предметный разговор.

Особенно заинтересованным было обсуждение на Красной Глинке, в ОКБ Н.Д.Кузнецова, который, будучи верным тактике “вперед смотрящего”, уже несколько лет, помимо авиационных двигателей, вел разработку новых ЖРД, и имел неплохие первые результаты испытаний (“проливки” и огневых). С.П.Королев знал об этом, как говорили, от А.Н.Туполева, давшего высокую оценку ОКБ Н.Д.Кузнецова и, конечно, приехал к Николаю Дмитриевичу не без интереса. Дело было ещё и в том, что в то время всё в большей мере стали проявляться принципиальные расхождения между С.П.Королевым и В.П.Глушко о типе двигателей на новые ракеты. Королев делал ставку на “кислородный” вариант, отказываясь от высокотоксичных и опасных “кислотных” двигателей Глушко.

Здесь следует сказать, что тандем “Королев-Глушко” образовался ещё в довоенные годы. Оба они были страстными поборниками ракет. Первые двигатели В.П.Глушко в 1939 г. были применены на крылатой ракете С.П.Королева, а затем на его ракетоплане. Оба были реп-

рессированы, Королев чуть раньше, Глушко — позже. Некоторое время работали в Казани в одном из ОКБ НКВД. И лишь в 1944 г. освобождены. Это сотрудничество продолжалось вплоть до 1961 г. Но вот теперь их пути разошлись по принципиальным вопросам.

У Н.Д.Кузнецова состоялся очень придирчивый и обстоятельный разговор. Николай Дмитриевич отвечал на многочисленные вопросы Королева и сопровождавших его лиц, демонстрировал графики испытаний, успехи и неудачи. Подытоживая обсуждение, Сергей Павлович сделал заявление, что ОКБ-1 готово сотрудничать с ОКБ Кузнецова. Первые результаты испытаний новых ЖРД, более мощных и более безопасных при предполетной подготовке, чем у Глушко, показали, что “кислородные” двигатели имеют хорошую перспективу. Он определил примерную программу так: первая партия ракет “Р-9” будет оснащена двигателями Глушко, а затем, по мере готовности, перейти на двигатели Кузнецова. Так и решили.

На следующий день состоялась продолжительная беседа у председателя Куйбышевского Совнархоза В.И.Смирнова, а затем в обкоме партии у А.С.Мурысева. Сергей Павлович был удовлетворен результатами своей поездки. Вечером за ужином был в хорошем настроении, говорил: “Как у вас уютно, тихо на Чапаевской, я прекрасно отоспался. Впервые за последние месяцы”. Пригласил меня побывать у него в ОКБ-1 в Подлипках (Калининграде, Московской области. Теперь это город Королев). Подарил изданную Академией наук СССР книгу “Первые фотографии обратной стороны луны” с автографом: “Виталию Ивановичу Воротникову на добрую память, январь 1961 г. С.Королев”.

Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем у нас в Куйбышеве была проделана колоссальная работа по ракете “Р-9”. За короткий срок провели подготовку производства, наладили выпуск первых комплектов изделия, начали испытания, но жить этой ракете не пришлось. Конкурент Королева — В.Н.Челомей оказался тогда нам “не по зубам”. Работавший у него сын Н.С.Хрущева Сергей Хрущев, как говорили тогда сведущие люди, помог своему шефу. Ракета ОКБ В.Н.Челомея была принята на вооружение. Насколько объективно было такое решение, сказать не берусь. С.П.Королев очень тяжело переживал эту неудачу. Всё, что было сделано в Куйбышеве по ракете “Р-9”, пошло прахом.

В марте 1961 года меня вызвали в ЦК КПСС, там проходило совещание по ракетам земля-воздух. Три куйбышевских завода были задействованы в этой тематике. К ним предъявлялись претензии, в частности, по радиовзрывателям типа “Шмель”, “Овод” и некоторым другим комплектующим изделиям. Кстати, именно такой

ракетой был позже сбит над Свердловском американский самолет-разведчик “У-2”. Совещание прошло бурно, но в итоге обо всем договорились. Я использовал эту поездку в Москву, чтобы побывать в ряде ОКБ и НИИ Госкомитета по оборонной технике для обсуждения некоторых заводских проблем. Посетил НИИ-17 (директор Гоцеридзе), НИИТ-2 (директор Бруханский), ОКБ-301 (Главный конструктор Пашенин). Имел беседы в ВСНХ с Е.П.Шкурко и П.П.Смирновым, в Госкомоборонтехнике с К.Н.Рудневым. Но основная цель — визит в ОКБ-1 С.П.Королева в Подлипках и ОКБ В.П.Глушко в Химках.

В ОКБ-1 я провел целый день. С.П. Королев прислал за мной в гостиницу машину. В Подлипках на территорию ОКБ-1 и опытного завода проехали через двойное “шлюзование” (сначала в отстойник, а затем уже на основную площадку). Режим там блюли строго. Здание ОКБ современное, новое. Отсек С.П.Королева занимает целую секцию: приемная, большой кабинет, малый кабинет, комната отдыха, зал заседаний, столовая, гостиная, подсобные помещения. Короче, условия для работы великолепные. Апартаменты обставлены современной мебелью, со вкусом, ничего лишнего. Просторно, уютно, чистота идеальная. Сергей Павлович встретил приветливо. Позвал Мишина, Охепкина. Разговор шел в большом кабинете. Я информировал о работе заводчан “на точке”. Там шла подготовка серьезного полета “семерки” с человеком на борту. О времени полета, о фамилии первого космонавта тогда не могло быть и речи. Затем стал рассказывать, как реализуются договоренности по ракете “Р-9”. Сергей Павлович перебил меня и стал увлеченно говорить о подготовке полета человека в “Шарике”, о его конструкции, о том, почему выбрали именно форму шара, внутреннем оснащении, обеспечении безопасности при приземлении и т.п. Обсуждали и ряд других вопросов. В беседе активно участвовал Мишин, а Охепкин больше помалкивал. Затем мы с директором опытного завода Ключаревым прошли по цехам, вплоть до “святая-святых” — сборочного и испытательной станции.

После осмотра завода меня провели в малый кабинет. Сергей Павлович был один, я восторженно поделился своими впечатлениями. Закончить помешал телефонный звонок и я невольно стал свидетелем уничижительного разноса, который Королев устроил собеседнику, а затем по инерции и секретарше, не найдя сходу на столе какой-то привычной ручки. Перед ней, правда, через несколько минут извинился. Успокоившись, он рассказал о разговоре с Н.С.Хрущевым, тот постоянно интересовался ходом подготовки полета человека в космос. Потом Сергей Павлович сообщил, что

готовит для Куйбышева новую “национальную” задачу — ракету под условным названием “Н-1”, цель которой полеты к Луне и дальше... “Это работа невероятно трудная, огромная по масштабу. Будут задействованы десятки заводов, крупнейшее стендовое хозяйство, лаборатории, высотный сборочный корпус и т.п. Надо будет подключать завод № 18, специализировать другие. Труднейшую задачу по созданию двигателей небывалой мощности предстоит решить ОКБ Н.Д.Кузнецова”. Посетовал, что в ЦК чинят препятствия Н.Д.Кузнецову за его отход от авиационной тематики и увлечение ЖРД. Вообще, была очень живая и интересная беседа. Потом пригласил в свою столовую, там вкусно пообедали вместе с некоторыми его заместителями. После обеда прощались с В.П.Мишиным по ОКБ — лабораториям, вычислительному центру, вечером я уехал.

Совсем иной оказалась поездка в Химки, в ОКБ В.П.Глушко. В то время Валентин Петрович, Главный конструктор основных ЖРД, применяемых в ракетостроении, был на вершине популярности. Я не знал его близко. Позже, в мою бытность в Куйбышеве, он лишь два раза побывал там, участвуя в заседаниях Государственной комиссии, разбиравшей итоги полетов Ю.Гагарина и Г.Титова. Но и тогда он не посетил завод № 24, где делали его двигатели. Такие “принципы” поведения были непонятны, и вокруг его имени ходили разные толки. Б.М.Данилов, бывший тогда заместителем председателя нашего Совнархоза по оборонной промышленности, особенно изощрялся в критике поведения элегантного В.П.Глушко, который якобы: “Чуть было не “проткнул” его во время беседы острым носком сверхмодного ботинка”.

Добрался я до ОКБ самостоятельно. Пропуск на меня был заказан и я прошел на завод, в корпус ОКБ. Вошел в приемную, через пару минут пригласили в кабинет. В.П.Глушко встретил меня сдержанно. Высокий, спортивного вида, безукоризненно и модно одетый Валентин Петрович как-то сразу ставил собеседника на расстояние. Он выслушал мою информацию о делах в Куйбышеве. Не проявил к ней большого интереса, ограничившись двумя незначительными вопросами. Затем, поинтересовавшись, что я хотел бы посмотреть здесь, высказал свои рекомендации. Я согласился с его пожеланиями. Он пригласил кого-то из заводских работников, по-моему, заместителя начальника производства и мы пошли по цехам. Вся встреча заняла 20—25 минут. Мы походили по заводу около полутора часов, побывав в ряде основных цехов. Как и некоторые другие моторные заводы, и этот не блистал чистотой и порядком. Механические цехи стеснены, захламлены, загазова-

ны. Правда, сборочные цехи выглядели хорошо. После осмотра я поблагодарил сопровождавшего товарища за объяснения, извинился, что оторвал его от дела, и вышел за проходную.

Запомнилась и понравилась мне встреча у В.П.Бармина, ОКБ которого разрабатывало наземные конструкции и оборудование, обслуживающие стартовые ракетные комплексы. Владимир Павлович встретил меня приветливо. обстоятельно рассказывал о новых разработках, прошел со мной в макетную мастерскую, заставил продемонстрировать действующую модель стартовой установки запуска ракет и т.д. Короче, этот крупный ученый, весьма солидный человек и его окружение проявили интерес и внимание ко мне, представителю Куйбышевских оборонщиков.

Апрель 1961 года. Как я уже говорил, точное время полета и фамилия первого космонавта нам известны не были. 12 апреля в помещении клуба УМВД им. Дзержинского проходило собрание актива Куйбышевского Совнархоза. В его работе принимал участие первый секретарь обкома партии А.С.Мурысев, другие партийные и советские работники, руководители предприятий области. С докладом выступал В.И.Смирнов. В ходе собрания А.С.Мурысева вызвали из президиума, вскоре он вернулся, попросил оратора прерваться и срывающимся басом, размахивая руками, возвестил, что на орбиту земли запущен космический корабль, пилотируемый гражданином СССР, капитаном Гагариным Юрием Алексеевичем. Трудно передать, что творилось в зале: все разом вскочили с мест, крики “ура”, овации, объятия... А.С.Мурысев и другие члены бюро обкома сразу уехали. Собрание было скомкано и закрыто. Какие тут могли быть обсуждения проблем, когда свершилось такое! На место посадки космонавта немедленно с заводского аэродрома вылетели Д.И.Козлов, Б.М.Данилов и И.М.Буров.

Случилось так, что хотя я и был на собрании, но фактически уже находился в отпуске, так как впервые мне представилась возможность поехать с 13 апреля в подмосковный санаторий “Пушкино” вместе с женой. И вечерним поездом надо было выехать в Москву. На всякий случай я спросил А.С.Мурысева, как мне быть, он ответил — “поезжай”. К сожалению, я не предполагал тогда, что на другой день в Куйбышев прилетит Юрий Гагарин и весь состав Государственной комиссии; что именно в Куйбышеве состоится разбор первого полета человека в космос. Если б знал, то ни за что не уехал.

В Москве мы остановились в гостинице “Бухарест”. На Красной площади творилось невообразимое ликование, она была запруже-

на народом. Такое радостное, возбужденное состояние, душевный подъем, гордость за свою страну, которые проявились после полета Ю.Гагарина, можно сравнить лишь с тем, что творилось у нас 9-го мая 1945 года.

Возвратившись из отпуска, я узнал, что большая группа конструкторов, рабочих, инженеров, организаторов работы, связанной с подготовкой полета Ю.А.Гагарина, представлена к правительственным наградам. Среди них много куйбышевцев, в том числе и несколько партийных работников: В.Ф.Коннов, В.И.Воротников и В.Ф.Ветлицкий. Вскоре мне вручили особенно памятный орден “Знак Почета”.

Начиная с 1961 года, интересы С.П.Королева все больше были связаны с Куйбышевом. Кроме серийно изготавливаемой ракеты “Р-7”, осваивался выпуск “Р-9”, велась подготовка производства мощной ракеты “Н-1”. Кроме того, в Куйбышеве набирал силу филиал ОКБ-1, возглавляемый Д.И.Козловым, ставшим заместителем С.П.Королева, который работал над серией орбитальных кораблей и спутников специального назначения. Предметом особой заботы СП был ракетный комплекс “Н-1”. ОКБ-1 спешно вело у себя конструкторские проработки этой уникальной ракеты. Сергей Павлович, когда бывал у нас, постоянно возвращался к этой теме, активно заражая нас грандиозностью замысла. Ему нужна была поддержка, согласие местных заводов и властей, дабы легче провести решение о постановке производства всего комплекса “Н-1” в центральных органах в Москве. И он не жалел усилий. “Задача национального значения — опередить “американок”, первыми послать на Луну космическую экспедицию” — не раз говорил он. Он рисовал эскизы ракеты, огромной на десятки метров сигары, без боковушек — первой ступени, как это есть у “Р-7”. Основным конструкционным звеном, силовым каркасом является не корпус, а баки шаровой формы для кислорода и керосина. На 1-й ступени (тогда) предусматривались 8 связок по 4 двигателя в каждой. На 2-й ступени, по моему, четыре двигателя тягой по 250 тонн каждый и затем третья ступень. Все это он планировал делать в Куйбышеве. По проблематике С.П.Королева необходимо было задействовать еще ряд заводов авиационной и оборонной отраслей промышленности, а также Сызранские заводы “Тяжмаш” и “Пластмасс”, Куйбышевский металлургический и другие.

Этим объясняется то, что С.П.Королев в течение 1961—1964 годов бывал в Куйбышеве по 4-5 раз в год. А в 1965 году — 6 раз. Обычно он приезжал в сопровождении ближайших помощников Мишина, Охапкина, Мельникова, Воскресенского. Неоднократ-

но наведывались комиссии на высоком уровне во главе с заместителями председателя Совета министров СССР. Сначала это был К.Н.Руднев, затем Л.В.Смирнов. А также министры С.А.Зверев, С.А.Афанасьев, П.В.Дементьев. Несколько раз с ними приезжал Президент Академии наук СССР М.В.Келдыш, ряд Главных конструкторов Н.А.Пилюгин, В.П.Бармин, А.М.Исаев, А.Д.Конопатов и другие. Первые заседания Государственных Комиссий, проводивших разбор полетов в космос, проходили в Куйбышеве. Туда же, в особняк на высоком берегу Волги, прилетали и космонавты. Сначала, после полета Ю.Гагарина и Г.Титова, заседания проводил К.Н.Руднев, а разбор полетов А.Николаева и П.Поповича, В.Терешковой и В.Быковского вел уже Л.В.Смирнов. В Куйбышеве же космонавты проходили послеполетный медицинский контроль, отсюда они вылетали на торжественные встречи в Москву.

Однако я несколько забежал вперед.

Начало августа 1961 года. Мы в ожидании старта второго, более продолжительного полета в космос Германа Титова. Узкому кругу уже известна фамилия космонавта-2 и ориентировочное время полета. Старт состоялся 6-го августа. Информацию о ходе полета мы получали от Д.И.Козлова. Через сутки корабль “Восток-2” успешно приземлился. В этот же день Г.С.Титов с группой сопровождавших его лиц прибыл в Куйбышев, в особняк на Волжском берегу. Там режим охраны чрезвычайный. Допуск жестко ограничен. Съехались члены Госкомиссии, космонавты-дублеры. Заседание проходило в самой большой комнате — столовой на 2-м этаже дома. Как ни сдерживали, народу набилось много.

Вел заседание К.Н.Руднев. Рядом С.П.Королев, М.В.Келдыш и другие члены Госкомиссии. Докладывал Герман Титов спокойно, рассудительно, грамотно. Четко отвечал на вопросы. Сделал ряд существенных замечаний о работе систем жизнеобеспечения космонавта. Провел он в космосе 1 сутки, 1 час, 18 минут. Наблюдений по программе научно-технических и медико-биологических исследований высказал немало. Особо подчеркнул влияние невесомости на вестибулярный аппарат. Доклад Г.Титова вызвал заслуженную похвалу С.П.Королева. Ребята-космонавты, отмечая некоторую “манерность” речи Германа, попытались придать рассказу шутливо-иронический тон при объяснении некоторых “деликатных” ситуаций в полете. Но Сергей Павлович строго пресек эти попытки. По доброму шутил Юра Гагарин. Запомнились лица, тогда еще неизвестных, космонавтов из первой группы — Воынова, Комарова, Николаева, Поповича, Быковского.

День 9-го августа прошел в широком общении. Бесконечные

автографы, фотографирования, интервью столичным журналистам и просто разговоры, пересказы впечатлений от полета. Германа задержали вконец. Мы едва смогли увести его в сервировочную комнатку столовой, где сфотографировались на память: Г.Титов, в окружении А.Мурысева, А.Токарева, И.Бурова, В.Ветлицкого, В.Воротникова, И.Павловского и А.Агальцева. Снимать С.П.Королева и других Главных конструкторов тогда было строжайше запрещено. Тайна отцов космонавтики охранялась свято, хотя вездесущий Б.М.Данилов успел сделать несколько кадров, но дал их мне лишь много лет спустя. В общем обстановка радостного возбуждения царила в эти дни повсюду в стране, а в Куйбышеве тем более. Известие о присутствии в городе Г.Титова скрыть не удалось. А когда он, и сопровождавшие его улетали с заводского аэродрома в Москву, то там столпотворение людей было невообразимое. Гордость за страну, за науку, за наших инженеров, конструкторов, рабочих переполняли сердца всех.

Но отбушевали страсти. Жизнь шла своим чередом. В начале сентября 1961 года решением ЦК КПСС второй секретарь Куйбышевского обкома партии И.М.Буров, курировавший промышленность, был направлен на работу в Целиноградский крайком Казахстана на аналогичную должность. Накануне состоялось заседание Секретариата ЦК, где слушался отчет Куйбышевского обкома партии (А.С.Мурысева) о работе с кадрами. Там нам здорово досталось за низкий уровень сельскохозяйственного производства. Причину этого усмотрели именно в недостатках работы с кадрами. В частности, в том, что первый и второй секретари обкома партии, председатель облисполкома — промышленники, а не сельхозники, к которым тяготел Н.С.Хрущев. Говорили, что этим и вызвано перемещение И.М.Бурова. И вместо него рекомендовали из Краснодарского края И.Г.Балясинского, по специальности агронома, работавшего там заместителем председателя крайисполкома.

23 сентября 1961 года состоялась областная отчетно-выборная партийная конференция. Накануне меня пригласил А.С.Мурысев, рассказал о намеченной перестановке кадров, и предложил работу секретаря обкома по промышленности, даже как-то извинительно, что не второго секретаря. Мы все очень уважительно относились к Александру Сергеевичу, человеку глубоко порядочному, скромному, увлеченно трудолюбивому и обязательному, истинному наставнику молодых, хотя и ему самому тогда было всего 46 лет. Я дал согласие. На конференции А.С.Мурысев был переизбран первым секретарем обкома партии; вторым секретарем, курирующим также сельское хозяйство, избрали И.Г.Баля-

синского; секретарем по промышленности — В.И.Воротникова; секретарем по строительству переизбрали В.П.Орлова, а секретарем по идеологическим вопросам Н.С.Черных, окончившего АОН при ЦК КПСС. (До учебы он работал секретарем Куйбышевского горкома партии). Так в возрасте 35 лет мне поручили ответственную работу — курировать крупную, многоотраслевую промышленность области.

Продолжу свой рассказ о С.П.Королеве. Как я уже говорил, он часто приезжал в Куйбышев. Каждая встреча с ним была интересна, познавательна. О Королеве сказано и написано уже немало. И нет смысла давать ему характеристики. Скажу только, что был очарован им, как личностью, поражался его эрудицией, организаторским талантом — умением подчинить делу себя и всех, кто к этому делу был причастен. Он буквально заражал своей одержимостью, преодолевая все преграды на пути к цели, подавляя несогласных негибимой волей, характером. В то же время за внешней суровостью скрывалась добрая, тонко чувствующая душа. Эти его человеческие качества проявлялись и в наших отношениях, о чем я упомяну ниже. Но работа занимала его полностью, без остатка, всё было подчинено делу.

Зимой, по-моему, в феврале 1962 года он прилетел в Куйбышев с женой Ниной Ивановной, чтобы не только поработать, но и немного отдохнуть от московских забот. Я встречал его самолет на заводском аэродроме. Было уже довольно поздно. На аэродроме темно, мела поземка, пуршило. Мы поздоровались и разместились в “Волге”, я на переднем сиденье, а Сергей Павлович с Ниной Ивановной на заднем. Больше с ним никого из сопровождения не было. От стоянки самолета мы выехали на рулежную дорожку, вдоль стоящих в темноте самолетов, направляясь к выезду. Вдруг со стоянки стал выруливать в нашу сторону самолет ЛИ-2, направляясь на взлетную полосу. Автомобиль и самолет двигались навстречу друг другу. Они находились на расстоянии метров 20-ти. Свернуть было некуда. Справа и слева сугробы. Я непроизвольно крикнул шоферу Дмитрию Степановичу: “Стой, впереди самолет”. Тот растерялся, машина заюзила. Тогда Сергей Павлович ровным, спокойным голосом: “Давайте задним ходом. Переключите передачу и назад к нашей машине”. “Волга” двинулась, убыстряя ход к стоянке, свернули к самолету С.П.Королева и пропустили ускорявший свой ход ЛИ-2. Опасность миновала. Нина Ивановна в эти несколько секунд не проронила ни слова. Дмитрий Степанович пришел в себя и мы поехали из Безымянки в Куйбышев.

В этот раз, как и всегда, ездили по заводам, рассматривали ход

работ по “Р-9” и подготовку к производству “Н-1”. Особенно много было проблем у Н.Д.Кузнецова. Посещения заводов кончались, как правило, поздним вечером. На третий или четвертый день была намечена культурная программа. Мы возвратились с Красной Глинки рано, часов в 18. Я ушел из обкомовской гостиницы-квартиры на ул. Вилоновской 2, где разместились Королевы, домой. А они с четой Мурысовых отправились в драмтеатр. Шел какой-то новый спектакль. Как рассказывал потом Александр Сергеевич, высидел Сергей Павлович лишь один акт, а потом, сославшись на необходимость срочно связаться с Москвой, сбежал. И уехал на завод. Больше мы не делали никаких попыток “развлечь” его.

Еще в 1961 году С.П.Королев несколько раз приглашал меня на “точку”: “Надо же Вам увидеть это зрелище. Запуск “семерки” великолепен”. На полигоне часто проходили пуски различных спец-объектов. Напоминал о моих обещаниях побывать в Тюр-Атаме и Д.И.Козлов. Тем более, такая поездка была необходима и потому, что на “точке” постоянно находилась большая группа рабочих и специалистов с Куйбышевских заводов. Приходили оттуда просьбы и жалобы по различным производственным и бытовым вопросам.

То есть интерес и повод для поездки у меня были. В свой последний приезд к нам в июне Сергей Павлович повторил свое приглашение, обещая “необыкновенный дуплет”, иначе запуск одного за другим двух космонавтов. 7-го августа позвонил Д.И.Козлов и конкретно передал от С.П.Королева приглашение приехать завтра 8-го, максимум 9-го числа: мне, Б.М.Данилову и С.С.Курдюкову (зав. отделом оборонной промышленности обкома). Я переговорил с А.С.Мурысевым, тот дал добро. И 9-го августа 1962 года утром мы с С.С.Курдюковым и Д.И.Козловым на самолете ИЛ-14 с аэродрома завода “Прогресс” вылетели на “точку”, а Б.М.Данилов должен был прибыть туда из Москвы, где он находился.

Через 4 часа полета мы приземлились. Сейчас, спустя 55 лет, многое в восприятии того легендарного времени изменилось, полеты космонавтов стали привычными. Но я хочу прибегнуть к моим тогдашним записям, рассказать о тех незабываемых личных впечатлениях.

Так вот. Вышли из самолета, огляделись. Степь бескрайняя. Время послеполуденное. Жара. Маленький домик — Аэропорт. Встретил нас помощник Сергея Павловича и начальник отдела ОКБ-1 С.И.Смыслов. Две автомашины “Волга”. Д.И.Козлов сразу уехал на “площадку”, а мы с С.С.Курдюковым, сопровождаемые помощником СП (не записал его фамилии), поехали в поселок — закрытый городок Минобороны (тогда он ещё не имел названия

“Ленинск”). Через 15 минут подъехали к КПП. Проверили документы, удостоверения, записали наши фамилии, дату рождения и должность в журнал и дежурный офицер пропустил машину. Через 1,5—2,0 километра въехали на территорию городка, тихого, чистого, уютного, застроенного 3-х и 4-х этажными домами. В центре — площадь перед Домом офицеров, большой универмаг. Зеленые газоны, цветники. На улицах и на площади прогуливаются молодые модно одетые женщины и много детей в колясках, на руках у взрослых, стайки играющих дошкольников. Поражает спокойствие, размеренность, какая-то благодатная тишина. Потом понимаешь почему нет ни трамваев, ни автобусов, изредка проезжают машины. Мужчины встречаются редко — все на работе.

Разместили нас в огороженной зоне, в небольшом 2-х этажном доме — гостинице для космонавтов на берегу небольшой речки. Здесь же ещё один 2-х этажный дом, там расположились члены Госкомиссии Л.В.Смирнов, маршал авиации С.И.Руденко, генерал Н.П.Каманин, генерал К.А.Керимов, несколько Главных конструкторов. Территория этого уголка стараниями людей неплохо ухожена: кустарники, деревца, цветы — круглосуточный полив. В нашем доме, где живут и космонавты, на первом этаже небольшая, уютная столовая, гостиная для отдыха, кинозал на 25—30 мест. На втором этаже располагались комнаты для космонавтов и еще 4 квартиры для приезжих, в них живут несколько человек из ОКБ, военных и корреспондентов. В 3-х комнатной квартире поселили и нас.

В первый день поездки на “площадку”, так называют район космодрома, не состоялась. Как только мы разместились, нас пригласили в столовую. Во время обеда разговорились с сидящим за нашим столом генералом, это был Керим Алиевич Керимов, тогда — начальник космического Управления министерства обороны и заместитель председателя Госкомиссии. Он, видимо, зная от СП о нашем приезде, сразу завел разговор о наших совместных делах, претензиях министерства к работе заводов, просьбах о приближении сроков поставки специальных изделий. Поинтересовался впечатлением о городке, о размещении и т.п. Был приветлив. Извинившись, сказал: “До встречи”, и уехал. Вторая часть дня прошла в ожидании поездки. Вечером нам позвонил С.А.Смыслов и предупредил, что завтра за нами придет машина и привезет на площадку, там встретимся. Совсем поздно прибыли космонавты во главе с Германом Титовым, человек шесть, все озабоченные, усталые. Они быстро искупались в реке и разошлись по комнатам. Юрий Гагарин приехал уже ночью.

Как стало известно позже, генерал К.А.Керимов в разговоре по ВЧ с заместителем председателя ВПК Ветошкиным сказал ему о нашем приезде. По порядкам того времени это был инцидент, так как Сергей Павлович начальство не уведомил. Ветошкин сказал Керимову, что наше пребывание стоило бы согласовать с ЦК КПСС. Керим Алиевич передал этот разговор Сергею Павловичу, тот пожурил его за “инициативу” и неуместную откровенность. Но дело сделано. Надо было решать. С.П.Королев, а затем Л.В.Смирнов звонили в ЦК и получили согласие Ф.Р.Козлова, тогда второго лица в партии. Вот так закрутилась карусель вокруг нашего прилета по приглашению СП на запуск в полет двух космонавтов.

На другой день 10 августа, рано утром мы втроем (вечером прилетел из Москвы Б.М.Данилов) выехали на площадку № 2. Поездка заняла минут 40. Трижды прошли проверку на КПП. На территории площадки расположен МИК (монтажно-испытательный корпус), где ведется сборка ракеты, отладка и наземная проверка всех систем. Здесь же казармы стартовой команды, гостиница и общежитие для заводских рабочих и специалистов. Неподалеку три небольших одноэтажных домика. В одном из них живет С.П.Королев, в другом — космонавты перед полетом. От МИКа к стартовой позиции идет железнодорожная ветка, по которой транспортируется платформа с ракетой. Рельеф местности скрывает от глаз саму стартовую установку.

Мы прибыли на площадку к 8-ми утра. Вместе с Д.И.Козловым пошли позавтракать в столовую. Вскоре туда вошел Сергей Павлович, подошел к нашему столику, сел и стал рассказывать вчерашнюю историю вокруг нашего приезда. Хотя был он приветлив и вел разговор в шутливо-ироническом тоне, чувствовалось — его самолюбие было задето. Вообще же и тогда, и после при контактах и встречах во время подготовки полета он был немногословен, сдержан, малообщителен и озабочен.

После завтрака сразу поехали на старт. По пути прошли ещё две проверки. Перед проходом на территорию старта нам одели красные повязки на рукав — право находиться там до 30 минутной готовности. Здесь уже немало народа — военные из стартовой команды, представители заводов, конструкторы разных ОКБ и НИИ, испытатели систем ракеты. Подъехал С.П.Королев. В легкой светлой куртке и шляпе, темных очках (солнце уже палило здорово). Ходит один около ракеты, молчит, изредка подзывает кого-то или подходит к одному, другому, что-то говорит, коротко, сдержанно. Увидев нас, подошел, поздоровался (хотя мы уже виделись). Пригласил пройти с ним вокруг изделия, показывал и давал краткие

пояснения тому, что делают люди, какова дальнейшая программа. В то время шла отработка систем, определялась их готовность, проверялись параметры, показатели и предъявлялись на сдачу.

Как выглядит позиция? Колоссальная многоэтажная железобетонная башня с консолью, усиленная металлическими фермами, с откатным многотонным столом. Под консолью — пологий на сотню метров лоток, уходящий далеко вниз, к обожженному огнем в результате многократных запусков котловану. Ракета, наполовину скрытая (опущенная вниз), висит на четырех откидывающихся фермах — лапах. Она окружена лесом ферм и конструкций: лифт, трубопроводы заправки горючим, окислителем, кабельные стволы питания и т. п. Здесь же на двух железнодорожных путях стоят самоходные краны, где укреплены эти конструкции. Установка ракеты на стартовую позицию производится с огромной транспортной платформы при помощи мощных гидроподъемников. Вблизи ракеты небольшая будка — пультовая. Там дежурный оператор-диспетчер. Он, по окончании проверки каждой системы и приемки её военпредом, в громкоговоритель извещает всех: начата проверка такой-то системы или такая-то система отработана и сдана. В этом случае, с установленного рядом большого щита, где нанесена информация всех систем, снимается красный флажок с рабочей стороны и переносится на сторону готовности для зрительного контроля.

На стартовой площадке, рядом с пусковой установкой расположен глубокий бункер Управления под железобетонным укрытием и мощными надолбами наверху. Мы спустились, прошли по бункеру, там несколько пультов управления, четыре перископа. Работают кондиционеры. Наверху, неподалеку — кирпичное здание барачного типа. Там руководство стартовой команды Минобороны. Сейчас это место работы Государственной комиссии.

Работа по проверке систем шла споро, организованно. К 18 часам все операции были закончены. Затем на площадке состоялся митинг. Приехали космонавты: А. Николаев и его дублер — В. Быковский, Ю. Гагарин, Г. Титов и другие. Помимо участников подготовки полета на митинге присутствовали и корреспонденты. Выступили военные из стартовой команды — офицер, сержант, рядовой и командир части. С ответным словом спокойно, уверенно выступил А. Николаев. Его приняли очень тепло, да и митинг был неформальный, а очень домашний, трогательный. Потом С. П. Королев с А. Николаевым и Л. В. Смирнов с В. Быковским поднялись на лифте к кораблю. Традиционная передача корабля Главным Конструктором космо-

навту. Они уже спустились вниз, но народ долго не расходился. Шутки, приветствия. Эта обстановка дружелюбия, открытости тронула нас всех.

Мы отправились затем в МИК. Там кипела типичная для сборочного цеха самолетного завода работа. Завершалась проверка блока “Е” ракеты-носителя П.Поповича. Блок облеплен людьми, но каждый делает свое дело. Кто-то кому-то мешает. Ворчат, но устраиваются мирно. Кто-то вовремя не пришел, что-то не принес, или не передал — идет легкая перебранка. В другом месте крупный разговор с военпредами. Вместе очередной раз смотрят схемы, чертежи, тычут пальцем в тексты ТУ. Расходятся. Сидят, задумавшись, потом опять сходятся — разобрались, удовлетворенно хлопают друг друга по плечу. Порядок. Кто-то дремлет в углу, сморенный бессонными ночами, улучив свободных полчаса. Однако ясно, что все делают одно дело, стремятся обязательно уложиться в сроки, обеспечить стопроцентную гарантию качества.

При нас работу по проверке блока “Е” завершили, закрыли все люки, подготовив блок для стыковки с ракетой. Пребывание в МИКе ещё раз убедило меня в том, что самые большие, самые трудные и важные дела выполняют наши обыкновенные, на первый взгляд, люди. Самоотверженные, преданные трудяги, делают свою работу профессионально, скромно, без помпы, без рисовки, как делали свою работу российские мастера испокон веков. Даже наши тогдашние кумиры Гагарин, Титов утрачивают в этом коллективе свой ореол, становятся просто Юрой и Германом. Их запросто хлопают по плечу, посылают к черту, если они в чем-то не правы или лезут не в свое дело. Отношение к ним, как к хорошим ребятам, не больше. По-моему именно там, в МИКе, в контакте с рабочими, инженерами по настоящему чувствуют себя причастными к делу и отдыхают душой космонавты от уличной популярности. Уже поздно вечером мы пришли в общежитие к своим Куйбышевским заводчанам, хорошо поговорили обо всех проблемах, обсудили их просьбы. К ночи возвратились в гостиницу. Выкупались в речке, поужинали и долго не могли заснуть, обмениваясь впечатлениями от прошедшего дня.

На следующий день, 11 августа на 7.00 было назначено заседание Госкомиссии. Мы приехали вовремя. В зале заседаний за длинным столом члены комиссии и поодаль несколько рядов стульев, где разместились представители Минобороны, КБ, НИИ, промышленности. Открыл заседание Л.В.Смирнов. Заслушали доклады начальника стартовой команды о готовности наземных средств, метеоролога — о погодных условиях, В.Я.Яздовского (вра-

ча) о состоянии здоровья космонавтов, Главных конструкторов — о состоянии различных систем ракеты. Доклады краткие, одно-сложные: система готова, замечаний нет, пуск разрешен. Затем С.П.Королев, как технический руководитель полета, докладывает о комплексной готовности и оговаривает условия возможных отклонений от норм в работе отдельных систем при подготовке ракеты к пуску. Его предложения принимаются. В заключение церемония подписания Протокола-акта о разрешении полета. Всё заседание заняло 35—40 минут. Четко, лаконично, тихо, торжественно, без лишних слов. Чувствуется ответственность и приподнятое настроение участников.

Вышли к стартовой площадке. Ясный безоблачный день, солнце уже печёт нещадно. На платформах спецвагоны с топливом и окислителем — идет заправка баков ракеты. Вокруг стартовой площадки военный кордон охраны. Проход только лицам с нарукавной повязкой. Мы прошли. Работа у ракеты идет четко. Через каждые полчаса доклад о готовности через репродуктор. После 2-х часовой готовности — доклады через каждые 15 минут. После 1-го часа — через каждые 5 минут. После объявления 15-ти минутной готовности — через каждую минуту. Следует упомянуть, что у последнего КПП перед въездом на стартовую площадку стоит большая доска, половина её красная, половина белая. На ней сдублированы номера и висят бирки (отдельно военных и отдельно представителей КБ и промышленности). Доски разграничены по степени готовности: 4 — 3 — 2 — 1 час, 30 и 15 минут. При входе на территорию старта, каждый перевешивает свою бирку с белой, на красную доску. Покидая старт (по мере установленного для него времени готовности), возвращает бирку вновь на белую доску. Тогда наглядно видно, не остался ли кто на старте к моменту пуска.

Примерно за 2 часа с минутами до старта на площадку прибыл автобус с А.Николаевым и В.Быковским. Оба в оранжевых скафандрах, белых шлемах и ботинках. А.Николаев отдает рапорт председателю Госкомиссии Л.В.Смирнову. Доклад принят. Объятья. А.Николаев поднимается на площадку лифта, машет рукой. Затем космонавт с ведущим инженером поднимается на лифте к кораблю и входит в его люк. В это время объявляется 2-х часовая готовность. Народу у ракеты все меньше и меньше. Маневровый тепловоз тихо-тихо отгоняет со старта цистерны с топливом и окислителем. На КП в бункере устанавливается связь с космонавтом. Он начинает осмотр рабочего места, проверку всех систем. Мы втроем ещё и ещё раз обходим ракету. Она стоит серебристая, покрытая инеем, дымит дренаж. Объявляется часовая готовность. Напряжение нара-

стает. У ракеты тихо, изредка раздаются слова команды, проходят люди — по два, три человека. Осталось человек 10—12, направляемся к выходу и мы.

Выходим, перевесив бирки, садимся в машину и едем на наблюдательный пункт (НП), это в 2-х—2,5 км от старта. Там открытый легкий деревянный навес. Народу на НП много. Встречаем знакомых, обмениваемся впечатлениями. Ждем. По радио транслируется всё, что происходит на старте. Жарко, душно. Вдали видна ракета в лесе ферм. И вот, одна за другой раздаются команды и, наконец: “Подъем!”

Сначала звука не слышно. Нижнюю часть ракеты обволакивает облако пыли. Оно медленно поднимается вверх и разрастается в стороны. Затем появляется красное пламя, ширится и снизу, как бы вытесняет пыль. Медленно расходятся лапы ферм. Одновременно огонь светлеет, растекается и доходит до ослепительно белого цвета. Нарастает и углубляется мощный рокот. Почти скрытая в облаке пыли, огня и дыма ракета медленно выходит из этого облака и как бы нехотя, на мгновение, зависает в воздухе. Но это только кажется. Её движение вверх растёт, растёт и вот уже с громадным, неповторимым ревом (этот звук давит на уши, на плечи, на голову, прижимает книзу) ракета устремляется вверх и, как будто в нашу сторону, на нас. Поднимаясь выше, она зрительно приближается к нам. Вид на ослепительно ясном синем небосводе изумительный — серебристая свечка, а сзади ярко белый огненный след.

Полет ввысь идет с наклоном к нам и влево, вверх и влево, все больше удаляясь в сторону. Голос оператора четко отсчитывает секунды полета: 1-2-5-10-15-20-30-40... Удаляясь, ракета нам видится почти снизу и вбок, влево. Затем легкий, чуть заметный блеск и вместо 2-х следов кристаллизованного потока от двигателей остался один след — это отделились блоки первой ступени и заработали двигатели второй ступени. Полет ракеты вызвал бурю восторга на НП, аплодируя, мы отбили себе ладони. Возбужденные увиденным за этот день, вернулись в гостиницу. Конечно, отметили это событие. На следующий день состоялся полет П.Поповича, а мы утром заводским самолетом улетели в Куйбышев.

15 и 16 августа, пролетав, — один почти четверо, а другой, — около трех суток, Андриан Николаев и Павел Попович возвратились на Землю. Космонавты сразу же были отправлены к нам в Куйбышев. Прилетели и члены Государственной комиссии. В гостевом особняке на высоком берегу Волги состоялся разбор полетов. Оба полета прошли хорошо, но наиболее активно и плодотворно работал на орбите А.Николаев. Он высказал на Госкомиссии не-

мало интересных и ценных замечаний по итогам полета. Докладывал Андриан сжато, грамотно, сдержанно. В противовес ему Павел был возбужден, многословен, эмоционально несдержан. Впечатления домысливал, а когда его поправляли, то обращал сказанное в шутку. Два дня 16 и 17 числа были полны впечатлений. Раскованное общение с С.П.Королевым, сбросившим с себя груз, с Ю.Гагариным, Г.Титовым и новыми космонавтами, с Н.П.Каманиным и руководителями Минобороны в непринужденной обстановке было интересным и познавательным. Обедали, вели долгие разговоры, гуляли по саду. В общем, все отдыхали. Именно тогда было сделано, обошедшее потом весь мир, фото С.П.Королева с Ю.А.Гагариным, сидящими рядом у подпорной стены Волжского откоса.

Утром 18 августа проводили космонавтов в Москву. И сразу же получили весть от С.П.Королева, что вечером в Кремле состоится Правительственный прием в честь космонавтов, на который приглашены В.Я.Литвинов, В.И.Воротников и Б.М.Данилов с женами. Быстро собрались и вылетели. В Москве прямо с аэродрома прибыли в ЦК, получили там три именных пригласительных билета. Но каждый билет на одно лицо. В.Я.Литвинов (он тогда уже был председателем совнархоза) говорит: “Пошли, нас пропустят”. Пришли в Кремль, прием в БКД уже начался. По двое не пропускают. Литвинов с Даниловым прошли во Дворец, разыскали Сергея Павловича, тот спустился к нам вниз, с кем-то переговорил, и мы все шестеро приняли участие в этом неповторимом празднике.

Обстановка приподнятая, торжественная, радостная. Масса народа — руководители партии, правительства, министры, известные в стране люди науки, искусства, дипломаты. Мы впервые в Большом Кремлевском Дворце. Всё вокруг поражает воображение! Прошли по великолепным залам, восхищаясь их красотой. Московская элита окружила космонавтов в Георгиевском зале, а мы обосновались в Грановитой палате. Там собрался, в основном, интеллектуальный народ, причастный к космосу. Многих ученых и конструкторов мы знали. Атмосфера непринужденная, дружеская. Сергей Павлович сиял. Подходил, поднимал рюмку, говорил какие-то слова, уходил, вновь приходил. Вокруг смех, шутки, тосты, гомон голосов. Столы ломятся от яств и питья. Прием продолжался до полуночи. Довольные и не слишком трезвые пришли мы в гостиницу. И там ещё долго обсуждали детали виденного и пережитого.

В конце 1962 и в 1963 годах многие наши заводы все более заг-

ружались заданиями, связанными с тематикой С.П.Королева. После августовского полета космонавтов ракетостроение получило дополнительный импульс. Руководство страны было очаровано успехами в космосе. Восхищался ими и народ, тем более у нас в Куйбышеве. Под активным нажимом С.П.Королева, не ожидая соответствующего решения Правительства, а, опираясь только на авторитет Главного Конструктора, волевым порядком, Совнархоз и обком партии широко развернули на нескольких куйбышевских заводах подготовку производства и освоение тяжелых носителей “Н-1”. (Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР по этому ракетному комплексу было принято лишь осенью 1964 года). Конструкция носителя к тому времени схематично виделась так. Три ступени: 1-й блок “А” — 24 двигателя НК-15 общей тягой около 2600 тонн; 2-й блок “Б” — 6 двигателей НК-15В (высотных) общей тягой 1200 тонн; 3-й блок “В” с 4 двигателями НК-19 общей тягой 700 тонн. Технологически определена очередность освоения изделия — сначала блок “В”, затем — “Б” и “А”. Уже на 1963 год планировалось изготовить и испытать “шапку” двигателя (без камеры), провести отработку газогенератора, турбонасосного агрегата (ТНА) и укороченных (не высотных) камер сгорания.

Первые наметки определяли начало летных испытаний “Н-1” в конце 1965 года. Имелось ввиду, за два года провести различные виды испытаний двигателей Н.Д.Кузнецова 1-й, 2-й, 3-й ступеней. Для набора статистики по результатам испытаний и выходу на заданные параметры требовались сотни двигателей каждой модификации. К их изготовлению были подключены заводы: № 24 (головной), № 525 (камеры сгорания), № 207 (газогенераторы) и другие. Панели обшивки ракет производил завод № 18, а баки, другие агрегаты и окончательная сборка осуществлялась на заводе “Прогресс”. Необходимо было создать уникальные стенды для огневых испытаний двигателей (одиночных и в связке) на полигоне близ поселка Винтай, в 40 километрах от Куйбышева. Пока же испытания вели на базе НИИ КБ Табакова.

Работы в ОКБ Н.Д.Кузнецова было невпроворот. Вариантов проверок, наладок и испытаний двигателей он использовал массу. Требовалось большим числом испытанных двигателей уложиться в “квадрат” многих параметров, не выходя за его границы. Система испытаний была чрезвычайно строгой, любой сбой сводил на нет всю предшествующую работу. У Николая Дмитриевича не все ладилось. Устанавливаемые совместными графиками сроки доводки и запуска двигателей в серию постоянно срывались. Заводы напрягались донельзя, начался ропот, так как они были загружены и

другой важной продукцией. Многократно в Куйбышев вместе с С.П.Королевым приезжали руководители ВПК, министры, бывал М.В.Келдыш, ряд Главных конструкторов. Несколько раз ставились под сомнение возможности ОКБ Н.Д.Кузнецова довести двигатели до нужных кондиций. Создавались межведомственные комиссии, которые разбирали на месте документацию, технологию производства, методику и результаты испытаний и приходили к выводу, что работу надо продолжать. Нам представлялось, что здесь имела место и конкуренция. Работу над тяжелыми носителями вел и В.Н.Челомей, ориентированный на другой тип двигателя. Подталкивали всех и американцы, по имеющейся информации, опережавшие нас в темпах работы. Эти обстоятельства нервировали С.П.Королева, что усугублялось и неудачей с принятием на вооружение его ракеты "Р-9". Потому Сергей Павлович вымещал свою неудовлетворенность на наших заводах, буквально терроризировал директоров, требуя больше изделий и в кратчайшие сроки, не считаясь с другими задачами, которые решались на заводах.

В апреле 1964 г. мы с В.Я.Литвиновым встречали С.П.Королева на заводском аэродроме. Сразу проехали на территорию авиационного завода № 18. Сопровождал нас Главный инженер завода В.И.Данилюк. Ознакомились с состоянием производства панелей для блоков "Н-1". СП остался доволен разворотом работ. Переехали на завод "Прогресс", прошли по агрегатным цехам, по сборочному цеху, в том числе и строящейся высотной зоне. Королев всё время ворчал, упрекал директора Абрамова: "Сонное царство, производственный ритм черепаший, захвалили ваш завод". Потом в кабинете Абрамова провели совещание с группой директоров заводов по тематике "Н-1". Сергей Павлович "зацепился" за И.П.Белослудцева, директора завода № 207, который не очень внятно давал объяснения. Решили проехать к нему на завод. У Белослудцева разговор прошел уже лучше, СП пошутил: "Что же Вы скрываете свои успехи?" Долгая и обстоятельная беседа была на Красной Глинке у Н.Д.Кузнецова. Она, в основном, тоже удовлетворила Королева. И уже вечером приехали в обком партии. Там Сергей Павлович информировал А.М.Токарева, А.Т.Шмарева и других товарищей о состоянии дел с "Н-1" и своих впечатлениях от посещения заводов. Это была обычная его манера в организации своих посещений Куйбышева. Хотя и трудная, но деловая обстановка на заводах, доброжелательное к нему отношение, поддержка в обкоме тронули его.

После ужина на Вилоновской 2, С.П.Королев и мы с В.Я.Литвиновым, заведующим отделом оборонной промышленности об-

кома А.И.Калининым, засидевшись за чаем и рюмкой коньяка, обменивались впечатлениями от сегодняшнего дня. Сергей Павлович был в добром настроении, вел нить беседы, подтрунивал над нами. Обстановка, видимо, была такова, что он позволил себе расслабиться. И мы с интересом слушали редкие откровения С.П.Королева. Хочу привести здесь вкратце содержание разговора.

Сергей Павлович часто подчеркивал в беседах свой пожилой возраст, говоря: “Вот, вы ещё молодые...” Эту реплику он повторил и здесь. Тогда Литвинов возразил: “Какие молодые. Разница-то между нами всего 5 лет!” (Королеву, родившемуся на стыке 1906—1907 годов, еще не было и 58 лет). Сергей Павлович как-то сразу погрузился, и, после паузы, с укоризненной улыбкой произнес: “Но какие годы! Из моей жизни надо выбросить 6 лет 7 месяцев и 6 дней! А к моему возрасту их прибавить дополнительно! Такой должен быть счёт”. И, помолчав, продолжил: “Меня арестовали, до сих пор не знаю за что. Прошел Колыму, Хабаровск... Дошел до ручки! Цынга. Выпало 13 зубов, открылись язвы на коже. Чуть тронешь — язва. Ходил еле-еле с палочкой. Думал, — все, жизнь кончилась. Попросил начальника лагеря, он под честное слово отпустил в больницу. Это только название — больница. Как сейчас помню, кое-как добрался до окраины поселка. На взгорке небольшой домик. Вошел. Женщина моет пол. Оказалось, она и есть врач. Приветила меня, оказала первую помощь. И потом я целых четыре месяца провалялся в больнице. Мал-мало подправили. Вот, такие дела, дорогие мои”.

Мы стали расспрашивать, ну, а что было дальше? “А дальше — встал на ноги. Вот, так”, — вновь замолчал, а потом грустно улыбнувшись, продолжил: “Однажды вызвали в Москву, сначала на Лубянку. Там беседа (провели со мной “подготовку”) — “Вас примет Иосиф Виссарионович. Надеемся на Ваше благоразумие. Вряд ли Вам стоит задавать вопросы товарищу Сталину и распространяться о прошедших годах. Ну, я, конечно, подтвердил, что не буду. Меня приодели, подчистили и отправили в Кремль. Беседа у Сталина продолжалась долго. Говорил я о многом. В основном, о делах прошлых и настоящих. Он слушал внимательно, не перебивая. Иногда задавал вопросы. Вот так было”. (О каких прошлых и будущих делах шла речь у Сталина, Сергей Павлович не сказал. Можно считать, что говорили о деле. Больше развивать эту тему он не стал. Значительно позже, уже из открытых публикаций стало известно, что арестован С.П.Королев был в январе 1938 г., а освобожден в августе 1944 г. И сразу включился в работу. С августа 1946 г. — он в Подлипках).

Я спросил Сергея Павловича: “Как пошли у Вас дела поначалу?” Он ответил: “Как? Под контролем. Работа и работа. Первые шаги. Удачи и неудачи. Потом успех. Сначала “Р-5”, затем “Р-7”, а дальше — Вы все знаете”. Вот такая была единственная беседа, когда С.П.Королев позволил себе немного приоткрыть тяжелые для воспоминаний годы своей ссылки.

Потом наш разговор перешел на перспективу. Он оживился, стал, как обычно говорить напористо, конкретно: “Наша задача жать и жать на “Н-1”. Впереди 50-летие Октября. Год знаменательный. Мы обязаны к этому времени быть первыми на Луне. Это наипервейшая цель страны, нашей системы. Американе (именно так он называл американцев) готовят “Сатурн-5”. Нам надо “Ивана” доставить раньше. Задача в том, чтобы в 1966 году начать полеты “Н-1”. В июле этого года (1964) послать в космос два экипажа. Две тройки. Состав примерно такой: космонавт, научный работник, врач. И затем: космонавт, научный работник, журналист”. Такие тогда были задумки у Королева.

Мы стали сетовать на то, что до сих пор нет официального решения Правительства по “Н-1”. Работа идет на инициативе и патриотизме Куйбышевских заводов. Проект постановления уже второй год гуляет по этажам и кабинетам центральных ведомств в Москве. “Да, это так, — подтвердил Сергей Павлович, — я очень доволен нашими отношениями с властями и заводами Куйбышева. Пониманием, доверием, помощью в делах. Но, ведь знаете, как у нас. Попадет бумага к какому-нибудь Ивану Ивановичу. Он ведь мало смыслит в тонкостях дела, но для того, чтобы оправдать свое место, возьмет, на определенном этапе, и вычеркнет самое нужное. И что удивительно, концов не найдешь, кто и когда это сделал”. Затем С.П.Королев поделился дальнейшими планами: “Имейте в виду, будем осваивать ремонтные работы на орбите. Через год начнем осуществлять выход в открытый космос, в скафандрах. Вот какие стоят серьезные задачи. Надо обживать космос. Придет время, будем летать в космос по профсоюзным путевкам”.

Такой разговор состоялся в ночь на 25 апреля 1964 года в Куйбышеве. Я его записал на другой же день. Многие из того сбылось, а что не сбылось, тому причина — внезапный, неоправданно ранний уход из жизни великого человека С.П.Королева.

Следующий приезд Сергея Павловича состоялся в июне этого же года. Тогда из Москвы во главе с С.А.Зверевым, председателем Госкомитета СССР по оборонной технике, прибыла к нам большая группа специалистов, ученых, в том числе М.В.Келдыш. Это была своего рода инспекторская поездка. Как и всегда, поехали по

заводам. Я с ними. Чувствую, что настроение у обоих главных гостей неважное. Сергей Павлович напирал на то, что заводы активно включились в работу, налицо успехи. А Сергей Алексеевич, тоже не лыком шит, указывает на недостатки. Отмечает, что дело движется медленно, ещё нет гарантии на успех, так как ни конструктивно, ни технологически многие агрегаты и сам двигатель не доведены до требуемых кондиций. По пути на Красную Глинку, заехали на испытательный комплекс (Винтай), осмотрели стенды, а затем к Н.Д.Кузнецову. Там собрались все директора, и состоялся заключительный разбор.

Николай Дмитриевич, верный своим принципам, доложил все объективно. Да, двигатели конструктивно и технологически находятся в стадии доводки. Но тенденции после проведения огневых испытаний обнадеживающие — характеристики каждого последующего двигателя все больше вписываются в “квадрат” допустимого разброса. Вопрос времени и числа испытаний, но изделий не хватает. Причина ясна: заводы работают на собственный риск. До сего времени нет постановления Правительства, а, следовательно, материальных и финансовых ресурсов. Это вопрос Москвы. Решите его.

Затем высказались проверяющие и консультанты из свиты С.А.Зверева с “уточнениями”, напирая на ошибки и просчеты КБ и заводов. Опираясь на эти доводы и личные впечатления, критически вел совещание С.А.Зверев. Более нейтрально выступил А.Д.Конопатов и М.В.Келдыш. Грубо обрушился на “советчиков” В.П.Мишин. Нервно повел себя и Сергей Павлович. Выразив несогласие с доводами Зверевской команды, он в то же время основной гнев обрушил на директоров. Навалился на Комиссарова, директора завода № 525, срывавшего поставку камер сгорания. Но больше всех досталось Л.С.Чечене, директору моторного завода.

С.П.Королев упорно требовал от него значительно увеличить поставки двигателей на испытания. Тот сопротивлялся, доказывая, что не может выполнить заданный график. Королев кричал на него: “Назови цифру, что ты можешь!” Чеченя отнекивался: “Я не знаю, какие предстоят конструктивные изменения. Получу чертежи от Кузнецова, тогда назову сроки и число двигателей”. Но Королев не унимался, продолжал свой напор. Тогда Л.С.Чеченя вообще замолчал. Это вывело Сергея Павловича из себя, он заорал: “Что ты молчишь! Не можешь открыть рот? Кожи не хватает! Так закрой ж... и скажи!” Но тот не сдался, устоял. С.П.Королев был взбешен. С.А.Зверев закрыл совещание, заявив, что разговор будет завершён в обкоме.

В Куйбышев мы поехали на одной машине. Я сел с водителем, а Зверев и Королев на заднем сиденье. Оба надутые, продолжают слабо перебраниваться. Потом замолчали. Немного отъехав, Сергей Павлович попросил у Сергея Алексеевича валидол и положил таблетку под язык. Аналогично поступил и Зверев. За время пути до Куйбышева немного успокоились. На бюро обкома оба говорили более примирительно. Но разговор и там был непростой. Мне пришлось прямо, без обиняков высказать нашу позицию: “В Куйбышеве при поддержке СНХ и обкома партии сделано много, без какой-либо помощи Центра. На тематику “Н-1” работают более десяти заводов. Дело ведут с энтузиазмом, без оглядки. Но нельзя же упрощать вопрос. От нас требуют конкретику, а сколько ещё неясного. До сих пор ОКБ-1 не дан ответ, сколько же двигателей будет на первой ступени? Нет многих чертежей. Не ясна программа доводки двигателей, в комплекте нет крупных стендов для огневых испытаний. Второй год блуждает в Москве проект постановления Правительства. Следовательно, нет денег, нет материальных ресурсов. Заводы в долгах, на картотеке. Такова реальность. Она требует ответа, а не крика и всяких проверок”.

В итоге, после выступлений других товарищей, согласились, что в Куйбышеве развернулась огромной важности работа, технически очень сложная, прямо влияющая на престиж страны в освоении космоса и нужно сделать все, чтобы ускорить решение вопросов, о которых шла речь.

Куйбышевская разборка проблем “Н-1” не прошла даром. В июле состоялось заседание ВПК Совмина СССР. Приняты положительные решения. Проект постановления был внесен в ЦК КПСС. Затем, в конце июля, группу конструкторов во главе с С.П.Королевым, в том числе и Н.Д.Кузнецова, принял отдохавший в Пицунде Н.С.Хрущев. Ему доложили ряд предложений по развитию ракетостроения, включая и задачу создания комплекса “Н-1”. Документ по “Н-1” был подписан. Определена цель — посадка корабля на Луне, высадка экипажа, возвращение на Землю. Срок 1967—1968 годы. Одновременно было принято решение об облете Луны на корабле с экипажем в 1966 году, используя ракету-носитель В.Н.Челомея. Вот так тогда “шел процесс”.

Н.Д.Кузнецов потом так рассказывал об этой встрече. Когда они прибыли на дачу в Пицунде, Никита Сергеевич плавал в открытом бассейне. Их пригласили подойти к бассейну. Хрущев, не вылезая из воды, поздоровался и пригласил поплавать — пожалуйста, не стесняйтесь. Но конструкторы отказались, нет, мол, с собой плавок. (А сами, после возмущались, какое же барство и цинизм). Потом про-

шли на дачу и там в зале обсуждали с Н.С.Хрущевым все проблемы. И хотя итоги были благоприятными, у многих остался негативный осадок от такого поведения “нового вождя”.

Уже 6-го августа С.П.Королев с группой ответственных работников СНХ Союза, ВПК и Госкомитетов по оборонной и авиационной технике вновь прибыл в Куйбышев. Сергей Павлович в отличном настроении. Часто возвращается к принятому решению о комплексе “Н-1”, вспоминает детали встречи в Пицунде. О “диком” приеме их Н.С.Хрущевым в бассейне. Но говорит об этом без злости, с юмором. Рассказывает в лицах о попытке Хрущева показать свою “осведомленность” в вопросах ракетостроения. Однако, главная задача Королева это рассеять у нас, особенно заводчан, всякие сомнения, заручиться согласием и поддержкой в реализации планов производства “Н-1” в установленные сроки. Он высказывает предложения о дополнительной загрузке заводов — изготовлении 4-й ступени ракеты, вызывая у директоров ответную негативную реакцию. Но такая реакция его не смущает, так как это лишь тактический ход. В итоге Королев отказывается от нового задания заводам, тем самым вызывая у заводчан облегчение — слава Богу, что отделались. А, именно это ему и нужно. Тактик и дипломат Сергей Павлович отменный.

В беседах по вечерам, после трудового дня, он вспоминает работу во времена Сталина. Говорит не только о сложностях этого периода, но и об организованности, верности слову, дисциплине и ответственности. Ни одного слова неуважения, обиды в адрес Сталина. Нещадно ругает Берию: “Это такая сволочь, скотина, а не человек”. Видно, что прошлое довлеет над ним, не может Сергей Павлович отодвинуть его в “угол памяти”, оно нет-нет да вырывается. Потом рассказывает о первых космонавтах. Хвалит Юру Гагарина, упоминает о некоторых негативных чертах характера Германа Титова, Вали Терешковой. “Жаль, что слава застилает многим глаза”. Объясняет особенности нового корабля “Восход”. Информировать о планах предстоящих полетов. В этот раз Сергей Павлович приветлив, разговорчив, деятелен. Итогами поездки доволен. Прощались с объятьями, что было для него совсем не характерно. Никогда раньше, тем более позже, я не видел его в таком хорошем настроении.

Памятным был его приезд в марте 1965 года. Тогда произошли серьёзные подвижки с отработкой двигателей у Н.Д.Кузнецова. Это обрадовало Сергея Павловича, он дружески подшучивал над Николаем Дмитриевичем: “Ну, вот, а Вы всё осторожничали, сомневались”. Мне подарил только что выпущенную АПН «Ново-

сти» на русском и английском языках книгу “В скафандре над планетой”, с надписью: “Виталию Ивановичу Воротникову на память о совместной работе. Март 1965 г. С.Королев”. Приезжал он к нам ещё несколько раз.

Но я расскажу о его последнем посещении Куйбышева. Это было в конце октября — 26, 27 и 28 числа. Тогда уже прошла реорганизация управления промышленностью, восстановили отраслевые министерства. К нам прилетела большая группа во главе с министром Общего машиностроения С.А.Афанасьевым, с ним В.Я.Литвинов, недавно назначенный его заместителем, заместитель председателя ВПК Г.И.Пашков, заместители министров авиационной и оборонной промышленности, ответственные работники Госплана и другие. Цель — рассмотреть состояние производства изделия “Н-1”. Встреча на заводском аэродроме суховата. С.А.Афанасьев насторожен, угрюм. С.П.Королев молчалив, сосредоточен, вид усталый, болезненный. Сразу с аэродрома пошли по цехам завода “Прогресс”. Афанасьев впервые на этом, теперь своем, то есть Минобщемаша, заводе. Делает вид, что ничего его здесь не удивляет. Более того, настроен критически. Тон реплик назидательный, придирчивый. Долго ходим из цеха в цех, завод-то огромный. Афанасьев спрашивает, возмущается, отчитывает заводчан. Но не по делу, а по пустякам. Лезет во все закоулки, бытовки, кладовые, вынимает окурки из цветочниц, стряхивает пыль со ступеней. Действия руководителя в ранге министра для нас непривычны. Ни одного вопроса по сути приезда. Это создавало напряжённую атмосферу. Шли по цехам медленно, за нами толпа приезжих. Рабочие в цехах смотрят с улыбкой, тепло здороваются с Сергеем Павловичем, Виктором Яковлевичем (своим бывшим директором), указывая на крупную фигуру Афанасьева, спрашивают: “А это кто?” Осведомлённые объясняют: “Наш новый министр”. Время идет, график пребывания срывается.

С.П.Королев нервничает. Мы идем с ним рядом, впереди группы, пытаемся своим примером ускорить движение, подтянуть Афанасьева. Но тот демонстративно идет медленно. Мы вынуждены сдерживать шаг, возвращаться, вмешиваться в разговор и вновь тянуть вперед... Сергей Павлович возмущен. Обращается ко мне: “Вот, всегда так. Лезут в санузел, под верстаки, а времени разобратся с делом, с конструкторами, с производством нет. Это типичная школа “дяди Мити”. Разве это дело Министра?!” (Вряд ли реплика эта в адрес Д.Ф.Устинова справедлива, подумал я. Раздражительность Сергея Павловича можно было объяснить его болезненным состоянием и бестактностью С.А.Афанасьева). Проходя впе-

ред, С.П.Королев часто присаживается, как-то бочком, на контейнер или ящик. Прислоняется к стапелю. Это не в его манере. Я не выдержал, спросил его о здоровье. “Да, — говорит, — есть причина. Прихватил интеллигентную болячку. Приеду, буду проходить проверку. Всё некогда, а врачи торопят”. Этим и ограничился.

После короткого общего разговора у директора “Прогресса” вся группа направилась на другие заводы. Сергей Павлович не поехал, а конец дня провел в КБ у Н.Д.Кузнецова. Вечером встретились с ним в гостинице, обменялись впечатлениями. Он немногословен, утомлен. На другой день, по предложению С.П.Королева, они все на “Ракете” отправились по Волге в Сызрань на завод “Тяжмаш”. Я с ними не поехал. Вечером самолетом вернулись в Куйбышев. В обкоме состоялся большой и острый разговор по всем проблемам “Н-1”. Были директора и главные инженеры заводов. Докладывали: Кузнецов, Проценко, Ельшин, Белослудцев и другие. Сергей Павлович в обычной манере давил на “Прогресс”, требовал от главного инженера Проценко согласия сдать первый комплект блоков в феврале 1966 года. Сборку блоков вести пока с технологическими двигателями. Товарные изделия сдавать по одному в квартал. Проценко отбивался. Его поддержал В.Я.Литвинов. Тогда Королев обрушился на него: “Вы молодой замминистра. Вы ещё чувствуете себя директором. Следует ответственнее делать заявления, прислушиваться к нам, старикам.” Несколько оттягивал сроки и Чеченя. Но, после очередного нажима уступил, чем очень обрадовал Королева, более того пообещал помочь 525-му заводу с камерами сгорания. В итоге многочасового совещания пришли к согласию. В обкоме оттаял и С.А.Афанасьев.

В особняке на Волжском берегу (его зовут в народе Домом космонавтов) поужинали в довольно спокойной, примирительной обстановке. У Сергея Павловича настроение несколько улучшилось. Но он, всё-таки, был явно не в себе. Вид болезненный. Мало ел и не пригубил ни рюмки. На другой день они улетели. Мы, обсуждая итоги визита, отметили нездоровье С.П.Королева. Д.И.Козлов подтвердил, что Сергея Павловича уже длительное время беспокоят боли в прямой кишке. Вероятно полипы. От врачей отмахивается. Но, сейчас, как будто настроился на обследование. Так обстояло дело в конце октября 1965 года.

И, вот, 14 января 1966 года, во второй половине дня, потрясшая всех нас весть — умер С.П.Королев. Мне позвонил А.М.Токарев, ему сообщил об этом только что Д.И.Козлов. Это было примерно в 18.30 вечера. Я немедленно связался по ВЧ с В.П.Мишиным, В.Я.Литвиновым и Г.А.Тюлиным. Василий Павлович рассказал, что

боли в районе прямой кишки стали беспокоить Сергея Павловича ещё год назад. Обнаружили полипы. От операции он отказался. Полипы стали кровоточить. Применили консервативное лечение, вроде бы стало легче. Последнее время опять появились боли, кровь. Ухудшилось общее состояние, повысилась утомляемость. В декабре С.П.Королев лег на диспансеризацию. Прошел за 10 дней обследование по всем статьям. Решили, что медлить нельзя, полипы следует удалить, нужна операция. Он согласился — после нового года. И 4-го января в нормальном состоянии сам приехал в больницу на подготовку. Операция считалась простой (внешней), полипы якобы на расстоянии всего 12 см. Операцию вели под руководством профессора Б.В.Петровского. Срезали полипы — открылось кровотечение. Пошли глубже, то есть расширили операционное поле. (Так в то время я записал со слов Василия Павловича). Из его рассказа я не понял, сразу ли стали делать полостную операцию или после, спустя некоторое время. В ходе этой операции, под общим наркозом, определили — саркома. Решили делать радикальную чистку. Оперировали почти 6 часов. Что отразилось на сердце. Операцию завершили, примерно, в 15 часов. Сергей Павлович пришел в себя. Но через час ему стало хуже, резко упало давление, сердечная недостаточность. Принимаемые меры не помогли.

Через два дня 16 января было опубликовано сообщение о кончине Главного Конструктора космических ракет С.П.Королева. А 18-го числа состоялись похороны на Красной площади в Кремлевской стене. Только тогда наша страна и весь мир узнали, кто такой был С.П.Королев! Какова его роль в ракетостроении и освоении космоса! Всемирная слава пришла к нему, к сожалению, после смерти. При жизни сверхсекретность окружала его имя, как имена и многих других великих ученых советской эпохи. И я счастлив, что судьба свела меня на несколько лет с этим истинным самородком земли русской, великим ученым, конструктором и человеком.

Чтобы завершить космическую тему в моих записках, скажу следующее. Руководителем ОКБ-1 после С.П.Королева был назначен его преемник В.П.Мишин. Он невыносимо тяжело переживал кончину Сергея Павловича. Это, по-моему, наложило отпечаток на всю его последующую деятельность. Естественно, он не мог заменить такую личность, как Королев. Человек эмоциональный, взрывной, не сильно наторевший в чиновных интригах, он быстро испортил отношения с властями и коллегами. По опыту Королева В.П.Мишин часто бывал в Куйбышеве. Проводил разборы хода работ по “Н-1”. Но проблемы не убавлялись. Было много споров

у него с Н.Д.Кузнецовым, что только усугубляло сложности в освоении изделия.

В связи с избранием меня в начале 1967 года председателем облисполкома я невольно отошел от дел оборонной промышленности. Знал обстановку лишь в общих чертах. В 1968—1969 годах начались первые летные испытания носителя “Н-1”. Пуски были неудачными. При разборе причин аварий участники не всегда приходили к объективным выводам, превалировали престижные тенденции, стремление найти недостатки друг у друга. Роль объединительного лидера В.П.Мишину выполнить не удалось. Со всеми он переругался. После полета американских астронавтов на Луну в июле 1969 года интерес руководства страны к комплексу “Н-1” стал угасать.

Между Минавиапромом (Дементьевым) и Минобщемашем (Афанасьевым) отношения испортились. Оба они навалились на ОКБ-1, да и сам Василий Павлович давал для этого повод. Неудачи выбили его из колеи. В 1974 г. В.П.Мишин был освобожден от работы. ОКБ-1 объединили с КБ В.П.Глушко. Его и назначили руководителем объединенного комплекса, названного НПО “Энергия”. Тему “Н-1” закрыли.

12 января 1987 г. Колонный Зал Дома Союзов. Торжественное заседание, посвященное 80-летию С.П.Королева. Доклад академика В.А.Котельникова. Выступили Герман Титов, академик Бармин и др. Была дочь Сергея Павловича С.С.Королева. Она в марте 1986 г. была у меня в Совмине. Подарила книгу «Творческое наследие С.П.Королева» с надписью: «Глубокоуважаемому Виталию Ивановичу на добрую память о моем отце».

И подпись. «Лауреат Государственной премии СССР, доктор медицинских наук, профессор С.Королева. 11.03 86 г.».

XXIII съезд КПСС. Делегаты от Куйбышевской областной организации В.И.Воротников, Н.В.Огарков, А.М.Токарев, Н.М.Ляшко. Москва, Кремль 1966 г.

Н.В.Огарков и Р.Кастро во время визита на Кубу в феврале 1981 г.

Фидель Кастро и маршал СССР Н. В. Огарков посетили передовую молочную ферму в провинции Гавана. Беседа с детьми поселка, окружившими гостей.
Куба, февраль 1981 г.

Ф. Кастро знакомит Н. В. Огаркова с предприятием министерства обороны Кубы, февраль 1981 г.

Вечер, посвященный 70-летию В.И.Воротникова.
Б.И.Стукалин поздравляет юбиляра, январь 1996 г.

Б.И.Стукалин на квартире у Леонида Леонова. Москва, 1996 г.

Б.И.Стукалин представляет на презентации книгу В.И.Воротникова
“Гавана — Москва”. Воронеж, 1999 г.

У полуразрушенного дома деда В.И.Воротникова, фото на память.
В центре Б.И.Стукалин, В.И.Воротников.
Воронежская область с. Кр.Лиман, сентябрь 2002 г.

А.Н.Туполев, маршал авиации П.С.Кутахов, министр авиационной промышленности П.В.Дементьев на авиационном заводе.

Посещение Воронежского авиационного завода делегацией Кубы во главе с Ф.Кастро и А.Н.Косыгиным. Фотоусборочного цеха. Слева: К.Ф.Катушев, П.В.Дементьев, В.И.Воротников, А.Н.Косыгин, А.А.Туполев, Ф.Кастро, Б.М.Данилов. 1 июля 1972 г.

Виктор Иванович
Муравленко

Вперерыве между заседаниями
сессии ВСССР —
встреча с В.И.Муравленко, 1965 г.

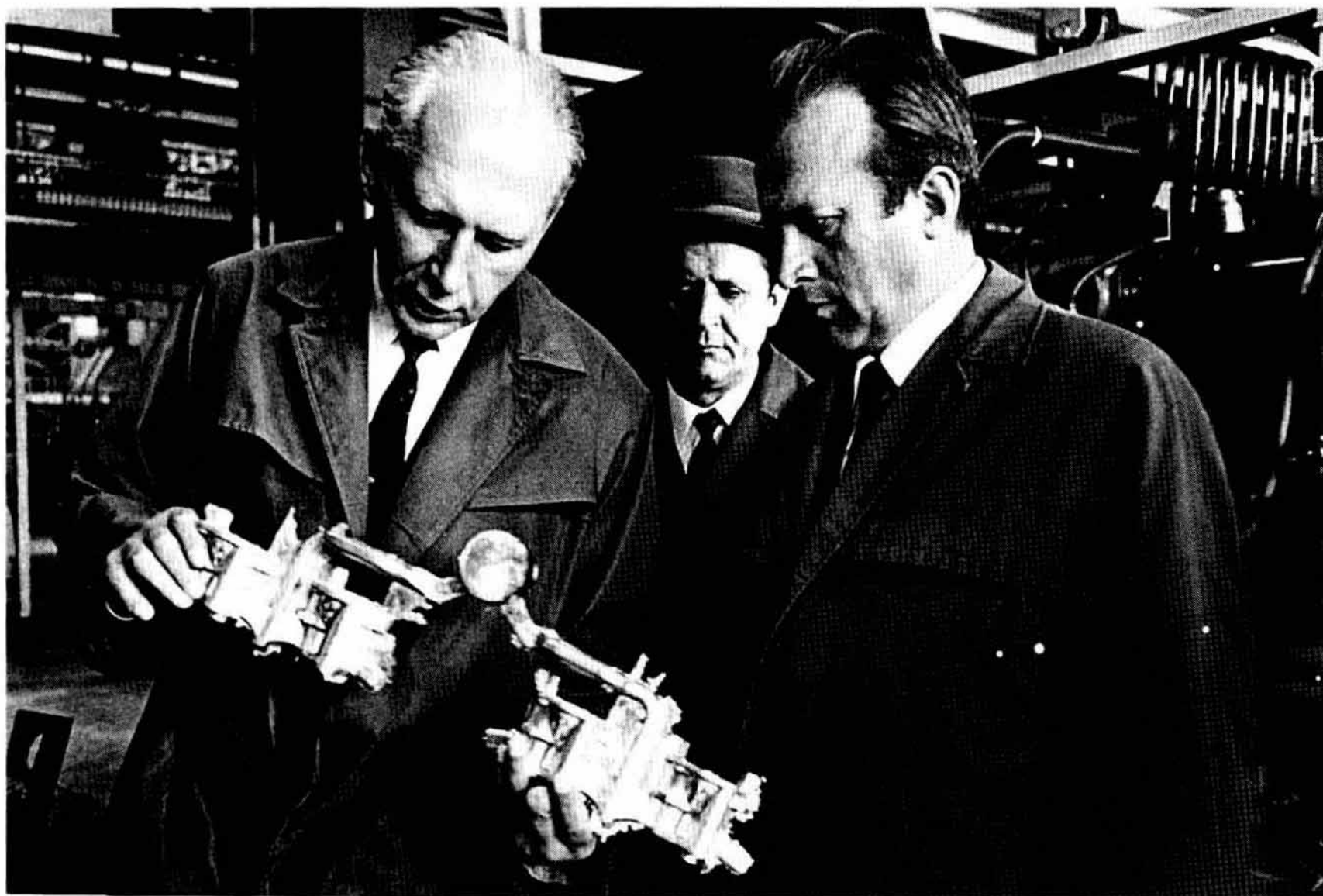

На совещании работников нефтегазовой отрасли, посвященном 30-летию
Куйбышевской нефти. В президиуме: Н.К.Байбаков, М.Т.Ефремов,
В.Д.Шашин, В.И.Муравленко, Д.А.Такоев, В.П.Орлов,
В.И.Воротников и другие. Куйбышев, март 1969 г.

На снимке слева направо: В.Н.Орлов, В.Н.Поляков, М.Н.Фаршатов,
А.Н.Косыгин. г. Тольятти, ВАЗ, 1970 г.

Секретарь ЦК КП Словакии И.Лепарт на ВАЗе. В.И.Поляков — объясняет.
В центре В.И.Воротников. г. Тольятти, ноябрь 1970 г.

На строительной площадке Волжского автомобильного завода.
Справа: В. И. Воротников и А. М. Тарасов, министр автомобильной
промышленности СССР. г. Тольятти, 11 апреля 1969 г.

Осмотр строительства жилого района автозавода комиссией В. Н. Новикова.
г. Тольятти, апрель 1969 г.

На Волжском автомобильном заводе,
Президент ФИАТа Д.Аньелли.
г.Тольяти, июнь 1970 г.

Характерная манера В.Н.Полякова писать на коленке.

Генеральные конструкторы А. Н. Туполев и С. В. Ильюшин у самолета ИЛ-62.

А. Н. Туполев и Ю. А. Гагарин на сессии Верховного Совета СССР.

А.Н.Туполев среди работников ЦАГИ в г. Жуковском. 1970 г.

На отдыхе: чета Туполевых, И.В.Курчатов, Д.Ф.Устинов. Ялта, 1958—1959 гг.

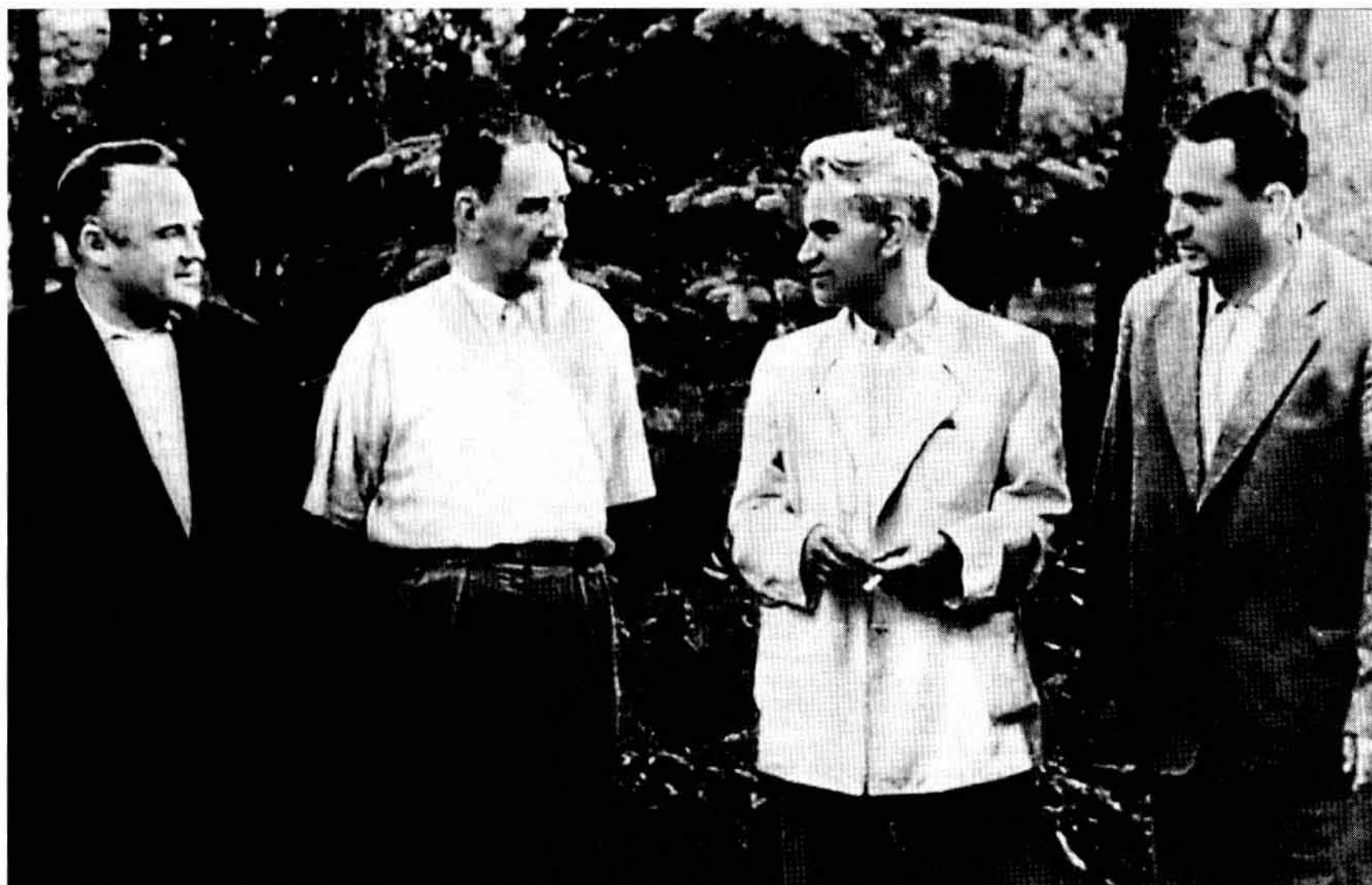
Обошедшее весь мир фото С.П. Королева и Ю.А. Гагарина было сделано в Куйбышеве, на Волжском откосе у дома, где заседала государственная комиссия, в августе 1962 года.

На Волжском откосе. Фото после заседания государственной комиссии.
В.П. Глушко, Д.И. Козлов, С.П. Королев, В.Я. Литвинов, К.Н. Руднев,
А.С. Мурысев, В.И. Смирнов, Б.М. Данилов и др. Куйбышев, 13 апреля 1961 г.

После заседания государственной комиссии по результатам полета в космос Ю.А.Гагарина. Беседуют К.Н.Руднев, С.П.Королев, Ю.А.Гагарин, А.С.Мурысев, Н.П.Каманин. Куйбышев, 15 апреля 1961 г.

На снимке слева направо:
С.П.Королев, И.В.Курчатов, М.В.Келдыш, В.П.Мишин.

После заседания государственной комиссии, подводившей итоги полета в космос Г.Титова. В первом ряду: И.М.Буров, А.С.Мурысев, Ю.А.Гагарин, Г.С.Титов, А.М.Токарев, во втором ряду: В.И.Воротников, И.Г.Павловский, Ген.Агальцев, В.Ф.Ветлицкий. Куйбышев 8 августа 1962 г.

Н.Д.Кузнецов и А.А.Туполев, 18 января 1989 г.

Н.Д.Кузнецов. Генеральный конструктор
авиационных двигателей

Н.Д.Кузнецов

А.Н.Туполев в день 60-летия
Н.Д.Кузнецова подарил ему свое
фото с надписью:

“Нашему блестящему конструктору, новатору, автору не имеющих себе равных
“на Земле” турбовинтовых двигателей и двухконтурных реактивных двигателей в
знак глубокого уважения и благодарности за совместную работу по созданию
советской авиации”.

Н.Д.Кузнецов в ОКБ беседует с Д.Ф.Устиновым, 1980 г.

Виталий Шамович
 Юрий Яковлевич
 14.03.80
 Саварча

Зорислав
 Александр
 Юрий
 Владимир
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр
 Александр

Космонавты СССР на Кубе.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ КУЗНЕЦОВ

В первой половине мая 1995 года я приехал на лечение и отдых в подмосковный клинический санаторий «Барвиха». Буквально на следующий день, прогуливаясь по лесным дорожкам санатория, обратил внимание на высокого, пожилого человека, медленно идущего мне навстречу, тяжело опираясь на палку. Подойдя поближе, я узнал — да, ведь это же Николай Дмитриевич Кузнецов, давний и добрый товарищ.

Мы сердечно поздоровались и потихоньку пошли рядом. Вид у него был болезненный. Несмотря на хорошую майскую погоду, он был довольно тепло одет. Конечно, разговор пошел сначала о здоровье. Николай Дмитриевич на мой вопрос, с присущим ему юмором и Кузнецовской полуулыбкой, ответил: «Вот прохудился, была операция, вырезали что-то лишнее, теперь после больницы здесь в «Барвихе», на реабилитации. Пока слаб, учусь ходить, — пошутил он, — ну, да ничего, врачебное внимание и заботы хорошие — зарастет».

Знакомы мы были с академиком Н. Д. Кузнецовым — Генеральным конструктором авиационных двигателей — давно, с середины 50-х годов. Тогда на авиационном заводе в Куйбышеве, где я работал начальником крупного механосборочного цеха, поставлявшего в агрегатные и сборочный цеха изделия систем управления и безопасности самолета, а с 1955 г. парторгом ЦК КПСС. На заводе шло освоение производства самолета-ракетоносителя ТУ-95, на котором впервые были установлены новые сверхмощные турбовинтовые двигатели НК-12МВ конструкции ОКБ, которое с 1949 года возглавлял Николай Дмитриевич. И регулярно в цехе окончательной сборки и на ЛИСе, после наземных и летных испытаний систем, главным инженером или директором завода проводились разборы с участием руководителей ведущих цехов и представителей ОКБ. Часто в работе совещаний, разборов результатов испытаний принимали участие А.Н.Туполев и Н.Д.Кузнецов.

Там я и познакомился с Николаем Дмитриевичем. Проблем с самолетом и двигателями на первых порах было немало. Совещания проходили бурно, в спорах, дискуссиях. Разбирались неполадки, выявлявшиеся в ходе отработки машин, принимались решения. То есть шла обычная напряженная работа, характерная для предприятий и ОКБ, работавших на оборону.

Наши отношения не превышали обычных деловых контактов. Но и тогда молодой, элегантный руководитель ОКБ с Красной Глинки, расположенного, кстати, недалеко от Куйбышева, корректно и в то же время напористо, бескомпромиссно, четко и доказательно отметал нападки оппонентов и умело защищал достоинства своего «детища» — двигателя. Н.Д.Кузнецов быстро завоевал авторитет у выдавших виды заводских специалистов и рабочих. Жизнь потом подтвердила, что и самолет, и двигатель по основным показателям далеко превзошли ожидаемое. С учетом дальнейших модификаций они побили все рекорды по надежности и продолжительности эксплуатации. И до сих пор, спустя пятьдесят лет, нет в мире более мощного турбовинтового двигателя и надежного по летным данным самолета.

Позже, в 60-е годы, работая заведующим Отделом оборонной промышленности и вторым секретарем Куйбышевского обкома КПСС, курируя промышленность, мне посчастливилось ближе узнать Николая Дмитриевича. И у нас сложились теплые, товарищеские отношения. Не прерывалась связь с ним и в последующие годы, когда я был направлен в Москву, в Правительство РСФСР.

Вот и теперь, встретившись в санатории, мы почти ежедневно, прогуливаясь после процедур, говорили обо всем, больше, конечно, предаваясь воспоминаниям о прошлом, обсуждали и нынешнюю драматическую ситуацию, в которой оказалась наша страна, особенно её оборонные отрасли промышленности. Эта тема, естественно, больше тревожила нас. На первых порах Николаю Дмитриевичу было ещё трудно вести беседу, тем более на ходу, да и темы были уж больно волнительны. Поэтому мы нередко умолкали и молча шли рядом, успокаиваясь, наслаждаясь погодой, весенним лесом, птичьим многоголосьем.

Следуя совету врачей, он гулял часто, по несколько раз в день, постепенно удлиняя прогулки и ускоряя шаг. И было приятно видеть, как к нему возвращались силы. Спустя две недели Николай Дмитриевич как-то обронил, что заживление операционного шва идет хорошо и, что не только субъективно, но и объективно дело идет на поправку.

Беседы наши продолжались. Основная тема — близкие его сердцу авиация, ракетная техника, академическая наука, родное КБ и завод. Говорили о прошлых проблемах, как зарождались и нелегко «пробивались» проекты, о дискуссиях и жарких спорах в разных высоких инстанциях. О некоторых просчетах и ошибках, признание и исправление которых, в конечном счете, приводило к успе-

ху. О том, какими быстрыми шагами двигалась вперед отечественная наука, как крепла оборона и безопасность нашего государства.

Однако какими незначительными казались нам сегодня, на фоне катастрофического обвала всех отраслей промышленности, прошлые проблемы, трудности и просчеты. Истинно, всё познается в сравнении.

Ведя беседу о тех или других эпизодах наших прошлых встреч, посвященных коллективному разбору технических или организационных проблем, позиции кого-либо из его оппонентов (Главных конструкторов, руководителей министерств и ведомств, партийных деятелей и хозяйственников), я иногда невольно, по памяти, допускал ошибки в деталях и Николай Дмитриевич деликатно поправлял меня, уточнял эти моменты. Меня поражали всегда его феноменальная память и щепетильное отношение к любым неточностям, особенно технического характера, но и не только. Сохранил он эту принципиальность и сейчас, несмотря на пожилой возраст и тяжелое заболевание. Это восхищало.

К концу пребывания в «Барвихе», во всяком случае, внешне, Николай Дмитриевич Кузнецов явно окреп, улучшилось его настроение, стал более активен, улыбчив. Однажды, после его шуточного замечания в адрес окружавших нас в санатории отдельных персонажей, я напомнил такой эпизод. Перед заседанием бюро обкома он зашел ко мне, и после короткой беседы я спросил: «Николай Дмитриевич, а чем завершилась очередная поверка КБ московской комиссией?» В ответ: «Как всегда, причинили помощь». И долго смеялся своим негромким, тонким смехом.

И сейчас, вспомнив эту фразу, Николай Дмитриевич заулыбался, подтверждая этот факт. Можно привести немало других его крылатых выражений, которые тут же расходились в коллективе КБ, любившем своего генерала.

Как-то за дневным чаем, я подсел к его столику в полупустой столовой и мы долго беседовали о том, как складываются дела на Красной Глинке. И хотя по форме он вроде бы и не отвечал за КБ и завод, но, по существу, Н.Д.Кузнецов продолжал жить интересами своего коллектива. Обычным своим размеренным, негромким голосом, четко, образными фразами он логично выстраивал беседу. Говорил, как болит душа, что разваливается, рушится с таким трудом созданный за многие годы коллектив, нет настоящего дела. Как бьются нынешние руководители, чтобы загрузить конструкторов и рабочих, удержать кадры великолепных специалистов. Вспоминал этапы развития родного КБ и завода, сотрудничество с такими выдающимися деятелями советской науки, как

А.Н.Туполев, С.В.Ильюшин, С.П.Королев, М.В.Келдыш. Тепло, с тонким юмором говорил о некоторых министрах, ответственных работниках ЦК КПСС и обкома партии, которые «причиняли помощь». И подытожил словами: «Какое было беспокойное, интересное время!»

На другой день Николай Дмитриевич уезжал из «Барвихи». За ним приехала дочь Татьяна. Мы сидели с ней у выхода из корпуса санатория, оживленно беседовали, вспоминая прошлые встречи и времена. Татьяна с удовлетворением говорила, что пребывание отца в санатории пошло ему на пользу, что он доволен результатами лечения.

Вскоре вышел Николай Дмитриевич, она пожурила его за то, что не позвал её, а сам нагрузился саквояжем, сумками, свертками. Он отшутился: «Ничего, это легко». Мы с женой тепло и сердечно попрощались, они сели в машину и уехали.

Ничего тогда не предвещало трагического конца.

И вот, через два месяца сообщение — не стало Н.Д.Кузнецова. Эта весть потрясла нас. Я позвонил на квартиру. Зять Николая Дмитриевича подтвердил это печальное известие, сказал, что похороны состоятся 3 августа. И в этот день близкие, друзья и товарищи из многих уголков страны собрались в траурном Зале Центрального Дома Армии, чтобы проститься с выдающимся советским ученым, талантливым конструктором, умелым организатором и воспитателем, создавшим великолепный творческий коллектив, академиком Николаем Дмитриевичем Кузнецовым, русским интеллигентом, патриотом нашей Отчизны.

В эти траурные и последующие дни я вновь и вновь возвращался к личности Н.Д.Кузнецова, прокручивая в памяти многие моменты встреч и бесед, жарких споров, страстных разборов проблем, возникавших при анализе причин сбоев или ошибок в производстве, испытаниях авиационной и ракетной техники или организационных неполадках. Говорили мы и о принципиальных вопросах развития авиационной и ракетной техники, а также о политике, экономике, вообще о жизни. И всегда мнение Николая Дмитриевича, чего бы ни касался его незаурядный ум, было принципиальным, профессиональным и неординарным. Высказывался он четко и прямо, не позволяя трактовать свое мнение превратно.

Жизненный путь Н.Д.Кузнецова был типичным для людей его поколения. Сельский паренек в 15 лет познавший труд совхозного слесаря, тракториста, осуществил свою мечту учиться, стать специалистом. Он поступил в московский авиационный техникум и совмещал учебу с работой на заводе. Затем по путевке ЦК ВЛКСМ, как отличного студента, активного и авторитетного комсомольца

его направляют на учебу в первый тогда авиационный ВУЗ — Академию ВВС им. Жуковского.

Учеба Николая Кузнецова в вузе пришлась на начало 30-х годов — нелегкое для страны время. В одном интервью, данном им в 1981 г. Николай Дмитриевич вспоминает: «Жили тогда трудно, особенно вначале, — общежития не было, первую зиму ночевали на вокзалах, на чердаках, иногда и в ночлежках. Вторую зиму в недостроенном здании МАИ. Потом отыскали пустующий подвал. Сами очистили его от хлама и мусора, отремонтировали и справили новоселье. Трудно было и с питанием, — стипендия небольшая, вот и приходилось подрабатывать, — разгружать на путях вагоны. Но учились активно, старались изо всех сил.

Но нехватки, трудности объединяли нас, учили делиться последним куском хлеба. Это были очень суровые и, думается, полезные университеты. Они развили в нас способность не пасовать перед трудностями, добиваться поставленной цели».

В 1938 году Н.Д. Кузнецов заканчивает Академию и его оставляют там же, в аспирантуре. Через три года он защищает кандидатскую диссертацию. Начинается долгий и тернистый путь инженера-конструктора. Война не прошла для Николая Дмитриевича стороной. В 1942 году он на фронте — старший офицер дивизии в составе 6-й воздушной армии. Но специалисты нужны не только в войсках, но и в тылу, на оборонных заводах. Его направляют на авиационный моторный завод № 26 в Уфу. Вскоре Н.Д.Кузнецов становится заместителем Главного конструктора завода, а с 1946 года, в 35 лет — Главным конструктором. В 1949 году новое назначение — Главным конструктором и ответственным руководителем завода № 2, который на долгие годы стал его причалом.

В своей инженерной и научной деятельности Н.Д.Кузнецов авиационник, выдающийся, талантливый конструктор авиационных двигателей. Новатор, первопроходец в создании принципиально новых силовых установок для самолетов. Это первый и самый мощный в мире турбовинтовой двигатель на самолетах Ту-95, Ту-114 и Ан-22, первый и самый мощный в мире двухконтурный (турбовентиляторный) двигатель на самолетах Ту-154, Ил- 62 и Ил-86 и так далее.

Именно в пору освоения и серийного производства самолета Ту-95 на Куйбышевском авиационном заводе № 18 и состоялось мое знакомство с Николаем Дмитриевичем, о чем я упоминал в начале рассказа. Хочу с гордостью сказать, что за участие в организации серийного производства этой машины я, как начальник цеха, среди других товарищей нашего завода, был удостоен высокой и первой своей государственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Итак, повторяюсь ещё раз, — основное призвание Н.Д. Кузнецова, — это разработка конструкций двигателей для самолетов. Однако не совсем верным будет считать, как пишут некоторые авторы, что к ракетной технике он приобщился в конце 50-х годов. Уже с самого начала своей деятельности конструктор Николай Дмитриевич использует в самолетных двигателях элементы, принципы ракетных двигателей. Так в ОКБ завода № 26 он участвует в разработке реактивных двигателей для «Яков» и «МИГов» — самолетов, принимавших участие в воздушном параде 1947 года в Тушине. Использует газовую турбину высочайшего КПД в конструкции двигателя НК 12МВ мощностью 15000 л.с. В двухконтурном турбовентиляторном двигателе НК-8 для форсирования тяги на взлете применяет форсажную камеру и т. д.

Совершенно ясно, что такой «впередсмотрящий» ученый и конструктор, как Н.Д.Кузнецов не мог остаться в стороне от бурно развивавшегося, находившегося под патронажем руководства страны, ракетостроения. Считалось, что именно ракеты способны обеспечить безопасность страны от нашего потенциального противника — США. И, возможно, даже вопреки установке Минавиапрома, КБ-2 начинает работу над проектом принципиально новых, работающих по замкнутой схеме, мощных ЖРД на компонентах кислород-керосин.

Тематика работ Н.Д.Кузнецова заинтересовала С.П.Королева, у которого к концу 50-х годов все более расходились взгляды с давним союзником и оппонентом В.П.Глушко по принципиальным вопросам развития двигателестроения для ракет, считавшим жидкий кислород неперспективным для ЖРД. Королев же делал ставку на “кислородный” вариант, отказываясь от высокотоксичных и опасных “кислотных” двигателей Глушко.

Понято, что С.П.Королев стал искать для своего ОКБ-1 другого союзника — двигателиста. Не знаю, были ли они с Кузнецовым знакомы до этого? Вероятнее всего, что знакомы были, но не более. Со слов знающих товарищей, кандидатуру Н.Д.Кузнецова для сотрудничества Сергею Павловичу подсказал А.Н.Туполев.

(Далее, рассказывая о Н.Д.Кузнецове, я вынужден повторить некоторые фрагменты его отношений с С.П.Королевым, которые прозвучали в моем предыдущем материале о Главном Конструкторе С.П.Королеве).

С.П.Королев с 1957 года бывал в Куйбышеве часто. Именно тогда было принято решение передать Куйбышевский самолетостроительный завод № 1 («Прогресс») для организации производства носителей ракеты “Р-7”, а ЖРД В.П.Глушко для этого носителя разместить на авиационном моторном заводе № 24.

Первое посещение С.П.Королевым ОКБ и завода Н.Д.Кузнецова состоялось, по-моему, в 1962 году. К тому времени у Николая Дмитриевича уже был небольшой задел двигателей ЖРД, определена и задействована система проверок, «холодных» испытаний (проливов), готовились первые образцы для огневых испытаний на «Химзаводе», где велось строительство стендов.

Состоялся очень придиричивый и обстоятельный разговор. Н.Д.Кузнецов, как всегда, объективно доложил обстановку. Рассказал о типах ЖРД, их мощности, и предполагаемом их использовании на разных ступенях ракет. Отметил положительные моменты конструктивных решений и недостатки в работе. Главный упор им был сделан на то, что для выхода на серийное производство необходимо значительно большее число как отдельных агрегатов, так и двигателей. Речь идет о надежности, а для этого требуется испытать и сжечь в разных условиях и на различных режимах не десятки или сотни, а тысячи агрегатов и двигателей. Николай Дмитриевич отвечал на многочисленные вопросы Королева и сопровождавших его лиц, демонстрировал графики испытаний, успехи и неудачи. Подытоживая обсуждение, Сергей Павлович сделал заявление, что ОКБ-1 готово сотрудничать с Н.Д.Кузнецовым. Первые результаты испытаний в ОКБ-2 новых ЖРД, более мощных и более безопасных при предполетной подготовке, чем у Глушко, показали, что «кислородные» двигатели имеют хорошую перспективу.

Королев определил примерную программу так: первая партия ракет «Р-9» будет оснащена двигателями Глушко, а затем, по мере готовности, перейти на двигатели Кузнецова. А основная задача это создать мощные двигатели, вернее связки ЖРД для новой тяжелой ракеты, цель которой доставка экипажа на Луну. Опытный завод один не в состоянии решить эту задачу, требуется подключение ряда куйбышевских заводов. Причем каждый из них должен специализироваться на изготовлении конкретных узлов и агрегатов двигателя, а 24-й завод занимается окончательной сборкой.

С.П.Королев остался удовлетворен этой встречей. На беседе в обкоме партии у А.С.Мурысева он рассказал о том, что принял решение делать ставку на сотрудничество с Н.Д.Кузнецовым. Попросил обком партии договориться пока с совнархозом о привлечении на помощь Кузнецову некоторых заводов и взять шефство над этой национальной задачей. Он, со своей стороны, будет добиваться в ЦК и Правительстве специального решения, которое одобрило бы эту тему и выделило на её осуществление требуемые финансовые и материально-технические ресурсы.

Александр Сергеевич согласился с предложением, заявил: «Вопросами промышленности у нас занимается секретарь обкома Виталий Иванович Воротников, вот мы и поручаем ему возглавить эту работу». С.П.Королев заявил: «Отлично. Мы уже с ним встречаемся не впервой. Он полностью в курсе наших дел, в прошлом году побывал у нас в Подлипках. Знает обстановку на оборонных заводах. Как говорится, ему и карты в руки».

Так, под активным нажимом С.П.Королева, не ожидая соответствующего решения Правительства, а, опираясь только на авторитет Главного Конструктора, Куйбышев оказался втянутым в осуществление наитруднейшей космической программы. Совнархоз и обком партии широко развернули на куйбышевских заводах подготовку производства и освоение двигателей для ракеты “Р-9” и “Н-1”, а также для трех ступеней тяжелого носителя “Н-1”.

Главным был определен моторный завод № 24, а привлечены завод № 525, Мехзавод и сталелитейный в Куйбышеве, завод «Тяжмаш» в Сызрани и некоторые другие. Директоры заводов, хотя и ссылались на большую загрузку основной продукцией, однако, с интересом взялись за осуществление новой, невиданной ранее задачи — создание сложнейшего комплекса — мощной ракеты “Н-1” способной вывести многотонный, полезный груз на окололунную орбиту.

В обкоме партии, буквально у меня в кабинете, разбирали с руководителями завода чертежи, документацию, определяли кто, в каком виде и кому (моторному заводу или сразу в ОКБ-2) будет поставлять узлы, агрегаты и двигатели в различных вариантах сборки. Было много споров, различных мнений. В конечном итоге, в результате многочасовых бдений согласовали, одобрили в Совнархозе и приступили к подготовке производства. Волновал всех вопрос, что не было официального решения Правительства, а, следовательно, приходилось пока использовать внутренние ресурсы. Совнархоз дал добро и на это. Авторитет С.П.Королева, его заявление на этот счет сыграло решающую роль. Решение ЦК и Совмина СССР вышло, но только в 1964 году.

Работы в ОКБ Н.Д.Кузнецова было невпроворот. Вариантов проверок, наладок и испытаний двигателей он использовал массу. Требовалось большим числом испытанных двигателей уложиться в “квадрат” многих параметров, не выходя за его границы. Система испытаний была чрезвычайно строгой, любой сбой сводил на нет всю предшествующую работу. У Николая Дмитриевича не все ладилось. Устанавливаемые совместными графиками сроки доводки и запуска двигателей в серию постоянно срывались. Заводы напря-

гались до упора, начался ропот, так как они были загружены и другой важной продукцией.

Многokrатно в Куйбышев приезжал С.П.Королев вместе с руководителями ВПК, министрами, бывали М.В.Келдыш, а также ряд Главных конструкторов. Несколько раз ставилась под сомнение возможность ОКБ Н.Д.Кузнецова довести двигатели до нужных кондиций. Создавались межведомственные комиссии, которые разбирали на месте документацию, технологию производства, методику и результаты испытаний и приходили к выводу, что работу надо продолжить. Нам представлялось, что здесь имела место и конкуренция. Подталкивали всех и американцы, по имеющейся информации, опережавшие нас в темпах работы над аналогичной тематикой. Эти обстоятельства нервировали и Н.Д.Кузнецова и, особенно, С.П.Королева.

Вдобавок, готовая, прошедшая все испытания его ракета “Р-9” не была принята на вооружение. Дорогу С.П.Королеву перешел В.Н.Челомей, его вариант ракеты, изготовленной на московском заводе № 23, оказался предпочтительней. (Говорили, с подачи Сергея Хрущева, работавшего у В.Н.Челомея и докладывавшего отцу).

С.П.Королев очень тяжело переживал эту неудачу. Всё, что было сделано в Куйбышеве по ракете “Р-9”, пошло прахом. Невольно Сергей Павлович вымещал свою неудовлетворенность на наших заводах, буквально терроризировал директоров, требуя больше изделий и в кратчайшие сроки, не считаясь с другими задачами, которые решались ими.

Один характерный для того периода эпизод. Я подробно говорил об этой встрече в главе о С.П.Королеве. Напомню вкратце. В июне 1964 г. в Куйбышев прибыла комиссия во главе с Председателем Госкомитета по оборонной технике С.А.Зверевым (в который входило и ОКБ-1 С.П.Королева). В Комиссии: М.В.Келдыш, А.Д.Конопатов, ответственные работники ВПК и другие.

Я с ними. Сергей Павлович напирает на то, что заводы активно включились в работу, налицо успехи. А Сергей Алексеевич — указывает на недостатки. Отмечает, что дело движется медленно, ещё нет гарантии на успех. Приехали на Красную Глинку к Н.Д.Кузнецову. Там собрались директора заводов и состоялся заключительный разбор. Слово предоставили хозяину.

Чуть отвлекаясь от последовательности изложения, хочу сказать, что я всегда с интересом и восхищением слушал Николая Дмитриевича, когда он докладывал высоким инстанциям о работе КБ, о состоянии доводки до заданных параметров того или друго-

го типа двигателей. Объяснял просчеты, говорил о принимаемых мерах, ставил вопросы, требующие решения в правительственных органах.

Как правило, он основательно готовил различные, наглядные пособия — схемы, диаграммы, таблицы, рисунки. Все это помогало сэкономить время доклада, быстрее разобраться участникам таких совещаний в обстановке, наглядно представить, на каком этапе находится работа коллектива, что и почему мешает делу, и что, когда и кому нужно сделать, чтобы обеспечить решение основной задачи.

Говорил Николай Дмитриевич четко, без лишних слов «паразитов», выстраивая информацию логично, дополняя специфическую научно-инженерную терминологию образными сравнениями, которыми так богат русский язык. И хотя аудитория была всегда достаточно квалифицирована, знала в общих чертах и обсуждаемые проблемы, манера изложения Н.Д.Кузнецовым была доходчивее и убедительнее, усваивалась быстрее по сравнению с тем, что и как говорили другие. Он не засорял информацию псевдонаучными терминами, не тянул, не мямлил, не пытался переходить на менторский тон, точно и прямо отвечал на задаваемые вопросы. Зачастую его высказывания были и нелюбезными, резкими, но справедливыми и не обижали, не ущемляли человеческое и профессиональное достоинство того, в чей адрес такие слова были направлены.

Вот и тогда, Николай Дмитриевич, верный своим принципам, доложил все объективно: «Да, двигатели конструктивно и технологически находятся в стадии доводки. Но тенденции после проведения огневых испытаний обнадеживающие — характеристики каждого последующего двигателя все больше вписываются в “квадрат” допустимого разброса. Вопрос времени и числа испытаний, но изделий не хватает. Причина ясна — коллективы КБ и заводов работают героически, на собственный риск. До сего времени нет постановления Правительства, и, следовательно, материальных и финансовых ресурсов. Вместо этого к нам шлют комиссию за комиссией, для чего? Чтобы искать «блох» в таком важном деле, истинно они «причинили» нам немало помощи. Повторюсь, у нас сейчас одна проблема — не хватает изделий. Нужны сотни двигателей для испытаний, для набора статистики. Это не блажь, а необходимость качественной доводки машин, она подтверждается опытом всех КБ, кто работает с ЖРД. Только тогда будет гарантия надежности и безопасности полета ракеты. Вот и помогите нашим заводам — Чечене, Белослудцеву, Комиссарову, Маркину и дру-

гим, дайте им нужные права — выберите постановление Правительства».

Затем высказались члены Комиссии и консультанты из окружения С.А.Зверева, напирая на ошибки и просчеты КБ и заводов. Опираясь на эти доводы и личные впечатления, критически вел совещание С.А.Зверев. Примирительно выступил А.Д.Конопатов и М.В.Келдыш. Резко критически в адрес Госкомитета говорил В.П.Мишин. Нервно и возбужденно повел себя и Сергей Павлович. Выразив несогласие с некоторыми доводами С.А.Зверева, он основной гнев обрушил на директоров. Но те заупрямились и отказались принимать к исполнению явно завышенные цифры, и сжатые сроки поставки изделий.

Так и не договорившись, мы выехали в Куйбышев. Поздно вечером в обкоме партии, уже в суженом составе, подвели итоги. За время пути от Красной Глинки до Куйбышева все немного успокоились и выступления гостей были более примирительными. Пришлось и мне высказаться в защиту наших заводов и ОКБ-2, напомнить московским товарищам, что лишь благодаря нашей, местной инициативе, упорному, титаническому труду мы вышли сейчас, можно сказать, на завершающий этап в решении этой ответственной задачи. И не надо больше «наклонять» заводы и КБ. У них есть другие не менее важные задачи. Спокойно, уважительно, но критически высказался и А.М.Токарев.

В итоге, общее мнение сложилось такое, что в Куйбышеве развернулась огромной важности работа, технически очень сложная, прямо влияющая на престиж нашей страны в освоении космоса. Нужно сделать всё как в Куйбышеве, так и в Москве, чтобы ускорить решение этой задачи.

Куйбышевская разборка проблем “Н-1” не прошла даром. В июле состоялось заседание ВПК, затем группа Главных конструкторов, в том числе С.П.Королев и Н.Д.Кузнецов, была срочно вызвана Н.С.Хрущевым в Пицунду, где он отдыхал. Там состоялся обстоятельный разговор, и вскоре, по-моему, в августе 1964 г. вышло постановление ЦК и СМ СССР, которым были определены этапы работы над комплексом “Н-1”, определены цели — посадка космического корабля на Луне и возвращение экипажа на землю в 1967—1968 гг.

Таким образом, КБ и заводы получили необходимую финансовую и материальную поддержку. Это естественно прибавило энтузиазма в работе КБ Н.Д.Кузнецова и Куйбышевским заводам. Однако возникли и новые проблемы. После отстранения Н.С.Хрущева от власти, упразднения совнархозов и воссоздания отраслевых

министерств, отношение некоторых министров, в частности, министра авиационной промышленности П.В.Дементьева, изменилось. Хотя работа над проектом “Н-1” в Куйбышеве шла ускоренными темпами, что, например, подтверждает оценка самого С.П.Королева, который в очередной раз побывал у Н.Д.Кузнецова в марте 1965 года.

Он побывал на огневых испытаниях на Химзаводе, провел совещание в КБ, и отметил, что произошли серьёзные подвижки с отработкой двигателей. Это обрадовало Сергея Павловича, он дружески подшучивал над Николаем Дмитриевичем: “Ну, вот, а Вы всё осторожничали, сомневались. Дело идет на «форсаже», это ясно!” Да, и объективно следует сказать, что уверенность в работоспособности и надежности двигателей крепла.

Однако, усилился нажим на Н.Д.Кузнецова и со стороны родного министерства. В конце ноября в Куйбышев прилетает П.В.Дементьев. Общий разговор в обкоме и мы выезжаем к Н.Д.Кузнецову. Петр Васильевич слушает обзорную информацию Николая Дмитриевича о делах в КБ. Задает несколько вопросов, а затем в своей привычной манере, напористо, сжато формулирует задачи КБ в работе над совершенствованием имеющихся и созданием новых авиационных двигателей. Комментируя ситуацию в этом отношении в КБ, оценивает её как явно отстающую по темпам работы от установленных сроков.

Говорит о поставках двигателей на модифицированные варианты Ту-95, такие как: Ту-95РЦ, Ту-126, ТУ-142 (ПЛО). Затем на Ан-22 (двигатель модернизированный по редуктору, с большей тягой на взлете), новый двигатель НК-8 на Ил-62, а затем для ТУ-154. Впереди работа над гаммой двухконтурных, форсажных двигателей для сверхзвуковых самолетов ТУ-144 и Ту-22. Для всех нас программа, изложенная П.В.Дементьевым, явилась холодным душем. Конечно, министр не посмел ставить под сомнение тематику ЖРД, но вольно или невольно напомнил, что с ОКБ-2 никто не снимал его основного предназначения — проектировать двигатели для самолетов.

В январе 1966 года С.П.Королеву делали в ЦКБ простую операцию — вырезали полипы, но в её ходе обнаружилось более серьёзное заболевание. Хирурги пошли на радикальный вариант. И не выдержало сердце. 14 января Сергея Павловича не стало. Понятно, каким это было ударом для близких, друзей, для всей страны. Утрата С.П.Королева серьёзно сказалась и на работе по завершению начатого им большого дела — ракеты “Н-1”. Руководителем ОКБ-1 был назначен его первый заместитель — В.П.Мишин.

Я не хочу сейчас расписывать перипетии всех дальнейших событий, причин неудач при запуске первых ракет, нараставших раздоров в стане создателей “Н-1”, в чем можно было убедиться, когда в апреле 1966 года в Куйбышеве проходило представительное совещание по этому комплексу. В нем участвовали: Л.В.Смирнов, П.В.Деметьев, С.А.Афанасьев, В.П.Мишин, Н.Д.Кузнецов, Н.А.Пилюгин, В.П.Бармин и другие. На этом совещании разгорелся такой спор, так накалились страсти, когда один высокий руководитель доказывал вину в допущенных ошибках на другого, тот, в свою очередь, оправдывая себя, обвинял третьего. Все вместе навалились на В.П.Мишина, который резко и грубо навалился на директоров заводов, также присутствовавших на совещании. Досталось, естественно и Н.Д.Кузнецову. Тот не вступил в спор, но одной репликой отмел все высказанные упреки. Дело дошло до того, что П.В.Деметьев пригласил меня выйти в коридор, и взволнованно говорил: «Что происходит? Как можно так вести совещание? Допускать взаимные оскорбления. Это неприемлемо. Я уйду!» Мне удалось успокоить Петра Васильевича, мы вернулись в зал, где страсти несколько поутихли. Решили ехать в обком партии и там подвести итоги, принять решение. Вот так обстояло дело.

Работа над “Н-1” продолжалась. Ну, а затем — успех американцев, опередивших нашу страну и высадивших свой экипаж на Луне в июле 1969 г. Стало ясно, что время было упущено, в Правительстве и ЦК КПСС стал вопрос о закрытии этой программы. Все руководители министерств, ОКБ, участвовавших в работе над “Н-1”, завизировали такое постановление в 1974 г., кроме Н.Д.Кузнецова. Он не согласился с оценками, данными его двигателям, проявил принципиальность не как руководитель, а как инженер-ученый. Не выполнил указаний, сохранил законсервированные двигатели у себя на заводе. И оказался прав.

Прошло более двадцати лет и к ним проявили интерес американцы и специалисты других западных стран. В США были проведены огневые испытания этих двигателей, которые прошли блестяще. Американцы не удержались от похвал, заявив, что Н.Д.Кузнецов в свое время опередил их более чем на десять лет, что двигатели не только не устарели, но и могут конкурировать с нынешними, современными двигателями. В этом факте весь Н.Д.Кузнецов — большой ученый, талантливый конструктор, принципиальный человек.

В завершение рассказа, хотел бы сказать следующее. Н.Д.Кузнецов был человеком чрезвычайно целеустремленным, одержимым, предельно принципиальным, отдававшимся любимому делу до конца. Его интересовало и волновало все, что в той или иной сте-

пени было причастно к авиации, моторостроению, авиационной технике. Это могли быть и металлургия, и физико-химические процессы, сварка, электроника, пластмассы и т. д. И каждую «прикладную», так сказать, тему он разбирал досконально, нередко поражая собеседников своей осведомленностью.

Но будет неверным видеть в нем только высокопрофессионального специалиста. Он и человеком был удивительным. Внешне сдержанный, строгий, не расположенный к скорым контактам с малознакомыми людьми, не терпящий безответственности, болтовни и славословий, принципиальный и требовательный. Человек высочайшей внутренней самодисциплины, он был великолепным воспитателем, бережно и любовно пестовавшим молодых одаренных специалистов. И не зря в числе его заместителей, руководителей подразделений КБ и завода было много молодежи.

Огромный груз забот Генерального конструктора не мешал ему принимать активное участие в общественной жизни, будь то родной район, город, область или страна. Человек высокой нравственности, безукоризненной честности и порядочности, он снискал глубокое уважение людей. Многие годы Николай Дмитриевич избирался депутатом Верховного Совета РСФСР, был одним из заместителей Председателя Верховного Совета. В этом его качестве нам не раз приходилось встречаться в Москве, во время моей работы в Правительстве и Президиуме Верховного Совета РСФСР. Должен сказать, что это был активный и напористый депутат, наделенный тонким юмором, убедительно и образно выражавший суть проблем, которые он ставил, как правило, склонял мнение в его пользу.

Возвращаясь к нашей последней встрече в санатории «Барвиха» в мае 1995 года, могу сказать ещё, что из жизни ушел истинно русский патриот, тяжело воспринимавший весь тот беспредел, который охватил страну. Н.Д.Кузнецов физически переживал, страдал за людей, оставшихся без работ, вынужденных перебиваться временными заработками, а то и вообще влачащих нищенское существование. С болью в душе говорил о миллионах беспризорных детей, о том, что ждет молодежь впереди. Думаю, такие заботы и тревоги не могли не сказаться и на серьёзной болезни, поразившей его.

Таким и остался в моей памяти Николай Дмитриевич Кузнецов — Генеральный конструктор авиационной и ракетной техники, академик, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета РСФСР нескольких созывов, генерал-лейтенант инженерной службы.

31 июля 1995 г. процедура похорон Н.Д.Кузнецова состоялась в ЦДСА.

СОДЕРЖАНИЕ

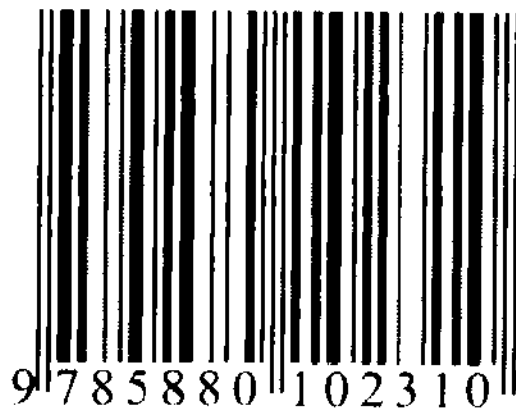
От издательства.....	4
Никита Сергеевич Хрущев.....	5
Фрол Романович Козлов.....	32
Леонид Ильич Брежнев.....	42
Алексей Николаевич Косыгин.....	74
Юрий Владимирович Андропов.....	103
Константин Устинович Черненко.....	126
Михаил Андреевич Суслов.....	153
Андрей Андреевич Громыко.....	157
Дмитрий Федорович Устинов.....	186
Николай Константинович Байбаков.....	200
Николай Васильевич Огарков.....	230
Борис Иванович Стукалин.....	241
Петр Васильевич Дементьев.....	250
Виктор Иванович Муравленко.....	287
Виктор Николаевич Поляков.....	302
Андрей Николаевич Туполев.....	316
Сергей Павлович Королев.....	322
Николай Дмитриевич Кузнецов.....	353

В. И. Воротников

Кого хранит память

Редактор А. И. Титов
Корректор Т. Н. Реброва
Компьютерная верстка,
изготовление оригинал-макета М. В. Насонов

Подписано в печать 15.06.07.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 20
Тираж 1500 экз. Заказ № 273

Издательство ИТРК
123557, Москва, Б. Тишинский пер., д. 38.
Тел./факс: 789-60-14

